О ВРЕМЕНИ, О НОРИЛЬСКЕ, О СЕБЕ...

ВОСПОМИНАНИЯ

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ

Москва
2019

УДК 82-94
ББК 84(2)
О-115

Составитель:
Г. И. Касабова

О-115. О времени, о Норильске, о себе... Книга 15 /
Ред.-сост. Г. И. Касабова. — М.: АО «Первая
Образцовая типография», 2019. — 432 с: ил.

ISBN 978-5-7164-0831-9

УДК 82-94
ББК 84(2)

*Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без ссылки на правообладателя запрещается*

ISBN 978-5-7164-0831-9
9 785716 408319 >

© Составление. Касабова Г. И., 2019

Касабова Галина Ивановна родилась в 1940 году. Окончила факультет журналистики Уральского государственного университета. Первое место работы — газета «Копейский рабочий», затем после переезда в город Баку работала в газете «На страже» Бакинского военного округа. После переезда в город Норильск с 1976 года работала в газете «Заполярная правда» города Норильска, заведующей отделом писем. Несколько лет была в зарубежной командировке в государстве Алжир. По возвращении в Норильск возглавила пресс-службу Управления МВД по городу Норильску, затем пресс-службу Норильского горно-металлургического комбината. Все годы сотрудничала с Норильским телевидением. Переехав в Москву в 1996 году создала и возглавила клуб норильского землячества столицы «69 параллель». С 2000 года издала 15 томов воспоминаний норильчан «О времени, о Норильске, о себе». Эту работу продолжает до сих пор. Лауреат Всесоюзной премии имени Марии Ульяновой за работу общественной приемной газеты «Заполярная правда». Награждена юбилейной медалью «60 лет городу Норильску». За выпуск воспоминаний норильчан разных поколений «О времени, о Норильске, о себе» награждена дипломом Союза журналистов РФ «Золотая полка российской журналистики». Имя Г.И. Касабовой занесено в справочно-энциклопедическое издание «Журналисты России XX—XI». Журналистка в третьем поколении. Отец — Егармин Иван Федорович, журналист, ветеран Великой Отечественной войны. Все годы войны работал во фронтовых газетах, войну закончил в Берлине, награжден боевыми орденами и медалями.

Более 18 лет Галина Ивановна Касабова занимается изданием воспоминаний норильчан «О времени, о Норильске, о себе». За это время вышло 14 томов, в которых вы прочитали многое об истории Норильска, Норильлага и конечно же о людях, чьи судьбы сплетены с этим городом. Этот 15-ый том приурочен к 65-летию восстания в Норильлаге в 1953 году. Участниками этих страшных событий были и Лев Нетто, и Евгений Грицяк, и Иоанна Улинаускайте-Мурейкене, и Сергей Щеглов и многие другие заключенные Норильлага. Многие не дожили до этой даты, но мы помним участников восстания и всех, кто писал об этом событии... Нина Дзюбенко — сотрудница Норильского музея, к сожалению, не дожила до выхода этого тома. Этот том посвящен ИМ... В этом — 15 томе собраны материалы, которые уже были опубликованы в предыдущих томах и новые, еще не опубликованные.

Предисловие

Уважаемые норильчане, активные писатели и читатели книг воспоминаний норильчан «О времени, о Норильске, о себе». Ваши многочисленные вопросы о том, что вы заждались 14 тома «О времени, о Норильске, о себе» обязывают меня объясниться с Вами, уважаемые читатели.

Очень подвел меня издатель, с которым мы работали немало лет: 14-ый том он так и не смог выпустить за два года, и потому я была вынуждена с ним расстаться. И вот наконец в конце 2018 года увидел свет 14 том, чему я очень рада. Этот том вышел с нашим новым издателем.

Прошло всего несколько месяцев, и вы держите в руках 15-ый том воспоминаний норильчан «О времени, о Норильске, о себе». К сожалению, он открывается очень печальной новостью.

Норильск надолго стал и для Сергея, и для Маргариты обетованным местом, где они не просто встретились, создали семью, но и расцвели как удивительно творческие люди... Их стихи и проза рождались также естественно, как просто дышат люди... Здесь возмужали их таланты, и мы еще долго будем публиковать их стихи и рассказы... Они не просто полюбили Норильск, Заполярье, они навсегда остались преданными суровому и непредсказуемому краю. Он стал для них особым местом. Судя по их творчеству, мыслями они часто возвращались в Норильск, город, непохожий ни на один город на Земле...

Сегодня мы будем прощаться с Маргаритой Боярской и Сергеем Лузаном. Оба они хорошо известны норильчанам, как люди творческие: их стихи и проза публиковались в Норильске и не только, оба дружили с городской газетой «Заполярная правда», оба были членами Союза писателей России... Вспомним их стихи и прозу... И Маргарита Боярская, и Сергей Лузан оба отличались талантами и в том, и в другом жанре. Мы еще не раз будем вспоминать их с вами, дорогие норильчане, читатели книг «О времени о Норильске,

о себе». Очень многие по-прежнему пишут и посылают мне свои воспоминания о Норильске, рассказывают о своей жизни на Крайнем Севере. Обязательно среди них вы найдете и фамилии этой семейной пары. Маргарита присылала мне норильские зарисовки, которые еще не опубликованы. Мы с ней даже мечтали, что откроем в книгах две страницы, одна — литературная, другая — детская... Не сбылось.

Г. Касабова

Памяти норильских друзей Маргариты Боярской и Сергея Лузана

Тяжело быть женой поэта. А быть женой поэта талантливого, не обласканного столичной богемой — вдвойне тяжело.

Терпения ей не занимать, профессия обязывает, педагог-логопед. Сколько нужно любви к детям и терпения, бесконечных повторов, чтобы проходя через жалобное: «Маргарита Георгиевна, я так занимался, что у меня язык вспотел».

А тут рядом человек любимый, со своей затянувшейся болезнью непризнания. Только она смогла быть рядом, и не удавить, его, пьяного, подушкой — из жалости.

Как-то, попросила она меня прочитать и оценить рассказы про «ромашковый город». Так Дудинку, по детским впечатлениям, Маргарита представляла.

«Прочитай, — говорит, — только Серёжке моему (Лузану) не говори, ругаться будет.»

Рассказы были роскошные — песня! Читались запоем. Впечатление, будто сам побывал в ромашковой Дудинке и охранял вместе с ней прибившиеся брёвна, которые девчонки-малолетки ловили на Енисее. Ясно видел обшарпанные завалинки и стоптанные валенки на ногах маленькой девочки …

Сказал на следующий день:

— Рита, что бы тебе не говорил муж-поэт, в прозе ты сильнее его, пиши. Публикуйся. Когда-нибудь люди оценят, правду читать легко.

Долго потом друг мой Серёга Лузан на меня дулся. Ворчал, «меня на бабу променял! Где мужская солидарность?»

Выпили. Забыли обиды. Приняли к сведению, что рядом с ПОЭТОМ, талант не заметили.

А потом, через время, по телефону:

— Саша, я книгу издала. Никого не просила, на свои. Приходи, возьми себе экземпляр, я подписала.

Свет их души навсегда останется с нами…

Александр Ревин

Памяти поэта Сергея Лузана

Я друга жду.
Сор выскребу в избушке,
энзэшный спирт
морошкой разведу,
сожгу мозжухи,
чай запарю в кружке,
уху сварю…
Да что там! Друга жду.

К рассвету приурочу
пробужденье.
В природе –
меди час и серебра.
Звенит листва –
готова к прохожденью
сквозь ОТК
Монетного двора…

Бежит упрямо
тень сосны по кругу,
и снова ночь
на солнечных часах.
Я друга жду.
Мы так нужны друг другу.
Но не слыхать
мотора в небесах.

На дальних тропах
покосились вехи,
озёра тундры
жёлтый лёд сковал.
Я друга жду.
Он так и не приехал.
Я друга жду…
И я затосковал.

Затосковал.
У сеток не дежурю.
Моё ружьё
Не ладится к руке.
И значит –
гуси улетят в Манчжурию
и муксуны
размножатся в реке…

Душа без друга
видеть не хотела
свет волшебства,
как видел только он,
что мир вокруг –

Сикстинская капелла,
а звёздный небосклон –
её плафон…

Леонид Виноградский

Сергей Лузан родился 14 декабря 1946 года в городе Благовещенске. Вырос в городке Мукачево на Западной Украине. Работал матросом промыслового флота на Камчатке. Учился в Москве, был членом «СМОГ» — «самого молодого общества гениев» в 60-х. В 1970 г. приехал в Норильск. Работал охотником-промысловиком на Таймыре, заведовал Красным Чумом. Исходил пешком весь Таймыр — от Ледовитого океана до эвенкийской тайги. Был проходчиком на норильских рудниках, обходчиком на газопроводе, диктором, журналистом, редактором Издательского центра. Работая на телевидении, снял несколько фильмов. С 2000 до 2005 года — председатель Таймырского регионального отделения Союза писателей. Член правления Союза российских писателей, член Союза журналистов. С. Лузан — лауреат международных журналистских конкурсов: в Болгарии и Китае. Лауреат премии «Вдохновение» города Норильска за 1996 год, литературной премии им. Огдо Аксеновой за 1997 год.

Публиковал стихи в краевой и местной печати, в ФРГ. Автор поэтических сборников: «Волчьи звезды» (1996), «Долина семи солнц» (1997), «Дикоросы» (2003), «Седина» (2006); сборника прозы «Кубок ветра» (1998). Стихи и рассказы печатались в сборниках «Встреча» (1982), «Белый олень Сэреко» (1994), «Гнездовье вьюг» (1994), «Мою весну не заметет пурга» (1995), «На поэтическом меридиане» (1998), «Стая» (2001), «Дух зимовья» (2004), «В наших северах» (2005), «Да не покинет вас любовь» (2006), в альманахах «Полярное сияние», «Аквариум», журналах «Советский воин», «Дальний восток», «Сура», «Енисей», «День и ночь», в Сибирской литературной газете, газетах «Красноярский рабочий», «Красноярский комсомолец», «Заполярная правда», «Заполярный

вестник», «Норильский строитель», «Огни Талнаха», «Беседка», «О'Кей!», «Советский Таймыр».

Очерки Сергея Лузана публиковались в сборниках «Аргиш в полвека» (1980), «Наш северный дом» (1984), «Полярные горизонты» (1990), «Стая» (2001), «Дух зимовья» (2004), «В наших северах» (2005), «Любимые стихи» (2006), альманахе «Аквариум» 2009г.

Сергей Лузан — белый волк северных гнездовий. Его стихи сплетены из охотничьих промысловых блужданий, стихии и восторга чувств настоящего человека, который идет по жизни, «качаясь в такт с поверхностью планеты». Ю.Бариев сказал: «Сергей Лузан — мой ровесник, друг и бешено талантливый человек, делающий всё в жизни со страстью...» Ушёл из жизни 25 ноября 2018 года. Покоится на Псковском кладбище.

Кубок ветра и отваги

памяти Сергея Лузана

«Был!» — это короткое слово раскатилось как выстрел по Крайнему Северу, где легендарного бродягу и поэта Сергея Лузана почти в буквальном смысле знала каждая собака. А он любил их, братьев наших меньших. «Они, — говорил Серёга, — не предают!» Кудрявый, красивый, отважный и дерзкий, иногда он из тундры прилетал со своею любимою голубоглазенькой Лайкой и вместе с нею фланировал по Норильску, подшофе заявляясь то в редакцию газеты, то на радио, то на телестудию.

И везде, где Лузан появлялся, начиналось нечто вроде некалендарного праздника — уж такой это был человек, типично русский, широкий, щедрый на поступок и на слово. У него было редкое, потрясающе редкое чувство справедливости, чести и достоинства. Из-за этого, кстати сказать, Лузан и оказался в Заполярье.

Родившийся в Благовещенске Амурской области (1946 г.), Серёга несколько лет батрачил моряком на Камчатке, на Сахалине (1968-1971 гг). Ах, какое же славное времечко было на циферблате истории — перед Лузаном нарастопаху открывали «двери» даже заграничные порты: Лиссабон и Марсель, и что там ещё, я не знаю. Серёга — романтик по натуре и поэт — был безгранично влюблён в корабли, в моря и океаны и во всё другое, что связано с нелегким делом моряка. Но пламенное чувство справедливости оказалось сильнее, и Серёга однажды взорвался на корабле — отретушировал физиономию то ли капитану, то ли боцману. Корабельная «шишка» какая-то обнаглела, пользуясь тем, что моряки всё стерпят, промолчат.

А Серёга не стерпел и потому одномахом был списан на берег. Настроение, как сам он рассказывал, было такое весёлое — хоть топись. И тут ему кто-то шепнул насчёт Заполярья и солнечно-курортного города Норильска. И Серёга, ничтоже сумняшеся, помчался туда. И без ума, без памяти влюбился в тундру, бескрайностью своею синей очень похожей на океан. И стал он охотником — первоклассным профессионалом. Правда, не сразу. Сначала он увлёкся журналистикой, где добился отличных успехов: международная премия журналистов, 1979 год, Бол-

гария, премия радиожурналистов, 1981 год, Китай. А вслед за журналистикой, где он разогрел своё перо, потекли рассказы, тоже не оставшиеся незамеченными: премия имени Огдо Аксёновой «Вдохновение», 1990 год, Норильск. И т. д., и т. п.

Оказавшись на Крайнем Севере, он пешкодралом исходил весь Таймыр — от эвенкийской тайги до побережья Ледовитого океана. Но кроме этой северной романтики он полной грудью хлебнул ещё и то, что наш брат-писатель чаще всего «стесняется» даже пригубить — он был проходчиком, едва ли не стахановцем, на кошмарных, на каторгу похожих норильских рудниках.

Человек оригинального характера и необычайного поступка, он писал характерную прозу — короткую, ёмкую, хватающую читателя за грудки или за воротник: невозможно отвлечься. Меня его проза привлекала всегда глубиной и объёмностью — на пяти-семи страницах умещалось то, что другой мог бы разлить и разбодяжить на пятидесяти страницах. Но прежде всего привлекало и удивляло то, что рассказы его не высосаны из пальца — сквозь бумагу всегда проступали своеобразные «водяные» знаки Лузана: просвечивали живые люди, имена, истинные судьбы и вполне конкретные сюжеты.

Северянин Юрий Бариев когда-то коротко и точно сказал: «Сергей Лузан — бешено талантливый человек, делающий всё в жизни со страстью…»

И жалко, очень жалко, что Лузан, как это нередко бывает среди русских художников, небрежно относился к своему таланту — рукописи, порою испятнанные винцом, нередко валялись то на подоконниках, то под столом. Глядя, как Серёга ведёт себя в жизни и в творчестве, я неоднократно убеждался: не зря и не случайно этот Лузан, когда жил и учился в Москве, был ярким представителем оригинального общества СМОГ — Самое Молодое Общество Гениев. Он, кажется, меньше всего думал о своей литературной судьбе, нежели о судьбах своих друзей-товарищей по литера-

туре. И доказательством тому — книга рассказов под названием «Стая». В 2001 году эта книга вышла при финансовой поддержке профсоюза металлургов Норильска. А если точнее — при поддержке Виктора Быстрякова, лидера профсоюзов. Лузан тогда сдружился с Быстряковым — если не наоборот, но суть не в этом. Лузан в то время имел возможность спокойненько издать свою собственную книгу — солидную, пузатую. Но в том-то и дело, что он до конца своих дней оставался человеком артельным — за литературную артель душа болела. И потому Серёга придумал сборник «Стая», куда вошли молодые тогда ещё литераторы Заполярья. Этот сборник, в общем-то, и подружил меня с Лузаном, хотя знакомы были мы давно — с середины 80-х годов, когда я впервые прилетел в Заполярье. К сборнику «Стая» написал я предисловие, потом с этой книгой мне суждено было оказаться в Норильске, там состоялась презентация и... И, в конце концов, я сам стал северянином почти на пять лет. И произошло это во многом благодаря неуемной энергии Сергея Лузана.

Матёрый тундровик, он зачастую пропадал в тундровых просторах, но всё же «в люди» выходил время от времени. И я неоднократно наблюдал, как тепло и даже почти по-родственному встречали его в самых различных кругах — среди литераторов, среди художников, среди лётчиков, рыбаков и простых сермяжных работяг. И всегда и везде он был свой, что называется, в доску. И везде — как будто дома у себя.

Вспоминаю, как мы с ним на вертолёте однажды — планировали только на денёк — забурились в такую Тмутаракань, где пришлось нам в зимовье куковать несколько суток: непогодица держала на приколе. Меня это жутко нервировало, а Серёга только усмехался. «Я умею ждать!» — сказал он. И это правда. И это, как я понимаю теперь, от крепости характера, от несуетности сердца и души.

Неординарный характер Лузана проявлялся и на «большой земле», когда, например, он заведовал Красным чумом в поселке Усть-Порт (1971-1975 гг). Или когда он работал редактором телекомпании «Но-

рильск» (1995 г.). Но всё-таки, прежде всего характер его в полный рост поднимался в тундре, в диких, порою нечеловеческих условиях Крайнего Севера. Вот картинка для примера. Зима, температура присела — ниже пятидесяти. Две тяжелых танкетки хотели через реку проскочить по льду. Одна успела, а вторая почти на середине обломилась в полынью — залегла на глубине четыре с половиной метра. Никто из людей, слава богу, не пострадал. Но танкетка, мать её! Как теперь достать? Водолазов вызывать — так это нереально. Хотя водолазу там работы на пять минут — только и нужно-то нырнуть и трос зацепить. А случилась эта закавыка неподалёку от зимовья, где Лузан в ту пору зимогорил. Мужики пришли к нему и рассказали что да как. И Серёга тогда, по привычке своей кулаком пристукнув по столу, сказал: «Короче! Наливайте водки два стакана!» Ему налили. Серёга дербалызнул, разделся до трусов, верёвкой себя опоясал, чтобы ненароком под лёд не затянуло. «В зубы» взял стальной кручёный трос и нырнул в такую кошмарную водичку, в которой даже медведь заполярный зубами застучал бы от холодрыги. И через несколько минут танкетку вытащили. И вот таких сюжетов, связанных с характером Лузана — целый воз и малая тележка. Вот такой он был отчаюга.

Рискованный характер Лузана нередко доводил его почти что до погибельного края — за ним, за охотником, даже кое-кто охотился в заполярной тундре. Его просто-напросто угрохать хотели, потому что Серёга, не разбирая чинов и регалий, довольнотаки жёстко наказывал браконьеров. И одна такая «вёселая» история чуть не закончилась выстрелом в спину Лузана. Историю эту Серёга рассказал мне в Норильске в Доме писателей — в Доме, кстати сказать, который был отвоеван у местных чиновников и широкошумно, торжественно открыт только лишь благодаря «термоядерной» энергии Лузана. (С 2000 до 2005 года он был председателем Таймырского регионального отделения Союза писателей, членом правления Союза российских писателей).

Так вот. Когда он рассказал мне, как за ним охотились по тундре, а рассказчик-то он был красноречивый, я спросил: «Так что же ты об этом не напишешь?» И Серёга, жизнерадостно сверкая глазами, как это только он умел, откровенно ответил: «Я в этой истории не смогу быть объективным. Если хочешь — я тебе дарю сюжет». И через несколько лет Серёга Лузан стал прототипом главного героя моего романа «Царь-Север». А ещё через несколько лет наступила пора нам прощаться с Заполярьем. Серёга уехал в древнерусский Изборск — это Псковская область, там у него была приготовлена «тихая пристань». Хотя и там Серёга не мог затихориться, не сидел на месте — завёл знакомство с В. Я. Курбатовым, мотался в Питер, где после Крайнего Севера поселился бывший профсоюзный лидер Виктор Быстряков, тоже человек артельный, до последнего дня постоянно державший «руку на пульсе» Лузана.

Благодаря Быстрякову два года назад до Серёги дошёл вот этот мой текст, который написал я, собираясь открыть новую рубрику под названием: «Скажи сейчас». Заметка называлась — «Символ Севера».

Для меня символ Севера — Серёга Лузан. Невозможно себе вообразить, сколько силы, огня и энергии скопилось в одном человеке — и это Серёга Лузан.

Врун, болтун и хохотун, поэт и фантазёр — всё это про него. И тут же про него: надёжность, верность, братство и обжигающее чувство справедливости. Я не видел человека, более резкого на проявление фальши. Я не видел человека, более подходящего под понятие «человек Севера». Стужа, зной — всё по боку. Это — Серёга Лузан. Это фантастическое сияние любви в его глазах, сияние, которое может обернуться вспышкой гнева, если кто-то заслужил. Но более того — сияние любви. Это — Лузан. Это редкость. Они, Лузаны, уже на Севере практически не водятся. И это грустно. Но для нас ты всегда будешь жив и будешь радовать нас своим творчеством!

Николай Гайдук

«Жизнь, рассказанная в книге»

Маргарита Боярская родилась в Енисейске, совсем крошкой, по воле судьбы была заброшена вместе с семьей в Дудинку, а затем в Норильск. Жизнь не баловала, и путь ее не был усеян розами. Но судьба ее не сломила. Хрупкая женщина с таинственным, королевским именем Маргарита (что в переводе означает жемчужина) и звучной фамилией Боярская прошла в жизни ад и рай, и в результате появилась книга трепетно названная автором по одноименному рассказу «Веры тонкая свеча».

По этой книге можно прочитать всю хронологию ее жизни. Вся боль и мудрость, душевная чистота и непреклонность читаются в каждом рассказе, каждой строчке повествований. Чутко чувствующая слово, она передает и вкус, и цвет и даже настроение не только людей, но предметов и растений. Вы, например, знаете, о чем думает морошка, растущая на болоте? Или незабудка, одинокая, в семье таких же как она цветов? Аллегории под видом ягод и цветов близки одинокости автора.

Отголосок сказок Андерсена, скажете вы, дорогой читатель, и будете неправы, потому что сказ про кисточку, мотылька или гортензию полны жизненной правды. Иносказательно Маргарита рассказывает про нас же. И жанр сказки не ограничивает авторского труда.

Пронзительно болезненны рассказы о детстве. Маленькая девочка с голубыми глазами грозящая портрету Сталина и кричащая в обиде: «Сталин, ты дурак!» Или она же, бредущая по заснеженному городу с банкой молока в руках, до крови кусающая губы, чтобы не тронуть замороженных сливок, не глотнуть капельку белой живительной влаги, потому что на всю жизнь запомнила наказ матери: «Чужого не бери». Это — ее детство.

Но и это не предел творческих возможностей этой удивительной женщины, потому что наша современница Маргарита Боярская органично вживается в быт и переживания княгини Ольги и раскольницы боярыни Морозовой. Слова сплетаются витиеватым узором легко и непринужденно. И вот уже видишь красавицу Федосею, одетую «в простую паневу, душегрейку с оторочкой из меха. Из-под плата — черные собольи брови, на платье высокая боярка. Но все это растворяется как облако. Все нутро прожигают глаза: горят как уголья — многострадальные, добрые, полные веры в людей лучистые — каждый лучик доходит до самого сердца через Веру, правоту и нужность людям. Во имя Христа — любовь необъятная...»

Маргарита живет с Богом в сердце. Как она сама говорит: «Вера, данная бабушкой и матерью, должна быть крепкой в заповеди Христа: «Прелюбите меня... как я вас...» А предать веру — значит предать предков».

Так и жила Маргарита Боярская веруя. Так и пишет. И каждый рассказ это капелька жизни писательницы. Через мироощущение автора, попробуем же и мы жить в любви и вере.

Татьяна Шайбулатова
выпускница литературного
института им. А.М. Горького

Кукольная мозаика

В представлении взрослых есть мнение, что ребёнку не нужна точность изображения. Пусть дети не умеют точно нарисовать виденное, но конкретное любят. Я помню детство. С куклами туго, но престижно иметь хорошую куклу. Кто её не имел — обходились самоделкой. Редко любили «пупсиков» — целлулоидных кукол в большинстве со сросшимися ногами — некое подобие человека, на таких нельзя надеть ни башмаков, ни трусов. Любили тряпочные самоделки с руками, ногами, с нарисованными глазами, с пышными волосами из ваты. Наряды им шили сами.

«Будет день, будет пища», — так говорила моя мать перед трудным завтра. Мечта о коллекции была завтрашней. Однажды, купив куклу, напомнившую мечту детства, стала замечать, что хочу купить ещё и ещё. Но не всегда попадались красивые куклы, а хотелось, что получше. Так появилась небольшая коллекция. Не имея достатка в детстве, жалею выброшенных кукол, мою кипятком, шью одежду, и новорожденная готова. Вспоминаю, что по дороговизне фарфоровую китайскую куклу мне так и не купили. Однажды в Ленинграде, придя к знакомым, стала свидетелем такой сценки. Дедушка семейства выбросил куклу, развалившуюся на части. Внучка, придя из школы, бросилась искать куклу по помойкам, говоря, что починит её. Но мусор увезли и долго ещё слышался плач девочки: «Зина ты моя Зина...» Больно было смотреть и на дедушку. Возможно, из девчонки выйдет хорошая мать. Ведь не зря говорят: как играешь, таким и будешь. А дети сейчас играть не умеют. Немногие мамы могут передать искусство игры с куклой. Как у Пушкина «Уроки маменьки своей» они не слышат. Разденет ребёнок куклу и забросит. А поговорить — роль мамы почувствовать и близко нет. Как же детей в роддоме бросать не будут? Всё с яйца губится.

А теперь приступлю к описанию моей непростой коллекции. Вот к примеру, Галка — покупка двадцатипятилетней давности. О ней написан рассказ, но она нисколько не зазналась. Напротив, когда появилась кукла Маринка с морскими зелёными глазами, Галка обошлась с ней ласково, не замечая её высокомерия, и Маринка сдалась — вернее подружки не найти. Подаренную немецкую Катрин-Катьку они долго не признавали, как и она их. Не подходил её импортный брючный костюм к милым кружевным русским платьям. Не хотела иностранка и русский язык учить. Она приехала в большой коробке из Германии и думала, что она умнее всех. Но голод не тётка, и если иностранка просила «зуб» вместо супа, девчонки, похихикав, добродушно показывали ей зубы, а потом всё-таки кормили её. В общем-то она оказалась хорошей девчонкой и прекрасной рассказчицей сказок Гофмана. Рыжекудрая Ирка с синими глазами может обвинить кого угодно, сама, оставшись правой. Фантазёрка, она, проспавшись, не знает, что приснилось, где выдумка, где правда. Рыжекудрая Атэ — её тайная кличка. Но Ирка этого не знает, иначе её маленькое сердце разорвалось бы от обиды. Её не надо свергать с полки, как Атэ с Олимпа. Машенька пришла с улицы. Девочка, бросившая её, отличалась плохим поведением. Как брошенное дитя сидела кукла на подоконнике в подъезде. Теперь она принцесса с большим бантом в отмытых волосах. Для неё аксиома: всё познаётся в сравнении. Лариска — вольная, как ветер. Любит свободу. Чайка. Её всё равно унесёт куда... Воля крыла сильнее её, и тоску её никому объяснить невозможно. Золушка и Варвара подружились на полке. Нет бабушки и Варвара-краса длинная коса заменяет её — прыгает с полки, чтобы познать мир. Маленький Андрюша дружит с мамой Наташей. Есть ещё Федя-турист, мечтающий хоть разок пройти по тундре с мужем хозяйки. ФЕДЯ-РАСТРЁПА, ПОТЕРЯЛ РЮКЗАК

И ТОПОР. Такие эти мечтатели! И может девчоночье презрение теперь в будущем обернётся тоской неразделённой любви, когда женщина не помнит себя во имя бесшабашной и бурной его жизни — только быть бы рядом.

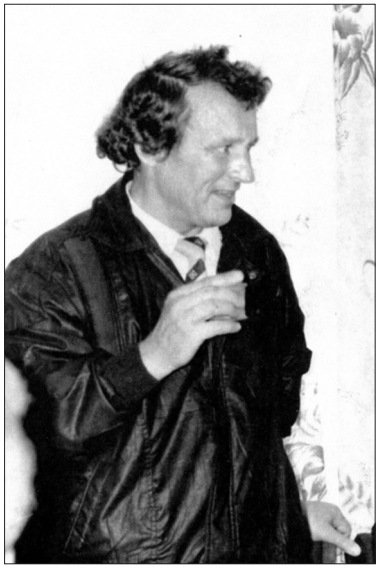
Маргарита Боярская

Девиз жизни Сергей Лузан оставил нам такой:
«Норильск, как символ Доброты
пророс из вечной мерзлоты...»

Две матери

Посвящается мужу и поэту Сергею Лузану

Старая слива, поскрипывая от осеннего ветра, теряла листья. Собраны последние плоды — пора отдыхать. Теперь есть время для раздумий и грусти. Кажется, недавно она качала на своих ветвях этого несносного мальчишку. Он смеялся и ел ее сочные сливы, измазав рот и щеки сладким соком. Втягивая мякоть плода, как ребенок сосет сосок матери, шумно, захлебываясь, сплевывая косточки, он, сидя на ветке, почти неразличимый от плоти дерева-матери, обнимал ее как живую, весело болтая ногами. Спелые сливы раздували щеки малыша до размера персиков, и это невинное занятие роднило кудрявого мальчишку, спрятавшегося в листве с шаловливым ветром и матерью-деревом. Иногда оно по-матерински хлестало веткой-рукой вертлявого мальчишку, но опомнившись, снова оделяло сорванца сладкими плодами. А он спокойно принимал и ласку, и сердитость, как от родной матушки. И она полюбила названного сыночка, как родное дитя. Но ветер времени умчал непоседу, как и ее перекатывающиеся плоды вместе с опавшими листьями в неведомое, непонятное и не дающее ответа пространство. Остались пустота и даже прежняя ревность к настоящей женщине-матери, теперь уже старой с опущенны-

ми родинками сосков в высохших грудях. Это не вызывало дух соревнования. Это она, уже седая, вскормила под тенистыми ветвями этого непокорного мальчишку. Он как будто выплюнул упругую косточку, и грудь потеряла форму. А живительная белая влага, стекавшая в пухлые детские губы, день ото дня укрепляла плоть ребенка. Ручонки лепили спелые персики из груди матери, выдавливая сок жизни, а насытившись, он смеялся также, когда прикладывался к сливовым соскам дерева-матери. Слива-мать любила и скучала о сынишке вместе с этой старой женщиной, отдыхавшей на скамейке под ее тенистыми ветвями. Но не знала мать единородного сына, что доверяет он больше матери-сливе. По вечерам подраставший мальчик любил слушать шепот листьев, и она понимала его устремленный взгляд вдаль и умела хранить тайну.

Названный сынок превращался в юношу. Однажды в светлую лунную ночь он привел под сень любимой сливы девушку с огромными синими глазами, под стать ее плодам. Мать-дерево укрыло их от посторонних глаз. Единственная свидетельница — она видела, как он втягивает щеки, наслаждаясь игрой вишневых сосков... Они то появлялись, то исчезали в таких знакомых пухлых губах. Казалось, что вот сейчас из персиковой натянутой груди выскочит косточка. «Это я научила его любить» — радовалась слива. Втайне от родной матери лунными ночами, отбрасывая большую тень, покрывала она пылкую страсть влюблен-

ных. Но что-то стало тревожить сливу-мать. Искры глаз ее любимого мальчика не вызывали ответного огня синеглазой красавицы... Слива-мать поняла это раньше, чем в неверной деве кончилось игристое вино. «Я не твоя», — прошептала красавица. Но призванный на помощь ветер, пожалев юношу, отнес ее слова в сторону. Пылкий любовник, ослепленный синевой глаз, не услышал тяжелого признания, опьяненный желанием любить... Но усилием воли слива-мать воспротивилась ветру, зашелестела листьями: «услышь, сынок, услышь...» А он, еще пылкий так и не услышал сливу. Ветер завершил работу старой сливы. Но ни ветер, ни старое дерево не знали, что пыльные и дальние дороги странствий превратили шепот листьев и свист ветра в волнующие поэтические слова, а старая женщина будет читать их на скамейке под сливой, щедро осыпающей ее плодами, может, в последний раз... А те слова приобрели плоть, имея смысл и власть над людьми. И поэт, испытавший путь познания и благословения Бога, не жаловался на судьбу. Она помогала ему выживать и когда он замерзал в тундре, и когда тонул в Тихом океане и чудом был спасен. Друг-ветер закалил и приносил приветы от двух матерей. Изредка он вспоминал их. Обе хотели ему добра, но они не понимали, что музыка ветра уже не для него. Мощный ураган ему по силе, но им уже не дано было понять житейской мудрости поэта. Долгие странствия привели его старуху-мать. После долгих объятий пошел поэт-бродяга попрощаться со старой сливой. Обрадовано зашелестели листья: «Мальчик мой! Я узнала тебя по твоим глазам-искрам, с вечным удивлением во взгляде, как в детстве, с бесконечным вопросом и ответом, который познаешь сам. Это я научила тебя любви.» «Нет, я сам научился любить и прощать других, но не себя. Спасибо тебе старая слива. Дороги мои неисповедимы». И дерево осыпало его спелыми плодами... Это все, что смогло оно сделать для своего любимого мальчика.

Маргарита Боярская

Хитрый Евгений

Это то же самое, что и мудрый, но прищур чёрных глаз взирал на девичью ораву с доброй насмешливостью, в которую мы были влюблены. В то время мы, конечно, были модными шляпами без головы. А молодой хирург с улыбкой вплывал в аудиторию в своём неизменном зелёном костюме. И невдомёк нам было, что в единственном.

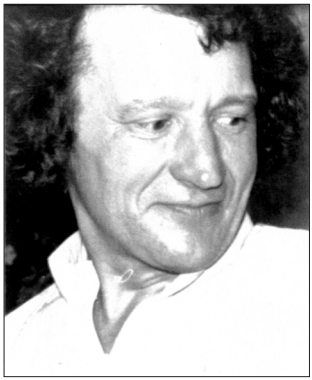
Двойки Евгений Арсентьевич (Климов) ставил неохотно, будто себе. В следующий раз он обязательно спрашивал двоечницу, и, зная эту милую привычку, мы учили уже «назубок».

Ходил Евген (так мы его называли) между рядами сидящих студентов, заглядывая в конспекты, проверял, успеваем ли записывать, по обстановке повторял сказанное.

Иногда останавливался возле кого-нибудь, и тогда от него исходило необъяснимое тепло доброты. Мы все были влюблены в него, но, как все молодые, только до порога: с глаз долой из сердца вон. На молодёжных вечерах мальчики кружили нам головы, дурман молодости вспенивал кровь, и, забывая всё на свете, сердце выстукивало: «Имя твоё повторяю я, мучаясь и любя».

Не хватало переменок между лекциями, чтобы поделиться секретами, и прихватывали минутки во время уроков при ответах студентов, так как при конспектировании новой темы было не до того. Евгений хитро щурил глаза на шепчущихся и, когда он начинал улыбаться, продолжая щуриться, становилось стыдно, и мы прекращали свои излияния.

Замечаний Евгений не делал. Это был отменный педагог. Помню, уехал как-то наш учитель куда-то на месяц и курс хирургии пришёл преподавать его коллега из параллельной группы. С первых занятий обозвал нас «климовцами» и незнайками, сказал, что кохер путаем с плоскозубцами, не знаем дисмургии (искусство наложения повязок) как лапти плетём.

Двойки летели в журнал, а он с улыбкой, обнажая мелкие зубы и красные дёсны, ставил «неуды». Чем лучше мы учили, тем злее становился этот горе-неудачник. Мы отказывались отвечать.

Наконец, пришёл наш Евгений и не в своём зелёном костюме, а в новом, и мы невольно зааплодировали, не сговариваясь. Время было тяжёлое: семья, зарплата не такая уж большая — не до костюмов. Наш учитель смутился, поднял руку.

Овации стихли.

Мы сели, но тишина была опасной. Когда оскорбляют много девушек и бомбы мало. Как родному отцу, мы жаловались все враз, выкрикивая свои обиды. Евгений хитро щурился на наши реплики и, наконец, поднял руку. Мы замолчали, думая, что сейчас он поддержит нас и похвалит за такую любовь к нему. Но улыбающийся Женечка, став серьёзным, начал втолковывать нам, будущим специалистам, о коллегиальности в коллективе так просто, доходчиво, человечно. Вот это достойный поединок! Он стоял перед нами в новом костюме и мы по-новому смотрели на него: ещё одна грань открылась нам. Может в душе кипит, а он спокойно улыбается с хитрым прищуром глаз: ни одного плохого слова о коллеге! Вот это интеллигентность!

Учить мы стали хирургию ещё лучше: не бойся, учитель, не подкачаем. И до сих пор вклиниваются в речь медицинские термины. Вместо «урчит в животе» скажешь — «перистальтика» и не замечаешь, что не всем это понятно.

«Петрушка» — так мы прозвали коллегу Евгения, являлся к нам с порога, волоча ногу или махая болтающейся рукой. Подходя к кому-нибудь из студентов, сходу предлагал поставить диагноз. Если «мямлили»-неуд. В следующий раз жди нового спек-

такля. В педагогике у каждого своё кредо и любовь только к своим студентам…

Наш Евгений хорошо рисовал. Как живые, мелькали ножки балерин с обозначенными суставами. Скульптурные головки соревновались красотой то плечиком с ключицей, то кистями с отточенными пальцами. И всё это виртуозно, по ходу объяснения. Маг действовал обычным мелом и невидимой ниткой полуоткрывал наши рты. Пальцы, сжимавшие ручку, застывали над конспектами, а Женя-художник, склонив голову, смотрел на рисунки как скульптор на свою Галатею.

Втайне, наверное, Женя-хирург спорил с Женей-художником, потому что к врачеванию он относился как к искусству. Разве не дар Божий удалить приобретённый дефект или восполнить недоданное природой?

Евгений не тряс перед нами пустым рукавом, а учил кратко собирать анамнезы (морби и витэ-болезни и жизни), а затем уж ставить приговор человеку по симптомам. Перекрёстные вопросы учили краткости записей, иначе пациент уведёт в такие дебри, откуда выбраться на вершину диагноза трудно.

Наш любимый хирург стал нам учителем и по жизни: уметь заменить гнев шуткой, не иметь права на ошибки в диагнозе, уважать больного…

И главная заповедь Христа: « Возлюбите Меня, как я вас…» — завет, оставленный на все времена…

Маргарита Боярская

Евгений мудрый

Евгений Борисович Пясецкий работал замом главврача Коган Ревекки Борисовны. Входил в аудиторию медучилища всегда неслышно. Невысокий, сероглазый, с короткой стрижкой, спокойно и приветливо смотрел он на девичью ораву. Никогда не ставил двоек, а заставлял отрабатывать невыученное.

Мы приходили к нему в роддом сдавать «неуды». Выходил он усталый. Выслушивал, поправлял ответы. И стыдно нам стало отрывать человека от любимого дела. Без всякой особой педагогики приучил он нас заниматься дома и как положено отвечать в аудитории, а не в роддоме. Тайно мы называли его просто Женей. Он жил акушерством. Поговаривали, что мать Жени умерла от родов, и тётя воспитала своего единственного племянника. И ещё узнали, что им была дана клятва — спасать женщин от смерти, облегчать роды — и дитё должно жить.

Учебные занятия проходили в аудитории. Евгений буквально колдовал над фантомом женщины. Он даже не понимал, что искусство врачевания во имя спасения перевоплощало его в артиста.

Розовая тряпичная кукла с длинной пуповиной и стреловидным швом на черепе беспомощно свешивала голову. Но в руках Жени она ловко проходила через фантом розового нутра родовых путей. Нам казалось, что женщина кричит.

Вдох-выдох, задержка дыхания, положения. позиции и поворот на ножку, прорезывание головки ребёнка. «Ах, ножками идёт! Быстро-быстро свой палец в рот ребёнку — роды по Цовьянову — головка скользит наименьшим размером.» Из-под очков Жени — капельки пота…

А вот другой случай. Возможны осложнения. Что нужно матери? А уже прорезывается плечо! — «О! О! Скорей — заём тканей!», — стонем мы. — «Поздно», — отвечает Женя и уже держит подмышки куклу, которая спирально вывёртывается в руки Жени. — «И вот, наконец, у нас родился ребёночек», — объявляет он. Мы дружно, облегчённо издаем вздох. Ну и Женя! Сорок пять минут принимал роды и так всё понятно, а в учебнике одни заморочки, хоть и с рисунками, а позиций, положений — запутаешься.

Не было одинаковых учебных родов. Женя колдовал возле фантома, осложняя роды, вмешиваясь, одновременно спрашивая, поправлял нас и вёл «ребёнка» из тёплого нутра матери. И вот настоящая

практика. Наяву кричащие женщины. Их три. Какие они разные! Одна стонет и вспоминает мамочку. Другая кричит, проклиная всё и даже мужа. Третья извивается и кажется, что задыхается. К ней и направляется наш Женя. Это уже не фантом, надо держать себя в «руках». — «Ну», — строго говорит мне Женя, — «Что будете делать? — Заём тканей», — испуганно отвечаю. – «Делайте!»

Серые глаза — то на меня, то на роженицу, а его руки рядом с моими... - «И уже не так страшно! Боже, Боже — сейчас родится! — Мальчик!» — объявляет доктор. Хочется назвать их обоих Женечками. Смотрю на роженицу. Счастливая мать отдыхает. Вспоминаю свою мать: неужели вот так, в муках, нас четверых... И комок подкатывает к горлу: прости, прости, родная, за всё, что причинила, вольно или невольно. Но всё наоборот: это она нас прощает и не помнит обид, и всё идёт в круговерти, повторяясь в детях. Смотрю на Женю. Интересно, если бы не клятва, кем он мог быть? Может, скрипачом? Тонкие, длинные пальцы... К чему это я? Он и так скрипач, потому что нет тоньше женской натуры, которую наш Женя понимал, и первый крик ребёнка был самой завораживающей мелодией...

После положенных процедур, уже завёрнутого, несут матери. Ноги женщины ещё мелко дрожат, но она уже любит малыша. — Приходите за девочкой, — говорит акушерка. — нет... нет... никогда, — отвечает женщина, облизывая сухие губы.

— Всё забудется, — успокаивает акушерка. А ведь и правда — всё забывается: боль и страх... Не забываются только любимые учителя, хотя у меня уже другая специальность — логопед, но будет ли существовать

моя профессия, если исчезнут люди, принимающие добрым сердцем и умелыми руками рождающихся крикунов, которых надо научить говорить.

Маргарита Боярская

Каждому свое

Среди листьев розы появился маленький зародыш, почти незаметный. Ещё несколько дней — и его можно будет назвать бутончиком, а затем розовые игривые лепестки маняще высовываются из зелёных пелёнок. Ещё чуть подождать, и бутончик, распахнув первородное одеяльце, являет себя миру:

— «Любуйтесь, я царица цветов! Я молода, красива!» — Вызывающе кивает цветок старому Лимону и Герани.

— Очень уж ты непочтительна — говорит ей старый Лимон. А Герань добавляет:

— Поскромней бы надо…

— Ах! Герань — Гера — геронтология — наука о старости, так скучно…

— Герань — Гера — жена Зевса, а значит, вечно мудрая и учит жить таких, как ты. А, впрочем, живи, как знаешь…

Лилия раскачивала белокурой головой, а жёлтые глаза с жёлтыми ресницами кокетливо расширялись: «Ли — ли — дон, до – ли — ли…» Она расточала тонкий аромат и, не замечая ничего вокруг, поддерживала Розу: «Я за чистую любовь…» Фиалки молчали, стыдливо опустив головки. Глоксиния завидовала Розе. Она считала себя самой красивой на этом подоконнике. У неё было много сестёр — Глоксиний, одна другой краше, и каждая считала себя единственной красавицей. Северное солнце ласкало их, и каждый лучик был связан с ними узами брака до скончания лета.

А Роза принимала горячие солнечные лучи как должное, не разбирая их по теплу сердца к ней. И сгорела. Однажды утром она осыпалась, и на месте

цветка остался бугорок. Глоксинии сочувственно качали головами. Лимон и старая Герань жалели Розу. Скромная Фиалка тихо проговорила: «Я бы хотела прожить жизнь, как Роза, но не умею…»

Маргарита Боярская

Одна звезда сияет для меня

Вокруг костра блуждают тени лиственниц,
И оседает на багульник снег.
В тумане тихо словно перед выстрелом.
Видать, пора о пламени запеть.
Лед на губах. Не видется. Не помнится.
Одна звезда, горючая звезда.
Как выстрелом, сиянием заполнила
Все, от бескрайних далей до меня.
ОДНА ЗВЕЗДА СИЯЕТ ДЛЯ МЕНЯ…

Сергей Лузан
Таймыр, 1990 год.

Может быть, когда-нибудь устану
Я бродить по берегу реки.
Там меня всегда встречала мама
И шептала: «Господи прости!»
Пусть прощает, я остался тем же
Лезвием, как берегом, храним.
Только ветер, встречный ветер свежий
Другом был надежным, и одним…
Проходные лестницы мгновений
И перила теплые, как грудь.
Девочек блуждающие тени
Мне мешали в звезды заглянуть.
Седина в зрачках и над зрачками,
Пальцы узнают свое перо.
Ты иди и не споткнись о камень.
Это сердце, может быть, мое.
Вечереет. Туманы с Тайменной
По скалистым террастам идут.
Белый

С розовым привкусом
День мой
Завершил свой загадочный путь.
И шуршит где-то там,
Под сугробом
И опять замирает вода
В тишине этой.
Слово «Свобода»
Превращается в слово «Судьба».

Сергей Лузан
Таймыр, 1992 год.

Послесловие.

В 2015 году с Псковщины Сергей Лузан прислал мне свою книгу. Она называется «Орион». Он подписал ее мне так: «Интеллект, Поиск, Честь и Свобода». Я подумала, что он, предчувствуя беду, передал мне свой девиз, как эстафету.

Г. Касабова

Нина Дзюбенко,
историк, журналист,
исследователь событий восстания
в Норильлаге в 1953 году.

Нина Дзюбенко:

«Соловки — Alma mater ГУЛАГа»

Нина Дзюбенко:
«Чахвадзе, ссылаясь на слова конвоиров,
называет число 3800 этапированных
из Соловков в Норильск»

Больше всего песен о лагерях времен раннего социализма народ сочинил о Соловках и Магадане. Это были лагеря самые известные своей совершенной жутью, что принес новый строй народу, освобожденному от собственности, от элементарных условий для мало-мальского существования, от морали, религии и т.д. А между западным СТОНом (Соловецкая тюрьма особого назначения) и восточным Дальлагом — широка страна наша родная, объятая ужасом государственного бандитизма и обнесенная «колючей» проволокой… Соловки — первенец отечественной концлагерной системы. Располагался он на группе островов в Белом море, при входе в Онежскую губу: Соловецкий, Анзерский, Б. и М. Муксалма, Б. и М. Заяцкие. К Соловецкому лагерю принадлежал также остров Попов. С XV века здесь действовал православный монастырь, закрытый в 1918 году.

В 1923 году в стране для победившего пролетариата и примкнувшего к нему крестьянства, и не только для них, уже насчитывалось около семисот исправительных учреждений: исправдома, домзаки, тюрьмы, сельхозпоселения и концлагеря. В них содержались десятки тысяч человек — явные и потенциальные враги власти рабочих и крестьян.

В том же году произошло дальнейшее усиление репрессий. Понадобились новые места для содержания заключенных, ибо из уже имеющихся происходили массовые побеги — система находилась в стадии становления. Этим качественно новым образованием стал Соловецкий лагерь особого назначения — так называемый СЛОН (одна из книг о Соловках Ю.А.Бродского так и называлась: «Красный

СЛОН на Белом море»). В 1922 году острова вместе с монастырем были переданы ГПУ для размещения там заключенных из «праконцлагерей» в Холмогорах, Пертоминске.

За время существования Соловецкий лагерь пережил несколько реорганизаций, и каждая приносила только усиление режима: хребет ГУЛАГа от времени только костенел. Первоначально это был политизолятор для членов оппозиционных партий, затем концлагерь для уголовников (их численность колебалась около 20%) и политических и наконец — тюрьма особого назначения. И если заключение партийцев носило превентивный характер, то в концлагере утвердилась идея принудительного труда. Тюрьма же прямо была ориентирована на уничтожение людей.

Постановление СНК СССР об организации Соловецкого лагеря принудительных работ было принято 13 октября 1923 года за подписью зам. Председателя СНК Рыкова (История сталинского ГУЛАГа. М., 2004. Т.2. С.581). Как известно, Рыков через несколько лет станет жертвой репрессий, которые сам же и санкционировал.

Отличительными чертами СЛОНа были полная изоляция от вольного населения, чего легко можно было добиться на островах, расположенных в замерзающем море, затруднительность побегов — не было ни одного удачного, принудительный двенадцатичасовой труд, нормированное питание, армейская организация.

Со времен ленинской резолюции «О единстве партии» (1921 г.) известно, что однопартийная система в стране сложилась «исторически». Тогда за фракционность в партии следовало безусловное и немедленное исключение из ее монолитных рядов. Позже и из жизни. Как однажды сказал Бухарин, у нас действительно однопартийная система: одна партия у власти, другая — в тюрьме. Через два года,

в 1923 году, представителей всех дореволюционных политических партий привезли на Соловки: в политическом споре стал применяться географический аргумент, по определению писателя и многолетнего узника Юрия Домбровского.

И если на воротах Бухенвальда была надпись: «Каждому свое», то на воротах СЛОНа было написано: «Железной рукой загоним человечество к счастью». Очевидно, что цинизма и откровенного надругательства над исконным правом человека на свободу в нашем лозунге гораздо больше.

Лагерные решетки на окнах Троицкого скита

Монастырские валунные постройки на острове довольно хорошо сохранились, — видно, монахи «сдавали их приемной комиссии» не в конце квартала. В царстве тишины и покоя ничего не напоминает о временах соловецкой власти. В те годы, как вспоминали очевидцы, на главном куполе Кремля место креста занимала железная пятиконечная звезда как символ несвободы. Теперь ее можно увидеть в музее,

материалы экспозиции которого показывают, что советская репрессивная система сложилась задолго до Сталина. При нем же она достигла своего классического совершенства, и только. Но общим местом в современной публицистике до сих пор являются «сталинские репрессии». Термин необходимо заменить на «советские репрессии».

Лагерь менял свое название, принадлежность, управление, но скоро по местам заключения пошли слухи о нем как об учреждении с наиболее жестоким режимом.

Вот что пишет Жак Росси, автор «Справочника по ГУЛАГу»: «Нормальными явлениями были:

а) избиение, иногда до смерти, часто без повода;

б) морение голодом и холодом, иногда до смерти;

в) индивидуальное и групповое изнасилование заключенных женщин;

г) выставление на комарики летом, а зимою — обливание водой под открытым небом;

д) забивание насмерть пойманных беглецов, причем изуродованное тело бросали на несколько дней у ворот лагеря (это стало общесоветской практикой» («Справочник...», с.370).

Кроме того, заключенных заставляли переносить воду из одной проруби в другую, снег с одного места на другое, то есть и сам труд, и сама жизнь лишались всякого смысла.

Безудержному произволу соловецкого начальства способствовали периодические расстрелы (так называемые разгрузки) заключенных по заданиям из Москвы. В 1937-1938 годах то же происходило и в Норильске. Центральным штрафным изолятором Соловков была Секирка или Секир-гора. Ее высота 85 метров. Подняться можно было по тремстам ступеням. Одним из специфических соловецких зверств было сбрасывание заключенного в мешке со ступенек. Жак Росси писал: «В 50-х гг. в Восточной Сибири автору довелось услышать песню о том, что

«на восьмой версте Секир-гора, а под горою мертвые тела. Ветер там один гуляет. Мать родная не узнает, где сынок схороненный лежит» («Справочник...», с.353).

Вот цитата из документа, помещенного в четвертом томе книги «История сталинского ГУЛАГа» на с.143: «Особыми зверствами на о.Революции отличался командир 5-й карантинной роты заключенный Курилко, печальная слава о котором проникла даже в украинские ДОПРы; его наиболее изощренные художества были: заставлял заключенных испражняться друг другу в рот, учредил специальную «кабинку» для избиений, ставил голыми на снег («стойка), принуждал прыгать зимой в залив и пр. Лишь в несколько более легкой форме проявили себя другие администраторы».

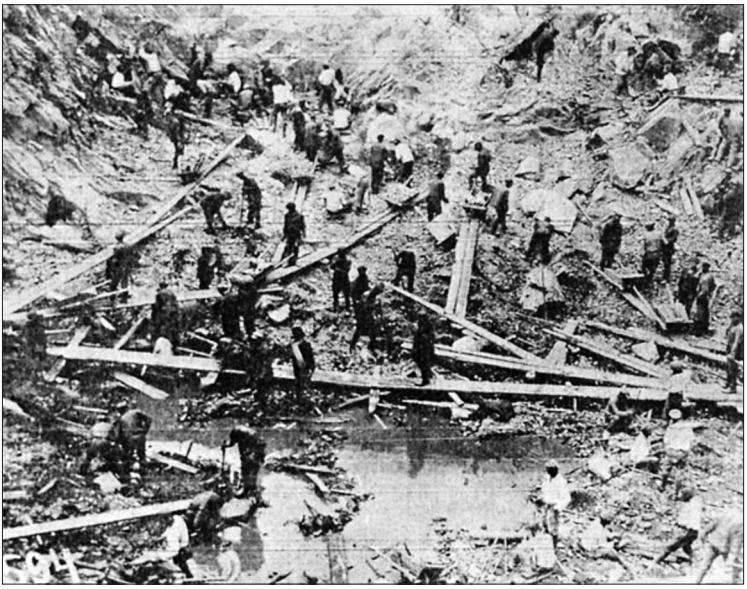
В таких условиях жизнь казалась излишней роскошью. Преступления Курилко завершились его наказанием. Он был работником Оренбургского ГПУ, осужден на 5 лет и попал на Соловки. В лагере он стал самоохранником. Летом 1930 года по решению особой комиссии ОГПУ 12 обвиняемых персонала лагеря, в том числе и Курилко, были расстреляны. Из песни слов не выкинешь. Именно Курилко принадлежит фраза: «Здесь вам власть не советская, а соловецкая».

Хотя и делалось все это не по указке ОГПУ, но все же служило преследуемой им цели: психически сломить заключенных, чтобы превратить их в безвольную, покорную массу «человеческого материала».

Соловки — важнейшая веха на пути к созданию подлинно советского метода строительства светлого будущего принудительным трудом. 15 лет соловецких опытов на сотнях тысяч заключенных вконец убедили ленинское руководство, что в специфических советских условиях подневольный труд целесообразен. Что удивительно многого можно достичь

крохотными прибавлениями к голодному пайку (изобретение Н.Френкеля). Соловецкие опыты показали, что стукачество — самое верное и безотказное средство разрушения самообороны угнетенных и эксплуатируемых, что их беспомощность успешно усиливается систематическим игнорированием их жалоб.

Опыт, приобретенный ОГПУ на Соловках, был использован не только в последующем лагерном строительстве, но и с успехом применялся к основной массе советских граждан. В то же время некоторые методы самообороны соловецких заключенных бесповоротно утвердились в советском быту, например туфта.

Работа в котловане шлюза № 11. 1932 г.

В 1930 году Соловецкий лагерь был реорганизован в 11-е отделение Беломорско-Балтийского лагеря ОГПУ. Начали рыть канал. Это было еще одно бес-

Детский труд на канале (№ 182. 1933 г.)

человечное надругательство над людьми и здравым смыслом: ведь его построили сталинскими темпами без цемента и металла, без техники за 20 месяцев и 10 дней. От этого эксперимента остался безудержный энтузиазм, поговорка «Без туфты и аммонала не построили б канала» (даже вождь, осмотрев новостройку имени себя, недовольно буркнул: «Мелко и неказисто»). Пьеса Погодина «Аристократы» про перековку уголовников в самоотверженных борцов за правое дело много лет гуляла по театрам страны. Даже я в молодом возрасте сподобилась посмотреть этот спектакль про воровских оборотней. Да и сам термин «Зэ Ка» оттуда же и первоначально расшифровывался как «заключенные каналоармейцы». Народу об этом строительстве до конца XX века напоминали папиросы «Беломор».

Когда канал вступил в строй, то в ноябре 1933 года на базе Соловецкого лагеря было создано 8-е Соловецкое специальное (штрафное) отделение Беломорско-Балтийского комбината ОГПУ—НКВД.

Приказом НКВД от 28 ноября 1936 года 8-е Соловецкое специальное отделение ББК было передано

10-му отделу ГУГБ (Главное управление госбезопасности) НКВД и реорганизовано в Соловецкую тюрьму особого назначения (СТОН) ГУГБ.

В ней содержались социально опасные преступники, а также осужденные, нарушавшие режим, трудовую дисциплину, совершавшие побеги. В основном это были те, которые, как пелось в известной песне про товарища Сталина, «оказались ни при чем».

Для них установили особо строгие условия содержания:

- камеры запирались на замок и находились под стражей;
- все выводы осужденных из камер осуществлялись под охраной;
- на внешние работы осужденные не выводились;
- свидания и передачи разрешались один раз в месяц, переписка — два раза в месяц;
- прогулка совершалась ежедневно в пределах одного часа.

На 1 марта 1939 года в СТОН содержалось 1688 заключенных, а на 1 августа того же года — 2512.

За время существования Соловецкой тюрьмы в ней неоднократно производились расстрелы больших партий заключенных. В 1937-1938 годах было расстреляно 1818 заключенных.

Приказом НКВД СССР от 2 февраля 1939 года и Постановлением СНК СССР от 1 декабря 1939 года СТОН был закрыт.

По ходатайству Наркомата ВМФ территория Соловецких островов, строения и подсобное хозяйство были переданы Северному флоту. Именно там во время ВОВ была Школа юнг ВМФ. Очень популярный писатель В.С.Пикуль был учеником этой школы. В своей автобиографической повести «Мальчики с бантиками» он рассказывает о жизни обитателей Соловецких островов в стенах Школы юнг. Вот цитата из этого произведения:

«— Скажите, что означает эта надпись: «С.Л.О.Н.»?

Щедровский обернулся к фасаду мрачного здания.

— Ах, эта, — засмеялся он. — Она расшифровывается очень просто: «Соловецкий лагерь особого назначения». Здесь, товарищи, когда вас еще на свете не было, размещалась знаменитая тюрьма. В ней сидели бандиты-убийцы, взломщики-рецидивисты и мастера по ограблению банков. Их давно уже здесь нет, тюрьма в Савватьеве ликвидирована еще в двадцать восьмом году...».

Может быть, и не стоило приводить слова персонажа этой книги, если бы они не совпадали с мнением большинства наших современников, не обремененных знанием подлинной истории Отечества нашего свободного.

Стон

Тема Соловков необъятна. Это повествование будет касаться только тюремного периода, который просуществовал два года. Летом 1937 года соловецких заключенных выгнали из бараков, построили, и двое приехавших военных зачитали распоряжение об усилении режима. Переписка прекращалась до особого распоряжения (раньше можно было получать одно письмо в месяц).

Лагерь переводился на тюремный режим. Заключенных переодели в особую, соловецкую форму. На окнах бараков, даже в санчасти, устанавливали «намордники». В кремле возводились высокие заборы с рядами колючей проволоки.

Свежее пополнение соловчан и будущих норильчан: М.П.Рубеко, А.П.Бабушкина, А.Герцулина, ослабевших в тюрьме и на этапах, — принял

Строительство Соловецкой железной дороги. 1928 г.

на станции Кемь конвой из четырех человек. Один из конвоиров шагал впереди с револьвером, остальные шли с саблями наголо. В таком живописном составе они дошли от железнодорожного вокзала до пристани, зэков затолкали в баржу, где было тепло и сухо, привезли на Соловки, а потом развели по разным камерам.

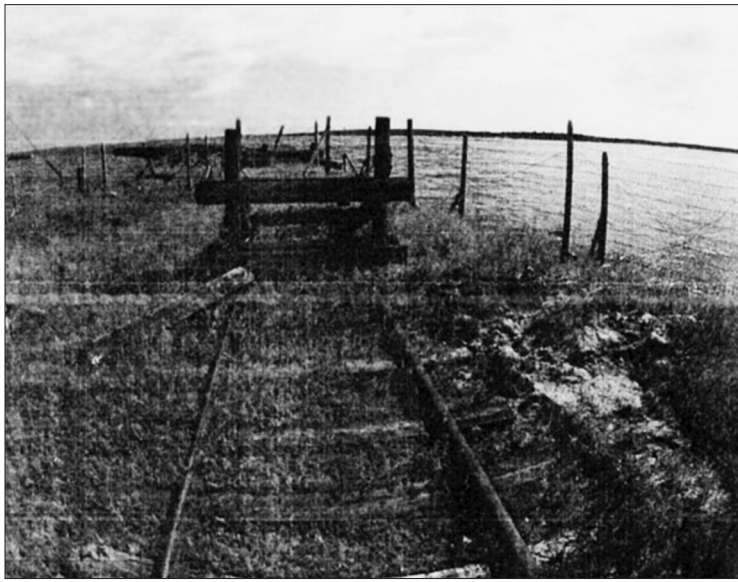
Из воспоминаний А.Баева, опубликованных Ю.Бродским:

«Тюрьма была новым этапом во всей политике репрессий. Лагерь был еще сравнительно либеральным местом. Тюрьма была ужесточением этого места.

Для меня самыми трудными из 13 лет заключения были годы пребывания в Соловецкой тюрьме.

Большую часть своего соловецкого сидения я провел в одном из келейных корпусов возле Спасо-Преображенского собора, в камере № 79.

Одним из моих сокамерников был молодой человек со Сталинградского тракторного завода. Фамилию не помню. Его обвиняли вместе с другими работниками завода в участии в фашистской организации. Дело в том, что на сталинградском заводе когда-то работали немцы, и ОГПУ считало, что во-

Соловки. Кемь. Отсюда увозили заключенных на Соловецкие острова)

круг них создались фашистские организации. Наш сокамерник фашистом быть не хотел и протестовал. Но протестовал, можно сказать, примитивно. Например: входит кто-то из администрации — все должны встать, а он лежит. Или откроет форточку, которую открывать нельзя самим заключенным.

Вначале было несколько карцеров возрастающей продолжительности, в самой тюрьме. А потом заключили в башенный карцер в кремле. После двух недель его привели под руки: он был весь отекший и лишенный сил. Волосы у него почти все вылезли…»

О ложных расстрелах, о борьбе за чистоту в кельях в форме издевательств охраны над заключенными за каждое пятнышко на полу, о надписях кровью из отрубленных пальцев — обо всем этом рассказал своему сыну Иосиф Михайлович Махновецкий (уже опубликовано Г.И.Касабовой в книге третьей изда-

ния «О времени, о Норильске, о себе...»). Так что сюжет из фильма Т.Абуладзе «Покаяние» — невымышленная метафора.

Вот что рассказал другой сиделец — Б.Оликер (публикация Ю.Бродского):

«Дежурный не отходил от «волчка» камеры и все время должен был видеть, что делается в камере, а главное — лица заключенных. В тюремных правилах значилось: «...запрещается громкий разговор». Но и негромкий разговор, даже шепотом, преследовался. Во избежание наказания люди месяцами хранили молчание. В камере, бывшей келье, стояло 6 коек. Между ними был проход 25-30 сантиметров. Это была «прогулочная площадка», по которой можно было ходить: два шага вперед, два шага назад.

Курить можно было, но заключенный обязан был по счету вернуть все мундштуки от папирос. На каждого был заведен индивидуальный счет: сколько папирос он получил, сколько мундштуков вернул, причем последние должны быть целыми, неоткушенными, покрытыми тонкой папиросной оболочкой. Время от времени производился переучет: требовалось указать, сколько осталось несданных мундштуков от выкуренных папирос. Под контроль попадали также спичечные коробки и коробки от зубного порошка. Это была сложная бухгалтерия. Сколько людей работало на регистрации мундштуков, папирос и коробков! А сколько заключенных было наказано за кажущуюся недостачу окурков!

Даже вывод заключенных на оправку сопровождался исключительной строгостью. Также руки назад, та же метровая дистанция, тот же конвой: один — спереди, другой — сзади. При входе в туалет каждый получал клочок бумаги величиной со спичечную коробку. Внутри неотступно стоял конвоир и не спускал глаз с заключенных. Горе тому, кто не использовал бумажку и при выходе не вернул ее!

Медицинскую помощь оказывал простой стрелок, который разносил порошки. Получающий порошок подставлял свой рот перед открытой в двери форточкой, и «лекарь» сыпал ему в рот порошок, не давая в руки обертку.

Ровно в 6 утра вделанная в глубине стены лампочка начинала мигать. Через 2-3 минуты заключенный должен был сидеть на кровати одетым.

Запрещалось ложиться с момента подъема до отбоя. Все 16 часов надо сидеть без права не только ложиться, но хоть сколько-нибудь наклоняться вперед. Тело должно быть строго в вертикальном положении. Через 1-2 месяца у всех стали отекать ноги».

Б.Оликер рассказывал, что он однажды забылся, наклонился вперед и положил ногу на ногу. Тут же был составлен акт, и он был лишен переписки на 6 месяцев. От сильной усталости и беспрерывного сидения после 5-6 часов вечера начинало клонить ко сну, трудно было удержать веки, чтобы они не закрывались, но глаза должны быть все время открытыми, иначе — наказание...

Но и настоящая ночь не несет заключенному много радости. Довольно часто сон нарушался. Дежурный все время должен видеть лицо спящего. Стоило кому-нибудь натянуть одеяло выше плеч, как всех заключенных поднимали, начинались крики, ругань. Заканчивалось все наказанием одного кого-нибудь. Чтобы не попасть в число виновных, заключенные, несмотря на низкую температуру, укрывались лишь до пояса, но не могли уснуть от холода.

Летом, в жару, мучения еще больше усиливались. Один московский студент был наказан на 5 суток карцера. Дело в том, что, несмотря на жару, снимать рубашку, вытаскивать ее из штанов, засучивать рукава строго воспрещалось. А ему как раз попалось белье из брезентовой фланели. Лежа в кровати, москвич пошел на риск — задыхаясь от

В КВЧ 9-го лагпункта

жары, снял под одеялом кальсоны. Когда он уснул, голое колено вылезло из-под одеяла… Вся камера была поднята на ноги.

Симон Эрастович Чахвадзе (земляк С.Орджоникидзе) рассказал, что иногда их выводили гулять. «Там, — вспоминает он, — был дворик небольшой, метров 5-6 в диаметре. Разрешалось пройти 5 кругов по нему, и все. Расписание прогулок было так составлено, чтобы не встречались с теми, кто сидел в соседних камерах. Поэтому я не знал, что рядом с моей камерой (я сидел в 88-й) сидел мой брат Георгий. Он не перенес всего этого и умер на Соловках».

Только во время этих прогулок заключенные и узнавали о событиях на воле, видя на тюремных зданиях очередную смену портретов вождей.

В камерах-кельях сидельцы не имели права подойти к окну (сокамерник М.П.Рубеко попал за

это в карцер), нельзя было вставать спиной к стене камеры — сразу получали трое суток карцера за «перестукивание», но зато могли бесконечно перечитывать классиков марксизма-ленинизма, искать в этом «вечно живом» наследии ответы на животрепещущие вопросы, которые задавала им жизнь (из воспоминаний деда Ветродуя — М.Г.Потапова).

«Мыть полы рвались все, ведь это же физическая нагрузка, а она необходима всем. Помыв пол, я постучал в дверь, чтобы сдать деревянную шайку с половой тряпкой. Но стучать было запрещено, и это послужило поводом к карцерному наказанию.

В дни, когда разрешалось писать письма и заявления, тем, кто имел на депоненте деньги, выдавались бумага и конверт. Конверт заклеивать запрещалось, обратный адрес не Соловки, а станция Кемь. Только в 1955 году жена узнала, что я больше года провел в Соловецкой тюрьме, а она была уверена, что я нахожусь в Кеми. Срок для написания письма или заявления давался ровно полчаса. Если не успел написать, надо сдавать недописанным. Лица, не имевшие депонентных денег, автоматически лишались возможности написать письмо.

Бывали случаи, когда вызывали по одному в канцелярию старшего или дежурного надзирателя. Усаживали на табурет посреди комнаты и вручали уже распечатанное письмо для прочтения. Но чаще письмо зачитывал надзиратель.

Дважды камера лишалась на месяц прогулок за проявление недовольства хлебом с большим количеством песка в нем, и отказ от баланды, в которой плавали в большом количестве белые черви. Черви были собраны в спичечный коробок и переданы надзирателю. Появился начальник тюрьмы с врачом. Врач заявил, что черви абсолютно безвредны для человека и наши претензии вызваны злобой против соловецкой власти.

— Говорите спасибо, что кормят! — добавил от себя начальник тюрьмы», — вспоминал Д.Сагайдак.

Ни в одном архивном документе не встречались перечисления работ, которые выполняли соловецкие заключенные. Точнее выразиться, почти ни в одном. Вот какую уникальную справку сохранило личное дело И.Г.Малышкина. Заведующий архивом УВД Красноярского края Клопов сообщил о нем: «...с 15 июня 1935 г. по август 1939 г. работал в цехе производства йода при Соловецкой тюрьме внутрицеховым рабочим-аппаратчиком». Значит, Ивану Григорьевичу сильно повезло — он избежал келейного сидения.

Как рассказал Василий Васильевич Баранов, «все мы были тюремщиками», то есть сидели в тюрьме. Но в июне все того же 1939-го «всем тюрьму заменили лагерем — работа до упаду, а паек тюремный».

А.А.Баев, В.Н.Коляда, И.М.Махновецкий, М.П.Рубеко, С.И.Штейн (Снегов) поведали, на каких работах их «перековывала» советская власть. «Мы успели разорить монастырское кладбище (буквально

Тачколазы

на костях поставили госпиталь), вывели под крышу тюрьму, а на песчаной косе острова построили военный аэродром», — вспоминает А.А.Баев.

Снегов с присущим ему лагерным юмором дополнил рассказ Баева: «Мы с нетерпением и надеждой ждали формирования этапа. Два месяца земляных работ у Белого моря вымотали самых стойких. Многие, добредя до площадки будущего аэродрома, валились на песок, и даже мат майора Владимирова и угрозы охраны не могли поднять их. Тюремные врачи, называвшие симулянтами даже умиравших, стали массами оставлять заключенных внутри тюремной ограды. Соловецкое начальство поняло, что хозяйственной пользы из нас уже не выжать, и сотне истощенных — мне в том числе — дало двухнедельный отдых перед этапом».

Приближалась незнаменитая война — советско-финская.

Этап Соловки — Норильск

Первоначальный план возведения Норильского комбината предусматривал его пуск в 1938 году. Этого не случилось, что стоило свободы первому начальнику Норильскстроя В.З.Матвееву.

В следующем году темпы и масштабы стройки должны были многократно возрасти. Увеличилась и потребность в рабочей силе. Заявки в ГУЛАГ на спецконтингент подавал начальник Норильского комбината А.П.Завенягин, имя которого носит комбинат и поныне.

ГУЛАГ помог комбинату решить проблему с кадрами. В 1939 году, по слухам, в Норильск прибыло около 10 тыс. зэков пятью этапами: 13.VI, 19.VII, 17.VIII, 17.IX и 9.X. Соловецкий этап был самый многочисленный, но наименее работоспособный. Тут

существует некая тайна. По приказу наркома Берии соловецких заключенных должны были перевести в Орловскую и Владимирскую тюрьмы. В опубликованных ныне (доступных мне) материалах Норильск нигде не называется. Почему?

При современном положении в работе архивов невозможно установить, были ли связи между СТОНом и Норильлагом до 1939 года, сколько было этапов в Дудинский порт из Соловков, каково было количество этапированных. Все эти и другие вопросы все еще остаются без ответов.

Источниками для данной публикации служат воспоминания бывших заключенных, литературные материалы, а также документы — личные дела из Объединенного ведомственного архива Норильского комбината (ОВА). В этом архиве хранится часть дел, заведенных в свое время на уже освободившихся из ИТЛ и вступивших с комбинатом в трудовые отношения по вольному или невольному найму.

Как свидетельствует анализ документов ОВА, как правило, мы можем изучить личные дела только тех специалистов, кого успел вытащить с общих подконвойных работ какой-нибудь гражданин начальник еще до того, как они успевали оформиться в «этап» на тот свет.

В некоторых личных делах упоминаются Соловки как место отбывания наказания без указания преступления. В других случаях устанавливать факт пребывания на Соловках помогала известная дата прибытия в Норильск соловецкого этапа (17 августа 1939 года), воспоминания сокамерников, однодельцев и т.д.

Большинство из этих документов появилось спустя годы после закрытия Соловков как места для сидения.

Прежде чем пойдет рассказ о самом этапе 17 августа 1939 года, хотелось, чтобы сами невольные соловчане рассказали, что же это была за тюрьма. Почему слухи о ней ходили по всей Руси великой?

Исследователь истории Соловков Ю.Бродский приводит слова заключенного Михаила Никонова о Соловках: АДСТРОЙ.

Наиболее вероятной датой отправки этапа из Соловков является 5 августа 1939 года. Называет ее Снегов. Это был день его рождения.

Лесовоз, или сухогруз, «Семен Буденный» пришел к Соловецкому архипелагу загруженный в Архангельске четырьмя сотнями уголовников, которые расположились на корме.

Вспоминает Дебола Алкацев: «Заключенных-соловчан августовской ночью разбудили в необычное время. Тюремную одежду велели снять и надеть свою».

Около бани на Соловецкой пристани людей погрузили в баржи, а из них перегрузили на сухогруз, по этому случаю оборудованный гулаговской мебелью — нарами. Количество этажей называют разное — от 2 до 7.

Вместимость лесовоза могла быть самая фантастическая, если вспомнить чекистские методы загрузки.

Чахвадзе, ссылаясь на слова конвоиров, называет число 3800 этапированных из Соловков в Норильск. На этом же сухогрузе находился и Николай Васильевич Волохов, по свидетельству М.П.Рубеко, начальник Соловецкой тюрьмы. По данным ОВА, Н.В.Волохов с октября 1938 года по июнь 1939 года числился в резерве назначения отдела кадров НКВД СССР. Именно он и привез новых норильчан.

17 августа 1939 года начальник Норильского комбината А.П.Завенягин подписал приказ № 386: «На основании предписания ГУЛАГа НКВД № 1820 от 20 июля 1939 г. назначается заместителем начальника Норильского комбината по лагерю капитан госбезопасности т.Волохов Н.В.».

Названная Завенягиным дата — 17 августа — подтверждает известный по другим источникам день прибытия соловецкого этапа в Норильск.

Путь по Белому, Баренцеву, Карскому морям, реке Енисей лесовоз шел в сопровождении ледокола, который участвовал еще в проводке караванов Карских экспедиций. Плыли тяжело. Море сильно болтало, поэтому «трюмный груз», как назвал его Снегов, лежал вповалку, не поднимаясь. А те, кто выходил наверх, видели низкое небо и льдины, стучавшие о борт корабля.

Кроме морской болезни более худшей из мук была неизвестность, ибо никто не знал ни цели, ни конечного пункта этапа.

Василий Феоктистович Ромашкин назвал фамилию журналиста из Ленинграда А.Е.Старовойтова, который не заболел морской болезнью и был единственным, кто помогал в пути людям, подавая им пищу, воду… А кормили так, что ни по Белому, ни по другому морю не убежишь, как шутил Рубеко.

15 августа сухогруз «Семен Буденный» подошел к Дудинке. Ночь простояли на рейде. Причала не было, поэтому с лесовоза посреди Енисея людей перегружали на баржу и на ней везли к берегу.

800 человек, по словам Чахвадзе, оставили в Дудинке.

Одна группа заключенных до Норильска ехала по узкоколейке. Когда колонна подошла к вокзалу, то обнаружилось, что она вдесятеро длиннее линии платформы. Заключенных «нанизали» друг на друга: сажали на колени, плечи и даже головы. Таким образом в сопровождении охраны, станкового пулемета доехали до пункта, для многих действительно оказавшегося конечным.

Другая группа, по свидетельству Д.К.Алкацева, И.М.Алексеенко, в Норильск пришла пешком.

Потом всех долго сортировали — ведь подконвойных было очень много. М.П.Рубеко утверждает, что его личный номер по норильской учетной картотеке был обозначен в тридцать восьмой тысяче.

Из Соловков в Норильск (как пока известно) попали пять врачей: А.А.Баев, П.Е.Никишин,

М.А.Райвичер, З.И.Розенблюм, Д.Сагайдак. Они в лагере после этапа определяли рабочую пригодность заключенных: «кого в работяги, кого в доходяги».

Осенью в Норильском ИТЛ вспыхнула эпидемия дизентерии. «В те октябрьские дни, — вспоминает Снегов, — люди из нашего этапа умирали ежедневно. Соловки поставили в Норильск очень ослабленный контингент — так это формулировалось лагерной медициной».

Летом и осенью 1939 года в Норильск прибыло очень много инженеров. Приток их настолько был велик, что УРО формировало бригады «инженеров-землекопателей». Тяжелый, изнурительный труд многим был не под силу. И как следствие, «при моем освобождении в 1947 году с этого этапа оставшихся в живых по пальцам можно было пересчитать» (из воспоминаний Натрошвили).

Кто же входил в число соловчан-норильчан? На сегодня точное число найденных составляет 131 человек. Подавляющее большинство — более 100 человек — люди с высшим или незаконченным высшим образованием: и технари, и гуманитарии. На свободе они советской власти были не нужны.

Много раз приходилось слышать о том, что в Норильске лагерь был хороший благодаря А.П.Завенягину. Но мы как-то не всегда помним, что это были люди НЕВИНОВНЫЕ! Выше я писала, что весь список этапа из Соловков — это те, кто выжил. А в «Мемориале» Петербурга 2 года назад мне попались сведения о А.В.Кузьмине, который до ареста был политредактором «Ленинградской правды». В Норильлаге он работал на стройке (неспециалист, поэтому его спасти было некому), болел цингой, открытой формой туберкулеза и пеллагрой. В начале января 1940 года он умер. С точки зрения лагерных начальников, кто не работает, тот не ест.

Этот лозунг родился на Соловках и дожил до морального кодекса строителя коммунизма.

И еще: о двух главных фигурантах. Это Н.Френкель и А.Ногтев.

Френкель был изобретателем системы дифференцированных норм питания в зависимости от выработки и состояния здоровья. Впоследствии стал генералом МВД и умер в почете и в своей постели. Ногтев был начальником СЛОНа, подвергся наказанию (совсем не за Соловки), попал в Норильлаг, освободился в победный год, а уже затем следы его потерялись. Философ Гегель в свое время вывел формулу: преступление и наказание не находятся в причинно-следственной связи.

Нина Дзюбенко
Фотографии из архива А.Мельник

Валентина Вачаева,
историк

Валентина Вачаева:

«Без лозунгов и деклараций»

Историческая справка

После присоединения Латвии, Литвы и Эстонии к СССР и образования 24-ого территориального корпуса Красной Армии перед началом войны командующий войсками Белорусского особого военного округа Д.Г. Павлов направил наркому обороны СССР маршалу С.К. Тимошенко служебную записку, в которой предложил разоружить армию всех трех государств и провести чистку офицерского состава укрепив части нашим комсоставом. А после этих манипуляций использовать для войны части Литовской и Эстонской армии против румын, турок, албанцев и японцев.

После того как с армиями будет покончено предполагалось в 48 часов разоружить все население всех трех стран, а за несдачу оружия расстреливать...

На деле же события развивались по несколько другому сценарию. Советское правительство вызвало офицеров генеральных штабов Прибалтики в Москву в Военную Академию, а в июне 1941 года их всех арестовали, как потенциальных врагов народа, без предъявления обвинений, и отправили в Сибирь. До Красноярска офицеров везли в отдельном вагоне под охраной, 41 (по другим данным 43) человек был доставлен в лаготделение на Ламе.

После включения Литвы в состав СССР (Литовская ССР — 1940-1990 годы) 13-14 июня 1941 года в Сибирь из Литвы было депортировано 7439 семей; в 1944 году — 29923 семьи.

14 июня 1941 года на спецпоселение в Новосибирскую область и Красноярский край депортировано

14693 латыша, в том числе 3225 детей, 25 марта 1949 года — в Омскую, Томскую и Амурскую область 40334 человека, из них 10590 детей.

В Эстонии в ходе июньских-июльских операций было арестовано 10681 человек, большинство депортированных было отправлено в Кировскую и Новосибирскую области.

В 1949 году было издано постановление об удалении на вечные времена с территорий Литовской, Латвийской и Эстонской ССР «Местных кулаков и врагов народа».

В 1960-ом году был установлен первый памятник репрессированным прибалтийским офицерам. О нем мало кто знал. Но это надгробное сооружение помогло Норильску «сохранить лицо», когда наступила эпоха гласности, и в Заполярный город поехали на могилы родных, близких и просто соотечественников делегаты из Латвии, Литвы и Эстонии.

Мемориал погибшим, заключенным Норильлага из Прибалтики, расположен у горы Шмидта, г. Норильск.

Этот памятник на Ламе установил человек, испытавший на себе весь ужас Норильлага. «Мне, русскому, трудно было правильно назвать все фамилии тех, кто навсегда остался на побережье красивого озера Лама, но я записал их, как помнил, на самодельном памятнике», — рассказал участник советско-финской войны, почетный гражданин Ламы Иван Терентьевич Сидоров. Попавший в плен раненым и за это приговоренный к Норильлагу, Иван Терентьевич Сидоров, когда устанавливал надгробие погибшим от тяжелой работы, голода и холода репрессированным прибалтийским офицерам, знал, кому он его устанавливает: людям, достойным, как и он сам, совсем другой участи. 24-летний заключенный, он вместе с другими копал в первую военную зиму, рыл могилы для 14 прибалтийских военнослужащих, ее не переживших. Когда реабилитированный Сидоров в 1960-ом году вырезал их имена на кресте, он ни с кем это не согласовывал: он просто выполнял свой человеческий долг. А еще через 30 лет на Ламу прилетели дети и внуки тех, чьи фамилии сохранил Иван Терентьевич. Они прилетели чтобы выполнить свой долг, и установили гурий с крестом и списками захороненных. На месте лагерного барака они поставили деревянный столб из лиственницы с деревянными скульптурами скорбящих матерей Литвы, Латвии и Эстонии. Но не все из приезжавших в Норильск родственников тогда и позднее вернулись домой с чувством исполненного долга. Виолетта Забелскене из Вильнюса до сих пор не выяснила дату смерти своего отца Людаса Литерскиса, арестованного 14 июня 1941 года в Вильнюсе.

В 1991 году в память о всех погибших в Норильлаге прибалтах поднялись кресты и под горой Шмидтихой, где когда-то было кладбище, но в отличие от Ламского на свой страх и риск, сохраненное одним человеком Иваном Сидоровым. 10 августа на траурной церемонии освящения этого комплекса один из выживших офицеров назвал место под Шмидтихой «Интернациональной могилой». Тогда на будущей

Мемориал погибшим, заключенным Норильлага из Прибалтики, расположен у горы Шмидта, г. Норильск.

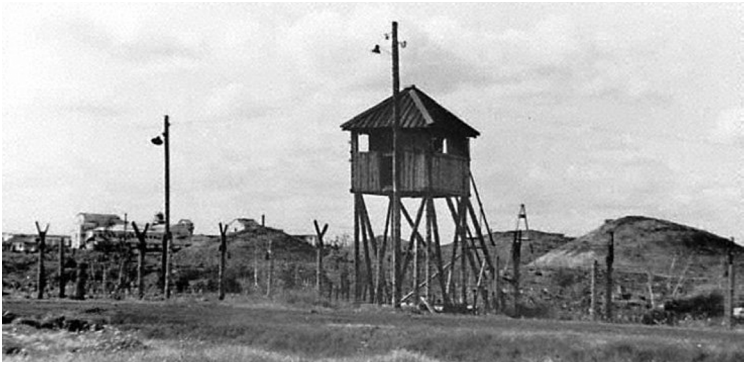
норильской Голгофе были только часовня с символической могилой да мемориальный комплекс, построенный прибалтами: три памятных Креста (Литва, Латвия и Эстония) и трехгранный гурий в центре. Гурий, сложенный из камня, со списками захороненных заключенных Норильлага из Балтии. Конечно, списки неполные, вот их-то ревизию и предлагает организовать Юрий Филиппов, потому что списки военнослужащих на памятники ни с кем не согласованы. А с кем реально в 1990-1991 годах могли согласовать? И для чего? Ведь город, кроме сохраненных Сидоровым могил и им же сделанного надгробия распаханного кладбища под Шмидтихой, ничего не смог предложить тем, кто через полвека приехал на родные могилы. А многочисленные экспедиции и просто гости благодарили норильчан за сохраненную память погибших в Норильлаге. Через 5 лет появился еще один не наш памятник — польский. С Польшей у России тоже непростые отношения. Установить имена сегодня тоже невозможно.

Мемориал погибшим, заключенным Норильлага из Прибалтики, расположен у горы Шмидта, г. Норильск.

Их тоже пофамильно проверять? А если что не так, то и вычеркнуть кого-то из списков... Но ведь из земли-то вынуть погибших не получится. Вскоре после открытия памятника первые таблички с именами репрессированных поляков все-таки сковырнули те, кто обычно пишет неприличные слова в лифтах и на стенах подъездов. Если следовать логике подобных норильчан, то нужно вычеркнуть из норильской истории многих отбывших «доказанное и заслуженное наказание». Например, снять мемориальную доску со здания музыкального училища, потому что архитектор Яков Трушиньш, проектировавший здание с его уникальным концертным залом и многое другое в Норильске. 19-летним Яков был принят в немецкую армию, за что и получил 25 лет лагерей. Профессиональными военными, а не только художниками, были Августинас Тарвидас, работавшие на норильском телевидении, и Херберт Мангольдс — организатор первой изостудии в Норильске. Это у него живописец по образованию Николай Лой научился работе в технике акварели,

принесшей последнему и успех, и знание... Их имена могли бы пополнить список на гурии под Шмидтихой, но им повезло. Они выжили. А сколько фамилий из тех, кто легли в фундамент нашего города, но их нет ни в каких перечнях.

Норильлаг, вышка охраны.

Все тот же Иван Сидоров признавался, что не верил, что доживет до тех времен, «когда черное назовут черным, а белое белым. Я никогда не принадлежал к тем, кто призывает к очередной расправе, на этот раз над палачами. Они тоже были жертвами системы, многие из них стали жертвами в буквальном смысле еще при жизни.

Задача новых поколений — изучать все, что происходило в нашем обществе, и не выбрасывая на ветер зерен добра, ума, справедливости, не допустить повторения сталинщины». Это было сказано более 15 лет назад, а сегодня кое-где уже проектируют не мемориалы репрессированным, а памятники «кремлевскому горцу».

Иоанна Улинаускайте-Мурейкене

Иоанна Улинаускайте-Мурейкене:

«Испытания судьбы»

«Что я видел и понял в лагере»

Понял я разницу между тюрьмой, укрепляющей характер, и лагерем, растлевающим человеческую душу.

Понял, что «Сталинские победы» были одержаны потому, что он убивал невинных людей... Организация, в десять раз меньшая по численности, но именно организация сняла бы Сталина в два дня.

Легче всего, первыми разлагаются партийные работники и военные.

Увидел, каким веским аргументом для интеллигента бывает обыкновенная плюха.

Побои как аргумент почти неотразимы.

Понял, что можно жить равнодушием.

Понял, почему человек живет не надеждами — надежд никаких не бывает, не волей — какая там воля, а инстинктом, чувством самосохранения — тем же началом, что и дерево, камень, животное.

И физические и духовные силы мои оказались крепче, чем я думал в этой великой пробе. И я горжусь, что никого не продал, никого не послал на смерть, на срок, ни на кого не написал доноса.

Видел ледяной карцер, вырубленный в скале, и сам в нем провел одну ночь.

Неудержимую склонность русского человека к доносам, к жалобам.

Убежден, что лагерь — весь — отрицательная школа, даже час провести в нем нельзя — это час растления. Никому никогда ничего положительного лагерь не дал и не мог дать.

Научился «планировать» жизнь на день вперед, не больше.

Понял, что воры — не люди.

Понял, что можно жить злобой.

И как итог: узнал, что мир надо делить не на хороших и плохих людей, а на трусов и не трусов. 95 % трусов при слабой угрозе способны на всякие подлости, смертельные тоже.

Варлам Шаламов

Так написал Варлам Шаламов. Он сопротивлялся ГУЛАГу в одиночку, ему было труднее, чем восставшим в Норильлаге: они заявили коллективный протест сталинской тирании. В мае 1953 года, когда норильские лагеря облетела радостная весть: «Ус сдох!», и более 20 000 узников восстали против невыносимых условий содержания и отказались выходить на работу. Руководили забастовкой подпольные организации заключенных. Именно благодаря их организованности акция носила мирный характер. Забастовщики потребовали приезда правительственной комиссии из Москвы, чтобы добиться расследования беззаконных расстрелов заключенных, провокаций и произвола лагерной администрации.

Мирная забастовка продолжалась 2 месяца, но в начале августа мирный протест потопили в крови. По сей день неизвестно число жертв... Узники подняли черные флаги, над бараками появились лозунги: «Свободу народам и Человеку!» Только тогда кремлевские правители убедились, что «государственное рабовладение» больше сохранять опасно и невозможно. Особорежимные лагеря ликвидировали.

Участница норильского восстания Иоанна Улинаускайте-Мурейкене написала книгу «Испытания судьбы», отрывок из которой о восстании 1953 года в Норильлаге она прислала нам для публикации в воспоминаниях норильчан «О времени, о Норильске, о себе».

Испытания судьбы

Составитель Юозас Мурейка
Перевод Саулюса Сидараса
под редакцией Тамары Перуновой
стихи в переводе Георгия Ефремова

Отблеск загадочного сфинкса

Уже написано множество мемуаров об ужасающих, трагических годах оккупации, о партизанском движении и сибирских лагерях. Эта литература пестрит многообразием, в ней много простоты и сложности, но в целом она исповедальна. Это откровения рассказчика и писателя перед Другим и Другими. Только благодаря такому свободному интимному откровению начинаешь понимать глубинную связь между ними, длящуюся не мгновения, а дни и годы.

Такой и является эта книга Улинаускайте-Мурейкене «Испытания судьбы». Она написана бывшей политической заключенной, прошедшей невероятно трудный путь, перенесшей множество разочарований и трагических испытаний, унижений и страданий, однако оставшейся несломленной, непокоренной тоталитарной системой, не потерявшей надежду и радость жизни.

Эта книга охватывает достаточно большой период жизни нашего края, начиная со времен независимости Литвы и заканчивая сегодняшним днем. Большое впечатление производит стиль автора — живой, чувственный; в книге много интересных и ценных деталей, сжатых характеристик близких и не очень близких людей, исчерпывающие и очень точные описания различных ситуаций, размышления и оценка

их значимости. Ценность этой книги, несомненно, в том, что автор предельно искренен и не склонен очернять события.

Рассказ начинается с детства Иоанны на окраине Каунаса. Описывается чудесная и скромная литовская семья, ее традиции, любовь родителей, ежедневные заботы матери, воспитывающей пятерых детей, ее доброта; восприятие чувства красоты через природу, гимназические годы, неясное томление в ожидании будущего и постоянное желание учиться и совершенствоваться. Впрочем, все это длилось недолго.

Быстро закончились беззаботные годы, начались годы оккупации сначала Советами, затем немцами и опять Советами, и гимназистка Иоанна становится Расой — связной партизанского отряда: она пошла по пути отца, политического заключенного.

Эти короткие мгновения стали решающими в дальнейшей судьбе автора. С них началась совершенно иная жизнь, полная неслыханных и невиданных явлений: чекисты в черных плащах и «стрибы» (истребители партизан, — прим. перев.), постоянная опасность, скрип тяжелых металлических тюремных дверей, стоны истязаемых людей, лай овчарок, камеры пыток и невыносимое лишение сна, карцер, бетонные полы в камерах и краешек неба над головой в зарешеченном окне.

Потом — дорога (для многих последняя) в телячьих вагонах в сибирские лагеря, жизнь в бараках, сопровождавшаяся неизменным лаем собак, угроза быть застреленной, русский мат, голод, холод, унижение человеческого достоинства и прочие надругательства. Так работал мощный маховик нового рабства или варварства советской системы. Во всей книге Иоанны слышен мрачный скрежет этой адской машины, хруст перемалываемых костей заключенных, судеб их детей и внуков.

В книге с исключительной точностью описана иерархия, существовавшая в лагерях, взаимоотношения между политическими и уголовными за-

ключенными, игра в карты на человеческую жизнь, совершенно бессмысленная изнуряющая работа, унижения, чинимые надзирателями и начальниками, отстрел «беглецов» с целью получить отпуск, зверства начальников, заставлявших женщин для самих себя копать могилы. Перед нами история молодой женщины, истощенной болезнью, непосильной работой, беспросветностью, которые в любую минуту могли оборвать тоненькую нить жизни.

Впрочем, заключенные женщины испытывали и другие чувства: человеческую гордость, большое уважение к достойным гражданам других национальностей, веру в освобождение Родины и возвращение домой; и, конечно же, им было не чуждо неизменное природное женское начало: стремление к продолжению рода. Именно этот светлый лейтмотив в книге не менее выразителен и существен, нежели темная и мрачная сила торжествующей ночи. Его наши отцы, сестры, братья не только сохранили в чудовищных условиях, но и укрепили, пройдя (живые, мертвые, расстрелянные, замученные) все концентрационные лагеря и тюрьмы Воркуты, Магадана, Норильска, Абези, Красноярска, Владимира, Караганды, Тайшета и др. В этих лагерях и тюрьмах с гигантским размахом и усердием, а точнее, по-варварски, были продолжены традиции 1918 года, созданные Владимиром Лениным-Ульяновым и Львом Троцким.

В книге мы найдем сжатые, но вызывающие сочувствие рассказы о простых женщинах нашего края, об их нравах и выразительном языке лагерного периода.

Хотелось бы отметить еще одну особенность этой книги. В ней тонко изображено, как зреет и растет сопротивление мужчин и женщин, переходящее в неповиновение и бунт против беспредела, насилия и унижения лагерным начальством, и как развивается стачка, перерастающая в громкое Норильское восстание. Автор не была робкой сторонней наблюда-

тельницей или какой-нибудь заезжей журналисткой, она, как и сотни других, телом и душой была участницей этих событий.

Над вечной мерзлотой Норильска взвились черные флаги с полоской цвета крови наискосок. Их подняли литовцы и другие прибалты, украинцы, русские, люди других национальностей, выступившие под лозунгом «Свобода или смерть!». Об этом восстании мне лично рассказывали родители, заключенные Норильска, дядя. Когда я читал книгу Улинаускайте-Мурейкене, перед глазами вновь всплыли рассказы очевидцев о том, как вершители геноцида и прочие цыганковы, красюки, полюшкины, блатеры хоть ненадолго, но испытали настоящий страх перед силой духа физически истощенных, изувеченных и измученных людей, которых уже невозможно было испугать Каларгонским лагерем, этой «шахтой смерти» (ее они вынуждены были рыть себе сами), прозванным Бойней.

Да, действительно, Норильское восстание было подавлено с нечеловеческой жестокостью, активисты были убиты либо изувечены кирками, арматурными прутьями, солдатскими топориками. Однако в нашей исторической памяти эхо этого события живо и, надеюсь, никогда не померкнет.

Судьба Иоанны Улинаускайте-Мурейкене тесно связана с судьбой Литвы, нашего родного края. Поэтому описанные ею события имеют особую ценность: они подлинные, ясные и понятные.

Автор призналась, что испытывала сомнения, стоит ли ей писать воспоминания: ведь необходимо было раскрыть свои чувства, мысли, переживания, поделиться горьким опытом. На мой взгляд, эти сомнения окупились с лихвой. Девять лет, проведенных в лагерях, не заглушили ее любовь к отцу и матери, к семье, детям и друзьям, ее чувство родства с людьми, ее доброту.

Наш поэт, ссыльный Антанас Мишкинис в «Деревянных крестах» писал:

Журавли над синей, вышней кручей,
К родине летите утром ранним...
Злобой, ложью, нечистью: колючей
Проволокой этот мир изранен.

В Воркуте я был и в Хановее –
И с невыносимой стужей свыкся.
Но Литва сияла всё живее
Красотой таинственного сфинкса...

Мало кто выходит несломленным и неповерженным из такой тяжелой жизненной драмы: без гнева, злобы и отчаяния, а, наоборот, духовно окрепшим. Отчего так происходит? Скорее всего, не из-за крепкого физического здоровья, сильной нервной системы или выносливости. Существуют более важные вещи: вера, любовь, надежда, мечты о Родине, словно сияние таинственного сфинкса. Пока чувствуем этот свет всем сердцем, мы были, есть и останемся непобедимыми и достойным уважения людьми, без всяческих обид, зависти, озлобленности, созидающие мир для наших потомков. Силу этого сфинкса хорошо узнала автор воспоминаний — Иоанна Улинаускайте-Мурейкене.

Как один из первых читателей, я сердечно благодарен ей за эту книгу.

Акад. Альгирдас Гайжутис
20 апреля 2011 года, Вильнюс

Предисловие

Слово к вашим сердцам

Каждый из нас оставляет свой след,
Когда мы идем от родного порога.
Бывают следы неглубокие, словно их нет,
А те, что правдивы — станут дорогой...

Юст. Марцинкявичюс
Перевод С. Сидараса

Очень часто бессонными ночами я вспоминаю горькие и радостные мгновения моей жизни. Вспоминаю молодые мечты, которые, несмотря на тяжкие испытания судьбы, хотя бы частично исполнились.

Оказывается, невозможно унять свою память или убежать от нее. Уже который раз, едва появляется свободная минута, беру лист бумаги и пробую описать мою жизнь. Но это, оказывается, не так просто. Мыслей очень много, но они с трудом ложатся на бумагу, а главное, надо снова всё пережить.

Каждое поколение обретает свой опыт, одолевает свои испытания. Моему поколению достался очень сложный исторический период, но не мы выбираем для себя время, а оно выбирает нас. Наши детские и юношеские годы текли, как порожистая река, изобилующая мелями и омутами. Мы прошли через войны, оккупации, потери, ссылки и лагеря. Впрочем, и тогда были минуты счастья и радости. Мы были молоды, у нас были грезы и надежды. Иногда я думаю, а стоит ли бередить давние раны и ссадины, воскрешать ошибки молодости, черные и сладкие дни? Надо ли вспоминать молодость, проведенную на далеком севере? Столько уже об этом времени написано мемуаров, что, кажется, ничего нового и важного сказать нельзя. С другой стороны, каждая жизнь уникальна, удивительна и неповторима по-своему.

...Если когда-нибудь цепи падут,
И дети увидят погожие дни, –
Всю боль нашей ночи и тяжесть пут
Сумеют постигнуть они?

Майронис

В молодости нам казалось, что мы вечны и старость нас как-нибудь обойдет. Но жизнь быстро пролистывает годы, часы, секунды. У всего есть начало и конец... Да, понимаю, что подходит моя черта, и каждый день приближает ее. Я должна сосредоточиться и ничего не откладывать на будущее. То, чего не скажу и не напишу сегодня, могу не написать уже никогда. Поэтому я решила не откладывать.

Хочу рассказать о том, как пробежало мое детство, как прошла моя молодость в сталинских сибирских лагерях, как угнетали нас, ни в чем неповинных людей, как отобрали молодость, как обрекли на болезни и пытки, изнурили непосильным физическим трудом, унижали и мучили, но не сломили. И с годами те воспоминания не стерлись, потому что след оказался глубок и неизгладим. Возможно, мои воспоминания кому-то будут неинтересны, кому-то непонятны. Я долго думала: а кто он — будущий мой читатель? А вдруг дети, внуки или правнуки захотят узнать, как жила их бабушка? Блеснет ли хотя бы слабая искорка в их сердцах? Помогут ли им мои строки, тронут ли их испытания моей судьбы? А если мой жизненный путь окажется интересным для совершенно незнакомых людей? Возможно, для кого-то это будет серьезным нравственным уроком. Думаю, что жизненные переживания и духовный опыт одного человека могут быть полезны и значимы для другого.

Не хочу никого поучать и давать рецепты, поскольку по собственному опыту знаю: каждый учится на своих ошибках, хотя они являются наиболее болезненными. И все-таки надеюсь, что у вас хватит терпения и любознательности прочитать эту книгу, возможно, какая-то моя мысль достигнет вашего

сердца. Возможно, мой нелегкий опыт кому-то поможет в преодолении житейских неурядиц, даст мерило непреходящих ценностей и протянет вам слабый, но неугасимый лучик надежды.

Иоанна Улинаускайте-Мурейкене

Черные флаги над Норильском

Разбужены солнцем сердец миллионы,
Свободных, как веянье бурной весны.
Они прославляют свободу святую,
И гнет отвергают, и рабство клянут...

Винцас Миколайтис-Путинас

26 мая 1953 года мы работали в ночную смену на одной из городских площадок. Наша бригада, как всегда, рыла траншеи и копала шахты под сваи. Уже начинались белые ночи. В надвинувшихся сумерках мы по-прежнему рубили кирками вечную мерзлоту. Ночью было довольно прохладно, даже холодно, да еще начинал накрапывать дождь. На душе было как-то беспокойно. Сверху послышались какие-то крики, резкие возгласы. По лестнице мы выбрались наверх. Неожиданно завыла заводская сирена. В мужской зоне, на верхних этажах стройки сидели люди и махали черными флагами, призывая бросать работу.

— Забастовка! Восстание!

К нашей и мужской зонам прибывали солдаты. Они были озлоблены, и перебросить какое-нибудь письмо стало большой проблемой. Но все равно пришла весточка, что в пятом мужском лагере произошла перестрелка. Мы все, как одна, бросили работу. Бригадир и прораб начали что-то обсуждать и ходить кругами вокруг нас, но работать не заставляли. Остановили движение все городские башенные краны на стройках. На их далеко выдвинутых стрелах повисли черные

флаги. Чувствовалось: творится что-то необычное. Стало тревожно и зябко.

Перед окончанием работы мы узнали, что вчера в мужской зоне № 5 у барака собрались мужчины. Кто курил, кто разговаривал, но обычно в 22 часа всех запирали в барак. Несколько украинцев тихо запели. С другой стороны «колючки» у сторожевой вышки стоял проверяющий охрану сержант Дьяков. Ему не понравилось, что заключенные поют, и он приказал прекратить. Но мужчины не послушались и продолжали петь. Сержант снял с плеча автомат и дал очередь. Сразу были убиты четыре человека, стоявшие на улице. Один был убит прямо на нарах пулей, пробившей дощатую стену. Еще семь человек получили ранения разной степени. Это было последней каплей. Мужчины передали эту весть во все зоны, и везде была объявлена забастовка. На заводах завыли сирены, на башенных кранах были вывешены черные флаги. На двухэтажной 5-ой зоне, где произошел расстрел, был вывешен черный флаг с красной лентой. Все заключенные бросили работу. Начальники и вооруженные надзиратели моментально исчезли, трусливо покинув рабочие места.

Иоанна Улинаускайте-Мурейкене

Утром возвращаемся с ночной смены. У ворот идет построение дневных бригад, которые готовятся к работе. Наша колонна, войдя в зону, сразу перекрыла ворота, и никого не выпустила на работу. Мы объяснили другим, что произошло. И тут в центре лагеря над нашим бараком взвилось черное

знамя. Вся дневная смена была развернута назад. Лагерное начальство сразу сбежало. Только за «колючкой» бродила небольшая группа охранников, но стрелять они не решались.

Во всех зонах была объявлена забастовка. Вести о событиях в других лагерях до нас доходили быстро. Их передавали бывшие литовские офицеры, привезенные в Норильск еще в 1941 году. Они уже освободились, но еще не имели права вернуться на родину.

Сначала была объявлена голодная забастовка. Сваренную баланду мы тут же вылили на землю. Привезенный хлеб вернули назад. Дверь кухни заколотили досками.

Не все женщины поддержали забастовку. Ворота были открыты, и кто хотел, мог идти на работу. Кто не поддерживал забастовку, тем было велено выйти за пределы зоны на 500 метров. Мы их с улыбкой называли дачницами или курортницами. Рядом с нами отгородили отдельную зону для штрейкбрехеров, и они работали. Туда перешли те, кто работал на теплых местах: швеи, бригадиры, повара и все воровки. Не перешли в ту зону старые и больные женщины. Любопытно, что даже те, кому оставался год или полгода, туда не перешли. Было несколько человек, которые боялись, что после этого всех расстреляют. Из литовок на ту сторону перешли две — одна швея, другая каторжанка Настуте. Восстание охватывало все большее количество лагерей. Замерли и затихли норильские шахты, стройки. Заводы больше не изрыгали коричневый дым. Затих привычный шум. Замерли медный и никелевый заводы. Забастовали все основные лагеря города. Это около 39 тысяч рабов. С воли передают, что норильское начальство вылетело на «материк». Так называлась Большая земля за пределами Норильска. Улетели советоваться с большим начальством, что делать с восставшими заключенными.

Уже настали белые ночи, солнце висело невысоко над горизонтом, а мы отдыхали в своей зоне. Мы скинули лагерные ватники, вытащили личную одежку,

у кого что было. Распустили из под платков длинные волосы, причесались. У кого были косы, вплели себе белые ленточки. И это было начало голодовки. Посиневшие от голода, мы пели свои национальные песни. Время от времени слышались русские куплеты. Нас, литовок, объединяли поэты Майронис, Нерис, Бразджёнис, мы читали по памяти их стихи. Мы пели песни, сочиненные здесь в заключении. То, что нам помогало не сломаться раньше, мы помнили и теперь, во время голодовки.

Вокруг лагеря на вышках была усилена охрана, установлены пулеметы. Внешний периметр зоны постоянно патрулировали автоматчики. Установили столбы с громкоговорителями. Они без конца увещевали принять пищу и выйти на работу. Чем громче звучали призывы, тем громче мы пели. Недалеко от ворот был штаб. Это был домик, в котором находились оперативники, называемые «кумами». Это были Красюк и Полюшкин. Уже в самом начале забастовки мы заметили, что через окна штаба ведется наблюдение. Выявляются и фиксируются активистки. Тысячная толпа женщин окружила штаб и потребовала, чтобы опера покинули зону и отдали документацию. От штаба до ворот был создан живой коридор, и «кумы» со своими сотрудниками были препровождены за пределы зоны под свист, улюлюканье, громкий смех.

Рядом с нашей зоной была зона каторжан, огороженная высоким забором. В ней было 500 женщин, они тоже поддержали забастовку. Через два дня этот забор мы повалили и объединили два лагеря. Теперь черные флаги трепетали на ветру уже над двумя нашими бараками. Самыми трудными были первые дни голодовки. Так хочется есть: желудок болит и ноет. Через некоторое время эти ощущения исчезли. Наступил период, когда к еде мы испытывали полное равнодушие. Правда, мы стали менее активными, чувствовали слабость, головокружение, сонливость. Стало трудно вставать, слезать с нар. Ноги становились ватными, при ходьбе подгибались. Много женщин уже постоян-

но лежали на нарах, не вставая, но мы все равно охраняли вход в зону, флаги. Услышав свисток дежурного, мы бежали то к одним, то к другим воротам, на крышу к флагу, к заколоченной кухне.

Все время в зону подвозили еду: вкусно пахнущий хлеб, даже баланда вкусно пахла. Стали привозить куски мяса, которых мы никогда не видели, и невероятное чудо — жаренные в масле вкусно пахнущие пончики. Зэкам стали давать мясо и пончики, чтобы сломить нашу волю. Сотни женщин сбегаются к телегам с едой, выталкивают их за ворота. На другой день привозят посылки, которые якобы скопились у охраны. Начальники показывают надписи на посылках, доказывая, что они из дома. Они уговаривают нас, что наши родные ждут от нас вестей о получении посылок, а в посылках вкусные вещи, которые могут испортиться. Всячески провоцируют нас сдаться, начать есть и снова идти рыть мерзлую землю. Но телега с посылками также была вытолкнута за ворота.

В каждом из лагерей были организованы представительства заключенных — стачечные комитеты. В них вошли люди всех национальностей из разных бараков. В комитет нашего барака вошли Леся Зелинская, Ольга Зодюк, эстонка Аста Тофри, латышка Алида Дауге, литовка Ирена Мартинкуте, белоруска Юля Сафранович. Еще было 20 активисток из каждого барака. Руководила комитетом Леся Зелинская. Комитеты всех лагерей подготовили петицию и потребовали, чтобы из Москвы прибыл кто-нибудь из правительства. Требования, высказанные в петиции, были разъяснены на всех собраниях бараков, на митингах. Все были разделены на группы, и каждой группе была отведена зона охраны лагеря. Если только в пределах зоны показываются солдаты или надзиратели, начинался крик, как в цыганском таборе. Местные жители, услышав это, лезут на крыши домов, чтобы посмотреть, что творится за высоким забором.

Большинство жителей города были нашими друзьями. Они немного раньше освободились. А глав-

ное, что они все наши собратья по несчастью. Начальство очень боялось, что и они к нам присоединятся. Они помогали поддерживать связь между лагерями. А если восстание охватит весь Норильск? Ох, начальству не поздоровится.

Мы голодаем уже 7 дней. Есть совершенно не хочется. Стали появляться искорки в глазах, руки как ватные, колени подгибаются. Иногда во время ходьбы нападала такая слабость, что, казалось, упадешь и уже не встанешь. Но какая-то упрямая сила заставляла идти к цели — дежурить, охранять ворота, митинговать, звать, кричать.

Администрация нас всячески уговаривает выйти на работу, кончить голодовку. Угрожает, обещает всякие уступки. Объясняет: кто не выполнит требований, будет жестоко наказан. Уже несколько раз к нам приходила московская комиссия, но она была освистана и выставлена за ворота. Однажды к нам пришел пузатый генерал со своей командой. Начал нам объяснять, что он — комиссия из Москвы и всех нас выслушает, только нужно выйти на работу. Но тут одна женщина крикнула:

— Девчата, да я его видела в лагере.

Генерала скинули с трибуны и вместе с сопровождающими выдворили за пределы зоны.

Громкоговорители вокруг зоны по-прежнему орут, агитируют, чтобы мы выходили на работу, прекратили голодовку. Угрожают страшной карой тем, кто не выйдет на работу, и обещают полное освобождение тем, кто подчинится. Как только показывался кто-нибудь из лагерного начальства, тут же раздавался свисток, и его окружала толпа женщин. Если начальство пыталось агитировать, женщины начинали кричать, пищать, вопить, и оно покидало зону.

Были и смешные случаи. К нам пришел в наручниках опер Полюшкин. Это был один из лучших лагерных ораторов. Он нам начал разъяснять, как мы будем дополнительно наказаны, если не прекратим восстание. На нас на всех наденут наручники, такие,

как на нем. Мы все будем посажены в тюремные камеры. Женщины начали выть и свистеть, кричать жуткими голосами. Рядом проходила Филомена Каралюте с ведром. Никто даже не успел опомниться, как она напялила Полюшкину на голову ведро. Раздался дикий хохот, и Полюшкина вытолкали за пределы зоны. Сбросив ведро, он долго кричал, что ей это с рук не сойдет.

Так бежали дни, а шахты, заводы, карьеры, стройки Норильска стояли. Многие женщины уже лежали на нарах и не могли двигаться. Мы, молодые, тоже стали менее активны. Постоянная слабость, головокружение, ноги не хотели идти. Но необходимость обязывала. Вставали и по свистку дежурного шли куда надо. Но никто не вышел за пределы зоны, никто не попросил хлеба.

Вижу во сне: я в Литве, иду через большое поле с одуванчиками, как по большому мягкому желтому ковру. Провожу рукой по головкам одуванчиков. Из отцветших уже летит пух, как дым, он поднимается высоко в небо. Вместе с этим дымом взлетаю на небо и я. Проснувшись, я долго не открываю глаз. На лице у меня улыбка, только бы этот сон не покинул меня. Я даже чую запах одуванчиков. Свисток возвращает меня к действительности. Тревога! Быстро бегу в зону, где дежурит моя группа.

Шел 9-ый день голодовки, когда из мужской зоны поступило сообщение, что к ним приехала настоящая московская комиссия. Мы прервали голодовку и стали ждать. Она прибыла в 6-ой женский лагерь 7 июня. Недалеко от вахты поставили два стола, накрыли их простынями. Комиссию возглавлял полковник МГБ М.Кузнецов, там были представители ЦК партии, полковник А.Киселев, генерал-лейтенант А.Сироткин. Вместе с ними — начальник Горлага генерал Зверев. За воротами в полной боевой готовности стояла целая рота автоматчиков. С одной стороны стола села комиссия, с другой стороны стола стояли 4500 женщин,

позеленевших от голода, с измученными лицами. Переговоры начались очень культурно.

М.Кузнецов первым делом потребовал, чтобы были выбраны представители для переговоров. Через несколько минут такие переговорщики были выбраны, хотя мы уже были почти уверены: после окончания восстания их всех расстреляют. С нашей стороны в число переговорщиков была выбрана украинка Леся Зелинская, эстонка Аста Тофри, латышка Алида Дауге, литовка Марите Пинкявичюте, еще несколько девушек. Они рассказали, как с нами обращаются в лагере. Они потребовали, чтобы начальник Горлага покинул зону. Комиссия тут же признала, что лагерное начальство неправо.

Далее наши переговорщицы потребовали:

Пересмотреть все дела и отпустить на свободу невиновных.
Ослабить режим в лагере и снять с нас номера.
Сократить рабочее время до 8 часов.
Сделать один день в неделю выходным.
Разрешить переписку.
Улучшить питание.
Снять с окон решетки и не запирать бараки на ночь.
За работу платить хотя бы несколько рублей.
Вывезти из Норильска больных и умирающих.
Не применять репрессии к участникам восстания.

Все участницы переговорного процесса были внимательно выслушаны, было обещано выполнение всех пунктов. Дано согласие пересмотреть дела тех, кто прямо сейчас подаст комиссии заявление. Многие женщины кинулись тут же писать заявления, а члены комиссии их аккуратно складывали в стопочку на столе. Я уже давно писала такое заявление. Все 8 с лишним лет я надеялась выйти пораньше, но ничего не вышло. Поэтому сейчас у меня рука не поднялась писать заявление. Я была уверена, что ничего из этого не выйдет. Будет опять обман. Нам разрешили прямо

сейчас сорвать лагерные номера со спины. Разрешили снять решетки с окон. Мы тут же разрезаем хлеб и делим его. На ночь нас в бараке не запирают.

На следующее утро встаем на час позже и выходим работать на городскую стройку. Работа та же, но работаем 8 часов. Охрана совсем другая — в болото не сажает, не стреляют, не бьют. Наш «кум» в зоне не показывается вообще. Дежурные надзирательницы, словно собаки, поджавшие хвосты. Они доводят нас до зоны и быстро исчезают за воротами. Воскресенье вообще свободный день. В этот день мы собрались в небольшой кружок, чтобы помолиться. После этого написали письма домой. Нам даже разрешили писать по-литовски. Вечерами и по выходным можно было выйти на дорожку центрального двора прогуляться. Можно было сходить в гости в соседний барак. Один раз приходил даже фотограф, и мы, литовки, все вместе сфотографировались.

Теплый июньский вечер. Я сижу после работы у барака; солнышко склоняется к западу. Давно уже белые ночи. Девушки-литовки собрались у барака и поют. Удивительно мелодичные голоса заполняют лагерную зону и уносятся к подножию горы Шмидта. Они поют о тоске по родине, о сломанных судьбах, разбитых мечтах, бесконечной душевной тоске, которая никогда не проходит и чем дальше, тем становится сильнее. Украдкой утираю слезу со щеки. В этой песне, сочиненной зеками, звучит боль и одновременно какое-то умиротворение. Я чувствую, как боль немного отпускает.

В то время, когда 4-ый и 5-ый мужские лагеря, а также наш 6-ой женский прервали забастовку, в 3-ем, самом большом каторжном лагере, заключенные продолжали бастовать. Среди каторжан было более сотни литовцев. В их лагере во время акции неповиновения, после освобождения из БУРа, было много убитых и раненых. Они похоронили своих

товарищей и поклялись больше не склонять головы перед сталинскими убийцами.

Созданными комитетами руководил Иван Воробьев, Герой Советского Союза, участник войны. Литовский комитет представлял Юозас Казлаускас. И весь этот период над их лагерем развевался черный флаг с красной полосой. Флаг был виден из Норильска. Надо было, чтобы о восстании узнали все лагеря и весь город.

Был изготовлен специальный полиграфический станок и выгравирован шрифт. Поскольку все печаталось на бумаге от цементных мешков, а их не хватало, то был сделан специальный, воздушный змей с листовками, который пускали в сторону Норильска. Этот змей крепился к специальной веревочке, скрученной из ваты, вынутой из телогреек. Когда змей взлетал высоко, ватная веревочка пережигалась и листовки ветром разносило по всему городу. Каждый день, возвращаясь с работы, мы приносили эти листовки. В них было обращение к вольным жителям Норильска, чтобы они рассказали всей стране, всему миру о происходящем здесь геноциде, о страданиях заключенных. Были обращения и к армии, чтобы охрана не расстреливала заключенных. Были требования пересмотра дел. Сообщалось, что в лагере прекращена подача воды и электричества, поэтому умирают раненые и больные.

Каждый день жители Норильска подбирали эти листовки с новыми сообщениями, читали их и передавали из рук в руки. Вольные донесли сведения о Норильском восстании до всего мира. Норильск был весь осыпан такими листовками. Иногда на них были напечатаны стихи, сочиненные самими заключенными:

Омыто кровью будущее наше,
Покрыто гарью горных лагерей.
Но после мрака — мир предстанет краше
И свет Норильска будет всех добрей.

Прошло две недели. Однажды ночью, когда все спали, раздался знакомый нам свисток тревоги. Толпы женщин собрались на центральной дорожке лагеря недалеко от ворот. Оказывается, нас обманули. Ночью несколько наших активисток были силой взяты прямо с нар, посажены в воронки и вывезены за пределы лагеря. Позже мы узнали, что так же было и в мужских лагерях. Людей жестоко избили, и куда они потом исчезли, неизвестно.

Свобода или смерть

Все лагеря объявили о восстании. Работа прервана. Словно буря, новая волна неповиновения захлестнула все лагеря. Нет, это была не забастовка, это было требование свободы. Мы не убивали охрану, не брали в руки оружие — это была акция неповиновения. Но переросло это движение не просто в стачку, не просто в политические требования, это был протест против унижения человека, это было требование свободы.

Снова над нашим лагерем затрепетало черное знамя с красной полосой. Снова заработал стачечный комитет, опять мы разбились на группы, которые дежурили у ворот, на площадке барака, на крыше. Положенную пайку хлеба мы теперь брали и съедали, голодовку не объявляли. Теперь к администрации никаких требований больше не было. Во всех лагерях был только один призыв: «свобода или смерть». Этот призыв скандировали день и ночь. Очень долго испытывалось терпение заключенных, но оно, в конце концов, лопнуло. Ситуация к этому моменту была такая, что дальше жить, как жили, было невозможно. Всему есть предел, и теперь эту бурлящую гневом реку было невозможно остановить.

Все штрейкбрехерши, а также охрана уходят из зоны. Теперь не впускаем никаких начальников. Если кто-то и подходит к воротам, пытаясь провести агита-

цию, прекратить стачку, тут же собираются женщины и громкими криками его перебивают. Вокруг зоны снова установили столбы, а на них громкоговорители, которые агитируют покинуть зону и выйти на работу. Целый день из громкоговорителей доносятся угрозы, что нас сгноят в тюрьме и расстреляют. Иногда женщины перекрикивают громкоговоритель, но быстро устают. Вокруг зоны усилена охрана, на всех сторожевых вышках установлены пулеметы. Оказывается, наши вооруженные мучители без своих рабов ничего не значат. Заводы перестали выдавать план, а за это московское начальство по головке не гладит. А мы молимся, поем песни и продолжаем дежурство у черных флагов.

В нашем лагере настроение приподнятое. Все мы требуем свободы. Получается, что мы выказываем неповиновение советской власти. Теперь вопрос свободы или смерти стал для нас главным. Мы были задавлены непосильным трудом, холодом и голодом, но не были подавлены советской системой. Остались людьми, пусть и в лагерной одежде. Сейчас мы ощутили такую жажду свободы, которая сильнее автоматных стволов, и мы молились только за свободу.

Иоанна Улинаускайте-Мурейкене

Наш шестой женский лагерь отделяет от пятого мужского кирпичный завод. Когда началась вторая волна восстания, на кирпичном заводе работала ночная сме-

на мужчин, они там и остались. Поэтому с крыши нашего барака и крыш кирпичного завода, где были закреплены флаги, можно было переговариваться, передавать и получать новости. Мужчины просили нас держаться и не поддаваться на провокации. Это все очень злило солдат и офицеров, которые ходили вокруг. Однажды к дверям кирпичного завода подошел взвод солдат. Угрожают всех расстрелять, кто не выйдет за пределы зоны. Но никто не шевелится, все сидят на крыше здания. Внезапно солдаты окружают кирпичный завод, врываются внутрь постройки и начинают дубинками, прикладами избивать безоружных заключенных. Всех заключенных сгоняют к воротам пятой зоны, и там солдаты начинают всех бить по головам ломами и солдатскими топориками. Люди падают замертво на землю. Всех упавших солдаты выволакивают на площадку. Слышны автоматные очереди, одиночные выстрелы.

Мы, четыре с половиной тысячи женщин, стояли за несколькими рядами колючки, и все это видели. Мы устроили такой шум и свист, что слышал весь Норильск. Сигнал опасности мгновенно передали в другие зоны. Здесь же, в самом Норильске, крыши всех домов буквально были облеплены людьми. И хотя они уже вольные, у всех волосы встают дыбом от этих голосов из ада. Так мужчины пятой зоны были снова водворены в свою зону и возвращены к рабочим местам. Теперь и нам всякими способами предлагают прекратить забастовку, иначе «наведут порядок». Предлагают выйти за пределы зоны, но ни одна женщина не трогается с места.

К счастью, нас солдаты не стали избивать, и мы еще две недели жили, словно в отдельной республике. По-прежнему дежурили у ворот, на крышах бараков. Если кто-либо приближался к нашим границам, начинался свист и улюлюканье. Когда включали громкоговорители с призывами выйти на работу, 4500 женщин собирались и скандировали: «Свобода или смерть!». Солдаты время от времени поверх наших голов пуска-

ли автоматные очереди. Но мы к этому уже привыкли и перестали бояться. У себя в зоне мы чувствовали себя свободными. Теперь наши песни, стихи, молитвы были как глоток свежего воздуха. Они поддерживали наш дух. Мы, литовки, помним стихи наших поэтов, песни партизан, лагерные и народные песни и поем в свободное от дежурства время.

Вместе с привозным хлебом мы получали от вольных литовцев вести из соседних лагерей. Нас поддерживали морально, выказывали понимание, передавали новые песни и стихи. Мы получили гимн норильских повстанцев, сочиненный священником Чесловасом Каваляускасом.

Здесь, закрывшись у себя в зоне, мы могли выплакаться и выкричать эту жажду свободы. Это был позыв неиссякаемой боли. Хотелось показать всему миру, что мы люди, что надо остановить бесчеловечный произвол начальников концлагерей и охранников. Есть граница зверству, есть и граница терпению. Мы живем между жизнью и смертью. Мы требуем только одного — справедливости, правды, которая должна нам помочь пересмотреть дела и скорее выйти на свободу.

Нас постоянно пугали расстрелами, пытками, БУРАМи, жестокими наказаниями, большими сроками. Обещали превратить в лагерную пыль. Но мы все скандировали свой призыв: «Свобода или смерть!» Мы верили, что выстоим. И вот в неволе мы вдруг почувствовали себя свободными. В те дни, точнее в полярный день, у нас в лагере не умолкали песни. Это было чудесное духовное возрождение. Здесь, за колючей проволокой, мы освободили свой дух. Свобода, без которой гибнут любые благие намерения и чувства, пусть временно, но нами была обретена. Нами, заключенными, за колючей проволокой. Может, кто-то и думал, что надо улучшить наш быт. Нет, большинство думало о свободе.

Вкус свободы! Как он сладок! Пусть хотя бы такой, за колючей проволокой, даже такой свободы, которую мы обрели сейчас. Пусть краткое, но счастье, и оно

наше. Сейчас смерть смотрела нам в глаза, но страх куда-то исчез, ушел в глубины наших сердец. Ведь автоматчики могли вломиться в любой момент к нам в бараки и всех покрошить. Нам было все равно, потому что с тех пор, как мы сюда попали, мы не видели мира, мы не видели жизни, мы не видели родных. Нам запрещено было получать письма, нам запрещено получать посылки, нам многое еще запрещено. Если есть на земле ад, то он здесь, в Норильске.

Первого июля, ночью, на территории мужского лагеря мы услышали громкие крики, свистки, автоматные очереди. Мы быстро высыпали на крышу. Внутри мужской зоны было заметно перемещение солдат. Там же были включены громкоговорители. Постоянно были слышны автоматные очереди и крики. Это продолжалось всю ночь до утра. Стало ясно: это усмирение бунта.

Мы облепили крыши бараков, свистели и кричали, сколько могли. Этим самым мы показывали, что поддерживаем мужчин. К утру стало видно, что над мужской зоной уже нет черного с красной полосой флага. В тундре за пределами лагеря показались группки солдат, которые вели заключенных. Никто не знал, какая их ждет судьба. Расстреляют или живьем бросят в заброшенные шахты. Их увели в глубину тундры, что было дальше, невозможно было разглядеть, а в лагере уже царила мертвая тишина.

Так было подавлено восстание в 5-ом мужском лагере. Всем было приказано выйти из зоны. Неподчинившихся солдаты расстреливали из автоматов и пулеметов. Затем их начали избивать ломами, трубами, кусками арматуры, топорами. Сколько было жертв, никто не знает. Все заключенные были разделены на группы. Часть из них была возвращена в зону, остальных перевели в тюрьму и специальный штрафной лагерь. Кто-то насчитал сорок девять погибших, другие называли цифру 58. Еще были сотни раненых. Говорили и про сто пятьдесят жертв.

Пятый лагерь был очагом восстания, отсюда оно началось, поэтому именно тут с особой жестокостью было подавлено сопротивление. Наше восстание подробно описал оставшийся в живых участник Антанас Волунгявичюс в книге воспоминаний «Витязи Норильска».

«...Заключенные стояли не шевелясь до того момента, пока в лагерь не начали прибывать вооруженные солдаты. Они были введены на территорию и расставлены в шеренги. Солдаты расположились в шахматном порядке, примерно в тридцати метрах от заключенных. Они медленно шаг за шагом приближались к ним с автоматами наперевес. Но не стреляли. Они ждали момента, они провоцировали, что кто-нибудь кинется бежать. Наконец, у одного зека не выдержали нервы, а может быть, туда был заслан провокатор. В солдат из средней части колонны полетел камень с криком «Мучители, гады!». Этого им и надо было. Послышалась команда: «Огонь!». Как скошенный, полег первый ряд заключенных, за ним следующий. Я видел, как запрокинулась белая голова седовласого Вацловаса Субачюса из Лейпалингиса. Потом стали падать все и спереди, и сзади. Вот вскинул руки стоявший передо мной Юргис Касперавичюс из Мариямполе... Он как-то неловко развернулся на одной ноге и упал прямо в мои объятия. Я медленно опустил его тело на землю и понял, что не слышу автоматных очередей. Не понимая, в чем дело, я стал озираться по сторонам, я подумал, что оглох. Но внимательно осмотревшись, я обнаружил, что в самом деле не видно огня из автоматных стволов. По всей зоне валялись трупы, кое-где — в несколько слоев. Среди этого ада то здесь, то там шевелились раненые. Солдаты, исполнив служебный долг, стояли в растерянности и ужасе».

Третьего июля мы узнали, что точно также подавлено восстание в 4-ом мужском лагере. Одним из руководителей был украинец Евгений Грицяк. Там в заборах были прорезаны четыре проема, через них вывели около 700 заключенных, затем также за пре-

делы зоны выгнали оставшихся 5200 человек. Там обошлось без стрельбы, погибших не было.

Из громкоговорителей слышались постоянные приказы покинуть зону и прекратить восстание. Нам говорили, что восставшие мужчины расстреляны, нас ждет та же участь.

Стачечный комитет собирает митинг. Толпа из четырех с половиной тысяч женщин гудит. Начинает говорить Леся Зелинская. Ее слова вынуждают замолчать многотысячную толпу. Она говорит: «По-моему, против нас применен геноцид. Мы сами должны сбросить оковы рабства со своих тел и душ. Пока наши силы не иссякли, нам нельзя сдаваться. Мы не должны так жить, как жили до сих пор! Главная наша цель — свобода или смерть. Мы должны и дальше бороться и не поддаваться провокациям, не слушать уговоры тюремщиков. Смысл нашей жизни в том, чтобы обрести свободу. Но для этого надо собрать все силы, быть едиными духовно и готовыми к будущим испытаниям».

В Лесе еще не умер воинственный дух свободы. Ее речь объединила женщин разных национальностей, отбывающих разные сроки, людей разных взглядов и возрастов одним порывом — стремлением к свободе.

Вдоль колючей проволоки мы начали копать длинную траншею. Как только появлялись солдаты, мы выстраивались вдоль траншеи и скандировали:

— Стреляйте! Свобода или смерть!

Мы знали и видели, что творилось в мужском лагере, как уводили людей в тундру, как потом солдаты возвращались одни. А громкоговорители все повторяли, что мужчины расстреляны и с вами поступят так же. Над нами витала смерть.

Шестого июля мы заметили оживление вокруг нашей зоны. Все больше и больше прибывало грузовиков с вооруженными солдатами. Все громче орали громкоговорители. Со стороны тундры в колючей проволоке были прорезаны большие дыры. В тундре установили пулеметы. Со стороны города также было много грузовиков, а на крышах домов установлены

пулеметы. Мы чувствовали, что приближается развязка, что нас хотят задавить силой. Но если нам суждено умереть, мы умрем непокоренными. Кому-то может показаться, что такие люди, как мы, испытавшие все тяготы лагерной жизни, равнодушны к смерти. Это неправда. Мы боялись смерти и очень хотели жить. Но жить не такой жизнью, как в зоне. Мы отделены от всего мира, от родных и близких, от родины, от своего прошлого. У нас отняли главное — свободу и отчизну.

Вечером уже вся зона была окружена. Подъехали пожарные машины. Готовились они, но и мы готовились. Всех больных и немощных мы собрали в три барака, над которыми еще развевался черный флаг с красной полосой. Все 4,5 тысячи женщин живым кольцом в пять рядов окружили бараки, взялись за руки и скандировали:

— Свобода или смерть!

Некоторые женщины плакали, но ни одна не вышла за пределы зоны через прорезанные в колючке ворота, хотя громкоговорители призывали именно к этому.

Да, мы были разных национальностей. Русские, немки, украинки, латышки, литовки, еврейки, эстонки... У большинства женщин сроки уже шли к концу. Кому-то оставались считанные месяцы, кому-то годполтора. Мы были еще молоды. Все хотели вернуться домой. Но никто не дрогнул, не вышел из этого живого кольца. Трудно передать, как хотелось жить. Мы очень боялись смерти, но все стояли, дрожа от страха. Толпа безоружных людей перед стволами автоматов и пулеметов, перед шеренгами пожарных машин и оскаленными собаками.

Я никогда не думала, что человек может быть так велик и силен в своей жажде свободы. Стоя в толпе бастующих, я видела в их глазах решимость, которая овладела всеми. Наверное, я никогда не забуду эти мгновения, эти просветленные лица. Тогда я поняла, что, если знаешь, за что воюешь, становишься во много раз сильнее. А война за свободу удесятеряла наши

внутренние силы, хотя мы стояли перед дулами пулеметов. Все равно это рано или поздно кончится. Мы или победим, или умрем.

Примерно около четырех часов утра строй солдат шаг за шагом начал приближаться к нам. Сначала они повалили половину забора, отделявшего зону от города. Но мы не двинулись с места, а только крепче сцепились руками. По громкоговорителю передали: если на счет 25 не разойдемся, будем все расстреляны. Четко отсчитываются секунды, которые, кажется, превратились в часы. На счет 25 прозвучали первые выстрелы. Они были поверх голов. Сначала старались выстрелами срезать флаги. И тут из пожарных машин стали нас поливать мощными струями воды. Женщины еще крепче сцепили руки, чтобы струя воды не повалила на землю. Давление воды усилили до 8 атмосфер. Наше кольцо начало то там, то здесь распадаться. Женщины падали на колени, струя их сбивала с ног, катила по земле.

Солдаты ворвались в зону. Все они были пьяны. Видимо, их напоили специально, чтобы герои не дрогнули перед женщинами. А ведь у них были тоже сестры и матери, дочери. Солдаты шли на нас с пустыми глазами, изрыгая брань. Они постоянно стреляли, но поверх голов. Нельзя же сразу убить столько рабов, кто будет трудиться на государство? Приблизившись вплотную, солдаты били женщин, кто чем мог: прикладами, саперными лопатками, ломами, металлическими патрубками, прутьями арматуры, топориками и травили собаками. Вся зона превратились в грязную жижу после «поливки» пожарными машинами. Я стояла, сцепившись с Антуте Кумятите. Озверевший солдат ударил нас ломом по рукам. Наша связка распалась. Мы получили переломы сразу в нескольких местах. От боли я упала на колени, охранник заломил мне руки, но я еще сопротивлялась. Получила удар по голове. Перед глазами поплыло, все покраснело и исчезло. Я потеряла сознание. В таком состоянии меня утащили

за пределы зоны в тундру. Потом я узнала, что всех избитых волоком тащили в тундру.

Постепенно сознание вернулось. Всех нас разделили на группы по двадцать человек и усадили или уложили в болотистой тундре. Мы были мокрыми с ног до головы, наши тела были окрававлены, руки переломаны, одежда изорвана и вся в крови. Каждую двадцатку окружили вооруженные солдаты с овчарками. Почувствовав запах крови, над нами кружили тучи комаров и мошкары. Они грызли нас и допивали остатки крови. Только поднимешь руку, чтобы отмахнуться, — удар солдата по руке и лязганье взводимых затворов.

Победа силы духа

Мы были избиты, окровавлены, с пробитыми головами и переломанными руками, мы были выдворены из зоны, но не были побеждены. Мы ощущали себя людьми, которые вкусили глоток свободы, мы проявили волю, человеческое достоинство, мы сумели воспротивиться бесчеловечному режиму, мы остались едиными и непобежденными.

В тундре солдаты расставили столы, пришли офицеры, надзиратели, нарядчицы, «дачницы», которые не участвовали в восстании. Каждую двадцатку поднимали из болота и подводили к столу по одной. Если во время восстания ты была неактивна и не замечена дежурной, — направляли направо и назад в зону. Если уличена, — тебя избивали, таскали за волосы, но чаще отдавали надзирательницам и уголовницам. Они плевали в нас, били по лицу и снова гнали в тундру.

Самых активных ставили слева. Там стояло 25 женщин. Их жестоко избили, потом увели назад в зону и закрыли в лагерном карцере. Там в наручниках их бросили на бетонный пол, давали только воду и 300 граммов хлеба. В карцер попали Леся Зелинская,

Мария Нич, Ханна Мазепа, Ольга Зазюк, Мария Черная, латышка Лидия Дауге, Аста Тофри и другие. Из литовок в карцер попали Ирена Мартинкуте и Филомена Каралюте. Через месяц большинство из них увезли на суд во Владимирскую тюрьму. Остались только Ирена Мартинкуте и Ольга Зазюк, они пробыли в БУРе целый год.

Меня направили с двумя сотнями женщин в другую группу. Нас вновь распределили по двадцать человек и увели далеко от лагеря в тундру. Дождик, моросивший с утра, перестал накрапывать, показалось солнышко, а нас все гнали по тундре вдаль через кочки и лужи. Все мы думали об одном: нас гонят на расстрел. Нет, мы не метались, не плакали, шли спокойно, помогали своим раненым подругам. Сильная боль в сломанных руках и ногах давала о себе знать, болели избитые спины, глаза слезились и заплыли от побоев, но мы шли, превозмогая боль.

Неужели всё? Неужели это конец? Конец нашей вере, надежде на свободу, на будущее? Столько мы терпели, боролись, страдали — и теперь все, все это было впустую? Не увижу родину, свободу, родных и близких, о которых мечтала день и ночь, пропала моя надежда, с которой только и жила я все время. Неужели смерть? Что после нее? Так и уйду в мир иной, ничего не свершив, не вернувшись в отечество, не испытав любви?

Разум работал четко, голова была ясной, но сердце упорно сопротивлялось такому исходу, тело, казалось, стало деревянным. Так хочется жить! Передо мной промелькнула вся моя жизнь: детство, лица моих родителей, братьев и сестер, школа, лагерь. Возможно, в последний раз я смотрю на рыжую тундру, на запад, туда, где моя Литва, где мама, где родные и близкие. Я вспомнила написанные еще на севере отцовские слова: «Держись, всегда держись и даже перед лицом смерти не теряй надежду». Еще раз обращаюсь к Богу. Сотвори чудо!

Мы сделали большой круг по тундре, и нашу колонну направили в сторону города. Блеснула маленькая искорка надежды: может, не расстреляют. Пока никто не стрелял. Пригнали в большой барак на окраине города. Барак был рассчитан примерно на пятьдесят человек. Нас затолкали туда двести человек и заперли. У нас с собой не было никаких вещей, чтобы постелить на землю, не хватало места, даже чтобы сидеть, было много раненых. В основном, были женщины с пробитыми головами, сломанными руками, переломанными плечевыми суставами. Раны кровоточили, а сломанные руки нечем было зафиксировать. Когда мы просили у охраны воды, в ответ слышали, мол, вам скоро уже ничего не понадобится. А мы уставшие, в мокрой изорванной одежде, с избитыми окровавленными лицами, с переломанными костями, с искаженными от боли лицами, трепетали от жутких картин того ужаса, который пережили в эту ночь.

Вначале женщины рвали свою одежду и пытались хоть как-то перевязать кровоточащие раны, но вот переломанные кости рук нечем было укрепить, перевязать, наложить шину. После нескольких дней нашего пребывания весь барак пропах кровью, человеческим потом, болотной тиной. Этой гнилой жижей была пропитана вся наша одежда, окровавленные волосы. Солдаты, обвешанные оружием, круглые сутки угрожали с нами расправиться.

Наконец, через несколько дней, нас перевели в бывший уголовный лагерь примерно в двух километрах от Норильска. Мы остались без личной и лагерной одежды, только то, что было на нас. На работу нас пока не гнали.

Перед нами простирался весь Норильск у подножья Медвежки и Шмидтихи. Весь город утопал в буром заводском дыму. Из фабричных труб валил дым, повсюду была пыль с привкусом серной кислоты, которая окутывала город. У подножия другой горы была огромная каторжная зона — 3-ий мужской лагерь. Там находились около 4000 политзаключенных, осужден-

ных на 25 лет. Они восстания не прерывали, и над их лагерем еще развевались черные флаги. Они еще продолжали запускать над Норильском воздушные змеи с привязанными к ним воззваниями к норильчанам. Их зона была окружена солдатами-пулеметчиками.

4 августа была еще светлая полярная ночь. В эту ночь исполнилось два месяца с начала восстания. Нами владело беспокойство, не спалось. Послышалось какое-то движение в мужском лагере. Около полуночи зону окружили бронемашины, из которых выскочили солдаты, вооруженные автоматами. Видим: мужчины в зоне встали кольцом, сидят на земле тоже по кругу. Вездеходы прорывают колючку и на скорости въезжают с двух сторон в зону, раздаются автоматные очереди. Стрельба продолжалась около двух часов. Мы на коленях молились, просили у Бога, чтобы сотворил чудо. Господи, останови эти броневики, которые едут по телам наших братьев, останови этих обезумевших солдат. Но чуда не произошло. Мы видели, как срезали пулями последний черный флаг повстанцев. Подъехали еще автомобили, в них побросали тела погибших. Охваченные ужасом, мы еще долго стояли на коленях. Потом все стихло, только молчаливые горы вокруг Норильска уныло глядели из тумана на этот пейзаж после бойни.

Иоанна Улинаускайте-Мурейкене

Сколько тогда погибло заключенных, никто теперь не может сказать. Машины увезли сразу 104 тела, остальных выгнали за пределы

зоны, среди них было много раненых, но это никого не касалось. Их также строили группами, как и нас. Те, кто справа — назад в лагерь, те, кто слева — лечь на землю. После этой сортировки приехали грузовики и забрали около ста активистов. Их увезли в Норильск в Каларгонскую тюрьму, тюрьму смертников. Там их снова избивали, расстреливали или сталкивали в заброшенную шахту.

Норильское восстание заключенных очень напугало и обозлило не только местное, но и московское лагерное начальство. Кроме того, комбинат понес большие убытки. С 26 мая по август были приостановлены практически все строительные работы, стали плавильные печи, прекратилось производство никеля и меди, других цветных металлов, замерли угольные шахты. Для подавления Норильского восстания было задействовано немало сил: была привлечена вся охрана Горлага, военные, находившиеся в Норильске. Кроме того, дополнительно привезли по Енисею на пароходах и баржах два армейских полка, а при захвате 3-его лагеря были использованы даже коммунисты и комсомольцы Норильска.

После подавления восстания оставшиеся в живых подверглись жестокой расправе. Их били тут же, когда подводили к столу, чтобы распределять по группам. Били солдаты, уголовные, «дачники», надзиратели. Били все, кому не лень. Потом избиение продолжалось в изоляторе. Особенно свирепствовали в центральном изоляторе Горлага — в СИЗО уже упомянутой тюрьмы Каларгона, носившей прозвище «бойня». Там ломали все кости: ребра, ноги, руки, отбивали внутренние органы. Били досками, стальными прутьями, топтали сапогами, а когда избиваемый терял сознание, солдаты просто прыгали на него и ломали грудную клетку. Особенно в этом отличились старшина Бейнер, сержант Воробьев, лейтенант Ширяев и другие.

Мученическую смерть приняли около двух тысяч заключенных, среди них было несколько литовских офицеров, этапированных в Норильск еще в 1941

году, мне запомнились полковник Юозас Лавинскас и Антанас Сидабрас.

Сколько всего заключенных погибло во время восстания, сколько умерло под пытками в тюрьме, сколько потом скончалось от истощения и болезней? Оставшихся рассредоточили по разным изоляторам и лагерям особого режима, вывезли на баржах в другие тюрьмы. Многие исчезли бесследно, возможно, в Каларгонской «яме смерти». Только известно, что в одной из братских могил было захоронено более 150 неопознанных трупов. Сегодня в том месте, где был могильник, стоит часовенка и крест. Никто не был наказан за убийства и издевательства над невинными безоружными людьми. Только некоторые начальники были понижены в должностях за то, что недосмотрели и допустили восстание.

Норильское восстание имело большое значение для всей системы Гулага. Оно показало, что нечеловеческие условия, полный беспредел лагерного начальства и охраны, бесконечные унижения, длительные сроки, тяжелые работы не сломили людей ни духовно, ни физически. Это был мощнейший протест против существовавшей нечеловеческой системы. Восстание было массовым и в нем участвовало около 30 тысяч заключенных, оно показало, что даже в тяжелейших невыносимых условиях с режимом насилия можно бороться, отбросив страх. Безоружные люди, стоявшие под дулами автоматов и пулеметов, смотревшие в глаза солдатам, на какое-то время смогли почувствовать себя свободными. Именно эта свобода и напугала лагерное начальство. Заключенные сумели организовать нечто вроде своих республик, островков свободы и в них установить свой порядок. Восстание подавили, но нас не победили, мы доказали, что не являемся рабами, что мы люди, которых нельзя беспрестанно насиловать. Жертвы восстания не были напрасными, хотя они были велики.

Сообщения о Норильском восстании распространились не только среди вольного населения города,

они разошлись по всему краю. Далее эти сведения стали известны на материке. Появилась информация в иностранной прессе, были передачи по «Голосу Америки». Восстание дало всему миру правдивую информацию о жизни в Советском Союзе и о жестокостях лагерной системы.

Многие участники восстания потом были перевезены на Колыму, в Магадан и дальние лагеря. А вместе с перевозимыми зеками распространялась информация по всей лагерной системе и по всей советской империи. Искра Норильского восстания зажгла пламя восстаний и в других лагерях. Такие восстания произошли в некоторых сибирских зонах, в Джезказгане, в Караганде, Воркуте. Эти восстания встряхнули всю лагерную систему, а мировое сообщество осудило преступления Кремля.

Нас избили, рассеяли, расстреляли, но не победили. Мы доказали своим врагам и всему миру, наконец, и самим себе, что люди, обладающие волей, достоинством и жаждущие свободы, непобедимы. Это восстание имело и политическое значение, это было сопротивление советскому режиму. Мы доказали, что никакая власть, никакой строй не может подавить волю человека к свободе.

Сердечным теплом согретая

Примерно через месяц нас, человек сто, отделили от общей группы и перевели в штрафной лагерь. Он состоял только из одного барака и небольшой кухни. Говорили, что это был самый первый барак, построенный в Норильске. Он стоял, примостившись к стене ТЭЦ, и был отгорожен только колючей проволокой. Барак был уже совсем ветхим, доски старые, полусгнившие, через щели и дыры ветром надувало снег. День и ночь из трубы ТЭЦ на нас валила сажа, оку-

тывал едкий дым, сыпались искры. Только выпадет свежий снег, через час он уже черен от копоти.

Мы жили по пятьдесят женщин в секции. Большинство украинки, латышки и эстонки, несколько русских. Из литовок — Веруте Паукштите, Ядвига Григорайте, Ванда Бружайте, Генуте Каулавичюте, Онуте К. и я. Литовки были распределены по разным бригадам, я попала вместе с Веруте Паукштите.

Здесь было запрещено писать письма и получать посылки, не было никакого медицинского обслуживания. Если у кого-то высоко поднималась температура, приезжий медик куда-то забирал больного, а куда — никто не знал. Поэтому мы очень боялись заболеть. И если поднималась температура, старались ночью хорошо пропотеть и снова шли на работу. Только бы не увезли за пределы зоны, потому что ни одна заболевшая назад не вернулась.

Наша с Веруте бригада работала в глиняном карьере. Нам надо было разбивать огромные глыбы мерзлой глины, которые образовывались после взрыва. Разбивали на куски, чтобы их мог поднять один человек, и грузили в вагонетки. Холодный ветер в открытом карьере легко продувал нашу простую и старую зэковскую одежку. Веруте быстро уставала. Она бросала кирку, прислонялась спиной к ледяной стенке карьера и говорила, что работать не может, нет больше сил и желания. От обиды и слабости у нее катились слезы из глаз. Но это продолжалось недолго. Тридцатиградусный мороз заставлял снова хватать кирку и шевелиться, чтобы не замерзнуть.

И все равно я заболела, подскочила температура, я сильно кашляла, по ночам меня всю трясло. Мы скрывали болезнь, я боялась, что увезут... По утрам, когда сильно пропотею, температура спадает, и я на дрожащих ногах иду на работу. Руки совершенно не держали кирку. Веруте усаживала меня за пирамидой глиняных глыб, чтобы не так продувало ветром, снимала свой ватник и накидывала на меня, а сама долбила эту проклятую глину, сколько хватало сил.

Она не жаловалась на усталость, успокаивала меня, что совсем не холодно, улыбалась, даже иногда пыталась запеть какую-нибудь песню, говорила, что ей нравится работать и долбить эту глину. По ночам, когда меня колотил жар, она снова укрывала меня своей одеждой. Утром я обнаруживала ее, свернувшуюся калачиком под тонким одеялом.

Так нам удалось скрыть мою болезнь, но я еще чувствовала себя очень слабой. Веруте по утрам заставляла меня съесть свою пайку, чтобы я могла дойти до работы. Свою половинку она оставляла на вечер. Вечером снова свою половинку делила пополам и опять отдавала мне, и все время уверяла меня, что я должна окрепнуть. Но, по неписаному лагерному закону, взять чужой кусок хлеба — это самое страшное преступление. И я никогда не забуду этой доброты, этого сердечного тепла и, не побоюсь сказать, душевного подвига Веруте.

Так мы выжили в трудную зиму. После восстания мои душевные раны постепенно зажили. Теперь, казалось, уже никто так над нами не измывался, я уже не боялась тяжелой работы и голода, знала, что все преодолимо и, если не сегодня, то завтра что-нибудь изменится. Но никуда не исчезала тоска по родине, она только усиливалась с каждым днем.

Весной 1956-го нас опять вернули в 6-ой женский лагерь. Там жизнь уже сильно изменилась. После подавления восстания люди быстро почувствовали облегчение. Сейчас рабочий день продолжался восемь часов, воскресенье было днем отдыха, на работу ходили без охраны, можно было надевать свою нетюремную одежду. За работу даже давали зарплату в размере 12 рублей в месяц. На территории лагеря работал магазин, можно было купить печенье, кукурузные консервы, простые конфеты (подушечки). Голод, который нас мучил все время, отступил.

Лагерное начальство собрало хоть плохонькую, но все-таки библиотеку, оборудовало волейбольную площадку. В то лето нам разрешили получать письма

Иоанна Улинаускайте-Мурейкене (вторая справа)

из дома. Все это было, как луч света в нашем темном, мрачном и беспокойном царстве. В клубе по воскресеньям показывали старые фильмы, организовали художественную самодеятельность. Иногда приходил вольный Федя Дунин со своей гармошкой и устраивал танцы. В бараки были проведены радиоточки, и мы слушали эти трескучие громкоговорители. Из них лились русские песни и сладкие речи о счастье народном, декламировались новости о гигантских достижениях страны. Но все это нас не волновало. Шел пересмотр дел, и уже были освобождены некоторые немощные женщины-немки. Меня особенно волновал пересмотр дел малолетних, который касался меня лично, и он уже начался.

Было лето. Все женщины шили одежду из чего только могли. К одежде обязательно старались пришить белые воротнички, мы распускали волосы, в косы заплетали бантики, жизнь наша выглядела совсем другой. Очень нам хотелось быть красивыми,

нам хотелось любви, внимания... Так страдали наши истосковавшиеся по свободе души.

Раз в неделю прямо здесь, в зоне, проводились суды. Новые суды проводил совсем другой, специальный состав. Многие освобожденные уезжали к своим сосланным в Сибирь родителям, другие оставались в Норильске. Только очень немногие могли вернуться в родные места, это было запрещено. В справках об освобождении так и писали: «Запрещено проживать в Литовской ССР». Каждый день лагерь покидали двое или трое заключенных. Все мы с беспокойством ждали своей очереди. Поскольку меня взяли несовершеннолетней, я каждый день ждала вызова. Мои домашние даже прислали одежду, а бывший житель Каунаса Йонас из 4-ого лагеря сделал мне небольшой деревянный чемоданчик, в который я уложила вещи.

Повторный суд, касавшийся меня, был в конце лета, но надо было ждать некоторое время, пока будут подготовлены документы. Это занимало недели две, а иногда месяц. Вещи мои были собраны, и я с нетерпением ждала. И вот однажды утром надзирательница вручила мне обходной лист. Завтра меня выпустят на свободу! Надо было сдать лагерную одежду, матрац, рассчитаться с бухгалтерией. Там я еще получила триста рублей (старыми).

День пролетел незаметно, но я не испытывала особой радости. Вечером обошла все бараки, в которых жили литовки, попрощалась с ними, попрощалась с украинками, русскими, латышками, с которыми вместе работала. И вновь расставание. За долгие годы я уже привыкла, что лагерная жизнь это бесконечная дорога, но все равно ощущала горечь расставания. Чем дольше ты в лагере, без родных, тем больше привязываешься к людям, с которыми делишься всем — куском хлеба, серым тюремным одеялом, местом на нарах. Мне было очень жаль подруг, оставшихся в лагере.

Всю последнюю ночь я ворочалась, не могла уснуть. В мыслях пролетели все девять лет, все

переживания, голод, тяжелая работа, унижения. Я вспомнила всех людей, с которыми встретилась, странствуя по просторам Севера, по Сибири, вспомнила их слова, мысли, поступки. Вспомнила тех, кто помог выжить, вспомнила людей, которые меня, несмышленую девочку, воспитывали, тех, кто делал ту нашу страшную нечеловеческую жизнь более терпимой, а иногда красивой. этапы, встреченные люди, которые делились не только хлебом, но и душевной силой, поддерживали в трудные минуты сердечным теплом. Неволя научила меня любить свободу, научила отличать порядочных людей от мерзавцев, научила быть стойкой в тяжелые минуты испытаний, сохранять достоинство и бороться за свободу. В лагере я узнала много людей, которые очень обогатили мою сложную жизнь, которых я бы никогда не встретила на воле.

Жизнь на свободе, которую мы все так ждали, о которой так мечтали долгие годы, теперь вызывала неясную тревогу. Что же я буду делать в этом чуждом мне городе? Я считала часы до выхода за ворота зоны и одновременно боялась будущего. Разрешат ли мне вернуться в Литву? Последние часы ожидания были особенно тягостны и мучительны, переполнены неясными переживаниями.

Утром меня вызвали к воротам с вещами. Там начальник лагеря выдал мне справку, в которой была запись, что я освобождена после заключения и могу ехать в Литву. Сердце трепетало от радости, справку об освобождении я держала дрожащими руками, я еле сдерживала себя, чтобы не расплакаться. Стояла в воротах еще внутри зоны и думала — куда пойду дальше? Кто меня ждет, кому я нужна, к чьему плечу можно прислониться? Что мне делать в чужом Норильске, пока буду ждать последнего парохода на материк?

Раскрылись ворота, и я не успела опомниться, как попала в объятия Дануте Урбетене. Мы расцеловались, она поздравила меня с выходом на свободу

и повела в свое жилище недалеко от лагеря, состоявшее из одной комнаты. И только в этой комнатушке до меня дошло, что я на свободе. Меня с радостью встретили ее девочки — все старые знакомые. Дануте угощала меня чаем и пирожками. Девочки прыгали, играли, показывали свои игрушки, книжки. И все спрашивали и спрашивали. А мне, прожившей девять лет в лагерях, так хотелось сделать им что-то приятное, хорошее, нежное, подарить им подарки. А у меня ничего с собой не было, и опыта житейского никакого. Но как было тепло и радостно, когда девочки прижимались ко мне.

Я пила чай и ела пирожки, вдыхала грудью домашние запахи. Комнатка выглядела очень уютной, была наполнена теплом и добротой. Я пришла в этот дом усталая и настороженная, а теперь сижу, согретая душевным теплом этой семьи. Я чувствую, как тает лед лагерного отчуждения и непонимания, грубости и унижения, который копился столько лет, проведенных среди дождей, палящего солнца, морозов и пурги. Становится не только тепло и уютно, но и немножко грустно.

Пятрас и Дануте Урбетисы — люди необыкновенной души. Многие, кто выходил на свободу, нашли пристанище в их маленькой комнатке. Здесь в первый день свободы они получали первый вольный кусок хлеба, стакан чая и совет, что делать дальше. Ведь лагерное начальство, вытолкнув зека за ворота с узелком за спиной и с несколькими рублями в кармане, больше ни о чем не заботилось. Живи, как знаешь. На родину могли уехать далеко не все, у многих еще оставался срок ссылки. Пятрас Урбетис очень многим помог устроиться на работу, найти жилье. Особенно сейчас, когда стали пересматривать личные дела и отпускать людей на свободу. В комнатенке Пятраса всегда кто-то жил, часто по несколько человек. Места хватало всем. И в тот день не я одна нашла приют у семьи Пятраса.

Теперь я часто думаю: почему они так поступали? Откуда черпали терпение, время, да и деньги тоже? Откуда столько душевной доброты, сердечности, самоотверженности? Они были настоящими литовцами, волей судьбы загнаннымие на дальний север, в край вечной мерзлоты.

Дануте для меня осталась образцом женщины с большим горячим сердцем, примером женского обаяния, порядочности и доброты.

Я и другие норильчане, которым судьба уготовила встречу с Урбетисами, никогда не забудем эту доброту. И нет слов, которыми можно выразить благодарность Пятрасу, Дануте и их очаровательным дочкам, которые скрасили нам самые мрачные дни. Там, в далеком Заполярье, когда махали ручонками нашей колонне, шедшей на работу, они подарили нам много новых душевных сил и воли к жизни.

Все еще не могу поверить, что я на свободе. Просыпаюсь утром, жду окрика «подъем», иду по улице, и нет рядом охранников с рычащими овчарками. Можно идти, куда хочешь, и никто не кричит: «стреляю без предупреждения»! Свобода! Свобода! Какое пьянящее чувство! Кто бы знал, как хотелось бы поделиться с кем-нибудь этим чувством свободы, которую я так ждала!

В Норильске я прожила девять дней, все ждала последний, уплывающий в Красноярск пароход. Уже заканчивалась навигация. Но за это время Урбетисы сумели мне купить билет на самолет. Нашли еще и попутчиков, чтобы было безопаснее. Тогда в Красноярск летали небольшие самолеты, с несколькими промежуточными посадками. Вот и проводы в аэропорт.

Сидя в маленьком самолетике, я посмотрела из окна на Норильск, в котором пробежала без малого четверть моей молодости. Бескрайняя тундра с редкими озерами, островки снега, черные трубы заводов, словно щупальца спрута, изрыгающие клубы пыли и дыма, который растекается над городом. И безмолвные мрачные горы — Шмидтиха и Медвежка.

Норильские «Витязи»

В 1952-ом в Горлаге литовцами была создана организация, объединившая русских, украинцев, латышей и другие национальности. Целью организации была борьба с произволом и зверствами лагерной администрации, а также борьба с уголовными элементами, которым начальство давало полную свободу действий. Во время восстания заключенных летом 1953 года эта организация была названа «Норильские витязи» в честь погибших прибалтийских офицеров.

После подавления восстания часть наиболее активных политических была вывезена из Норильска в другие зоны. Одни попали в особые лагеря, другие увезены в Караганду, Магадан, Воркуту, Тайшет. В этих лагерях заключенных жестоко истязали. Многие пропали без вести.

Одну из организаторов восстания в нашем лагере Филомену Каралюте долго держали в БУРе, в наручниках, а потом увезли в тюрьму. Она рассказывала:

«Дальше меня везли транзитом через множество пересыльных пунктов. Один из таких пунктов в Новосибирске я до сих пор вспоминаю с ужасом. Меня вызвали, подошли трое солдат с собаками и приказали идти вперед. Первая мысль была, что меня уводят на расстрел, иначе для чего нужна такая усиленная охрана. Завели в помещение, и там я увидела то, чего не видела за всю жизнь и, наверное, не увижу никогда. В помещении в два ряда стояли металлические клетки, в которых сидели голые окровавленные уголовники. Увидев меня, они завыли, застонали, заорали на разные голоса, стали материться, кричать, что уже десять лет не видели женщину и стали звать меня — это было сущим адом. От ужаса я застыла на какое-то мгновение, но охрана стволом автомата подтолкнула вперед. Солдаты затащили меня в одну из клеток, затолкали туда и заперли. Клетка была такой, что в ней невозможно было разогнуться, вытянуться или встать.

Можно было только сидеть на корточках. «Туалет» был тут же, прямо в клетке. Чего я там насмотрелась и наслушалась — словами пересказать невозможно. Днем принесли еду, я от нее отказалась, из отвращения не могла есть, а потом еду уже и не приносили. На пятый день вытащили меня из клетки, но я идти уже не могла, охрана везла меня на какой-то тележке.

Привезли в тюрьму города Курган. Здесь нас, женщин, встретили как каких-то недочеловеков. В зоне было больше солдат и собак, чем нас, заключенных. Поведение начальников и солдат было очень враждебное. Там нам зачитали приговор. Мне и еще нескольким женщинам дали по два года крытой тюрьмы. В бане нас переодели в полосатые робы и увели в подвальное помещение. Режим полной изоляции от внешнего мира. Дневного света в этой камере не было, только под потолком желтенькая лампочка. Кормили так, чтобы только не умереть от голода. Хлеб чем-то напоминал по вкусу глину; никаких посылок, никакой переписки. Если кто-то заболевал, приходила медсестра. В туалет водили один раз в день, но в камере стояла параша. В баню водили редко, не чаще раза в месяц. Когда через год нас вывели из этого подземелья, мы увидели, что наши тела обросли черным пушком, в тусклом свете подземелья этого не было видно. Через год пребывания в тюрьме меня амнистировали, увезли в Мордовский лагерь».

О своих лишениях после восстания рассказывал Бенюс Балайка.

«После окончания сортировки приехали «воронки» и около ста человек группами перевезли в печально известную в Норильске тюрьму Каларгон. Ее еще называли «яма смерти». Там мы увидели первую партию заключенных, уложенных вниз лицом у тюремной стенки. По их спинам в кованых сапогах пробежались бравые солдаты, видимо, специально, чтоб мы знали, куда попали. Приведение к порядку было несложным. Ударом сапога заключенного поднимали, заламывали руки и уводили в длинный коридор тюрь-

мы, где его поджидали шестеро или семеро «добрых молодцев». Они подхватывали заключенного, подкидывали его вверх и бросали спиной об бетонный пол. Некоторые сразу теряли сознание, другим приходилось эту процедуру повторять. Мне повезло, потому что после первого удара об пол у меня полилась кровь: рана была еще незажившая и солдатам больше не захотелось мараться в крови, поэтому меня уволокли в камеру и бросили на пол, где истекали кровью уже несколько «приведенных к порядку». Здесь, полуживые, мы лежали несколько суток <...>. Те, кто были покрепче, просили врача, но охрана только улыбалась. Они отвечали, что здоровье нам уже не понадобится <....>. Но через некоторое время началось «лечение».

Солдаты в коридорах раскатали пожарные шланги и стали поливать нас через решетки холодной водой. При этом они радовались и хохотали, как дети. У нас же после такой «водной процедуры» болели спины и бока. Потом один из бойцов под общее ржание ходил по коридору и спрашивал: «Ну, кому еще нужна медицинская помощь?».

За годы заключения довелось побывать в разных тюрьмах, но такой, как «яма смерти», мы не видели. Двери камер из металлических прутьев, полы наклонные с канавками для стока воды вдоль стен, коридоры такие же. У дверей камер гидранты со шлангами. Это просто бойня, не зря у тюрьмы такое название. <...>

В Каларгонской тюрьме мы пробыли больше месяца. В одну из осенних ночей послышались в коридорах гулкие шаги солдат, началось какое-то оживление. Всем надели наручники и приказали выходить. Согнали в тюремный двор, там окружили двойным кольцом солдат и направили лучи мощных прожекторов. Дальше, матерясь, погнали к старой большой яме, положили всех лицом вниз. Что, конец?

Несколько заключенных стали молиться, время остановилось. Так мы пролежали около получаса. Снова команда: «встать!» и нас повели назад в лагерь. Для чего был этот спектакль, в чем его смысл?

Сломить окончательно, доконать? Но одиссея нашей всей группы закончилась во Владимирской тюрьме».

Каларгон — тюрьма особого назначения, в нее помещали особо опасных, нарушивших лагерный режим. Такими, естественно, и были участники Норильского восстания. Тюрьма была не отапливаемая, в ней были две расстрельные камеры, в которых было убито около 2000 заключенных. После восстания заключенные, которых увозили в Магадан, решили сделать гимном песню участника восстания священника Каваляускаса. Юозас Лукшис сочинил к ней музыку.

Тысячи заключенных Норильска остались навечно лежать у подножия горы Шмидта. Тысячи участников восстания и сочувствующих были разбросаны по лагерям и тюрьмам особого назначения и в Магаданские лагеря, но все они по-прежнему мечтали вернуться в Литву. И некоторые вернулись — кто раньше, кто позже. Другие, не получив разрешения вернуться в Литву, поселились в Латвии, осели в других районах Сибири у своих ссыльных родственников: родителей, сестер, братьев, друзей. Некоторые остались в Норильске, создали тут семьи и свыклись с мыслью, что еще долго придется жить здесь. Советская власть строила всякие препоны для возвращения на родину, а вернувшимся создавала помехи для трудоустройства. Те, кто освободился раньше, старались как-то помочь возвращающимся с жильем и работой. Еще при советской власти мы часто встречались вместе, вспоминали Норильск и восстание. Читали «самиздатскую» книгу А. Шапокаса «История Литвы», «В поисках нашего прошлого» Ч. Гедгаудаса, воспоминания бывших политзаключенных. Активные члены «Норильских Витязей» никогда свою деятельность не прекращали и постоянно проводили тайные встречи. Эту искорку свободы, вспыхнувшую там, вблизи Ледовитого океана, они привезли и в Литву.

После возрождения Литвы мы начали открыто устраивать такие встречи. С 1988-го мы собираемся каждый год в последнее воскресенье мая. «Нориль-

ские Витязи» съезжаются со всех уголков Литвы в какой-нибудь город. Мы общаемся, обсуждаем самые яркие эпизоды восстания и поминаем тех, кто навсегда остался у подножия горы Шмидта. Много ярких сюжетов снова и снова всплывает в памяти...

В период возрождения Литвы в 1989 году каунасские лыжники организовали первую экспедицию в Норильск и доставили туда мемориальную доску, посвященную погибшим в заключении литовским офицерам. Эту доску они прикрепили к лиственнице, растущей у озера Лама.

Вторая экспедиция была в 1990 году. Ею руководил Ромуалдас Свидинскас, в экспедиции участвовали 23 человека. Это были, в основном, родственники погибших офицеров. Возле фундамента барака, где содержались офицеры из Балтийских стран, участники экспедиции воздвигли памятный знак с именами и фамилиями узников. Было приведено в порядок и кладбище у озера Лама. Из братской могилы была взята земля и доставлена в Литву.

14 июня 1991 года исполнилось пятьдесят лет с начала массовых арестов и депортаций жителей Литвы. Тогда же была организована третья экспедиция в Норильск вместе с латышами и эстонцами. Было собрано достаточно средств, изготовлены мемориальные доски, и в июле месяце экспедиция в составе пятидесяти человек из Литвы, сорока девяти из Латвии и двадцати четырех из Эстонии достигла Норильска. Это бывшие узники-офицеры, политзаключенные Норильска, оставшиеся в живых и их близкие. Две недели все члены экспедиции работали над увековечиванием памяти своих предков, погибших здесь. Были собраны останки погребенных под вечной мерзлотой, устроена большая пирамида из камней для установки креста. И 20 августа был открыт этот мемориальный комплекс. По центральным улицам Норильска пронесли государственные флаги трех республик, был организован митинг, освящены памятник и кресты.

В такие минуты появляется особый душевный подъем, сила духа, жажда свободы, любовь и уважение друг к другу, к Родине. Страдания научили нас любить правду, бороться за свободу, верить в Бога и не сгибаться в самых тяжелых ситуациях. Мы понимали, что наша духовная выдержка может стать примером для будущих поколений.

Да, мы начали рушить фундамент Гулага — люди, не сломленные духом. Советской системе не хватило нескольких миллионов рабов, и Гулаг в 1956 году попросту рухнул. Не зря была пролита кровь восставших в лагерях Норильска, Воркуты, Кенгира и других. Из лагерей Гулага освободилось огромное количество политзаключенных, которые разнесли искру свободы по всему Советскому Союзу, и в первую очередь она возгорелась в странах Балтии.

Стали создаваться правозащитные организации, на́чало меняться мировоззрение людей, народ стал более критичным и смелым. А когда возник Саюдис, «Норильские Витязи» активно включились в общественную и политическую работу.

В 1991 году была зарегистрирована общественная организация политических заключенных и ссыльных под названием «Норильские Витязи».

С самого начала образования «Норильских Витязей» ими руководил Витаутас Лаугалис. С 1989 года председателем был Бронюс Златкус, активный участник Норильского восстания. Всегда удивляюсь таким людям, как Златкус, которые, несмотря на все пережитое, несмотря на солидный возраст и подорванное здоровье, бескорыстно работают, чтобы не были забыты герои прошлого.

В 1992 Б.Златкус собрал воспоминания заключенных, отбывавших сроки с 1941 года и опубликовал их в книге «Норильские Витязи». Он также подготовил и издал документальный сборник «Восстание в Горном лагере особого назначения». А в 2003 г. в серии книг «Путь к свободе» и «Путь борцов за свободу»

опубликовал материалы о Норильском восстании и восстаниях в лагерях Воркуты и Кенгира.

В 2006 году на нашу встречу прибыли представители Норильского повстанческого комитета из Украины, а потом наши «Норильские Витязи» нанесли ответный визит. Мы постоянно поддерживаем связь с московским центром «Мемориал», собирающим материалы о преступлениях коммунистического режима. По приглашению «Мемориала» Б.Златкус посетил Москву.

В 2005 году в Москве был издан седьмой том «О времени, о Норильске, о себе», куда вошло много воспоминаний литовцев, бывших участниками восстания. В 2009 году сотрудники «Мемориала» были приглашены в Литву, они записали около сорока воспоминаний наших политзаключенных. Эта работа потребовала много душевных сил, энергии и работоспособности, которых у Б.Златкуса пока хватает.

Хочу упомянуть Витаутаса Казюлениса, участника и организатора Норильского восстания, который во времена восстановления государственной независимости Литвы стал заниматься политической деятельностью. Он приложил много усилий к сохранению памяти о партизанском движении. Вместе с единомышленниками и волонтерами он организовал в Варенском районе перезахоронение останков партизан. Он очень многое сделал для патриотического воспитания молодежи. В 1995 году в Варенском районе он организовал викторину и конкурс «История борьбы за свободу Литвы». Учащиеся собирали материалы и писали конкурсные работы. Потом этот конкурс стал республиканским, а собранные материалы опубликованы в книге «Послевоенные судьбы обдумываем сегодня.» А в 2007 году В.Казюленис издал еще одну книгу — «Памятники партизанам Дайнавы». В ней собран материал о местах и обстоятельствах гибели наиболее известных партизан Литвы, помещены их воспоминания, фотографии надгробий, крестов.

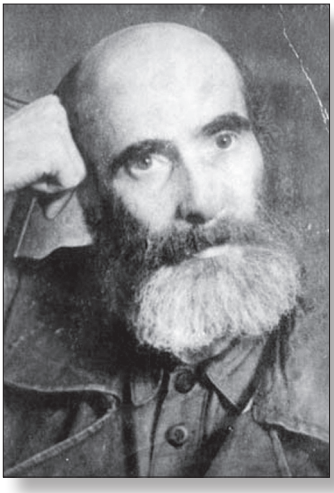
В Каунасе активно работает Витаутас Бальсис, бывший партизан и активный участник Норильского восстания, а в Паневежисе — Йонас Чепонис. Они заняты связями с общественностью, молодежными движениями. Практически ни одно мероприятие норильчан в Вильнюсе не проходит без самого активного участия, заботы, организационных усилий и поддержки самых невероятных предложений со стороны Альгирдаса Унтанаса.

До последнего вздоха в обществе активно работали Ирена Сметонене, Викторас Вильчинскас, Винцас Вилькялис, Зенонас Дронгис и многие другие.

Когда я встречаюсь с лагерными подругами, я не вижу их убеленных сединой голов, не вижу морщин на лицах. Я вижу молодых женщин, с которыми рыла траншеи в вечной мерзлоте, и сама себя чувствую юной девушкой из шестой зоны Норильска. Наша дружба даже крепче, чем порой бывает между родственниками. Вот так связывает и сближает людей на всю жизнь общая судьба.

Мы традиционно собираемся уже 22 года. В 2003-ем отметили годовщину 50-летия Норильского восстания. Оно разрушило основания самой системы особых лагерей. Но я с ужасом замечаю, как редеют наши ряды — каждый год собирается нас все меньше и меньше. Одни, с кем мы делили долгие годы лагерных лишений, уже ушли в мир иной, у других — здоровье пошатнулось, у третьих — просто нет средств, чтобы приехать.

Но, когда я смотрю на всех участников наших встреч, помолодевших душой и сердцем, я чувствую, как на нас изливается благодать, которую мы должны сохранить для детей и внуков.

Абрам Давидович
Аграновский

Эти трое мужчин и не думали, не гадали, что вопреки своему желанию станут надолго норильчанами...

Или: за что отправляли в Норильлаг...

У одного из них в поезде украли ботинки, и он сошел на остановке купить какую-нибудь обувь. Тут его и арестовали.

Другой с первых дней начала войны воевал, ни в плену, ни в оккупации не был, и все же военный трибунал войск НКВД приговорил его к исправительно-трудовым работам в Норильске.

Писатель и врач Абрам Аграновский в «Известиях» и «Правде» печатал хлесткие фельетоны... Даром ему это не прошло: не по своей воле и он стал норильчанином.

Материалы Бориса Маркова, Владимира Третьякова и Абрама Аграновского подготовили к печати норильские журналисты Валентина Каюк, Алла Макарова и ставший норильчанином раньше своего героя Сергей Норильский — известный в Норильске репрессированный журналист Сергей Щеглов.

Борис Марков: «Сошел не на своей остановке...»

В Норильск я попал в 1936 году. В июне ехал на поезде из Иркутска, по делам, на запад. Когда подъезжали к Красноярску, у нас из купе украли ботинки. Я и еще двое ребят остались в носках. Переобуться было не во что, и мы решили на первой станции выйти и купить какую-нибудь обувь. В Красноярске, по счастью, обувной магазин оказался недалеко. Но только мы прошли вокзал, как нас остановили и затем задержали милиционеры. «Почему вы в носках?». Мы объяснили, что к чему, но словам нашим они не придали никакого значения. Отвели нас в милицию, а через 2-3 часа — в городскую тюрьму. Там задержанных было уже человек 150-200.

Наутро 100-120 человек погрузили в машины и повезли в дом с вывеской НКВД. Высадили у него и погнали на второй этаж, где выстроили в коридоре в два ряда. Охрана пояснила: кого будут вызывать — заходить в комнату №5. Подошла и моя очередь, зашел, в комнате были четыре человека. Только я прикрыл дверь, один — секретарь по виду — стал зачитывать бумажку, мол, Марков проездом через Красноярск без причин остановился в городе, был забран. Трое из присутствующих ничего не спросили, только на руках показали: пять лет. «Пришили» мне статью 35 и отправили по Енисею на барже на Север.

В Дудинке дали нам сутки отдохнуть, на третьи — погнали пешком до места. «Город» представлял собой двухэтажный дом недалеко от станции «Нулевой пикет» и палатки вокруг. До нашего приезда, в 1935 году сюда было заброшено тысячи полторы, да летом 1936-го... Точно все равно не знаю. Мы жили в палатках, обложенных зимой снегом, летом — дерном. Начальником стройки был Матвеев, но через

пару лет «особисты» увезли его в неизвестном направлении. Про Завенягина все знают, а после был Панюков, о нем в брошюрке писали, что он от рассыльного дослужился до генерал-майора.

Мне было двадцать четыре года, все случившееся казалось нелепой шуткой, страшным сном, который, хоть и жутковато, продолжаешь смотреть из любопытства, уверенный, что на самом деле ничего с тобой не происходит. Конечно, я надеялся: вот-вот все выяснится по моему «делу» — ну не перевернулся же мир! — передо мной извинятся, я сяду в Дудинке на теплоход, помашу неприветливому берегу и потом буду рассказывать эту историю как одно из своих необыкновенных приключений. Наверное, это естественное состояние человека, попавшего в переплет по ошибке. Я не стремился, в отличие от своих сверстников, к «седым» снегам, жизнь связывал с вещами прозаичными, но которые я предпочитал всем остальным. Способностями бог не обидел, я мог уже работать и обеспечить любимую женщину, своего ребенка. Я был в расцвете сил, когда жизнь только начинается, когда засучиваешь рукава, чтобы создать что-то неповторимое, немыслимое до тебя.

Самое страшное — не физическая боль, а уничтожение целенаправленным унижением человеческого в человеке. Превращение его в существо с животной тупостью, страхом, беспрекословным подчинением. Эту расправу учинили и мне.

В 1937 году сто заключенных направили строить узкоколейку — ледяную дорогу до Дудинки. Это была необходимость: в Норильске стоял голод, зеки умирали десятками в день, хоронили их между будущей ВЭС-2 и дорогой. Нас вывезли в тундру — из снега и воды делали «насыпь». Когда она хорошо замерзала, клали шпалы и рельсы — для проезда ручных вагонеток. По той дороге заключенные, в том числе и я, пешком, толкая вагонетки длинными шестами, отправлялись за продуктами в Дудинку. Привезли около 50 тонн: сухари, муку, сахар, крупу. Норильск

немного ожил. Начиналась весна, вскоре стали летать самолеты, доставлять продукты «с материка».

В начале 1939 года я работал на опытно-коксовом заводе мастером по выжигу кокса. Сотрудничал с газетой, освещал дела на своем предприятии, где директором был Михаил Павлович Назарьев. Жизнь вроде понемногу налаживалась, но весной на заключенных, не имевших за плечами преступлений, навалилась новая беда. Собрали нас таких около 300 человек, и всех согнали в зону на так называемый кирпичный завод, в километре от Норильска. В зоне кирпзавода было четыре больших деревянных барака, куда нас и поместили, вокруг — изгородь из колючей проволоки в девять рядов.

Помню в начале мая к зоне подъехали несколько десятков верховых из конной охраны, окружили нас со всех сторон. Человек 10-15 надзирателей пошли по баракам, в секции, стали выкрикивать фамилии. Марковых было двое, я первым подошел к вызывавшему, но он, спросив имя, отчество, сказал: сиди и не суйся, не тебя. Собрав человек 200 заключенных, окружили их конной охраной и погнали по низине. В той стороне, куда их увели, были строения, кажется, старательские.

Называлось то место за Двугорбой горой вторым Норильском. Только через несколько лет мы узнали об участи ушедших. Уже во время войны, когда в Норильске не было курева, мы как-то пошли на факторию Часовня (нам сказали, что там есть курево). Возвращались назад через тундру, забрели любопытства ради на второй Норильск и ... ужаснулись увиденному. На стенах барака по штукатурке были вычерчены слова: «Иду на расстрел. Шура», «Умираю ни за что. Витя», «Привет родным. Ваня». Отбирали тогда молодых, не старше 30 лет, жаль было ребят. Осмотрев бараки, мы нашли могилы — в два метра шириной и 50 длиной. Раскопали остатки огневища и обнаружили много металлических вещей — пуговиц, пряжек, простых колец...

...Из творивших зверства помню двоих братьев, у них на руках было по шесть пальцев. Работали они в деревянном доме, в третьем отделе — по особо важным делам. Эти братья отправляли людей на тот свет. Кто к ним попадал, уже не возвращался. А жизнь заключенного и без того каждый день висела на волоске. Среди зеков действовали группировки, помню воров-громил Ивана Буржуя, Китайца, Артамона. Всех неугодных им сдавали шестипалым. Много заключенных погибло тогда ни за грош.

Без вины сгинули и прибалтийцы, о них почему-то вспоминается с особой болью. Люди были аккуратные, старательные, хозяйственные. По их рассказам, когда прибалтийские государства в 1940-м году вошли в состав СССР, то те, кому не нравилось присоединение, были привезены в Норильск. По прибытии они первое время работали на уборке улиц, в тот же год форсировали строительство внутренней тюрьмы в районе ТЭЦ-1. Когда тюрьму достроили, их стали пускать в расход, делали это недалеко от горы Шмидтихи. Там ночью часто слышались выстрелы. Только под осень все смолкло.

В 1942 году, уже с женой Валей, я ходил на место расстрелов, видел там такие же могилы, как на втором Норильске. Место это находится по правую сторону горы Шмидтиха, по правую, если смотреть на Дудинку. Сколько там было расстреляно, мне и другим выжившим неизвестно, но, думаю, не меньше 200-250 человек. Это тех, кого я знал в лицо, с кем каждый день встречался.

Хорошо, что хоть сейчас всем становится ясно, сколько честных людей погибло в Норильске. Как вспомню прожитые 12 лет, все муки, что пережил, тяжко становится.

В 1946 году я был награжден медалью, есть фотография, где на майской демонстрации я иду в первом ряду колонны с медалью на груди.

Жизнь моя сложилась так, что сейчас я живу в доме-интернате для престарелых. И все кажется: все неприятности начались с того поезда в 1936 году,

как будто однажды сошел не на своей остановке, да так и не доехал. Кто же заплатит за украденную молодость, за растоптанную мою жизнь, которую я должен был влачить с вечным клеймом, с «темным» прошлым, с леденящими душу воспоминаниями. Чьей канцелярской рукой написано мне было на роду принять муки без суда и следствия?

Догорает жизнь, но не остывает в ней невостребованное обличение. Суд истории еще не состоялся, и застану ли я его?

Я знаю, никто пока не может ответить. Самоочищение одной маленькой речки и то занимает долгие годы, а обществу нужны, наверное, десятилетия.

г. Опочка, Псковская обл.
Подготовила к печати В. Каюк.

Владимир Третьяков: «Мы строили медный»

Справка об авторе: Владимир Николаевич Третьяков родился в 1919 году в Ростовской области, окончил 8 классов. Работал шофером в Липецке. В армии с первого дня Великой Отечественной войны. Участник боев под Ельней. Ни в плену, ни в оккупации не был. Арестован 27 декабря 1942 года, приговорен 5 января 1944 года Военным трибуналом войск НКВД Ярославской области к 10 годам исправительно-трудовых работ (ст. 58, п. 10), находился в заключении до 5 января 1954 года , в ссылке до 1955 года. Реабилитирован 30 марта 1960 года за отсутствием состава преступления.

И до сих пор мне часто снятся ужасы норильские, даже фронтовые дни задавив. В Норильске я почти пять с половиной лет находился в заключении.

В августе 1948 года из Волгограда пришел наш этап в красноярскую пересылку. И вот погрузка в трюмы теплохода «И. Сталин». В нашем — 500 человек, в другом — 300. Только стоять. В трюме россыпи овса. Жевали все, как сейчас жуют жвачку. Вверху, на палубе — крики, ругань, детский (и не только детский) плач. Это везли в ссылку курских колхозников, тех, которые уже не могли работать за «палочки».

Запомнилась перевозка заключенных в Норильск по узкоколейке — 50 человек в вагоне. Запомнился день 5 сентября — яркий, низкое солнце. Через Нулевой пикет, старый город прибрели к зоне «80-й квартал». Охранники с бранью выкрикивали по алфавиту наши фамилии, обыскивали, отбирали деньги, письма, дорогие нам фото.

Я сперва ходил на работу в Горстрой. Потом начали строить медный завод. В зону из других лагерей приходили этапы. В январе 1949 года мы получили «статус» государственного особо режимного, и каждому дали свою букву и номер.

Меня «замаркировали» В-804. Номера нашивали на спинах одежды, впоследствии «красиво» рисовали краской.

По каким признакам нас, тысяч 25, собрали, не имею представления, но думаю — да и по себе чувствовал — убить хотели морально человека, дать понять, что ты — враг народа, фашист: на спину номера, на окна решетки, на ночь замыкали...

В начале 1949 года всем были розданы башлыки, сшитые из шинельного сукна. И вот на разводах, утром и вечером в 7 часов, стоят десятки бригад по колоннам (было шесть колонн), все одинаково одеты — в бушлатах, подпоясанных чем бог послал, и в башлыках. Словно сказочные богатыри. Зеки шли на очередной «трудовой подвиг». Были и ударники, и рекордисты.

Бригады, перевыполнившие норму, шли впереди колонны, неся щиты «молний», например: «Бригада землекопов №125 Шебалкова выполнила план на 105

процентов», Бригада за это премировалась двумя или тремя посылками, Делалось это оперативно. Одна посылка — это пачек пять махорки, два килограмма крупы (овсяной). К возвращению с работы бригадникам уже и каша готова, и селедка, и махорка.

Андрей Шебалков — бывший Герой Советского Союза, капитан-разведчик, из Пятигорска. Инкриминировали ему анонимный террор, статью 58, пункт 8. Однажды я пошел с ним на лагерную почту получать посылку, это было в 1950 году. В посылке оказались и два десятка шелковых платочков с вышивкой «Герою Советского Союза, депутату Верховного Совета». Платочки те изъяли, конечно. Обидно было то, что заставили его жену отказаться от него, прислать в лагерь развод-отказ...

Трудно было поверить в то, что в заключении находился Герой Советского Союза. Но нашлись документы, подтверждающие этот факт. В архиве НГМК хранится личное дело: Андрей Георгиевич Шебалков, 1921 года рождения, уроженец Ставропольского края, участник Великой Отечественной войны с июня 1941 года по май 1945 года, затем по 1948 год работал управляющим коопстройторгом Воронцово-Александровского района Ставропольского края. 11 апреля 1948 года арестован и осужден Особым совещанием на 10 лет. Срок наказания отбывал в 21-м лаготделении Норильского исправительно-трудового лагеря. Освобожден досрочно 14 июля 1954 года. До сентября 1955 года работал машинистом грейферного крана на медеплавильном заводе. 1 сентября 1955 года взял расчет «в связи с разрешением ему выезда из Норильска к семье».

Разыскать сведения о присвоении А.Г. Шебалкову звания помог коллекционер Н.П. Попов. Среди собранных им материалов о Героях Советского Союза нашлась книга Ставропольского издательства «Их имена никогда не забудутся» (1969 г.), к тому же вышел из печати и как раз появился в Норильске второй том справочника «Герои Советского Союза».

Помощник командира пешей разведки 12-го Гвардейского танкового корпуса. Участвовал в боях на Центральном фронте, под Сталинградом, на Курско-Орловской дуге, дошел до Берлина. Четырежды ранен, в последний раз — за два дня до Победы. Совершил немало боевых подвигов, особенно отличился в ходе Висло-Одерской операции. Звание Героя Советского Союза ему присвоено 24 марта 1945 года.

Справочные издания рассказывают о том, как сложилась его судьба дальше: работал на гидростанции в Зеленокумске, слесарем на заводе «Электроаппарат». К сожалению, говорить об этом приходится в прошедшем времени: Андрей Георгиевич Шебалков умер 17 июня 1980 года. — А.М.

Медный завод мы строили меньше года. Дымовые трубы клали за месяц каждую. В сентябре 1948 года было на территории всего два склада, контора и незаконченный механический цех. А 21 декабря 1949 года, к 70-летию «великого вождя и друга всех народов», дали первую черновую медь. В невероятно короткие сроки построены шихтовый корпус, плавильный и электролитный цехи, выкопан котлован под озеро, что напротив вокзала. В нашей зоне, четвертой, находилось более восьми тысяч человек, работали на стройке 256 бригад. Выходных не знали.

Потом мы в газетах читали приветствие «великого вождя» — не нам, конечно, а трудящимся Норильска и его руководителям. Нас же после пуска завода оделили махоркой и обедом, состоявшим из гречневой каши и большой порции трески.

После пуска завода его эксплуатировали «бытовики» — заключенные, сидевшие по бытовым статьям. У нас же, строивших завод, были люди только с 58-й статьей и ей соответствующими. Были и КРД, и КРА (контрреволюционная деятельность, контрреволюционная агитация), и еще черт знает что. Контингент многонационален: китайцы, японцы, корейцы, финны, немцы, поляки, венгры, румыны, жители Прибалтики и другие.

У каждого на нарах была табличка: статья, срок — начало и конец. Последние сроки освобождения я видел «1975»...

Были у нас разные зеки. Живет в Норильске Костя Кузнецов, он от Дудинки до Норильска шел две недели в 1936 году. Он сам из семьи раскулаченных с Урала. При этапировании семьи бежал. Было ему тогда 14 лет (он 1917 года рождения). Он может рассказать о доме геологов, где была первая комендатура. В ней многим заблудшим открывали глаза.

Преступления были порой и казусные. Вот Розалия Шивцик из Ровно. Осуждена в 1951 году в 16 лет. Кто-то у крыльца их дома оправился и использовал газету с портретом вождя. Обвинили хозяев дома: матери дали 20 лет, сестре — 15 лет каторги.

Мария Кочкина из Псковской области принесла из леса тяжело раненного летчика-капитана, сбитого накануне в воздушном бою. Месяца два выхаживала, прятала. Выследил сельский полицай. Забрали обоих — её–то на «поруки» взял полицай, летчика — в концлагерь. Село освободили — Марию судили за донос, предательство. Впоследствии летчик, будучи уже подполковником (он сумел бежать), приехал в село повидать свою спасительницу... Пытался добиться пересмотра дела, хлопотал за неё. Но после окрика — умолк. И лишь после смерти Сталина летчик вновь разыскал Марию — приехал в Норильск с её реабилитацией.

Были в лагере каратели, власовцы. Многие своими «делами» и хвастались. С этими была глухая вражда.

Блатные были на службе у начальства. Были начальники архизлые, ненавистные, например, Никонов, Щербаков, Петров, Ештокин. Последнего я видел и сейчас вижу в Измаиле, подписывается ветераном войны и труда. По их труду и вредность, оказывается, положена. Ештокин мне заявил: «Я вас возил». Ну что ж, кому-то и возить надо было, и «воспитывать». Вообще-то, все мы люди. Ведь кто-то нас разделил

на разных — непохожих друг на друга ни деяниями, ни способностями, а собрали под одну крышу...

Освободили меня 5 января 1954 года, дали волчий билет; без денег., без пристанища, без работы — иди куда хочешь, но не дальше Норильска: вечная ссылка. Обязан отмечаться каждую неделю, пока не устроюсь на работу. А на работу без прописки никто не берет — круг заколдован. Пошел к прокурору требовать, чтоб прописали и выдали мои заработанные деньги (с мая 1952 года деньги стали давать у нас в горных лагерях). Прописали меня в ЖЭКе на Нулевом пикете, где-то в бараке, и выдали 700 рублей (а на полторы тысячи сами подписали на заем, только облигации едва ли кто из наших видел). Начал я работать грузчиком на хлебозаводе, потом на базе продтоваров, а с 1959 года стал строителем.

В 1955 году сняли ссылку, выдали паспорта. После первого ранения я был дома в 1941 году и последний раз видел мать. Она умерла в нужде в 1947 году. Было нас у нее девять, четверо не вернулись. Старшая сестра после войны и службы вышла замуж, да вздумала поехать на юг. И получила пять лет по Указу об уходе с работы. Отец — член ВКП(б) с 1917 года, в 1942 году был замполитом минометного полка — вынужден был от меня отказаться, о чем меня уведомило лагерное начальство заранее отпечатанной синей бумажкой. «Отказ» отца действовал до смерти вождя.

Супруга (судьба такая же горькая) из Измаила. Вот так люди и сходились. В 1939-м вышла замуж, в 1940-м году родился сын, в 1941-м мужа взяли в армию, погиб под Одессой. Её в феврале 1945 года арестовали, и осудили на 10 лет лагерей. За что? Мы пограмотнее, чем скажем, эта женщина из Бессарабии, и то не знали, за что сидим. Она же, хоть русская, а читать-писать по-русски не умела: школы-то там были румынские. Следователь ей писал, что хотел. Все подписывала — за это давали свидание с сыном.

Сын вырос в одесской колонии. В 1956 году его отпустили к нам. Жена поехала встречать в Дудинку и не узнала его. А все равно сердце подсказывало, следила за одним парнем. Лишь в автобусе от вокзала сын у нее стал выспрашивать, как проехать на утильбазу (была напротив Круглого озера). «А к кому ты едешь?» — «К маме. — «А кто мама?». — «Решетникова Вера Матвеевна...». Заплакала мать, плакали в автобусе те, кто видел эту встречу, и шофер привез их прямо к нашему бараку.

Больше детей не было. Норильлаг обесплодил. Она тоже реабилитирована в 1958 году. В 1972 году мы уехали из Норильска и — будто что родное бросили. Память о Норильске жутка, а все же в душе остается какая-то вымученная гордость за то, что это мы его построили.

Сейчас бывшие наши норильчане друг для друга ближе родни. Мы видимся, и переписываемся. О пережитом и не вспоминаем — все отболело.

г. Измаил, Одесская обл.
Подготовила к печати А. Макарова.

Под горой, в бараке №14...

Как писатель и врач А.Д. Аграновский помогал заключенным выжить

Речь пойдет о событиях давних. Ближайшее из них произошло почти три десятилетия назад. В 1960 году в издательстве «Советский писатель» вышел сборник произведений Абрама Аграновского «Очерки разных лет». Составлен он был сыновьями писателя — Анатолием и Валерием Аграновскими, известными литераторами. Предисловие к сборнику написал Владимир Тендряков.

Позволю себе привести из того предисловия краткие сведения о первом этапе жизни Аграновского.

«Родился в 1896 году. Прямо из гимназии был взят в солдаты, ранен в первую империалистическую войну. Революция застала студентом Харьковского университета. С 1918 года — член Коммунистической партии. В Гражданскую войну — комиссар госпиталей на Южном фронте, комиссар санчасти 12-й армии. В 1922 году врач Аграновский печатает свой первый фельетон в украинском «Коммунисте». А дальше...очерки, хлесткие фельетоны...в «Известиях», в «Правде». Он зовет к новой жизни, к знаниям, культуре, он бьет бюрократов, перерожденцев, нэпманов, кулаков».

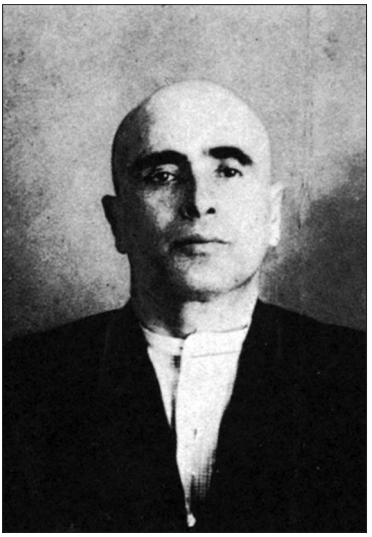
Аграновский выступал не только как наблюдатель, но и как активный участник происходящего. Иногда трудно отличить автора-корреспондента от тех партийных и советских работников, в контакте с которыми он действовал. В большинстве очерков проявляется талант Аграновского-сатирика. Перечитав его очерки и фельетоны, поражаешься, как актуальны они в наши дни.

Абрам Давидович Аграновский, 1916 год

Вот отрывки из книги «Через брюкву к социализму». В каждой странице как на ладони — год её написания: 1929. Очерк «Герой первоначального накопления» кончается филиппикой в адрес руководителей-бюрократов, которые не в состоянии снабдить деревню самым необходимым, а когда такие,

как крестьянин Савкин, возмущаются, их клеймят эсерами, наклеивают на них ярлыки классовых врагов. Савкин, «который впервые после долгого голода попробовал вкус собственного хлеба», считает, что «спешить с коллективами не следует, другое дело — машинное товарищество». И его больше всего возмущает, что он не находит в этом помощи от тех, кто по долгу службы обязан оказать её. «Как не волноваться, — пишет Аграновский, — если прошло еще два месяца после встречи с Савкиным, а перфоратора и по сей день нет?.. Я лично тоже трижды обращался на правах сотрудника центрального органа печати в Вязьму, в московское шефское бюро и в Накромздрав, и никто не удостоил даже ответом... Товарищ Савкин, руку!».

Абрам Давидович Аграновский

Как похоже на то, что мы видим сейчас, на третьем году перестройки, когда старые методы ведения хозяйства отвергнуты, а новые никак не утвердятся, бюрократизм и равнодушие по-прежнему правят бал.

А вот фельетоны на очень близкую и хорошо знакомую тему — о медицинском обслуживании!

«Врач Лазарев... внес предложение считать врача стахановцем в том случае, если на его участке будет выдано больным мало бюллетеней... Директор поликлиники... доктор Швидко объявляет приказом «стахановскую пятидневку» и основным тезисом провозглашает: «Каждый врач обязан внести в тече-

ние пяти дней не меньше трех предложений с общим экономическим эффектом в 300 рублей».

После того как мы познакомились с автором, широко известным в тридцатые годы, продолжим рассказ о его жизни, ведь часть её связана с Норильском.

Обратимся к письму старого норильчанина И.А. Шамиса: «Жил он рядом с Гарри в 15-м бараке, — мне сейчас кажется, что он был несколько выше среднего роста, подтянутый. Обходительный товарищ. В Норильске обратился к своей специальности врача. Только не лечебника, а санитарного.

...Там жила вся «элита» тогдашняя: прежде всего проектировщики, а затем и все остальные представители «мозгового центра» — ИТР. Вагонок тогда не было и в помине, спали сплошняком на нарах в два этажа, разделенных довольно узким проходом. В конце «секции» стояла печка, вечерами раскаленная докрасна. Верх печки сплошь уставлен эмалированными кружками, в которых варился чай — прямо-таки варился, подолгу, аж до черноты. У самой печки и были места Гарри и Аграновского, и инженера Ивана Максуты, моего давнишнего друга, страстно влюбленного в Гарри и буквально за ним ухаживающего. Максута чай кипятил, брил многих (лезвие от «самобрейки» он долго точил о стенки кружки, затем вставлял в деревянную щепку и — бритвенный прибор готов. Но прежде всего он брил Гарри, затем Аграновского. И обшивал их, и в бане мыл. Вот у печки и собирались, — сиживали

Абрам Давидович Аграновский

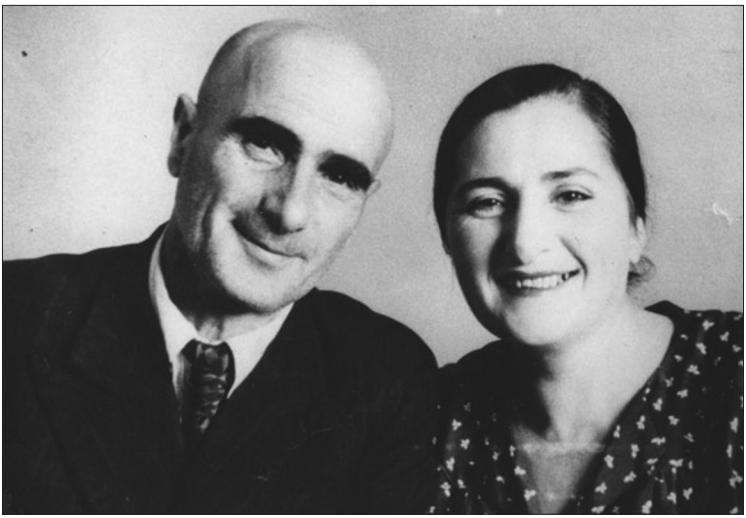
на нарах Гарри-Аграновского и вели разговоры до самого отбоя».

«Все это помню по зиме 39-40 гг., — говорится в письме. — Ох, и снежная, и пуржливая была зима, и морозы здоровые! Однажды сам видел термометр на промплощадке, показывающий 51 градус. Но было тихо — воздух застыл. Мы не работали, но в зону почему-то не уводили, мы то и дело бегали к метеобудке. После этого не помню уж Аграновского: позднее мы слышали , что его выпустили , но что жить ему назначено в городе Красноярске... Из тех вечеров запечатлелось, что Гарри с Аграновским подолгу друг с другом говорили. Мы с Иваном Максутой полеживали рядом и, конечно, не мешали им...».

Интересны воспоминания об А.Д. Аграновском в Норильске, принадлежащие врачу З.И. Розенблюму. Жил Аграновский, по словам Захара Ильича, не в 15-м бараке, а в 14-м. Аграновский первый начал в Норильске борьбу за подлинное соблюдение техники безопасности на производстве.

— И каждый вечер он являлся и все спрашивал меня — правильно ли поступил в том или другом случае. Я давал ему консультации. Это относится к тому времени, когда Абрам Давидович был назначен инспектором САНО (его возглавлял тогда , если не ошибаюсь , Сергей Михайлович Смирнов). Прикрепили Аграновского к Жилстрою-2, который вел работы по сооружению жилых домов так называемого Соцгорода, на Октябрьском шоссе... Во главе Жилстроя был Николай Николаевич Рознатовский. Аграновский ходил по стройплощадке и лесам этих деревянных двухэтажных домов с сумкой через плечо. Тогда еще и медпунктов не было на норильских стройплощадках.

Из письма И.А. Шамиса (1972 год): «И вот, рассказывает Захар Ильич, случилось так, что один работяга получил на стройке серьезную травму — сломалось бедро. Беднягу увезли в зону, но и там медицина еще была в стадии становления (начало зимы 1939 -1940 гг.).

Супруги Аграновские: Абрам Давидович и Фаня Абрамовна

Привезли больного, явились к докторам — говорите, что вам нужно, чтобы лечить. Ну Кузнецова — травматолог, ортопед, хирург, имевшая уже тогда степень кандидата медицинских наук, взяла да и нарисовала, что нужно: станок для вытяжки и еще какие-то приспособления...

— И представьте себе, — восклицает Захар Ильич, — все это было изготовлено по всем правилам к утру. Ну да вы же знаете, — в Норильске и Луну могли бы изготовить, если бы это надо было.

Но дело тут в Аграновском: он поднял шум! «Как это так? Кто это допустил? Что это за организация работ такая, что люди калечатся?». Взялся он за это, как старый заправский правдист. Потребовал, чтоб такое больше не повторялось; чтобы приковать внимание к вопросам техники безопасности на стройке и.т.п., чтобы судили виновного в травме, нанесенной работяге. Такого еще не бывало в Норильске: травмы, конечно, случались, но все сходило с рук. Аграновский восстал против этого. Судили виновного. И прорабы,

Семья Аграновских

и строймастера стали внимательней относиться к вопросам техники безопасности.

Доктор Розенблюм говорит, что Абрам Давидович был, по всем данным, первым, кто поднял вопрос техники безопасности на стройках Норильска на принципиальную высоту; по крайней мере. Одним из тех, кто организовал первую конференцию врачей в Норильске. Так как объекты Жилстрой-2 были в разных местах, то Абрама Давыдовича расконвоировали, он получил возможность организовать всю медицинскую братию и созвать конференции. С тех пор это вошло в традицию: собирались, делились опытом, прочитанным. В маленьком деревянном здании рядом с ДИТ-Ром, где находилась больница для вольнонаемных, был конференц-зал. Там вывесили всякие экспонаты, там регулярно собирались врачи. Дел и вопросов было много, ибо многое было внове: работа в полярную ночь, возможность заболевания цингой, санитария-гигиена в тех условиях и.т.д.

...О Валерии и Анатолии д-р Розенблюм говорит, что у него сложилась убежденность в том, что особен-

но большую заинтересованность в узнавании условий жизни отца проявил Валерий. Он, приехав с другими корреспондентами в Норильск (в 56-м?) нашел Захара Ильича и много расспрашивал его об отце. Валерий показал фото отца времен его житья в Норильске: бородища большая, глаза неспокойные; вообще, фотография какая-то необычная».

Не хочу сейчас комментировать эти выдержки из писем... Важны и интересны многие детали, штрихи и к образу А.Д. Аграновского, и к истории становления норильской медицины.

В декабре 1971 года я отправил письмо Анатолию Абрамовичу Аграновскому в надежде получить от него дополнительные сведения о его отце, о его пребывании в Норильске. Ответ пришел быстро:

«Благодарен вам за память об отце, мне ваше желание написать о нем, разумеется, очень приятно. Был А.Д. Аграновский серьезным журналистом, смею даже сказать, одним из известнейших фельетонистов 30-х годов. Если вы возьмете БСЭ (первое, «красное» издание), то в статье «Фельетон» найдете его фамилию в числе четырех лучших советских фельетонистов...

Потом был Норильск — где работал он врачом, стал даже одним из руководителей санслужбы... Вернулся он, сравнительно с другими, рано, в 1942 году, снова стал журналистом, работал в «Красноярском рабочем», потом был спец. корреспондентом «Огонька», был принят в члены Союза писателей. Умер в 1951 году, в командировке, в деревне Баландино Челябинской области, когда работал над очередной своей книгой.

К сожалению, материалов об отце дома у меня почти нет... Что ещё? Норильский период жизни отца известен мне хуже. Но, судя по тому, что знаю, он там оставался человеком принципиальным, смелым, многих спасал от гибели, налаживал норильскую медицину и даже (это я точно знаю) провел в Норильске первую заполярную конференцию ученых-медиков (а силы в тамошних местах собрались, увы, немалые).

Если будете в Москве, охотно встречусь с вами, покажу то немногое (фотографии, книжки), что сохранилось у меня... Желаю вам творческих успехов. С уважением А. Аграновский».

Встретиться не удалось, не могу простить себе этого. 17 апреля 1984 года прочитал в «Известиях»:

«Нет талантливейшего публициста наших дней, чье имя было — и останется! — гордостью советской печати. Его строка, его слово входили в память, по-грибоедовски становились нарицательными, как песня, жили среди нас.

Нет блистательного газетчика... Он был давно уже признанным писателем — автор десятков книг, документальных и художественных киносценариев...

Его отцом был корреспондент «Известий», известнейший журналист тридцатых годов А.Д. Аграновский...».

Из заявления В.А. Аграновского в городское управление внутренних дел Норильска 11 мая 1988 г.

«Уважаемые товарищи! Обращаюсь к вам с просьбой, имеющей одновременно личный и общественный характер. Я — писатель, член Союза писателей СССР. В настоящий момент по просьбе центральных журналов пишу книгу о моем отце, старом коммунисте, когда-то работавшем корреспондентом «Известий» и «Правды» — Аграновском А.Д.

В период с января 1938 года по октябрь 1941 года он отбывал наказание в норильских лагерях. В 1942 году отец был командирован в Красноярск, приговор по его делу был отменен Пленумом Верховного суда СССР, а затем 4 июля 1942 года отец реабилитирован, восстановлен в партии и возвращен в Москву. В 1951 году отец умер, работая специальным корреспондентом журнала «Огонек».

Мне известно, что, находясь в Норильске, отец написал книгу под названием «Записки журналиста» — о своих встречах с Калининым, Горь-

ким, Луначарским, Бухариным, Демьяном Бедным и другими общественными и литературными деятелями. Книга писалась им в тетрадях с проштепелеванными страницами, а когда отца перевозили в Красноярск для нового расследования, завершившегося реабилитацией, эту рукопись он отдал руководству Норильлага или соответствующим его службам.

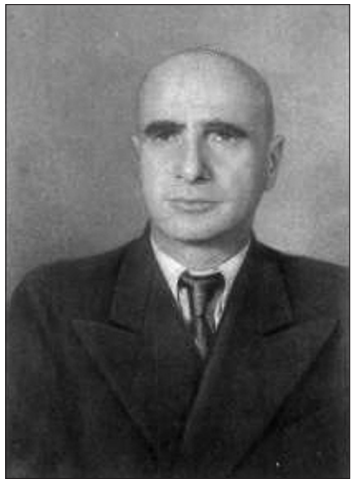
Просьба моя проста, хотя и сложна к исполнению: найти эту рукопись в вашем архиве или архиве Норильского комбината.

Понимаю, что задача не из легких. Но очень надеюсь на сочувственное отношение к моей просьбе плюс ваш энтузиазм. Издание этой книги сегодня представляет чрезвычайно большую и важную задачу, уж не говорю о том интересе, который есть не только у меня, но у сотрудников и редакторов упомянутых мною печатных изданий.

Мое обращение к работникам Красноярского КГБ результата не дало: мне любезно сообщили, что в их архиве рукописи нет и посоветовали искать её либо в Москве (я искал, но — увы!), либо у вас».

Об этом же сообщил Валерий Абрамович и автору этих строк: «В лагере, насколько мне известно, папа написал книгу «Записки журналиста», описывая свою работу в газетах «Известия» и «Правда», причем писал он в тетрадях, которые выдавались ему начальством... Вдруг вы каким-то образом, тщательно и по крупицам собирая историю Норильска, что-то знаете и об отце, и о его рукописи?

Понимаю, что ставлю перед вами задачу не из простых, но прошу меня великодушно простить, тем более что печальный интерес к тем временам возник у меня давно. Мне удалось уже после смерти отца проехать весь его путь от Москвы до Норильска (через Красноярск — Злобино на правом берегу, где была пересылка, — Игарку — Дудинку), найти людей, которые с ним сидели в Норильске, и даже человека, который рукояткой пистолета выбил папе зубы, уже там, в Норильске,

Абрам Давидович Аграновский

когда отец однажды попал на Кайеркан на несколько суток.

(Думаю, имеется в виду не Кайеркан, а Каларгон, где был в сороковые годы страшный штрафной лагпункт-изолятор при каменном карьере — С.Н.).

Увы, рукопись так и не обнаружилась, о ней никто ничего не знает. Небольшой компенсацией утраты явилась найденная мною другая рукопись: в декабре 1940 года врачи-заключенные, отбывавшие срок в Норильске, собрались на врачебную конференцию (факт, наверное, уникальный!), и отец сделал на конференции доклад. Так вот, доклад этот я нашел в совершенно нечитаемом виде, но восстановил его полностью не без помощи специалистов».

К сожалению, я ничем не мог помочь в поисках рукописи, о чем и сообщил Валерию Абрамовичу. Он ответил, что книгу об отце уже почти закончил.

«В неё вошли, главным образом, письма мамы и папы нам с Анатолием из лагеря и наши письма с братом — в лагеря. Как вы понимаете, наши письма сохранились почти все, ибо их пронесли через все трудности и годы папа и мама и привезли с собой, когда вернулись. А вот от их писем — ничтожные крохи: мы, дети, оказались и менее бережливыми, и не так прозорливы, как родители... Но книга все же получается: память у меня хорошая, я почти все запомнил: и как арестовали папу, и как маму уводили из дома, и как мы потом впервые встретились, и как жили мы с Анатолием те годы одни, и наше пребывание в детприемнике, и если скупые рассказы папы (он очень боялся, как бы

мы с Толей не обозлились на власти), и веселые, как ни странно, мамины воспоминания о лагерной жизни сначала в Сегеже, а потов Казахстане... И документы мне удалось сохранить в целости, и доклад папы тоже лег в книгу с теми подробностями, которые я узнал от З.И. Розенблюма.

Книга называется «Последний долг». Это — мой долг перед вами и всеми, кто пережил и не пережил те годы».

И еще несколько строк — из другого письма Валерия Абрамовича:

«Я понял, что все, связанное с тем временем, когда страдали мои и наши родители, одновременно и боль моего поколения, и его исцеленье. Между прочим, эпиграфом к задуманной мною и почти написанной книге, которую я назвал «Последний долг», взят у Бредбери: «Когда спросят нас, что мы делаем, мы ответим: мы вспоминаем».

А может быть кто-нибудь из читателей «Заполярной правды», познакомившись с этими заметками, даст нам еще одну ниточку к поискам норильской рукописи Абрама Аграновского?

С. Норильский

Памятник на озере Лама погибшим узникам Норильлага из Прибалтики

И.Т. Сидоров:

«Боль озера Лама»

Уже третью экспедицию из Литвы за весьма короткое время встретил наш городской музей истории освоения и развития Норильского промышленного района. В ее составе — молодые ребята из Вильнюса, представляющие созданное при литовском фонде культуры общество «Воинские могилы» — студенты, будущие историки Альгимантас Голинскас, Раймондас Гальчимас, Эвальдас Янсас, журналистки Юрга Лаукайтите, Рите Граткаускайте. Глубокое уважение вызывает работа наших гостей по восстановлению памяти о жертвах сталинских репрессий в Литве.

Стало известно уже многое, в том числе подробности трагического июня 1941 года, когда несправедливо обвиненные в «ярой приверженности к фашизму», были арестованы и отправлены в Норильлаг литовские военные: рядовые и офицеры, высший командный состав — всего более 1000 человек. Происками «врагов народа» пытались объяснить растерянность и панику первых дней Великой Отечественной войны.

Антанас Малиенис сейчас на пенсии, живет в Каунасе, встречается с участниками всех экспедиций в Норильск. Для молодежи он как живая «Книга памяти». Недавно его воспоминания о Ламе появились в журнале и двух газетах на литовском языке. Благодаря этим и прочим публикациям в Прибалтике история особого лагеря для высшего командного состава, много лет обставленная слухами и легендами, перестала быть тайной за семью печатями. В могилах четырех похороненных на Ламе литовцев — лейтенанта-полковника Петраса Даукшиса, майора Антанаса Дапкуса и полковников Лионаса Рубшиса и Альфонсаса Склерюса — появился нынче мемориальный знак на двух языках.

Помог в установлении этих имен ветеран Норильска, друг А. Малиениса — Иван Терентьевич Сидоров, в те же годы находившийся в заключении в Норильлаге и затем много лет сохранявший могилы погибших на Ламе.

Гораздо меньше известно в Литве о жизни и работе в Норильске большой группы репрессированных в 1941 году военных: рядовых и младших офицеров. Клубом «Трентинис» только что передан список норильскому «Мемориалу» из 286 фамилий — это картотека репрессированных литовских военных. Больно видеть в ней частые записи: «умер в Норильске», «похоронен в Норильске». Здесь немало знакомых норильчанам имен, только звучание их на русском и литовском чуть разнится.

Новая экспедиция выехала недавно на озеро Лама.

Август 1999 г.
«Заполярная правда»

Иван Терентьевич Сидоров долго держал связь с теми, кого беззаконно оправили из Литвы, Латвии и Эстонии в норильские лагеря на озеро Лама. Он написал о временах репрессий, будучи сам репрессированным, рассказывал норильчанам о том, какие муки приняли сосланные офицеры из Прибалтики. Он первым лично поставил памятники погибшим на Ламе.

Озеро Лама находится в 150 км от Норильска и стало осваиваться при А.П. Завенягине.

Это было на Ламе

Об авторе. Иван Терентьевич Сидоров, 1918 года рождения, был участником советско-финской войны 1939 — 1940 годов. Трижды раненым попал в плен. После окончания войны и обмена пленными весной 1940 года был арестован «за слабое сопротивление белофиннам», заочно осужден как «изменник Родины» и отправлен на пять лет в Норильлаг. Реабилитирован в апреле 1958 года. Долгие годы жил в Норильске.

Что помогло ему уцелеть в страшные годы? Молодость, умение работать, как он считает. К тому же весной 1941-го повезло — отправили И. Т. Сидорова на строительство Дома отдыха на озере Лама. Вскоре он стал там свидетелем горестного события — под конвоем на Ламу привезли репрессированных без суда и следствия офицеров артиллерийских войск Литвы, Латвии и Эстонии. Рядом с ними он жил и работал всю войну. С тех дней минуло ровно 50 лет...

Помню, это было 12-мая 1941-года. В наш пятый барак 2-го лаготделения нарядчик Терехов привел высокого мужчину, одетого в длинную черную котиковую доху. Я лежал на верхней полке двухъярусных нар, внизу подо мной находился, больной Давид Наумович Штеренглуз, рядом — наш бригадир Николай Филиппович Вольмар. Нарядчик и человек в бурке подбирали двух строителей для отправки куда-то еще дальше Норильска. Штеренглуз и Вольмар — наши старшие товарищи, обоим было за сорок — предложили взять из бригады меня и Сергея Борисова. Сергей— столяр по профессии, а я до армии учился в техникуме по деревянным конструкциям...То ли жалея нас (мы были моложе всех

в бригаде), то ли еще почему, пожалуй, из хороших соображений нас «подставили».

Утром 13 мая тот же нарядчик Терехов повел меня по железнодорожному полотну в поселок Валек, а Борисова почему-то привезли неделю спустя. На Вальке начальник лагпункта И. П. Мазуров отправил меня в гидропорт, и тот же человек в бурке, приняв от Мазурова, дал мне команду устраиваться в двухмоторном зеленом самолете. Сам он летел в кабине с летчиками, а я — среди разного груза — ящиков с гвоздями, дверных полотен и оконных рам, продуктов.

Самолет опустился на полосу снега, обнесенную елками, в сотне метров от озера Лама. Нас встречали пять грузчиков, одетых в бушлаты, шапки-сиблонки, все в серых валенках. Шестой был в форме младшего командира НКВД, он доложил человеку в черной дохе: «Гражданин начальник! За время вашего отсутствия происшествий не было, если не считать, что сегодня я досадил в карцер прораба и бухгалтера, а пекарь где-то спрятался.» — «Что они натворили?» — «Воровали сахар с кухни заключенных, варили бражку». — «Я разберусь,» — сказал начальник, одновременно приказав разгружать самолет, а меня отвести в палатку и с этого дня поставить на довольствие.

Памятник на озере Лама погибшим узникам Норильлага из Прибалтики

У подножия двух гор, почти у самой кромки льда, стояли четыре палатки. Одна большая, человек на сорок, с двухъярусной вагонкой и двумя печками-буржуйками.

А жило в ней всего 12 человек, все столяры-плотники по профессии, все — заключенные. Одну из маленьких палаток, в пятидесяти метрах от зоны, занимал начальник строящего Дома отдыха на Ламе, он же — начальник участка Семен Анатольевич Антонов, с ним жили два стрелка. В другой палатке размещался ларек для вольнонаемных и гостей, где можно было купить масло, сахар, махорку, мыло и пр. В нем жил и торговал заключенный Григорий Захарович» Хохлов. В такой же палатке хранилось вещдовольствие лагпункта, ее хозяином был Алексей Семенович Карабанов, осужденный по бытовой статье на 8 лет.

Лагпункт на Ламе был обнесен колючей проволокой в одну линию с трех сторон, четвертую— ограничивало озеро. В зоне находились также пекарня, кухня, конюшня с тремя лошадьми. Был и карцер, вроде балка, сколоченного из протесанных с двух сторон бревен, без окон, с массивной дверью и железной накладкой. Проволочные ворота зоны не закрывались, но около них стоял в белой дубленой шубе стрелок.

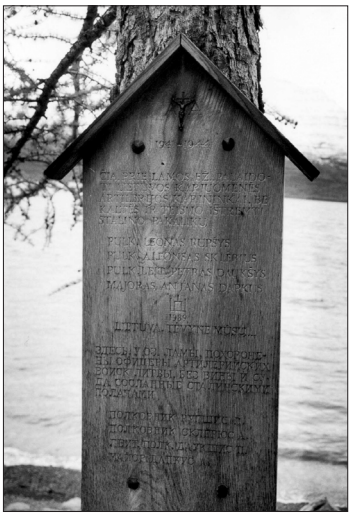
В лесу, в трехстах метрах от зоны, заканчивалось строительство Дома отдыха для норильчан. Начато оно было в зиму 1939 года, а в 1940 году большинство заключенных (их была сотня) вывезли в Норильск в тяжелом состоянии. В начале года разыгралась черная пурга, выпало большое количество снега, и на озерный лед выступила вода. Поэтому сюда не смогли пройти оленьи аргиши, не представлялось возможности посадить самолет. Попытки сбросить продукты с самолета не принесли результатов: все терялось в глубоком снегу или наледи. Вот тогда-то начались болезни, голод. Апрель 1940 года стал месяцем эвакуации больных. Все это я услышал от тех двенадцати человек, что жили в большой палатке. С ними я на следующее утро вышел на разнарядку.

Все мы отправились работать на большой дом — его готовили к открытию в начале июля. Поэтому

почти с каждым рейсом самолета, в зависимости от погоды, на Ламу привозили еще заключенных — то одного, то двух. Кроме Борисова, привезли еще Володю Смирнова и двух братьев Яценко с небольшими сроками по бытовым статьям. Некоторых заключенных по заключению врача отправили в Норильлаг.

О начале войны мы узнали не сразу, заметили только изменения в настроении и поведении вольнонаемных: начальника, радиста Ивана Молчанова, стрелков. И разговор об отдыхе в Доме отпал сам собой. «Особо опасных» — врагов народа, осужденных по ст. 58, — отправили в Норильск, потому нас осталось совсем мало, только обслуживающий персонал. Отдыхать на Ламу приехали пионеры уже в третий раз, отдыхали они здесь в 1939 и в 1940-м, прибыли и в 1941-м. Нужно было помочь им устроиться, разбить площадку под линейку, готовить дрова для кухни, ловить рыбу и выполнять другие хозяйственные работы.

В начале августа поступило распоряжение вместо барака на 40 человек, который мы строили, установить в срочном порядке палатку на 40 человек в таком месте, чтобы она просматривалась со всех сторон, и обнести колючей проволокой. Внутри палатки требовалось установить двухъярусную вагонку. Так и было сделано, правда, грубовато, второпях, построили жилище даже на 42 места. Досок не было, пришлось с двух сторон протесывать жерди.

Памятник на озере Лама погибшим узникам Норильлага из Прибалтики

Август выдался теплым, много собирали грибов, ягод, бродя по лесу после работы. В один из таких дней к берегу у Дома отдыха на Ламе пристали два катера — «Сокол» и «Норилец», связанные между собой. Мы стояли на берегу и смотрели на такое необычное судно, пока стрелок Чупин не отогнал нас метров на полсотни от трапа, по которому с трудом сходили на берег пожилые военные люди — 41 человек. Прораб Астахов, каптер Карабанов (им больше доверяли) помогали им спускаться по трапу, несли чемоданы.

Строго, как по линейке, они выстроились на берегу, поставив у ног вещи: чемоданы, портфели из хорошей кожи — довольно много было вещей у каждого. Никто не давал им команду строиться, тем не менее каждый встал в строй. Образовалась прямая шеренга: четыре генерала справа, потом полковники, подполковники и замыкающими два майора. Это были военнослужащие Латвии, Литвы и Эстонии. Сопровождал их сам начальник Норильлага Еремеев, командир отделения НКВД (тот, что встречал и меня) и стрелок с овчаркой.

Август на Ламе — время затишья перед осенними бурями. На озере полный штиль, и даже негромкий разговор слышен далеко. Хотя мы и стояли поодаль, слышали каждое слово.

Одетые, как принято говорить, «с иголочки» в английское сукно и шерсть, со знаками различия на форме согласно званиям, затянутые, как положено, ремнями, в начищенных до блеска сапогах, прибалтийские офицеры молча ждали команды. Смотреть на их строй было и приятно, и как-то страшновато.

Им разрешили стать вольно, покурить (курящих оказалось совсем мало), сесть на берег, или на чемоданы. Каждому приказали пройти «обработку», сдать золотые вещи (часы, сувениры) и получить взамен квитанцию «до особого решения в верхах». Забрав собранные ценности, Еремеев, командир

отделения и стрелок с собакой на тех же катерах ушли в Норильск.

После тяжелой и длинной дороги прибывшим дали три дня отдыха. Позднее эстонец Харальд Росте рассказал мне, как попали на Ламу прибалтийские офицеры. В 1940 году, после присоединения прибалтийских республик к Советскому Союзу, советское правительство пригласило высшее военное командование (главным образом, артиллеристов) в Военную Академию для ознакомления с уставами и положениями в Красной Армии. А после 22 июня 1941 года советское правительство как бы выразило недоверие командирам из Прибалтики, арестовав их и отправив в тыл России. 28 июня специальный вагон повез их в Сибирь. Их путь до Норильска длился два месяца. Десять человек по дороге заболели и были сняты с этапа. Остальные без следствия и суда отправлены в лагерь на Ламу.

Позади их палатки была установлена вышка с круговым обзором. Первое время (ночное) стоял охранник. Вскорости всю эту группу прибалтийцев мы стали называть одним словом «генералы». Говорили: «Сходи в генеральскую палатку и передай тому-то распоряжение гражданина начальника пойти на работу в пекарню или на кухню». Невольно нас разделили на два лагеря, хотя палатки стояли в одной зоне. Врач Хаскин каждое утро докладывал начальству: «Больных сегодня десять человек — шесть из генералов, четверо наших...»

Радист Иван Молчанов, вольнонаемный, жил в своем рубленом домике-радиостанции на горе, и каждый день в 17 часов он выходил на переговоры

с Норильлагом. Общаться с нами, заключенными, ему было запрещено, но он угощал нас иногда папиросами «Казбек». Спустя пять дней после прибытия «генералов» он получил радиограмму:

«Использовать на физической работе с учетом физических возможностей и способностей каждого прибалтийца».

Их трудовое крещение состоялось на огороде. В километре от Дома отдыха планировалось разработать гектар огорода. Генеральская бригада, за исключением двух больных, была построена и передана агроному Александру Семеновичу Озерову. Он был осужден но статье 58 на 10 лет заключения, в Норильск его привезли из Соловков в 1939 году. По натуре Озеров был тяжелым человеком. Выслуживаясь перед начальством, он заставлял «генералов» перекапывать грядки, кричал, требуя выполнения норм от этих немолодых людей, не привыкших к такому труду. Тяжелую глинистую землю не брал и плуг, запряженный лошадьми. Две недели генеральская бригада мучилась на огороде, причем в своем военном обмундировании, пока наконец не пришел приказ — переодеть...

Вот тогда-то все перемешалось, два лагеря слились в один, в одинаковых ватных брюках и телогрейках трудно было различить, кто какой национальности.

Из Норильска поступило новое распоряжение: решено было нашими руками проделать большую работу на этом побережье озера Лама — построить витаминную установку, котельную, насосную и два больших барака, рубленых или каркасно-засыпных. Вспыхнувшая во всех лагерях Норильска цинга торопила нас. Все работы по строительству необходимо было проделать в зиму 1941—1942 годов, самую тяжелую зиму нашей страны. Распределились, кто чем сможет заниматься, создали звенья строителей, заготовщиков дров, сплавщиков леса.

Памятник на озере Лама погибшим узникам Норильлага из Прибалтики

Необходимо было приплавить как можно больше леса с другой стороны озера, пока вода не замерзла, и на своем берегу за 4—5 километров отправляться за лесом. На противоположный берег каждый день уходили три лодки, в каждой по три человека — двое на веслах, один в корме. На буксире тянули по десять-двенадцать связанных лиственниц. По норме требовалось сделать один рейс. Нужно было свалить деревья, обрезать сучья, стянуть их в воду, вязать и приплавить по озеру на наш берег.

Были случаи, когда на озере разыгрывался шторм, и всю нашу «флотилию» относило далеко в сторону. Рудольф Тууль, эстонец, назначенный старшим по сплаву, говорил, что не раз крестясь, сплавщики смотрели на восток и прощались мысленно с родными. Начальство, наблюдавшее за работами в бинокль, в таких случаях отправляло нас на выручку Карабанова, Борисова, меня, временно отдав нам свою морскую шлюпку. К счастью, утонувших не было.

Карабанов, уроженец Удмуртии, с детства умел тесать, пилить, строгать и с помещения для витаминной установки он кмел не просто руководить,

а и сам впрягался в работу, брался за самое тяжелое, чтобы за нами пошли и также научились плотничать «генералы».

Карабанов, уроженец Удмуртии, с детства умел тесать, пилить строгать и с гордостью показывал свои способности. Да и меня отец, с детства, приучал столярничать, да в техникуме два года учили строить деревянные дома. Вот так мы с Карабановым оказались главными строителями на Ламе на всю зиму — с морозами за 50 градусов, без актировок. Борисову поручили столярку, он работал в закрытом помещении.

К зиме на Ламу успели доставить локомобиль, всем населением мы его вытащили на берег, установили на фундамент, а потом обнесли стенами—получилась котельная.

Тогда же прибыло на Ламу пополнение: механик Николай Дехнич, электрик Александр Литинский — зеки с большими сроками, они жили отдельно в палатке ИТР с прорабом и бухгалтером.

Из генеральской бригады нередко заболевали в день по десять-двенадцать человек. Тогда же некоторые из них стали устраиваться на «блатную» работу, например, Сидзикаускас стал инструментальщиком, Роотс — помощником бухгалтера, генерала Бреде и грузина Перцхалашвили назначили машинистами локомобиля. Врач Хаскин выпросил себе в помощники Ринковича. В ноябре озеро покрылось льдом. Потянулась тяжелая однообразная жизнь. Подъем, построение, десять часов работы на стройке, тухлая баланда из капусты с кусочком хлеба, отбой в 23 часа...

Скоро втянулись в работу и поняли нехитрое плотницкое дело Жидс, Карклиныд, Нурк Тамм Пеникис Дапкус, Матулис и другие из «генеральской бригады. Начиная новое здание, два угла занимали и выводили под крышу мы с Карабановым, а еще два — Жиде и Карклиньш. Многими другими делами — нужно было пилить, шкурить, протесывать

бревна, собирать по лесу, расчищая снег, разогревать мох на железном листе у костра — этим тоже занимались «генералы».

Я уже пережил одну зиму в Заполярье с ее ночами, но здесь, на Ламе, ночи казались еще темнее, наверное потому, что все работы проводились с кострами и фонарями «летучая мышь». Дважды в день наведывался к нам в своей черной котиковой дохе гражданин начальник. В большие морозы (сколько градусов, нам никогда не говорили) начальник угощал нас иногда разведенным спиртом, граммов по 50—70.

Один из прибалтийцев генерал Каулер, оказался мастером по подшивке валенок — обувь на работе прямо «горела», и я как-то пришел к нему вечером, неся свои серые валенки в ремонт. У генерала Каулера еще во время «обработки» (обыска) отобрали слуховой аппарат (вероятно, был с позолотой), а потому, разговаривая с ним, приходилось кричать. Мне кажется, глухота спасала его: его не расстраивало то, что происходило в нашем небольшом лагере, до его сознания все доходило позже.

Декабрь шел к концу, и я нырнул в снежный туннель, чтобы добраться да двери крошечной мастерской, занесенной снегом. Торчала лишь железная труба, из которой слегка дымило или парило.

Открыл сам Каулер. Ему было за пятьдесят. В мастерской на маленьком столике, среди обрезков войлока и кожи, баночек с гвоздями и инструментов, стояла ветка ели, к ней был привязан крохотный слоник, рядом горела тонкая свеча, «Сувениры от жены», — догадался я. В мастерской стоял полумрак, располагавший к беседе, и я осмелился задать Каулеру вопрос:

— Товарищ Каулер, вы, наверное, здорово обижены на Советскую власть? — прокричал я ему. А он ответил совсем тихо, как все глухие.

— Мне, молодой человек, вероятно, не придется долго жить: возраст — это прежде всего, да и усло-

Памятник на озере Лама погибшим узникам Норильлага из Прибалтики

вия... А ты еще молод, у тебя все впереди, запомни одно. Получилось так, что Советское правительство просто спрятало нас, командиров прибалтийских стран, от большой и страшной войны. Над нами не рвутся снаряды, не летают самолеты, несущие смерть.

Он достал еще одну тонкую свечку и закрепил в железной банке. Не менее трех часов слушал я этого интересного собеседника, а ему хотелось рассказывать мне все, даже, как он выразился, то, чего не говорил никому никогда, А мне хотелось его слушать и удивляться. Передо мной сидел человек «капиталистического общества», богатый когда-то и из богатой семьи, образованный, отлично говоривший по-русски и — умеющий хорошо подшивать валенки. В моем представлении этот старик в очках с темной бородкой и усами, был пророком, умевшим по звездам определить, какая завтра будет погода, и даже предвидеть будущее.

Это он показал мне однажды, как горит всевозможными красками горизонт. «Смотри, сынок! Это не повторяется! И увидеть такую красоту можно только здесь.» И еще он сказал тогда: «Запомни на все времена, пока будешь жить. Россию еще никто и никогда не побеждал. И несмотря на то, что немцы подошли к Москве, Россия в войне победит».

Через два года Каулер был расстрелян.

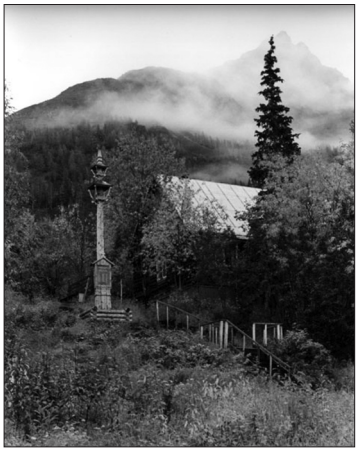
Зима 1941—1942 годов, для жителей Ламы была очень тяжелой. Недостаточно завезли продуктов, с учетом дополнительно прибывших людей. Цинга косила людей не только в Норильске, но и у нас на Ламе. А когда цинга подружилась с дизентерией, большинство заключенных начало болеть. За зиму похоронили 14 человек — все они были из Прибалтики. Некоторых в тяжелом состоянии удалось отправить в Норильск самолетом или другим транспортом, их судьбы я не знаю.

Голодная смерть гораздо страшнее, чем на фронте в бою (мне это знакомо). К ней приближаешься медленно, на что-то еще надеясь. Жутко было видеть, как на замерзшей помойке, куда выносили отбросы с кухни и пекарни, копался человек, голыми пальцами выковыривая и отогревая кусочки пищи. От случайного шороха или скрипа человеческая тень убегала, как вспугнутый зверь. На ночную «охоту» ходило большинство, скрывая друг от друга, чем удалось поживиться и утолить голод.

Еще страшней было слышать, как заключенный вор Смирнов, работающий возчиком на лошади, при встрече днем или в очереди на кухню беззастенчиво спрашивал: «Ну, генерал, когда отдашь концы? Курить нечего...» (Две пачки махорки давали тому, кто выроет могилу, одну — тому, кто сделает гроб).

Мы знали, что в озере много рыбы, но ловить ее — нужно иметь силу пробить лунку в полутораметровом льду, не всегда и охранник имел настроение отпустить троих-четверых на рыбалку, да и после трудного дня на стройке хотелось скорей добраться до нар.

Было заметно, что все прибалты как бы духовно подчинялись или молча советовались с представителем религии. Это был Иомертс — высокого роста, полный, тихий в разговоре. Я никогда не видел, чтобы он улыбался. Ему всегда и все почтительно кланялись. Как правило, в одно и то же время он спускался к озеру, долго стоял на берегу. Именно его

Памятник на озере Лама погибшим узникам Норильлага из Прибалтики

избрали старостой, хотя он и не был старше всех по возрасту. Он не ходил на помойку ночью, но с ним делились, чем могли. В одну из холодных ночей 1842 года Иомертс умер. Он был не первым покойником на Ламе. Хоронили его все, весь лагерь, пришли даже больные и истощенные. И вырыта его могила была глубже, чем другие в «поселке Хаскина», как звали мы кладбище на Ламе. Когда пришло лето, друзья приволокли на могилу Иомертса тяжелую прямоугольную каменную плиту, удачно «вытесанную» самой природой. Остальные могилы отмечали обычной палкой с прибитой к ней дощечкой, где указывались имя и фамилия.

Мне, русскому, трудно правильно назвать все фамилии тех, кто навсегда остался на побережье красивого озера Лама, но я записал их на самодельном памятнике (сейчас прибалтийскими экспедициями здесь установлены новые памятные и мемориальные знаки). Мне хотелось рассказать об этом маленьком лагпункте, много сделавшем для норильчан. Все помнят «витаминный квас», спасавший заключенных и вольнонаемных от цинги.

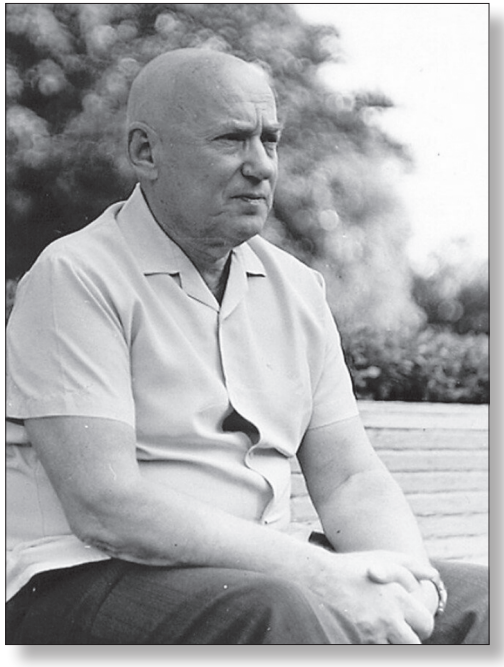
Еще в начале 1942 года оленьими аргишами на Ламу доставили оборудование для установки, тогда же прибыл и ее конструктор, инженер-химик заключенный Григорий Соломонович Калюсский. С появлением хвои на деревьях витаминная установка на Ламе заработала на полную мощность. Смешанная бригада из 20 заключенных ежедневно собирала хвою (норма — один мешок). Остальные

заготовляли дрова, потом нашли уголь, собирали и сушили чернику, солили грибы, отправляя самолетами в Норильск. Весна и лето принесли частичное послабление режима, содержания заключенных — это зависело от положения на фронтах. Все палатки, в которых мы зимовали, были заменены на рубленые бараки и балки.

Оставшиеся в живых прибалтийцы были постепенно вывезены с Ламы, главным образом, по состоянию здоровья.

10 августа 1991 года по улицам Норильска прошла процессия с флагами Эстонии, Латвии и Литвы к старому кладбищу под горой Шмидтиха. Здесь состоялась церемония открытия памятника военнослужащим этих государств, сосланных в Норильск в 1941 году.

Снегов Сергей Александрович

Снегов Сергей Александрович:

«Жизнь и судьба»

Настоящее имя Сергея Александровича Снегова — Козерюк, позже по паспорту — Сергей Иосифович Штейн. Родился он в Одессе 23 июня 1910 года, но в метрике ошибочно записали 23 июля, 5 августа по новому стилю. Его отец Козырюк Александр Исидорович, полугрек-полунемец, большевик-подпольщик, а в 20-е годы — заместитель начальника Ростовского ЧК, оставил семью, когда будущий писатель был еще маленьким. Его мать, Зинаида Сергеевна, вторично вышла замуж за одесского журналиста Иосифа Штейна, который сыграл в судьбе Сережи огромную роль. Именно он настоял на том, чтобы мальчик, в свое время исключенный из второго класса гимназии, в 12 лет стал шестиклассником рабочей школы. Однако время и судьба подкинули юному одесситу поразительные выверты: школа надоела, и, выкрав документы, он поступает в одесский физхим на физический факультет. Но физика соседствует в его сердце с философией, его теоретические работы привлекают к себе внимание, и в 21 год специальным приказом наркома просвещения Украины, продолжая учиться на физфаке, он назначается на должность доцента кафедры философии. Перед ним открываются блестящие перспективы, но... При проверке в его лекциях обнаружено отступление от норм марксизма-ленинизма.

Философию приходится оставить. Остается физика. Будущий писатель переехал в Ленинград, работал инженером на заводе «Пирометр». Но в 1936 году его арестовали и отправили в Москву. Готовилось новое большое дело: три друга, три молодых и очень перспективных ученых, дети видных и разных родителей (революционер с дореволюционным стажем, известный меньшевик, соратник Дана, и один из лидеров партии правых эсеров) соединились для того, чтобы разрушить власть, которая дала им путевку в жизнь. Один из обвиняемых сломался, впоследствии сошел с ума и умер в лагерях. С другим

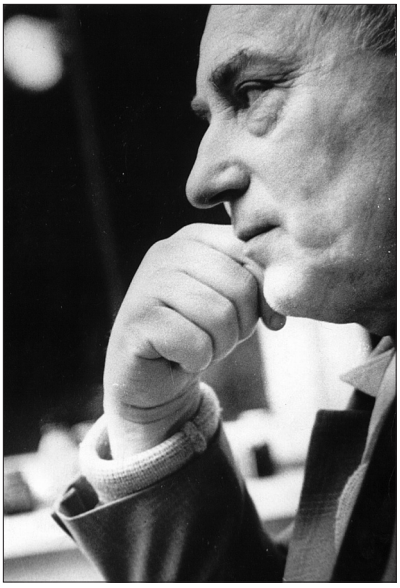
будущий писатель был почти незнаком. И, возможно, всех троих спасло то, что Сергей Снегов так и прошел отказником, не наговорил на себя, хотя — редчайший случай — провел в камерах Лубянки 9 месяцев. Но так или иначе, открытого процесса не получилось. И в 1937 году, получив по решению Высшей Военной Коллегии Верховного Суда СССР (прокурор — Вышинский, судья — Никитченко, будущий главный советский судья на Нюрнбергском процессе) 10 лет лагерей, Снегов отправился по кругам ада: Бутырки, Лефортово, Соловки, Норильск... О своем детстве и молодости он рассказал в автобиографических произведениях, многие из которых до сих пор не напечатаны.

В 1952 году в Норильске он знакомится со своей второй женой, приехавшей в Заполярье с мужем, военным финансистом, которого, впрочем, она оставила вскоре после приезда. За связь с ссыльным молодую девушку (она младше Снегова на 17 лет) исключили из комсомола, выгнали с работы, в управлении НКВД ей предлагали отдельное жилье, которого офицеры ждали по нескольку лет, только для того, чтобы заставить ее уйти от человека, которого она полюбила. Но Галя стояла насмерть. Между тем в Норильске происходила чистка: после уже подготовленного процесса врачей-убийц город собирался принять евреев, высланных из столиц. Чтобы очистить место, ссыльных, заведя новое дело, либо расстреливали, либо давали новые сроки и готовили к отправке в лагеря на побережье Ледовитого океана и на острова в Белом море, что фактически тоже являлось казнью, только медленной. Снегова должны были отправить на Белое море. Узнав об этом, Галя настояла на официальном браке, хотя в той ситуации это было равнозначно смертному приговору, поскольку она автоматически становилась членом семьи врага народа. Однако через три месяца после их росписи умирает Сталин...

Примерно в это время стало ясно, что из трех дорог, которые открывались перед разносторонне

одаренным юношей, осталась только одна — писательская. Дело в том, что одну из его научных работ, посвященную процессу производства тяжелой воды, главный инженер Норильского металлургического комбината Логинов увез в Москву, и она попала на стол Мамулову, заместителю Берии, курировавшему ГУЛАГ. Интерес врага народа к запретной теме вызвал у бдительного чекиста подозрение, что все это делается для того, чтобы передать секреты Советского Союза Трумэну. И, вернувшись из командировки, главный инженер вызвал к себе писателя, запер дверь кабинета и сказал: «Пей, сколько влезет, баб люби, сколько сможешь, но науку оставь. Пусть они о тебе забудут. Я сам скажу, когда можно будет вернуться». И он сказал, только разрешение это запоздало — к тому времени дальнейшая дорога была определена: литература.

Но и литературная судьба Снегова не была гладкой. Если даже в силу обстоятельств он не всегда мог говорить правду (в его семье было уже двое маленьких детей), то он и никогда не лгал. Если можно было молчать, он молчал, когда молчать было нельзя, он говорил правду. Его вызывали в обком и Комитет государственной безопасности, предлагая подписать письма, осуждающие Пастернака, Даниэля и Синявского — он отказался. К тому же в одной из его первых повестей «Иди до конца» есть сцена, где герой слушает «Страсти по Мат-

Сергей Снегов

фею» Баха и размышляет о Христе. Профессор Боннского университета Барбара Боде в своем ежегодном обзоре советской литературы, среди других авторов разбирая и Снегова, имея в виду эту сцену, заявила, что русские реабилитируют Христа. Литературка ответила «подвалом» «Проверь оружие, боец». На очередную реплику Боде эта же газета разразилась разгромной статьей «Опекунша из ФРГ». Снегов попал в «черные» списки. Его перестали печатать. Не от хорошей жизни писатель, по-прежнему не желающий лгать, ушел в фантастику. Его первый роман «Люди как боги» отвергли подряд четыре издательства. И все же именно фантастика, переведенная впоследствии на 10, если не больше, языков, принесла писателю известность, далеко выходящую за пределы его страны.

«Норильск: и ненавижу и люблю!..»

В журнале «Социологические исследования» как-то был опубликован список авторов, чьи книги пользовались у нас во второй половине 80-х наибольшей популярностью. В этом списке 65 имен, в том числе А. Ахматова, М. Булгаков, Б. Окуджава, В. Пикуль, Ж. Санд, Г. Маркес и др. А между Ж. Сименоном и Б. Споком стоит С. Снегов — известный фантаст, бывший норильский «каторжник»...

Сергею Александровичу Снегову недавно исполнилось семьдесят девять. Шестьдесят два плюс семнадцать норильских. На столе рабочего кабинета писателя — томик Иммануила Канта и несколько папок. В книге закладкой отмечена страница со словами: «Две вещи наполняют душу всегда новым и всё более сильным удивлением... это звёздное небо надо мной и моральный закон во мне...». А в папках — тщательно

перепечатанные семь книг стихотворений. Вот чего не ожидал! Первые странички сверху помечены надписью и датой: «Стихи, написанные за неимением бумаги на листках предварительного обвинения. Лубянка. 11 июня 1936 года». И название: «Признание». Надо понимать, не в любви… Читаю. И спрашиваю:

— Так ни в чём и не признались?

— Так ни в чем и не признался. Меня обвиняли в том, что я примыкаю к террористической группе, что выступаю с антисоветскими заявлениями.

— Сколько вам было лет?

— Я был арестован в тридцать шестом. В тридцать втором закончил физико-математический факультет Одесского университета, потом немного преподавал в нём, переехал в Ленинград, начал работать на заводе «Пирометр» инженером-исследователем. Двадцати шести ещё не было. Диссертацию готовил…

— С чего же началась дорога в Норильск?

Из Ленинграда привезли в Москву. Здесь я побывал в именитых тюрьмах — на Лубянке, в Бутырках, Лефортове — свыше десятка месяцев. До Норильска было ещё далеко. Прежде пришлось пройти Вологду, Соловки… Только в тридцать девятом году соловецким этапом по Севморпути отправили нас «трюмным грузом» в Дудинку. Нас — это тысячи полторы человек… Начальником Норильстроя и Норильлага был тогда известный всем Завенягин, имя которого носит сегодня Норильский комбинат.

— И улица, и площадь…

— Да, в городе всё наполнено памятью о Завенягине: он как раз разворачивал строительство, на которое мы, этап за этапом, прибывали… Только за 39-й год прибыло тысяч десять, в основном инженеры, специалисты. Как мне помнится, Завенягин старался сам каждого инженера расспросить, побеседовать, сам ука-

зывал, куда направить. Но идеализировать «доброго начальника» не буду. В Норильске были и каторжные лаготделения, и расстрелы «по списку», и…

— Что определили вам — кирку и лопату или по специальности?

— Сначала первое. Была создана бригада инженеров-землекопателей.

— Страшно было?

— Безнадёжно. Хотите несколько строк 39-го? «В невылазной грязи телеги тонут. Из вязкой глины не извлечь кирки. Прорабы не командуют, а стонут. И пайки сверх возможного легки. В бараке вонь, и грязь, и дым. В газете висит таблица вынутых кубов. И парочка блатных творит в клозете нечистую трусливую любовь…». Через месяц почти всех нас распределили по специальным объектам. Меня, в частности, — в опытный металлургический цех, которым командовала Ольга Николаевна Лукашевич, женщина очень известная и почитаемая в Норильске. Это она принесла начальству на ладошке первую маленькую пластинку полученного в лаборатории норильского никеля… В этом опытном цехе нас, заключённых, было человек двадцать. От знаменитых профессоров, знаменитых учёных до никому неизвестного физика Сергея Штейна, то есть меня…

Сергей Снегов

Я был расконвоирован, когда Норильским комбинатом и ла-

герем командовал Шевченко. Он был кандидатом технических наук, полковником НКВД. Так что расконвоировал меня Шевченко как физик физика… А потом, в сорок пятом, я решил поработать в Норильске вольным, не хотелось начатую научную тему прерывать. И вольнонаёмным специалистом пробыл до 51-го…

— А в 51-м?

— А в 51-м, спасибо, не дали новый срок, а только ссылку… Мы просто сдали свои паспорта и продолжали работать, где работали, лишённые, правда, всех гражданских прав и права выезда… Как шутили тогда, мы теряли свободу без отрыва от производства.

— Доставало нравственного здоровья шутить?

— А что оставалось? Меня привезли в Норильск, когда мне не исполнилось и тридцати. Всё осталось там, в прошлой жизни: семья, книги, развлечения… А здесь — до жути тяжёлая жизнь, интересная работа и товарищи, которые меня окружали: Федоровский, Котульский, Урванцев, Моор… Эти имена хорошо известны. Моор в сорок втором году предсказал наличие алмазов в Якутии (сидя в лагере!). Теперь об этом уже забыли. Тогда мало кто верил, что у нас можно найти алмазы, а всё же нашли там, где предсказал норильский зэк Моор… Что говорить! Лучшие специалисты страны были разбросаны по островам ГУЛАГа.

Должен сказать, что ни до, ни после Норильска я не встречал такого концентрированного сгустка умных мозгов в одном месте. Интеллигентов и просто талантливых людей.

Нас было в лагере несколько друзей, как водится, свой круг, группа товарищей. Кто в этот круг входил? Лёва Гумилёв, сын Анны Андреевны Ахматовой и Николая Степановича Гумилёва, великих русских поэтов, сам блестящий поэт, отказавшийся от литературного поприща в пользу науки. «Одного Гумилёва в русской литературе более чем достаточно…», — говорил он, смеясь. Сейчас Лев Николаевич дважды доктор:

Сергей Снегов

исторических и географических наук, учёный с мировым именем. А Евгений Сигизмундович Рёйхман? Милый, молчаливый, интеллигентный инженер-мостовик. В свободное от строительства мостов время он написал и издал для души книжку о росписи дворцовых залов Версаля и о влиянии на них итальянского Возрождения… а мой близкий друг Виктор Петрович Красовский? Профессор, доктор экономических наук… Он был любимцем Бухарина и сидел, естественно, по этой причине. А после Норильска был семнадцать лет консультантом Алексея Николаевича Косыгина…

Сиживали в Заполярье и писатели. Жил, каторжно работал и творил в Норильске Алексей Николаевич Гарри. В молодости он был адъютантом Котовского, написал о нём книгу. Вернувшись после заключения на волю, издал повесть о Норильске — «Зайчик», потом пьесу. Он рано скончался…

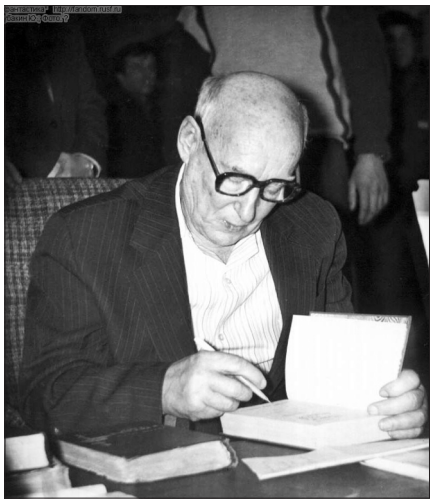
А с Лёвой Гумилёвым мы составили «Словарь наиболее употребимых блатных слов и выражений» и даже написали научно-историческую работу на этом «иностранном языке». Она называлась «История отпадения Нидерландов от Испании»… Чтобы у вас было представление, процитирую начало: «В 1565 году по всей Голландии пошла параша, что Папа — антихрист. Голландцы начали шипеть на Папу и раскурочивать монастыри. Римская курия, обиженная за Пахана, подначила испанское правительство. Испанцы стали качать права — нахально тащили голландцев на исповедь, совали за святых чурки с глазами. Отказчиков сажали в кандей на трёхсотку, отрицаловку пускали налево. По всей стране пошли шмоны и стук. Спешно стряпали липу. Гадильники ломились от случайной хевры. В проповедях свистели об аде и рае, в домах стоял жуткий звон. Граф Эгмонт на пару с графом

Горном попали в непонятное, их по запарке замели, пришили дело и дали вышку…».

— В 43-м Гумилёв вырвался из лагеря на фронт. Вы остались «в зоне». И тут самое время прозвучать вопросу о том, как физик Сергей Штейн стал писателем Сергеем Снеговым?

— Стать писателем решил, когда меня переполнили норильские впечатления. Юношеские стихи не в счёт. Говорить о людях, с которыми я столкнулся на этапах, с кем довелось сносить годы Норильлага, мог часами… Ну, в самом деле, вот только «вольные» руководители — Завенягин, Панюков, Зверев, Логинов, каждый из них — личность. Я даже думаю, пусть это и покажется парадоксальным, что все эти начальники Норильлага были в чем-то более зэками, чем мы… А ещё были, разумеется, заключённые, ссыльные, освободившиеся, умершие, командированные надолго.. И мне захотелось рассказать о них, об их судьбах.

Захотелось рассказать о земле, от которой до полюса ближе, чем до железной дороги. О земле, на которой, несмотря ни на что, расцветало настоящее творчество — научное и техническое.

Сергей Снегов

Рукопись первого своего романа я отправил Александру Трифоновичу Твардовскому в «Новый мир». Шёл 1952 год. Надежды опубликоваться не было никакой. Но вот получаю письмо от Сергея Сергеевича Смирнова, в котором он вместе с Твардовским сообщает, что правовое моё положение не имеет ничего об-

щего с литературным процессом, и они собираются печатать мой роман! Но им это, конечно, не удалось… Только когда я был освобождён из ссылки и в 1956 году полностью реабилитирован, эта моя первая большая вещь появилась в «Новом мире». Редактором журнала был тогда Константин Симонов. Он мне сказал: «Давайте всех, кто у вас явно заключённые, назовём эвакуированными. Умные люди поймут, что к чему…». Чтобы роман увидел свет, другого выхода не было. Так и сделали.

— И тогда физик Сергей Штейн окончательно стал литератором Сергеем Снеговым?

— Нет, я ещё продолжая числиться по ведомству учёных, продолжал заниматься некоторыми проблемами разделения изотопов. Был даже назначен главным инженером дирекции несостоявшегося предприятия атомной промышленности… Подробности тут слишком сложные, дело кончилось тем, что Алексей Васильевич Логинов предупредил меня, что на время нужно бросить всякую науку, дабы не возбуждать подозрения, что я веду секретные исследования… Я её и бросил, решив полностью посвятить жизнь литературе.

По заказу издательства написал повесть о зарубежных физиках. А когда она вышла, заказали книги о наших. Две из них вышли, две до сих пор ждут разрешения. Мне довелось встречаться со многими выдающимися физиками страны. Должности называть не буду, а некоторые имена назову: Яков Зельдович, главный теоретик нашей ядерной программы, Юрий Харитон, Андрей Сахаров, Георгий Флёров, Виктор Давиденко.

Обратился к научной фантастике. Мне хотелось написать то, чему никто не сможет возразить. Я собрал своих родственников и друзей и совершил с ними такое хулиганство: перенёс их на пятьсот лет вперёд… Так появился роман «Люди как боги».

Была ещё одна причина, почему я обратился к научной фантастике. Дело в том, что на Западе эта литература трагична. Она описывает наше будущее

Сергей Снегов

как царство монстров. Я же написал роман о светлом будущем человечества. Роман хорошо пошёл, много раз переиздавался у нас, выдержал много зарубежных изданий: шесть раз переиздан в Германии, пять — в Японии, выходил в Польше, Венгрии, Болгарии, Испании, Франции… Отмечен литературной премией «Аэлита».

— В одном интервью вы обмолвились, что написали десять килограммов книг...

— Разве? Я говорил двенадцать…

— Замечательно! Так о чём будет тринадцатый килограмм?

— В прошлом году я снова побывал в Норильске, Сентиментальных воспоминаний, наверное, не получится…

— Что, изменилось с течением лет отношение к вашему заполярному городу?

— Ответ я уже дал в одном из своих белых стихотворений: Я в этом городе страдал полжизни и, может, лишь за то его люблю. Нет, не за то. Нельзя любить за зло, нельзя благоговеть перед уродством Он был моей тоской, моим уродством, моею раною, моею

грязью, мукой моей души и чёрной кровью тела. За это ненавидят. Ненавижу! Безмерно ненавижу. И люблю! Люблю безмерно, яростно, жестоко, жестокою безмерною любовью — вот так его люблю. За то, что он свидетель мук. За то, что каждый камень его домов и мостовых хранит мои шаги, мои проклятья, стоны и тихое отчаянье. За то, что в нем оплёванный, забитый, жалкий, я понял суть: есть в этом мире нечто, что выше жизни, крепче смерти, слаще любви, желанного успеха, — нечто такое, без чего не стоит жить. Вам это непонятно? Ну и что же? Мне тоже непонятно. Только это имеется. И, чёрт меня дери, я знал его — вот это нечто — пил до дна, как водку, ел его, как хлеб, до крошки. И с презрением взирал на тех, кто, хохоча, плевал мне в рожу, мочился в душу мне. Я был счастливей Куда счастливей их! Мучитель счастливым быть не может. Это было в далёком городе. Проклятый город! Любимый город…

Леонид Виноградский.
Калининград — Норильск
Сибирская газета N20, 21-27 мая 1990

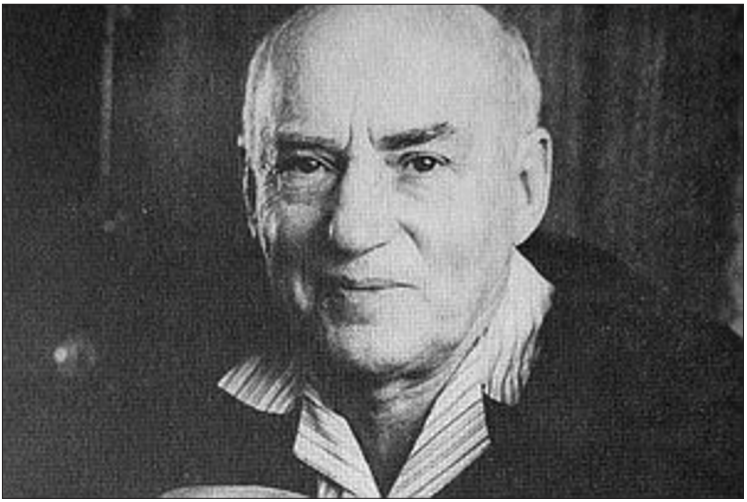
Посол из будущего с норильскими корнями.

Сегодня 100 лет со дня рождения писателя Сергея Снегова, которого наш город может считать своим, так как первый роман физика Сергея Штейна-Снегова написан им в Норильске. В человеческой натуре неистребима вера в благородство, чаще встречающееся в литературе, чем в жизни... Но бывают случаи, когда люди сохраняют эти драгоценные черты характера на протяжении всей жизни и переносят их на страницы своих книг.

В конце 1980-х в Норильск приезжал человек, к тому времени уже очень известный не только в России, но и в мире. Его визит пришелся на лето, когда

культурная и общественная жизнь в заполярном городе по традиции замирает. По-моему, встреча с писателем Сергеем Снеговым прошла при небольшом стечении народа в научно-технической библиотеке, да и сам писатель не нашел того, за чем приезжал. А искал Сергей Александрович публикацию в газете «За металл», где шла речь о прочитанной им в ДИТ-Ре лекции об атомной бомбе. Он твердо помнил, что заметка в газете за 1945 год была. Увы, ни тогда, ни позднее, а я не один раз штудировала подшивки сороковых-пятидесятых, хранившиеся в фондах местного музея, материал с упоминанием имени Сергея Штейна, настоящей фамилии писателя Сергея Снегова, так и не обнаружился. Вероятно, именно этот номер в музейное собрание как раз и не попал. Для чего конкретно понадобилась эта старая норильлаговская газета писателю, он тогда не объяснял. Его трилогия «Люди как боги» к тому времени была уже опубликована, возможно, он собирал материалы для вышедших вскоре «Норильских рассказов». До сих пор меня преследует неприятное чувство вины, что газета не нашлась, хотя не было сказано ни одного слова, выражавшего досаду или разочарование. Просто взгляд Сергея Александровича из внимательно-надеющегося стал немного растерянным. Снегов тихо как приехал, так и уехал из города, где прожил, как он писал, полжизни, где стал писателем. Через год ошибку исправил телевизионный журналист Леонид Виноградский, в рамках проекта «С Норильском связанные судьбы» встретившийся с писателем в Калининграде, где Снегов жил с семьей после отъезда из Норильска.

Кроме телевизионной программы Виноградский опубликовал интервью в «Заполярной правде», в котором писатель, тогда это было уже можно, рассказал о том, что из своих 79 лет 17 он прожил в Норильске, называя его: «Проклятый город! Любимый город». В день, когда бывшему физику Сергею Штейну

Сергей Снегов

исполнилось 29 лет, лесовоз «Семен Буденный» с заключенным Соловецкого лагеря отчалил от берега, чтобы через полмесяца доставить выживших в этом путешествии в Дудинку. Годы в Норильске дали Штейну-Снегову главное: «Я понял суть: есть в этом мире нечто, что выше жизни, крепче смерти, слаще любви, желанного успеха, — нечто такое, без чего не стоит жить. Вам это непонятно? Ну и что же? Мне тоже непонятно. Только это имеется...» Это счастье быть выше своих мучителей держало писателя на плаву не только в норильском лагере, но и после него, когда Снегов отказывался подписывать письма, осуждавшие Пастернака и Даниэля с Синявским.

На сделку с мучителями он не пошел ни разу. Свой первый роман Штейн-Снегов написал в Норильске в ссылке. Освободившись в 1945-м, он остался работать на комбинате и во время второй волны «посадок» в 1951-м автоматически перешел в категорию ссыльных. Рукопись, тайно отправленная в Москву, была подписана псевдонимом Снегов. Тогда ему

казалось, что он всегда будет писать о снеге, пурге и полярных ночах...

Первый роман Сергея Снегова «В полярной ночи» был принят к рассмотрению в «Новом мире», только когда автора освободили от ссылки. К тому времени журналом уже командовал Константин Симонов, поставивший условие, что в тексте не должно быть заключенных и лагеря. Так роман и опубликовали, а написанное Снеговым по свежим лагерным впечатлениям увидело свет через десятилетия. Хотя эти рассказы могли быть опубликованы вместе или вместо «Одного дня Ивана Денисовича», если бы автор решился обратиться к Твардовскому: «Я собирался отдать рассказы Твардовскому, — писал он в одном из писем Варлааму Шаламову, — но, узнав, что у него Солженицын, я раздумал — о двух вещах он хлопотать не будет, тем более когда у него уже есть первоклассная вещь».

В Норильске физик Сергей Штейн не только стал литератором, здесь, в его норильском прошлом, корни всемирно известных фантастических произведений, хотя хронологически научную фантастику он начал писать в Калининграде, где прожил до самой кончины в 1994 году. По мнению Льва Гумилева, трилогию о соотношении времени и пространства «Люди как боги» Снегов написал под влиянием бесед с астрономом Николаем Козыревым, который сидя на нарах, рассказывал о том, что звезды давно бы погасли, если бы не получали подпитку энергией, которую выделяет Время. Сам писатель обращение к фантастике объяснял желанием написать то, чему никто не сможет возразить. Для этого он собрал своих родственников и друзей и перенес их на 500 лет вперед... Роман о светлом будущем человечества переиздается до сих пор.

5 августа 2010 года
Валентина Вачаева

Норильские рассказы

Жизнь до первой пурги

Стрелки лагерной охраны попадались разные. Большинство были люди как люди, работают с прохладцей, кричат, когда нельзя не кричать, помалкивают, если надо помолчать. «Ты срок тянешь, я – служу, — без злости разъяснил мне один вохровец — Распорядятся тебя застрелить — застрелю. Без приказа не злобствую». Думаю, если бы ему перед утренним разводом вдруг приказали стать ангелом, он не удивился бы, но неторопливо, покончив с сапогами, принялся бы с кряхтением натягивать на спину крылышки.

Мы любили таких стрелочков. Чем равнодушней был человек, тем он казался нам человечней. Может, и вправду, это было так. Зато мы дружно ненавидели тех, кто вкладывал в службу душу. Люди — удивительный народ, каждый стремится возвеличить свое занятие, найти в нем нечто такое, чем можно погордиться. Пусть завтра унавоживание полей объявят высшей задачей человечества, от желающих пойти в золотари не будет отбоя. Сделать человека подлецом проще всего, внушив ему, что подлость благородна. Человек тянется к доброму, а не к дурному. Ради мелких целей поднимаются на мелкие преступления. Но великие преступления, как и великие подвиги, совершают только ради целей, признанных самими преступниками великими.

Это, если хотите, философское вступление в рассказ. А вот и сам рассказ.

Служил в нашей охране стрелок по имени Андрей — высокий, широкоплечий, широкоскулый, большеротый — писаная картинка крестьянского лубка. Это был выдающийся энтузиаст лагерного режима. О нас он, видимо, сразу составил исчерпывающее представление и потом не менял его. Мы были враги народа, предатели, шпионы, диверсанты, вредители

и террористы, в общем, иуды, замахнувшиеся подлой лапой на благо общества. А он, когда подошел его призывной год, был определен охранять народ от злодеев, отомстить им за преступления и показать другим, что «преступать» опасно. Он нашел в своем призыве высокое призвание. И ненавидел же нас этот красавчик Андрей! Он охранял нас со страстью, издевался над нами идейно, и если плевал нам в лицо, то только во имя общего блага. Он не знал, что такое каста, но не уставал подчеркивать, что мы с ним — разных категорий: он — высшее существо, человек с большой буквы, тот самый, который звучит гордо. Ну а мы, естественно, звучали плохо, и нас немедленно не истребляли по тем же соображениям, по которым не ведут под нож чохом все стадо: живые мы могли принести больше пользы, чем мертвые. Я часто размышлял, что получилось бы из этого парня, внуши ему с детства расовую теорию: курносый и мелкозубый, он, конечно, не смог бы быть причислен к нордической породе, но зато у него была ослепительно белая кожа — очень существенное преимущество перед остальными четырьмя пятыми человечества. Еще чаще я думал о том, какой бы из него вышел, при его изобретательности и увлеченности, незаурядный инженер или мастер, родись он не в тот год, когда родился.

Обязанности его были несложны — совместно с другими охранниками принять нас на вахте во время утреннего развода, провести километра два по тундре и сдать на заводской вахте, откуда мы — уже своим ходом — разбредались по производственным объектам. Но в эту оскорбительную простоту движения колонны он вдохновенно вносил захватывающие сценические эффекты.

Пересчитав нас, он отбегал в сторону, щелкал затвором винтовки и объявлял:

— Колонна, равняйсь! Смотреть в затылок переднему. Шаг вправо, шаг влево — пеняй на себя! Охрана стреляет без предупреждения! Шагом марш!

Не проходили мы и ста метров, как он вопил:

Сергей Снегов

— Передний, приставить ногу!

Он обходил замерзшие ряды, вглядывался пылающим взором в наши потупленные лица, потом тыкал винтовкой в какого-нибудь старичка, согнутого годами и несчастьями, и орал:

— Тебя команда не касается, шпион? Выше голову, гад! Держать равнение, шизоики!

«Шизоики» в данном случае означало только «карцерники», обитатели ШИЗО — штрафного изолятора. Старичок испуганно вздергивал плечи, и колонна двигалась дальше. А спустя минуту Андрею казалось, что кто-то злостно идет не в ногу. На этот раз он разряжался речью, грозя нам всеми земными карами. Такие остановки происходили раза четыре или пять, пока мы добирались до заводской вахты. Не было случая, чтобы два километра пути мы преодолели меньше чем за полтора часа.

В дни, когда лил дождь, Андрей особенно изощрялся. Он вел нас медленно, останавливал чаще, говорил дольше и не сдавал на вахту, пока мы не промокали насквозь. Зато после дождя он гнал нас, как овец в загон. Мы скакали, проваливались в лужи, падали, хрипели, обливались потом. Он не щадил себя, чтобы не пощадить нас. И не дай бог кому-нибудь из колонны запротестовать! Мы, «пятьдесят восьмая», конечно, не протестовали. Подавленные обрушенными на наши головы обвинениями, мы терпели любое измывательство. Мы входили в положение Андрея — он-то ведь

не знал, что реально мы все невинны, вот он и старается, а как же иначе? Он не был бы идейным человеком, если бы выказал к нам любовь. Но уголовники не были обучены идеологически выдержанному смирению. То один, то другой яростно ругался из рядов. Андрей только этого и ждал.

— Кто нарушает порядок? — гремел он. — Выходи в сторону, диверсант!

Никто, разумеется, не выходил. Двухтысячная колонна стояла в каменном оцепенении. Андрей щелкал затвором.

— Выходи! — бушевал он. — Выходи, пока не хуже!

Колонна не шевелилась. Тогда Андрей подавал новую команду:

— Становись на колени!

По колонне пробегала судорога. Андрей, дав в воздух предупредительный выстрел, наставлял винтовку на первые ряды:

— Передний, ну! Сполняй команду!

Первые ряды медленно опускались в грязь, за ними вторые, третьи, четвертые... Андрей бежал вдоль колонны, проверяя, все ли опустили в лужи колени, за ним с рычанием мчались овчарки. Начинали суетиться и покрикивать другие охранники. Обычно они не помогали ему, но и не одергивали. По природному добродушию они стеснялись обращаться с нами, как он, но понимали, что это недостаток, а не достоинство: Андрей проявлял с преступниками бдительность, до которой им было далеко. В трудных случаях они побаивались оставаться безразличными и тоже орали на нас.

Бывали дни, когда мы приходили на работу такие усталые, мокрые и грязные, что тратили по часу, чтобы опомниться и почиститься. Начальство, узнав об этом, сделало внушение охране. После этого Андрей уже не ставил нас на колени по дороге на промплощадку, зато тем больше он свирепствовал на обратном пути.

Как-то под проливным дождем он ровно на час уложил всю колонну в грязь недалеко от вахты лагеря.

В этот вечер Мишка Король объявил во всеуслышание:

— Все! Жить Андрею до первой пурги!

Вскоре в каждом бараке толковали о том, что судьба Андрея решена. Я полез с расспросами к моему соседу Сеньке Штопору:

— Не понимаю, что это значит: жить до пурги? Вы что, собираетесь напасть на него, воспользовавшись метелью? Но ведь другие охранники не допустят расправы с товарищем.

Сенька отмахнулся.

— Заранее не будем трепаться. Недолго ждать — увидишь сам. В лагере никто не жаловался на недостаток стукачей, и через несколько дней сам Андрей узнал, что его приговорили к смерти. Он остановил колонну и вызывающе крикнул:

— Кто это мне ножом грозит? Выходи, побеседуем.

Колонна, по обыкновению, молчала. Андрей позубоскалил над нашей трусостью и в заключение пригрозил:

— Пока вы меня ухайдакать соберетесь, я вас сто раз сгною!

На следующее утро он объявил, беря винтовку наперевес:

— Так нет смелого? А жаль, проверили бы, что бьет дальше — нож или пуля.

Эта забава продолжалась больше месяца — каждый день Андрей припоминал, что на него точат нож, и издевался над угрозами. Скоро всем нам так при-

елись разговоры о его предполагаемой гибели, что мы потеряли веру в ее серьезность и раздражались при упоминании о ней, как от дурной шутки. А между тем осень кончилась, и ударили первые морозы. По тундре поползли зимние туманы, в какую-то ночь разразилась пурга. Утром, когда мы пошли на работу, ветер не достигал еще и шести метров в секунду. Но радио передало, что на поселок движется циклон и надо готовиться к буре метров на тридцать. И вот в это утро кто-то за воротами вахты, уже находясь в безопасности, крикнул:

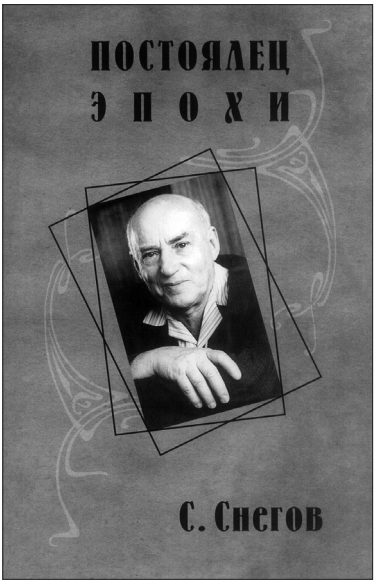
— Сегодня тебе хана, Андрюшка! Пиши письма родным!

К вечернему разводу скорость ветра достигала двадцати пяти метров в секунду. Ледяной ураган грохотал и выл, и сотрясал стены зданий. Обильный, мелкий, как песок, снег заваливал дороги, бешено крутился в воздухе — пурга выпала классическая: «черная». Самым скверным в ней было то, что мороз почти не спал, температура выше тридцати градусов не поднялась. Каждый из нас перед выходом наружу обматывал лицо шарфом или полотенцем, оставляя лишь щелку для глаз, многие натягивали фланелевые маски, хотя они хуже защищали от ветра. Мы знали, что ветер продолжает усиливаться и по дороге придется несладко.

На вахте мы увидели, что лагерное начальство знало, чем грозили Андрею, и приняло свои меры. Обычно нас сопровождали восемь-десять конвоиров, сегодня их было не меньше двадцати. Кроме того, они устроили обыск. Сами еле удерживаясь на ногах, они обшаривали нас с такой тщательностью, какой не бывало и перед праздниками.

— Ножи ищут, — прокричал мне в ухо Сенька Штопор. — Дурачье! Попки!

Ножей конвойные не нашли, но отобрали у кого-то бутылку спирта, а у двух других по буханке белого хлеба. Пока шел обыск, мы основательно промерзли, хотя от прямых ударов ветра нас защищали недавно

выведенные стены цехов. Потом из крутящейся, освещенной прожекторами мглы донесся яростный голос Андрея:

— Равнение на переднего! Ногу не сбивать! Пошли. Мы двинулись, проваливаясь в свежие сугробы, наталкиваясь один на другого. За линией цеховых стен буря бешено обрушилась на нас. Только здесь, в открытой тундре, мы поняли, что такое настоящая «черная» пурга. Предписанный нам порядок движения — по пять в ряд, каждый идет самостоятельно — был мгновенно разрушен. Мы судорожно хватались друг за друга, ряд смыкался с рядом. Теперь мы противопоставляли буре стену человек в десять-двенадцать, каждый крепко держал под руки своих соседей. Колонна, как и прежде, растягивалась на полкилометра, но это было уже не механическое сборище людей, подчиненных чьей-то внешней и чуждой воле, но одно, предельно сцементированное гигантское тело.

Дорога пролегала вдоль линии столбов и мачт, соединявших электростанцию с промплощадкой. Большинство лампочек было уже разбито пургой, но некоторые еще пронизывали тусклым сиянием неистово несущийся снег. У одного из столбов мы увидели стрелка, сраженного бурей. Ветер катил его в тундру, стрелок, не выпуская из рук винтовки, отчаянно цеплялся за снег и вопил — до нас едва донесся его рыдающий голос. Мы узнали его — это был хороший стрелок, простой конвоир, он не придирался к нам по пустякам. Сенька Штопор дико заорал, вероятно,

не меньше десятка рядов услыхали его могучий рев, заглушивший даже грохот пурги:

— Колонна, стой! Взять стрелочка!

Догоняя передних, мы передавали приказание остановиться. Задние, налетая на нас, останавливались сами. Человек пять, не разрывая сплетенных рук, подобрались к стрелку, подтащили его к колонне. Он шел в середине нашего ряда, обессиленный, смертной хваткой схватясь с нами под руки. Винтовку его нес крайний в ряду, у него одного была свободна вторая рука. Изредка ветер вдруг на мгновение ослабевал, и тогда мы слышали благодарные всхлипы стрелка:

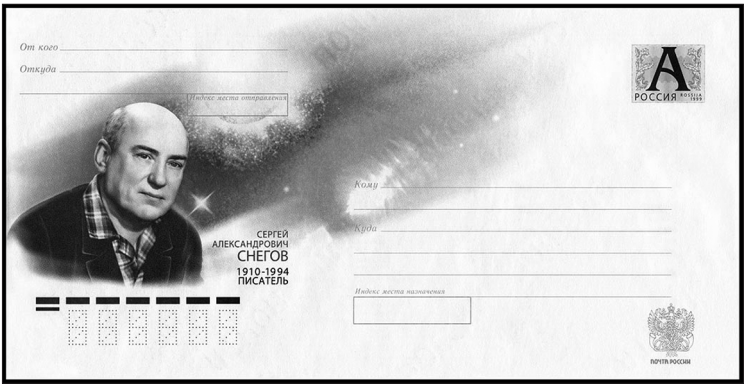
— Братцы! Братцы!

Еще три или четыре раза вся колонна останавливалась на несколько минут, и мы, передыхая, знали, что где-то в это время наши товарищи выручают из беды обессиленных конвоиров.

Великая сила — организованный человеческий коллектив! Нас шло две тысячи человек, каждый из нас в эту страшную ночь был бы слабее и легче песчинки, но вместе мы были устойчивее горы. Мы пробивали бурю головой, ломали ее плечами, крушили ее, как таран крушит глиняную стену. Ветер далеко унесся за обещанные тридцать метров в секунду, мы узнали потом, что в час нашего перехода по тундре он подбирался к сорока. И он обрушивался на нас всеми своими свирепыми метрами, он оглушал и леденил, пытался опрокинуть и покатить по снегу, а мы медленно, упрямо, неудержимо ползли, растягиваясь на километр, но не уступая буре ни шагу.

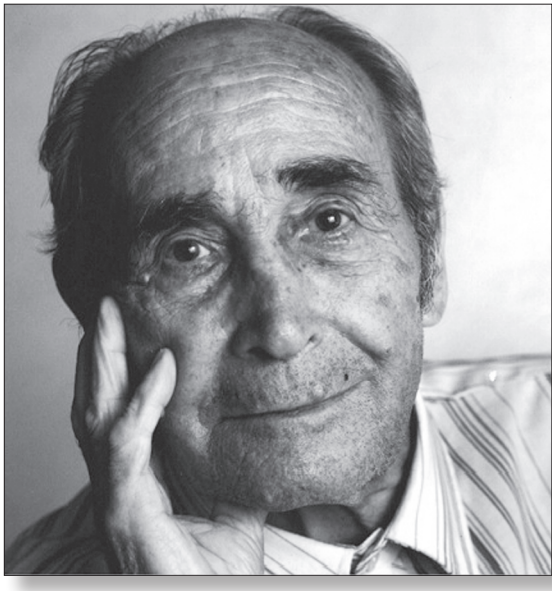
У другого столба мы увидели Андрея. Пурга да-

леко отбросила его в сторону от колонны, он еще исступленно боролся, напряжением всех сил стараясь удержаться на ногах. Огромная черная колонна, две тысячи человек, двигалась мимо, не поворачиваясь. Никто не отдал приказа остановиться, а если бы и был такой приказ, то его не услышали бы.

Недалеко от лагерной вахты, на улице поселка, где не так бушевал ветер, мы, размыкая руки, выпустили наружу спасенных конвоиров. Стрелки схватили свои винтовки, выстроились, как полагалось по уставу, вдоль колонны, но, измученные, не сумели или не захотели соблюдать обычный порядок. Несчитанные, мы хлынули в распахнутые ворота лагеря. Пурга неистовствовала еще три дня, мы в эти дни отсиживались по баракам, отсыпаясь и забивая козла. А на четвертый день, когда ветер стих, в тундре нашли замерзшего Андрея. Перед смертью он бросил винтовку, пытался ползком добраться до поселка. Видевшие клялись, что на лице его застыло ожесточение и отчаяние.

Сергей Снегов

Сергей Щеглов

Сергей Щеглов-Норильский

«С 1942 года все знают журналиста Сергея Щеглова только под фамилией Норильский...»

В мае 1953 года началось Норильское восстание заключенных — одно из самых загадочных событий в истории ГУЛАГа. Лагеря после смерти вождя народов ждали амнистии, а в Норильске, построенном на костях зеков, администрация устроила настоящий террор. Чашу терпения переполнил случай, когда охранник расстрелял мужчин-заключенных, переговаривающихся с колонной женщин. Тогда над норильскими зонами взвились черные флаги с красной полосой, ставшие символом неповиновения. 16 тысяч заключенных каторжного Горного лагеря отказались выходить на работу и потребовали встречи с московским начальством.

В дни 65–летия Норильска всей душой с нами был 96–летний журналист и писатель Сергей Львович Щеглов, который давно взял себе псевдоним Норильский. Спецкор «Заполярной правды» Ирина Даниленко в канун юбилея города навестила Сергея Львовича в Туле, куда он давно уехал, но за годы разлуки не прервал творческих и дружеских связей с Норильском.

Он не по своей воле в августе 1942 года оказался в Норильлаге, после освобождения выучился на инженера, возглавил кислородный завод в поселке Норильск. Стал рабочим корреспондентом «Заполярной правды» с первых ее номеров, участвовал в создании литературного объединения при городской газете. Норильск покинул в 1961–м по состоянию здоровья. В Туле написал немало книг и статей о выдающихся норильчанах, создал Тульское отделение общества «Мемориал», которым руководил до нынешнего года. Норильск, «Заполярная правда» для него по–прежнему святы, и он всегда рад делиться с северянами своими новостями и личными размышлениями.

— Сергей Львович, передаю вам самые теплые поздравления от норильчан с 65–летием нашего заполярного города, который и вам стал родным.

— И мне бы хотелось всех от души поздравить! Мыслями я в далеком 1953–м, когда поселок Норильск получил статус города. Мне довелось в те годы работать в Норильске, я возглавлял кислородный оксиликвитный завод. И одновременно сотрудничал в норильских многотиражках, а с созданием «Заполярной правды» стал ее постоянным автором, чем до сих пор горжусь, это была одна из светлых страниц моей жизни. И сейчас я восхищаюсь тем, что северяне способствуют процветанию Норильска и распространяют его благотворное влияние не только на весь Таймыр, но и на весь великий Красноярский край. Дай Бог норильчанам успехов, здоровья и всего самого светлого в жизни. Мне сейчас идет 97–й год. Я счастлив, что меня не забывают норильчане, приезжают из далекой тундры в Тулу, для меня это всегда праздник.

— А вы действительно храните все номера «Заполярки»?

— История Норильска хранится у меня и в номерах «Заполярной правды», которые я собирал все до единого с самого первого выпуска до 1961 года. А потом в Тулу мне ее присылали. И сегодня мне бы очень хотелось, чтобы вы меня не забывали, присылали газету, для меня и сегодня «Заполярная правда» очень интересна и вызывает у меня много воспоминаний, преимущественно светлых.

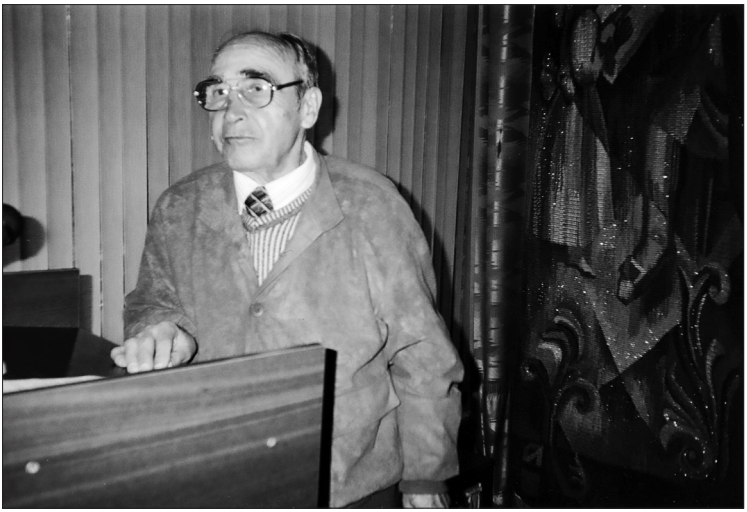
— В этом году и «Заполярной правде» — ровеснице Норильска — исполняется 65 лет. Мы помним, что с ее историей связана и профессиональная судьба вашей жены — замечательной журналистки Нины Балуевой...

— Я благодарен «Заполярке» за память. Хочу добавить, что моя ныне покойная супруга Нина Ива-

новна Балуева с юности работала в многотиражных газетах, в военные годы — в Красноярске, на Диксоне, она там трудилась и радисткой… А когда создали «Заполярную правду», ее как опытного журналиста пригласили заведовать промышленно-транспортным отделом. Она работала до 1961 года, когда мы были вынуждены с тремя детьми из–за пошатнувшегося здоровья покинуть Крайний Север. В Туле я устроился работать в «Союзкислородмонтаж», Нина Ивановна некоторое время занималась детьми, а потом — снова в журналистике до выхода на пенсию, в мае 1990 года она скончалась.

— А что бы вы сказали о необходимости хранить память о Норильске, его выдающихся людях?

— Думаю, что какой–то вклад в историю Норильска я все–таки внес. Я написал книгу о Николае Михайловиче Федоровском. Мемориальная доска в его память установлена на здании НИИ, это тоже мое детище, я приложил немало усилий, чтобы ее открыли, это было в 1980–х. Улица в Талнахе носит имя Федоровского, это тоже результат моих хлопот. Надо отдать должное председателю горисполкома тех лет Юрию Михайловичу Смолову, который внял моему ходатайству. С Федоровским я работал, будучи уже вольнонаемным, а он был еще заключенным Норильлага. Судьба его сложилась трагически. В 1937 году его осудили на 15 лет. И когда начались новые репрессии, он вместо того, чтобы продолжать работу в норильском техникуме, где преподавал минералогию и геологию, был водворен в Горлаг. В лагере 70–летний член–корреспондент Академии наук, всемирно известный ученый был брошен на самые тяжелые общие работы. Там он серьезно повредил ногу. Когда закончился большой террор, Федоровского, уже безнадежно больного, дочь отвезла в Москву, он был восстановлен во всех правах, но через несколько лет скончался. Некролог был опубликован

Сергей Львович Щеглов

в газете «Правда». Я написал о нем статьи и в газетах Нижнего Новгорода, с которым он был связан в юности, — он там возглавлял военно-революционный комитет РСДРП, устанавливал советскую власть. Николай Михайлович потом по настоянию своего друга пошел в науку, сделал много открытий, до сих пор его учебники по минералогии пользуются спросом у профессионалов. По натуре он был еще и поэт, совершил редкое дело — переложил минералогию в стихи, читал их студентам на лекциях.

— Вы и автор книги о знаменитом сидельце Норильлага, выдающемся астрономе Николае Козыреве... К слову, недавно он стал прообразом одного из главных героев спектакля Заполярного театра драмы «Жди меня...».

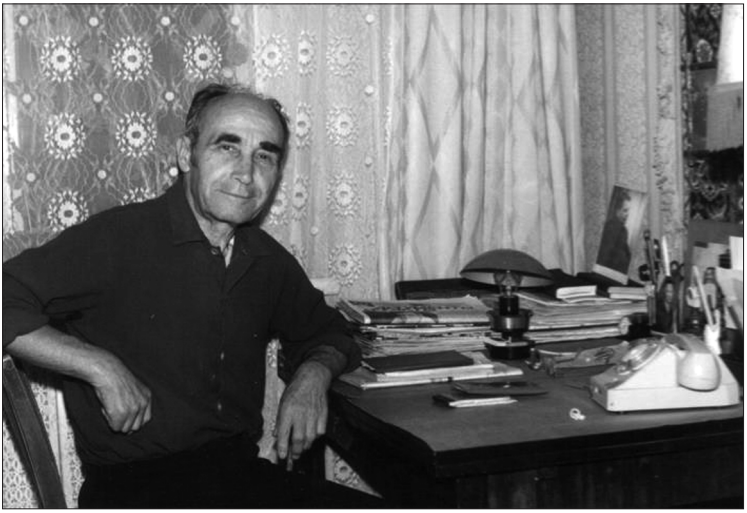
— Николай Александрович Козырев — один из ведущих астрономов нашей страны — тоже не избежал Норильска. Но я с ним в Норильлаге не встречался, но знал, что он здесь находится... Нам довелось позна-

комиться, когда он вернулся в Ленинград в Пулковскую обсерваторию. Я следил за его научной деятельностью, мы переписывались. В 2013 году вышла моя книга о Козыреве. Это пока единственная книга о нем, я предлагал издать ее в серии «Жизнь замечательных людей», но мне там отказали, сказав, что он «не такой уж и замечательный». Издал книгу в Туле за счет своей пенсии, несколько экземпляров передал в норильский музей, архив и библиотеку. Я стараюсь все написанные мною книги передавать в дар Норильску.

— А нынче что пишете?

— Сейчас работаю над книгой «Гнев и смирение», это будет продолжение моей повести «Сталинская премия». Та книга чисто автобиографическая. Я в ней рассказал обо всем, что пережил во время следствия на Лубянке в Москве, в Норильске. В дальнейшем, вспоминая все эти годы, я пришел к убеждению, что надо создать произведение не документально–биографическое, а, насколько позволят мои скромные данные, художественно обобщить все, что выпало на мою долю. Я назвал работу «Гнев и смирение», потому что такая постановка вопроса позволила мне рассказать и о судьбе моих родителей. Моего отца, которого расстреляли в 1937–м, и матери, ее в том же году осудили на 10 лет и отправили в Карагандинский лагерь, где она умерла. И я, выполняя какой–то сыновний долг перед ними, стал собирать все, что мне было известно об их жизни. Мои родители жили в эпоху гнева, когда вся страна была пропитана гневом к так называемым эксплуататорам, к остаткам буржуазии, к интеллигенции, которую тоже причислили к врагам народа. Под этим гнетом постоянного гнева и жили мои родные люди, а потом и я сам, потому что на мне тоже висело клеймо сына врагов народа. Этот гнев пронизывал психологию людей. А смирение… Этот то, к чему призывала моя мать — человек, глубоко верующий в Бога, она по Христовым заветам

безропотно пронесла все 10 лет незаслуженного заключения, до самой смерти. И вся ее жизнь с юных лет была наполнена смирением. Вот сопоставление гнева окружающей жизни и проповеди христианского смирения, которому посвятила себя моя мать, и дало мне возможность назвать мою будущую книгу «Гнев и смирение». Надеюсь, что я успею ее закончить...

Сергей Львович Щеглов

На рабочем столе Сергея Львовича стоят портреты его матери Александры Ивановны Каратаевой, второй его жены норильчанки Елизаветы Александровны Нагорновой, она работала в научно–технической библиотеке. Они познакомились после смерти Нины Ивановны Балуевой, в один из приездов Сергея Львовича в Норильск. Она отнеслась к нему с большим вниманием и согласилась стать подругой жизни. К сожалению, прожили они из–за тяжелой болезни Елизаветы Александровны недолго... Отца часто навещают в Туле его дочь Александра и внучка Юлия, которые живут в Москве. Есть и правнуки, самому старшему исполнилось 29 лет. Многие в Норильске, наверное, помнят старшего сына Щеглова–Нориль-

ского — врача Владимира Сергеевича Щеглова, который после окончания Красноярского мединститута работал в Волочанке, потом в Талнахе, а в Норильске со временем возглавил горздравотдел. Он рано ушел из жизни в Красноярске... А в Туле живет младший сын — Дмитрий Сергеевич Щеглов.

— Сергей Львович, вы прожили почти век... Самое главное, что вы поняли — зачем мы живем, страдаем, гневаемся и смиряемся, ненавидим и любим? Зачем все это?

— Я сторонник формулы Льва Николаевича Толстого — жить надо не для себя, а так, чтобы от твоей жизни что–то переходило другим. Это по существу заветы Христа, и я эти заветы стараюсь выполнять. И убедился, что даже в самых тяжелых, жестких условиях, представьте себе, это дает какие–то плоды. На добрые отношения с людьми, даже если они сделали тебе что–то плохое, я стараюсь ответить им добром. В этом главный опыт моей долгой жизни.

— Вы смерти боитесь? Понимаете, что там за чертой?

— Это вопрос вопросов для всего человечества. Сколько тысяч лет живет человек на земле и с первых веков задается вопросом: что там за этой чертой? Поэтому думать об этом надо, а вот смерти бояться не стоит. От нее никуда не денешься. О себе же могу сказать: когда придет мой конец, дай Бог, что кто–то меня вспомнит добрым словом, если я это заслужил... Спасибо, что «Заполярная правда» проявила интерес к моей работе, очень надо успеть ее завершить в литературно отработанном варианте. Насколько мне это удается — не знаю, но я стараюсь, работаю. И всегда помню о Норильске...

Интервью провела приехавшая из Норильска корреспондент «Заполярной правды» Ирина Даниленко

Рождение Сергея Норильского...

В 1937 г. родители Щеглова были репрессированы: отца расстреляли, мать, приговоренная к десяти годам заключения, впоследствии умерла в лагере. Несмотря на трудности своего положения, Сергей Львович продолжал учиться, одновременно начал работать. С 1937 г. он — активный рабкор, печатался в многотиражных городских, районных и областных газетах Горьковской области: «Муромский рабочий», «Горьковская коммуна», «Ленинская смена» и др. Писал заметки, статьи, рассказы, стихи, очерки, рецензии.

Закончив с отличием среднюю школу взрослых, Щеглов в 1940 году поступил в Московский областной педагогический институт на исторический факультет. В 1941 году, на следующий день после начала войны, он был арестован по необоснованному обвинению и постановлением Особого совещания НКВД, по ст. 58-10 («Контрреволюционная агитация»), приговорен к пяти годам исправительно-трудовых работ в лагере Норильска. В 1946 году Щеглова освободили без права выезда. После выхода из лагеря он работал на Норильском горно-металлургическом комбинате — на рудниках и заводе. В 1949-1955 годах, работая на производстве, он учился во Всесоюзном заочном политехническом институте, получил диплом инженера-технолога. Он возглавлял кислородное производство Норильского комбината. Работая на комбинате, Щеглов продолжал печататься в газетах Красноярского края: «Заполярная правда», «Красноярский рабочий», «Красноярский комсомолец», журнале «Сибирские огни», альманахе «Енисей». Печатал стихи, очерки и рассказы в сборниках Красноярска, Новосибирска, Тулы. В Красноярске в 1958 году совместно с А. Бондаревым выпустил краеведческий очерк «Город Норильск». В 1956-1959 гг. Щеглов и его родители были реабилитированы.

В 1959 году Сергея Львовича приняли в Союз журналистов СССР (журналистский псевдоним — С. Норильский), а в 1961 г. — в члены КПСС. В том же году Щеглов уволился из Норильского комбината и вместе с семьей переехал в Тулу. Поступил в Особое монтажное управление «Союзкислородмонтаж» в Москве. Работал прорабом, затем — начальником участка в г.Тула. В 1963 г. он сменил инженерную работу на профессиональную журналистскую — поступил в Тульскую областную газету «Коммунар» (орган Тульского обкома КПСС и облисполкома) специалистом-консультантом в отдел промышленного строительства и транспорта, где проработал до января 1984 г. С 1972 г. он заведовал этим отделом, являлся членом редколлегии. В 1978 году получил высшее политическое образование, окончив Университет марксизма-ленинизма Тульского обкома КПСС. За работу на Норильском комбинате и в редакции газеты «Коммунар» Щеглов награжден многими почетными грамотами. Постановлением Красноярского совнархоза и крайсовпрома в 1960 году он награжден значком «Отличник социалистического соревнования РСФСР», в 1970 г. — медалью «За доблестный труд». В 1977 г. — Почетной Грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР. В 1977 и 1980 годах он награжден бронзовой медалью ВДНХ СССР. Сергей Львович Щеглов — талантливый журналист и литератор. В газетах, журналах и сборниках он опубликовал несколько тысяч статей, очерков, зарисовок, репортажей, корреспонденций, рецензий, стихотворений, рассказов, повестей, фельетонов.

В Туле Щеглов выпустил три книги: «Мастер тульского оружия» о ветеране-оружейнике А. Д.Иванове в 1969 г. в соавторстве с В. Тижаниным; «Сергей Степанов» (о рабочем — революционере) в 1974 г. совместно с Л. Здовбель; библиографический указатель «Владимир Лазарев» в 1986 г. За документальную повесть «Сергей Степанов», посвященную председателю Тульского горисполкома, участнику 2-го съезда РСДРП, в 1974 году он получил областную журна-

Коллектив «Заполярной правды»

листскую премию им. Глеба Успенского. Собирать материалы и писать статьи о С.И. Степанове Щеглов продолжал и после выхода книги. В сфере его интересов были и другие партийные и хозяйственные деятели Тульского края, такие, как секретарь Тульского губкома РКП (б) И.Д. Кабаков, председатель Тульского губкома РКП (б) и Тулгубисполкома Г.Н. Каминский, секретарь Тульского губкома комсомола М.В.Кузнецов. Совместно с Н. Столяровой Щеглов написал документальный очерк по истории тульского завода «Штамп», опубликованный в 1991 году в газете «Молот» под названием «Твоя судьба, старейший завод». Он также собирал материалы и писал статьи о Г.В. Антоновой-Овсеенко, дочери В.А. Антонова-Овсеенко, проживавшей в Тульской области, о литературном и театральном критике Л. Я. Гуревич, о писателях: Анатолии Кузнецове, Игоре Минутко, Наталье Парыгиной, Владимире Розанове, Александре Лаврике, Владимире Лазареве. Рецензировал произведения Э. Хемингуэя, Р. Бредбери, Д. Кугультинова, Г. Семенова, Л. Лиходеева, М. Алексеева, А. Рыбакова,

И. Зверева, Г. Кублицкого, В. Лазарева, С. Снегова, А. Кузнецова и мн. др.

Награждён медалями: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «40 лет Победы в Великой .Отечественной войне 1941-1945 гг.», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «70 лет обороны Тулы». Награжден Бронзовыми медалями ВДНХ СССР за журналистское освещение вопросов промышленности, строительства и транспорта в 1977 и 1980 гг. За многолетнюю журналистскую работу удостоен Почётной грамоты Президиума Верховного Совета РСФСР (1977 г.).

В 1984 г. награждён медалью «Ветеран труда» (звание подтверждено в 1996 г.). Имеет удостоверение ветерана Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. За активную деятельность по защите социально-трудовых прав и интересов жертв политических репрессий награждён Знаком Администрации Тульской области «Знак ордена доброты» (сентябрь 2004 г.). В 1996, 1999, 2001 и 2006 гг. награждён Почётными грамотами Администрации Тульской области, Тульского областного общественного Фонда содействия ЮНЕСКО, Конгресса интеллигенции Тульской области.

Отсидел за Маркса

Старая фотография. Семеро совсем молодых людей смотрят в объектив: гладко зачесанные волосы, строгие костюмы, распахнутые блузы. Девушка с тяжелыми косами. Другая, круглолицая, в темном платье. Парень с тонким профилем в белой рубашке...Это 1940 год, Муром, школьный кружок. После уроков спорят о революции, издают рукописный альманах, как могут шту-

дируют «Капитал». На следующей фотографии — тот же парень в рубашке: профиль, фас, на груди — номер. НКВД, Лубянка, 1941 год. Парня зовут Сергей Щеглов. За чтение Маркса он попадет в Норильлаг. Арестуют его 23 июня, на второй день войны. Девушка с тяжелыми косами выкопает и сожжет его спрятанные в подполе опасные рукописи, но из лагеря его не дождется. А та, круглолицая, сдаст их всех НКВД.

Мы пришли к Сергею Львовичу Щеглову не как к бывшему заключенному — как к очевидцу. Одному из выживших, для кого сталинский террор — не страница учебника и не дискуссия в интернете. Мы записывали то, что Сергей Львович хотел рассказать сам. Детали рассказа — чекисты, своровавшие при обыске тома Пушкина; безрассудная честность на допросе у следователя, последняя миска винегрета в лубянской тюрьме — складываются не только в биографию, но и в портрет времени.

Эпохи, в которой никто не видел абсурда в том, чтобы назначить «фашистской террористической группой» школьный кружок или посадить молодую женщину за создание «троцкистского диверсионного фашистского подпольного монастыря» (!). В которой жили, ожидая ареста, но не делали ничего, чтобы его избежать. В которой не лгали на допросе, чтобы не обманывать советскую власть, и уже потом, в лагере, работали из последних сил, чтобы перевыполнить план: «ведь надо страну от Гитлера защищать».

Рассказ Сергея Львовича — про дух времени, о котором так любят судить, но уже не могут его представить. Поговорив с очевидцем, вряд ли станешь называть убийцу «эффективным менеджером», голосовать за коммунистов, произносить фразу: «Лес рубят — щепки летят», — или требовать сильной руки. Если знаешь, как выглядит эта «сильная рука» в реальности, любая идеология окажется бессильна.

...Неделю назад Сергею Львовичу исполнилось 90. Он живет один. Уже 22 года возглавляет Тульское отделение общества «Мемориал». Каждые полчаса в его квартире звонит телефон: просят помочь

со справкой о реабилитации, найти информацию о сгинувших в лагерях предках. Если вы думаете, что все осужденные реабилитированы, могилы расстрелянных найдены и воспоминания о репрессиях в наше время бессмысленны, — проработайте с ним пару дней. Сергей Львович расскажет, с чем идут к нему люди. О том, как медленно отпускает их страх, как только спустя полвека после ареста перестает действовать подписка о неразглашении, как вклеиваются в лубянские дела дедов запросы их нынешних внуков.

Сергея Львовича оскорбляет отмена льгот для бывших заключенных, возмущают просталинские выступления, пугают прокоммунистические программы некоторых партий, удивляет современный мир.

Несколько лет назад Сергей Львович написал книгу об исследователе Арктики, геологе, первопроходце будущего Норильска, а потом заключенном Норильлага Николае Урванцеве. Издать ее, решил он, должны люди, связанные с Норильском. На собрании акционеров он подошел к председателю правления «Норильского никеля» Михаилу Прохорову, обошел охрану, представился: «Щеглов, строитель норильского комбината. Я знаю, что у вас есть издательство. У меня к вам прошение». Прошение Прохоров принял, но в ответ ничего не сказал. Сергей Львович все еще ждет ответа.

...Из чего складывается жизнь человека, что помнится в старости, что остается, когда оглядываешься назад?

Мы провели у Сергея Львовича шесть часов. Он рассказывал про арест матери и расстрел отца. Про свои допросы и тюрьму. Про ожидание расстрела и радость от приговора. Про набитый заключенными трюм парохода «Иосиф Сталин», про ботинки с подошвами из куска покрышки. Про «общие работы» и «особые методы». Про то, как студентами обходили стороной здание на Лубянке, а в 47-м на случай ареста держали собранным чемодан.

За все эти шесть часов заплакал Сергей Львович всего один раз, вспоминая ту девушку с тяжелыми

косами: первую свою, юношескую, оставленную из-за лагеря и ушедшую навсегда любовь.

О чем вспоминает 90-летний политзэк, веривший в советскую власть и о «троцкистском диверсионном фашистском монастыре».

И меня, и моих родителей осудили по одной и той же 58-й статье. Моя мама до 1918 года была учительницей. Но потом она прочно уверовала в Бога и ушла из школы, заявила, что не хочет воспитывать детей атеистами, и стала частной портнихой. Меня она в школу тоже не пускала, учила сама. Муром тогда еще служил местом ссылки, среди ссыльных было много игумений закрытых монастырей, они меня и воспитывали.

Мама постоянно ходила в церковь и мечтала, что я стану священником. А я был очарован красотой богослужений: музыкой, пениями, одеждой, — участвовал в службах и всем этим жил.

Естественно, чекисты наблюдали за такими людьми, и когда в июле 1937 года понадобилось выполнять разнарядку Ежова и Сталина по арестам и расстрелам, маму взяли. Мне было 16 лет.

Маму забрали в августе, я был в деревне у родственников. Через неделю получаю телеграмму от ее брата Николая Ивановича: «Срочно приезжай. Мама больна». Дома я обнаружил полный разгром: вещи разбросаны, книги на полу. У мамы была большая библиотека, лучшие книги забрали чекисты. Взяли роскошно изданную серию «Вселенная и человечество», всю русскую литературу от Пушкина до Толстого.

Это было в августе, а в ноябре тройка присудила маме 10 лет лагерей, и ее отправили в отделение Карлага под Караганду. Тогда 10 лет было самым большим сроком, но я радовался, что ее не расстреляли, что она осталась жива.

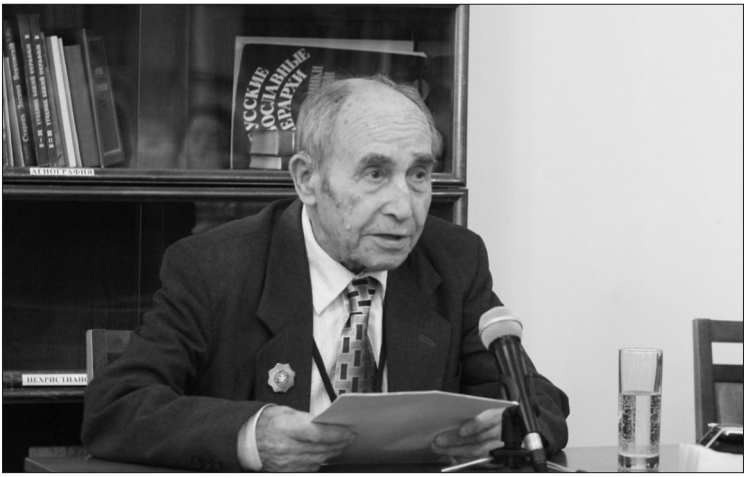

Сергей Львович Щеглов

В 1947 году мама должна была освободиться, но заболела раком и умерла в лагерной больнице. Срок кончился, но на свободу она так и не вышла. Ей было 49 лет.

В 90-е я познакомился с ее делом. Страшная в нем была формулировка: «участие в организации троцкистского диверсионного фашистского подпольного монастыря». В деле было зафиксировано, что мама воспитывала меня в антисоветском духе, готовила из меня священнослужителя и в ожидании нападения Гитлера на нашу страну обучала немецкому языку, чтобы я был переводчиком у оккупантов. По делу проходило 40 человек, 10 из них расстреляли, 30 получили десятку.

Отца арестовали почти одновременно с матерью. Еще в 25-м году они разошлись, отец с новой семьей жил в деревне около Мурома, заведовал сельской школой. Он был неверующим человеком и коммунистом, закончил четыре курса Петроградского университета, а потом ушел, потому что участвовал в революционном движении с эсерами. Я узнал об этом только после своего собственного ареста. Первым же вопросом сле-

Сергей Львович Щеглов

дователя было: «А ты знаешь, что твой отец — эсер?» Это был страшный удар, эсеры для меня были враги.

Судьбу отца я долго не знал. Позже мне выдали справку, что он умер в 1942 году в лагере из-за отказа почек, — были такие ложные справки, предусмотренные инструкциями НКВД. В 90-е я начал рассылать запросы о его судьбе, ко мне в квартиру пришел сотрудник местного КГБ и сказал: «Должен сообщить вам горькую весть. Ваш отец расстрелян 8 сентября 1937 года». Никаких документов он не принес, я получил их только через несколько лет. Теперь у меня лежат две справки: одна — о том, что отец умер в 1942 году. Другая — что расстрелян в 1937-м.

О беспокойстве за демократию

После ареста мамы меня забрал к себе ее брат Николай Иванович. Если бы не он, меня бы отправили в детский дом для детей врагов народа. Он же устроил меня делопроизводителем в райпотребсоюз и в школу

для взрослых. И я внезапно оказался в окружении своих ровесников.

Большинство были атеистами и комсомольцами, поэтому я тоже вступил в комсомол. Мы, те, кто интересовался не только водкой и девушками, начали тянуться друг к другу. Таких людей оказалось немало, а я отличался особой активностью: стал редактором стенгазеты, организовал в школе литературный, исторический, театральный и экономический кружок, где мы замахнулись на изучение «Капитала» Маркса. Уже в 14 лет я каждый день покупал «Правду» и «Известия». Веры в то, что там пишут, не было, я видел, что пропадают люди, и знал, что это не могут быть враги народа: директор школы, главврач поликлиники. Но была главная вера: советская власть — раз и навсегда, и все, что происходит — исчезновение людей, аресты, — искажение ленинской линии.

В наших кружках мы часто говорили довольно откровенно. Беспокоило нас, говоря современным языком, отсутствие демократии. За нами быстро установили слежку. А в 1939 году меня повесткой пригласили в муромское отделение НКВД. Со мной очень дружелюбно беседовал какой-то капитан, спрашивал, не замечал ли я каких-то антисоветских высказываний, не слышал ли политических анекдотов. Я пообещал, что немедленно приду к нему, если что-то такое услышу, и рассказал об этом друзьям. Но потом мы поняли, что некоторые из нашей компании на такое предложение согласились.

Когда в 1940 году я поступил в институт и переехал в Москву, я ясно ощутил, что мое дело передали из Мурома и слежка продолжается. Моим осведомителем, как я потом понял, был Стасик Леплевский — сын заместителя Вышинского. Его поселили в общежитии рядом со мной, и он сразу стал ко мне как-то тянуться, рассказал, что его отец расстрелян в 38-м году и, естественно, прокомментировал это. Когда потом следователь, заглядывая в бумажку, зачитывал, какую антисоветскую агитацию я вел, я узнал, что то, что говорил Стасик, вложено им в мои уста.

На Лубянке

22 июня 1941 года я сдал последний экзамен за первый курс, 23-го утром подал заявление с просьбой отправить меня на фронт и поехал в институт.

Днем вызывают меня к ректору. Захожу в кабинет, вижу: сидит человек с белым «яичком» на рукаве, два каких-то военных. Глянул на «яичко», и охватил меня ужас: «Боже мой, неужели меня арестовывают?!» «Яичко» это означало только что созданный Наркомат госбезопасности, который занимался самыми страшными государственными преступниками. И действительно, который с «яичком» предъявил мне бумажку: ордер на арест.

Отвезли меня в общежитие, перерыли мою койку и тумбочку, велели взять с собой вещи. Я говорю: «И зимнее пальто?» — «И зимнее пальто тоже». Беру простыню, связываю в один узел зимнее пальто, теплые ботинки, костюм, в котором на лекции ходил. И со всем этим везут меня на Лубянку.

Лубянка! Это был символ, это здание внушало страх. Мы, как и все, с опаской проходили мимо. И вот я оказался в самом его центре.

Первая камера была треугольной. Ни сесть, ни лечь, можно только стоять. И я стоял. Сколько — не знаю, часов у меня не было, и с тех пор время для меня измерялось только условно. А потом начался допрос.

Следователь оказался строгий, ежовского вида. Спрашивает: «Вы такое говорили?» Я: «Говорил». Я старался быть честным перед советской властью, которой верил. И то, что я высказывал критические суждения, с самого начала не отрицал.

Обвинение мне предъявили почти такое же, как у отца и матери: «Создание в городе Муроме молодежной антисоветской террористической фашистской группы». Сижу и думаю: отец эсер, мать сидит, я организатор террористической группы — куда дальше-то? Лубянка, одиночная камера, то, как следователь

задавал мне вопросы и формулировал мои преступления, — все говорило, что я страшный преступник. И стал я готовиться к расстрелу.

Антисоветский Маркс

В материалах следствия особо отмечалось, что на экономическом кружке мы читали «Капитал» Маркса. К тому времени сталинская элита уже понимала, что практика строительства социализма в нашей стране с «Капиталом» не совпадает, и даже в институтах читали только курс политэкономии, без первоисточника. Так что чтение Маркса мне засчитали как антисоветскую деятельность.

На допросах меня не били, только несколько раз дали по зубам. Я был мелкой сошкой, к таким особые методы не применяли. Удивления от того, что я, двадцатилетний студент, — глава террористической организации, у меня не было. Мы знали, что тот же Аркадий Гайдар в 16 лет командовал полком, и полностью брали на себя ответственность за свои поступки.

После допроса меня перевели в другую камеру. Проходит какое-то время, открывается окошко в двери и ставят миску с винегретом. До сих пор помню красноватую свеклу. Тогда я о еде даже думать не мог, а через несколько дней понял: надо было есть, ведь теперь о такой миске можно только мечтать.

Через неделю вызывают меня с вещами, сажают в «черный ворон» и везут, как я потом понял, в знаменитую «Таганку». Открывают камеру — и я вижу муравейник: огромная комната, с обеих сторон нары, одно зарешеченное окошечко, и везде, даже на полу — люди. Еле нахожу себе место на полу, раскладываю вместо матраса зимнее пальто. Ну, думаю, если отпустили с Лубянки — значит, не расстреляют. И действительно: через несколько дней везут меня

Сергей Львович Щеглов

на железную дорогу и отправляют в телячьем вагоне, тоже битком набитом, куда-то в Сибирь. Довезли до Омска и заключили в Екатерининскую тюрьму. И там 11 месяцев продолжалось следствие, начатое на Лубянке.

5 мая уже 1942 года вызывают меня, протягивают бумажку. Читаю: «Постановление особого совещания: студенту первого курса Щеглову за антисоветскую агитацию по статье 58.10 — пять лет исправительно-трудовых работ и три года поражения в правах». Вот и весь мой приговор. Ну я обрадовался: следователь-то меня уверял, что меньше десятки не дадут, и «будь благодарен, что жизнь тебе спасли».

Спасать Родину

Из Красноярска в Дудинку нас везли в трюме парохода «Иосиф Сталин». Командовали там уголовники. Меня обокрали, взяли все, что было с собой. Но самое страшное — пайки с хлебом мы должны

были распределять сами, каждому полагалось по 350 граммов в день и раз в сутки — баланда. Уголовники распределяли все это между собой, и многие оставались голодными, в том числе и я. Одели нас в так называемое обмундирование третьего срока. Все зашитое, заплатанное: штаны ватные, телогрейка, бушлат с дырами и ЧТЗ, «Челябинский тракторный завод»: башмаки, у которых вместо подошвы кусок транспортерной ленты.

Срок я отбывал в Норильлаге, на строительстве Норильского медно-никелевого комбината. Естественно, меня распределили на общие работы, то есть долбить скалу, которую не брали ни лом, ни кайло. Чтобы получить 600 граммов хлеба в сутки, надо было выполнить норму, а выполнить ее было невозможно, потому что я пришел в лагерь после 13 месяцев тюрьмы, где постепенно слабел, и, конечно, погиб бы.

К счастью, я был грамотным, окончил первый курс инс¬титута — тогда таких людей было мало, — и через год меня сделали сначала табельщиком на той же стройке, где я котлованы долбил, а потом перевели в лабораторию при заводе.

Начальник Норильлага Завенягин всегда способствовал тому, чтобы инженер работал инженером, а не землекопом. За это его уважали. Я оказался среди исследователей, увлекся этим. К марту 1946 года, когда освободился, я уже три года работал в лаборатории оксиликвидного завода, разрабатывал взрывчатку.

К работе мы относились добросовестно. Мы понимали, что строится такой великий промышленный комплекс, что надо Родину от Гитлера спасать. Постоянно писали заявления с просьбами отправить нас на фронт. На них, конечно, никто не отвечал.

Уже через много лет я встретил моего однокурсника. По его рассказам, большинство нашей группы, все, кто подал заявление на фронт, попали в ополчение и погибли при обороне Москвы. Такова была бы и моя судьба, если б не лагерь.

Новый 37-й

Когда освободился, я, как и все, подписал бумагу, что остаюсь на той же должности как вольнонаемный. В те годы по всему ГУЛАГу действовало распоряжение Наркомата внутренних дел закреплять освободившихся заключенных по месту выхода из лагеря. Норильск был напичкан такими людьми.

Я продолжал работать на том же заводе, в той же лаборатории. Внешне в моей жизни ничего не изменилось, единственное — я стал получать зарплату и ходил с работы не на зону через охрану и обыски, а в свою комнатушку (скоро я стал заведующим лабораторией и жил в ней же на диване), мог передвигаться по Норильску. Выехать из города я не мог.

А к 1947 году стало понятно, что 37-й год возвращается. Освободившихся из лагеря по 58-й статье стали возвращать туда или отправлять в ссылку. Из Норильска людей выселяли в тайгу. А когда пережил 10 лет бараков, идти в тайгу было очень страшно.

Мы тогда познакомились с Ниной, она работала в лагерной газете. В 1947 году спрашиваю ее: «Ты согласна, чтобы мы зарегистрировали брак? Ты же понимаешь, что завтра меня могут арестовать снова и отправить в лагерь?» Она сказала: «А мне все равно. Я буду с тобой».

Двери захлопнулись...

Дверь камеры с лязгом закрылась за моей спиной. Словно под черепной коробкой, а не в замочной стали, с упругим звоном повернулся беспощадный ключ. В камере — человек, высокий, с широкими прямыми плечами, шагает из угла в угол. С энергией льва, только что запертого в клетку. Опущена голова, на лоб свесились космы черных волос. Руки — за

спиной, в губах дымит папироса. Четыре шага по диагонали — вперед, четыре — обратно. В углу у двери — куча окурков. Под близким потолком, в сизом дыму, красновато светит из-за проволочной сетки лампочка ватт на сорок. Ни окна, ни табуретки, ни койки, ни столика. Покрашенные в серое стены. В середине двери — маленькое круглое отверстие. В нем поблескивает стекло, снаружи задвинуто. Я прошел в угол, свободный от льва и окурков, бросил свой узел, поставил чемодан и присел на его край. Всё кончено! Жизнь кончена! Оборвалась внезапно, нежданно. А какая была яркая, сколько было планов, замыслов, счастья любви и дружбы. (Тут, может быть, иной читатель, ожесточенный ужасами действительности или насмотревшийся на них с помощью всевозможных экранов, скажет: ну что это нагнетает автор страхи, что ужасного произошло? Ну, попал человек в тюрьму...

Но поставьте себя на место юноши, почти мальчишки, в представлении которого тюрьма — клоака отбросов общества. Прибавьте к этому, как много он наслышался о пытках, произволе уголовников и полной невозможности выбраться отсюда — и вы поймете, что было на душе у рассказчика, почувствуете его подавленность и обреченность). Я тупо смотрел на свой узел. В нем, в объятиях простыни, да еще в чемоданчике, на котором сижу (картон, оклеенный черным дерматином), — все имущество студента. Вот торчит черный воротник изрядно поношенного пальто, такой же козырек кепки. Пальто из недорогого сукна, на ватной подкладке. Около года назад, когда я уезжал из родного города в Москву на учебу, дядя Коля дал мне это свое пальто, и всю зиму оно согревало меня (а зима была на редкость морозная). Пальто мне было широковато и длинновато, сидело мешком, но к форсу никто из первокурсников, особенно провинциалов, не стремился, каждый был одет в меру своего достатка или достатка родителей. У меня родителей не было. Пробежишь от электрички до трамвая, уши потрешь и ладно. Где-то за каменным погребом,

Сергей Львович Щеглов

в который меня втолкнули,— солнечный московский день, многолюдные улицы. Идут и едут, куда им нужно, свободные люди. Я этого лишен. Смириться с этим — мучительно. Столица вспоминается в отчетливых ярких картинах и сценах. Высокие просторные залы Ленинской библиотеки. Ряды столов, за ними ребята и девушки, солидные мужчины и женщины, склонившиеся над книгами и конспектами. Настольные электролампы под зелеными абажурами. Легкое шуршание переверты-ваемых страниц. Уют, благоговейная трапеза знаний. А за окнами, совсем рядом, краснокирпичные стены Кремля, не нарисованные, а настоящие. Я в Москве, вот он, спокойный простор всему миру известной площади. Вспоминаются шумные коридоры института, тишь заполненных аудиторий, учебных кабинетов с фолиантами, географическими картами, схемами исторических битв. Болью отдаются в памяти непорочно голубые вагоны метро, без устали ныряющие в таинственную черноту тоннелей. Молочная закусочная посередине бульвара под высокими липами Чистых Прудов. Каждое утро по пути в институт я за аккуратным столиком всласть прожевывал французскую булку с хрустящей коричневой корочкой, запивая ласковым кефиром из бутылки.

Час назад, когда черная эмка промчала меня мимо этой закусочной, вдоль серого в разводах мрамора Кировской станции метро,— пронзила сознание мысль: никогда, никогда больше не увижу ни этих высоких лип, ни поездов метро, ни Чистых прудов с их лебедями. Не увижу Москвы — родной, милой,

неизведанной. Впервые за мои неполные двадцать лет мчался я в легковом автомобиле, да еще по столичным улицам. Но какой горький, трагический шик! Сижу на пружинящей клеенчатой подушке между двух парней. Один в сером костюме, другой в коричневом. Впереди, рядом с шофером, комиссар госбезопасности. Белый эллипс на рукаве мутнозеленой гимнастерки. Недавно в газетах было сообщено, что теперь кроме НКВД есть еще НКГБ — наркомат госбезопасности. Его задача — борьба с самыми тяжкими преступлениями против советского государства. Запомнилась фамилия наркома: Меркулов. Появились на улицах Москвы сдержанно-бравые военные в мутнозеленых мундирах с белыми яичками на рукаве. Прохожие разминуются с ними с каким-то смирным уважением. Миссия этих сотрудников — обезвреживать шпионов, диверсантов. Товарищ Берия, оставшийся во главе НКВД, будет выискивать врагов вообще, а эти — прежде всего шпионов. Так я понял правительственное сообщение. Но вот меня арестовал именно комиссар НКГБ. Какой же я шпион? Что случилось? Ошибка? Но меня приучили верить, что органы не допускают ошибок. Значит, участь моя плачевна, безнадежна. Парни беззаботно переговаривались о чем-то своем, обыденном, несовместимом с моим несчастьем. Как будто бы не было между ними меня с моим непонятным, но страшным несчастьем, как будто не было рядом военного начальника с белым яйцом на рукаве. И самое главное — той непостижимо огромной беды, которая обрушилась на всех вчера. ...Ходит и ходит по камере энергический куряка. Он ходит, а время остановилось. Что остается юноше, оглушенному горем и зажатому в бездействии, и в невозможности что-либо предпринять? Остаются нескончаемые дороги памяти. Бесчисленные воспоминания. Они вспыхивают одно за другим, уводят из четырех глухих стен мрачного настоящего на светлые просторы минувшего. Роятся, множатся, переплетаются. Некоторые возвращаются вновь и вновь.

Последний экзамен. 22 июня. Солнечное прохладное утро. Радостной гурьбой спешат истфаковцы по вымытому ночным дождиком тротуару. Через час — последний экзамен. Торопливое перелистывание учебников и конспектов... — А-а, — Перед смертью не надышишься... Подслушивание у дверей, за которыми профессор принимает экзамен.... Нетерпеливое тормошенье каждого, вышедшего из-за дверей с зачеткой в руке: — Как спрашивает? Что поставил? Профессор строгий. Он сухощав, носит пенсне и тем похож на Свердлова, только без бородки. Какой важный день! Поистине рубежный. Пройдет какой-нибудь час и — первый курс окончен. Час долгий, тревожный, томительный, но он ведь непременно пройдет. Волнуюсь. Но уверен, что сдам. Как и ко всем экзаменам, подготовился добросовестно. Наверняка сдам. Стало быть, закончу первый курс. Через час. Что тревожит — оценка. Надо «пятерку». Иначе в третьем семестре — жить не на что. Помогать мне некому, и если сегодня «Свердлов» поставит «четверку» — стипендии не видать. Но уверенности, что сдашь на «пятерку», не может быть, никогда. Пусть все, что следует, прочитал, пусть все основное запомнил, пусть основательно истерты конспекты — уверенности в «пятерке» нет. И вот захожу в аудиторию, беру со стола билет. В нем первый вопрос: «Мечта, иллюзия, воображение». Ну, все! Есть что рассказать. Сажусь, готовлю ответ. А через полчаса открываю дверь в коридор с крылатым ощущением свободы. В зачетке — размашистая «пятерка». Первый курс завершен! Стипендия на первое полугодие обеспечена! Однокурсники поздравляют, расспрашивают, разглядывают страничку зачетки. Остро осознаю необыкновенное счастье момента. Свободен, свободен! Не надо больше готовиться ни к каким экзаменам, можно отрешиться от непрерывного запоминания дат, имен, событий, формулировок. Время принадлежит мне. Не надо торопиться на лекции, коллоквиумы.

Слева направо (вверху): Э. Ремизова, В. Мартынова, Г. Карлова, Н. Балуева. Внизу: И. Гиршман, Э. Минакова, Леонид Калинин. Редакция газеты «Заполярная правда». Норильск, март 1958 г.

Иди в кино, на реку, в парк — куда хочешь. Вольная птица. И так целое лето.

Провести его в Москве? Я ведь не видел еще по-настоящему этого великого города. Десять месяцев жизни в нем пронеслись в напряженной учебе. Институт — библиотеки — музеи — вот постоянный маршрут. Не терпится побродить по старинным улицам, набережным, площадям. Рассмотреть каждое здание. Ведь что ни шаг — встреча с Историей. Хорошо и на родину поехать, на милые берега Оки.

Я начал новый период с того, что подстригся. Провожу ладонью по затылку: во как отросли! С этими мыслями прошел я Чистые Пруды, почти всю Кировскую. В крохотной парикмахерской у выхода на Лубянку опускаюсь в кресло. «Прибор! — подала парикмахерша зов за перегородку, вправляя мне за воротник салфетку. Приятное прикосновение женских пальцев к шее. Раздвигается шторка за дверью

у кассы, старушка в белом халате выносит алюминиевый стакан на тарелочке. Из угла, где под низким потолком черное блюдо репродуктора, умиротворенно льется негромкая музыка. Вот и она стихает, и голос дикторши — как будто бы вот тут, рядом: — Внимание, внимание, говорит Москва, радиостанция имени Коминтерна... — Через пять минут слушайте выступление заместителя председателя Совета Народных Комиссаров СССР, народного комиссара иностранных дел... Граждане и гражданки Советского Союза! Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление... Кажется, что волнение звучит в этом голосе, какая-то тревога. Две девушки-парикмахерши вышли из-за занавески и притихли под репродуктором, приготовились слушать. Моя добривает мне щеки. — Сегодня, в четыре часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек...

Впиваюсь слухом в медленные, будто спотыкающиеся слова — и не могу принять, что это действительность. Не могу представить, что пылают здания в Киеве и Житомире, что на нашей земле льется кровь, гибнут люди. Не может быть! Ведь за окном — солнце, яркое летнее солнце, шумит прибой городских улиц. — Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством... Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в пять часов тридцать минут утра сделал мне как Народному комиссару иностранных дел заявление от имени своего правительства о том, что германское правительство решило выступить с войной против СССР в связи с сосредоточением ча-

стей Красной Армии у восточной германской границы... Пожилой москвич смотрит в пол, невозможно прочесть что-либо на его лице. Рядом — лейтенант, губы решительно сжаты. Ужас в глазах у молоденькой парикмахерши. — Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, советским правительством дан нашим войскам приказ — отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей Родины... Территория... Терра — террис,— зачем-то подает мне память недавние занятия по латыни. — ...Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего советского правительства, вокруг нашего великого вождя то-

Это был последний день работы в редакции Н.И. Балуевой. Слева направо (нижний ряд): Борис Руденко, Галина Истомина, Валентина Мартынова, Нина Балуева, Ирина Зорина, Эмма Минакова, Галкина.
Верхний ряд: Владимир Кудряшов, Адам Ненштиль, машинистка Рита,Александр Григорьевич Фишман, имя женщины память не сохранила, Борис Буров (в очках)
«Заполярная правда». Норильск, 30 июня 1961 г.

варища Сталина. Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами. Парикмахерши ушли за занавеску. Оттуда послышался плач. — Ну, не надо, Катюша, ну что ты... Захлебывается в рыданиях девичий голос: — Да ведь они же на самой границе! Их часть, наверное, первой пошла... — Ну и что же? Обязательно убьют, что ли? У меня в Киеве мать и две сестры... Вот оно, наступило, время подвига, час, к которому мы готовили себя, в ожидании которого жили. Необыкновенный подъем в душе, острое ощущение внезапной перемены судьбы. Отныне каждый час становится знаменательным, каждые сутки — веха истории... ...Ходит и ходит лев по клетке. Курит папиросу за папиросой. Решительно, размашисто меряет камеру: четыре шага вперед, четыре обратно. По диагонали. А я сижу на чемодане. Вновь и вновь лихорадочно перерываю свои девятнадцать годов, стараюсь отыскать в них причину сегодняшнего несчастья. Ничего, как будто, не находится. Правда, отыскивается кое-что не в мою пользу.

«Сергей Львович Щеглов: о времени, о своей судьбе...»

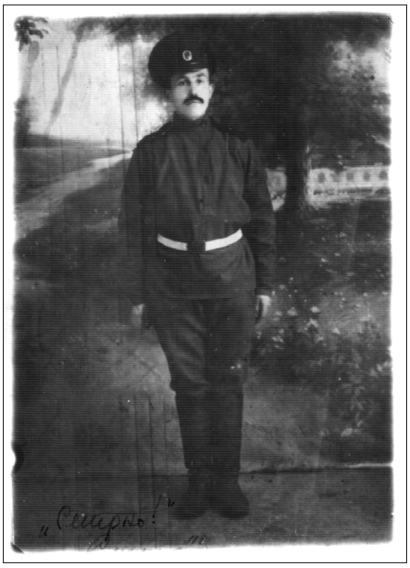
— Попробуем начать с самого начала, Сергей Львович. У Вас необычная семья: отец был революционером и атеистом, а мама — убеждено верующая, насколько мне известно. Расскажите, пожалуйста, как сложилась судьба вашей семьи, ваших родителей и как революции и последующие за ней события отразились на судьбе ваших родных?

— Мои родители встретили друг друга в 1919 году во Владимирской губернии. Отец — Лев Львович Щеглов, был сыном священника, настоятеля храма в селе Ляхи Меленковского уезда. У Льва Евграфовича Щеглова, моего дедушки, семья была огромная — 8 сы-

новей и 3 дочери, из них мой отец, родившийся в 1883 году, самый младший. Дедушка скончался в 1896 году, кто-то из сыновей решил пойти по его пути — в священники, а мой будущий отец Лев Львович и еще пятеро братьев, закончив кто семинарию, кто школу, потом поступили в Петербургский университет. Отец поступил туда, естественно, последним из них, а в 1911 году внезапно подал прошение, чтобы его отчислили. Как я потом выяснил, это было вызвано тем, что он участвовал в революционном движении 1905–1907 годов и опасался преследований и ареста. Его отчислили, и он стал работать сельским учителем, затем директором сельской школы при царской власти, а после революции и при советской власти. Лев Львович мало того, что не пошёл по духовной линии, но, как большинство революционеров, стал активным атеистом. Первый конфликт между ним и мамой начался, когда на свет появился я. Мама, дочь простого крестьянина, закончила гимназию и тоже работала преподавательницей в сельской школе. Но в 1918 году она ушла из школы, открыто заявив, что не будет учить детей безбожию. И это в первые годы советской власти, когда шла Гражданская война, ЧК работало вовсю — она нисколько не боялась заявлять такие вещи. До поры до времени это ей сходило с рук. И первый конфликт с мужем случился из-за веры: крестить или не крестить ребёнка. Она категорически ставила вопрос: крестить, а он был против, считал это предрассудком — но всё-таки согласился. Меня крестили, а через несколько лет те же самые разногласия стали причиной распада семьи, вроде даже счастливой. Никаких других конфликтов у них не было, только вопрос веры, они любили друг друга. Мне было 4 года, когда мама уехала от него в Муром. Воспитывала она меня одна; с юности научившись шить, зарабатывала на жизнь и на моё воспитание частной портнихой. В августе 37-го её арестовали. Мне было почти 16 лет, пока я не получил паспорт, мне как сыну врага народа надлежало быть отправленным в специальный детприёмник. На счастье, в Муроме

у мамы был брат, и он меня принял в свою семью, у него было две дочери.

Моя жизнь изменилась решительно, ведь все годы до самого ареста мамы были у меня связаны с церковью. Мама, начиная с детства, ещё за ручку меня туда водила. Я читал там часы перед обедней, был посвящён в стихарь — это первая ступенька к тому, чтобы мальчик постепенно входил в церковную жизнь. Мама мечтала о том, чтобы я был или священником, или даже — это было её заветной мечтой — архиереем. Учила меня дома, не в школе, поскольку она преподавательница была, а подруги ее по гимназии преподавали мне кто химию, кто физику. Я настойчиво учился все эти годы, но в школе меня не было. И когда её арестовали, Николай Иванович, её брат, начал с того, что устроил меня на работу в 16 лет, как только я паспорт получил. Затем привел меня в школу взрослых и говорит: «Вот молодой человек 16 лет, в школе он не учился...». Полгода я учился в пятом классе, и все преподаватели поняли, что это не для меня, через полгода меня перевели в шестой, а потом в седьмой, а к 1940 году закончил десятилетку в школе вечерней молодёжи. Я вступил в комсомол и проникся верой в построение нового общества. Никто не требовал от меня никаких отречений от родителей, хотя порой спрашивали об отце и матери. Но с отцом была прекращена всякая связь, даже алименты от него мать отказалась получать,

Лев Щеглов, 1914 год

такая была принципиальная. Несколько раз он приезжал. Я помню, мне было 5–6 лет, и он как-то пытался вернуться в семью. Мама была против, и ничего больше не получилось. Он так и работал в сельской школе, потом создал другую семью, у него там появились две девочки. В тридцать седьмом его тоже арестовали по 58 статье. Потом прошло много лет, я, ещё живя в Норильске, отыскал его вторую жену и двух их дочерей, завязал с ними добрые отношения. Потому что мне всегда был дорог отец, так же как и мать. Мне рассказали историю его ареста. Как директор школы, человек образованный, он был избран в ревизионную комиссию колхоза и обнаружил злоупотребления председателя колхоза. Кончилось тем, что председателю дали 3 года. Он их отбыл, чуть ли не досрочно вернулся и говорит: «Ну, Лев Львович, ты вот меня на три года устроил, а я тебя устрою, что ты уже не выйдешь...». Так оно и получилось. В августе — так же как и мать — тридцать седьмого его арестовали. Теперь у меня есть его дело, дело матери и своё собственное, затребованные из архивов КГБ. И я имею полное представление, как всё это шло и как было сфальсифицировано его дело. Доносы шли от председателя и других, что он не в советском духе воспитывал детей и т.д. Льва Львовича в августе арестовали, быстренько провели следствие, а 8 сентября расстреляли в Горьком. Я об этом узнал, живя уже в Туле, в этой квартире, где-то в 70-х годах прошлого века. До этого же я получил справку о его реабилитации, что ни в чём он не повинен и умер в 1942 году от болезни в лагере. Это ложные справки по инструкции НКВД формировались так, чтобы в статистику военных лет укладывались расстрелы тридцатых — война всё спишет. После статьи в «Огоньке», что по инструкции Берии выдавались ложные справки, я написал заявление в КГБ. И вскоре приходит ко мне здешний тульский сотрудник НКВД и говорит: «Я должен вам сообщить горькую весть, ваш отец был расстрелян в 1937 году». Он и принёс мне настоящую справку, что

Лев Львович похоронен в Горьком на кладбище, где похоронены расстрелянные там люди. Я туда ездил. Ну стоит стела такая, кто-то из родственников приезжает, крестик, портретик ставит, сделал это и я. В той земле тысячи расстрелянных людей, так же, как и у нас здесь Тесницкий лес есть и в каждом областном, краевом, республиканском центре, где десятки тысяч людей были зарыты в землю расстрелянными.

Что касается мамы, когда её арестовали, ей было 49 лет, осудили по второй категории на 10 лет ИТЛ и отправили в Караганду, лаготделение Долинское. Все 10 лет она там работала и в 1947 году, окончив свой срок, умерла в лагерной больнице, потому что не могла выйти на волю по болезни. Она и похоронена где-то там, в Долинском.

Я уже начал вам говорить о том, как я изменил свою жизнь: вступил в комсомол, закончил десятилетку. Потом я поступил в Московский педагогический институт на исторический факультет и закончил первый курс 22 июня 1941 года. На следующее утро мы, комсомольцы истфака, побежали в райком комсомола, чтобы нас отправили на фронт защищать Родину. Приняли моё заявление и сказали: идите, сейчас ваш институт эвакуируется, помогите всё собрать, там будет госпиталь. Это было утром 23 июня. И вдруг меня вызывают к ректору. В кабинете ректора сидит представитель НКГБ, меня арестовывают и везут на Лубянку. Вот и первый допрос:

— Вы знаете, за что арестованы? – Нет, не знаю.

— Ну как? Вы организовали в Муроме, в школе рабочей молодёжи антисоветскую группу.

— Никаких групп я не организовывал.

— Ну как же, а кружки? Вы в них занимались литературой и прочим... – Да, занимался.

Так началась эта канитель со следователями.

— А вы знаете, кто ваш отец? – Знаю только, что он сельский учитель, что он в 1937 г. был арестован, как и мать.

— Он был эсером!

Мама С.Л. Щеглова

Это был удар для меня, потому что я был воспитан так, что большевики правильные, а все остальные неправильные: меньшевики, эсеры и прочие. Кончилось тем, что через неделю примерно я оказался в одиночной камере на Лубянке, в самом страшном месте, где началось вот это следствие. Потом меня перебрасывают в Таганскую тюрьму в общую камеру, в которой 300 человек: политические, бытовики и все прочие. Я нахожу место на полу рядом с моими вещами и рядом со мной оказывается пожилой человек. Он участливо ко мне обращается и спрашивает:

— Вы откуда?

Я ему рассказал, что я студент, на Лубянке был. Он мне:

— Ну, считайте, что вы остались живы, видите, вас в общую камеру бросили.

Так оно и получилось. Через неделю или две нас посадили в вагоны и повезли в Сибирь через пересылку в Новосибирске и других городах. И в Омской тюрьме продолжили следствие. Как мог, я доказывал следователю, что никакой я не организатор антисоветской группы, а убежденный человек, приготовившийся защищать Родину от фашистов. Я замучил его тем, что ему приходилось переписывать протоколы допросов по нескольку раз, попадало мне за это от него, но пыток, в классическом смысле, тогда ко мне не применяли. Ну, там по зубам... — это всё было. Тем не менее, в обвинительном заключении всё было написано, как

надо было следователю: «Рекомендую приговорить к 10-летнему заключению в лагерях».

Я говорю:

— Чего же мне теперь ждать?

— Ждите суда, будет суд.

Прошло некоторое время, меня вызывают из камеры, заводят в какую-то комнатушку, протягивают бумажку и говорят:

— Распишись.

Я читаю, что постановлением Особого совещания от мая 1942 года студент Щеглов присуждается к 5 годам ИТЛ. Я расписался. Вскорости меня переправили из Омска в Красноярск, к берегам далёким Енисея, посадили в трюм самого роскошного парохода того времени – «Иосиф Сталин». Это было страшное путешествие с уголовниками — там такое творилось в этом трюме, они отбирали пайку, которую нам сверху спускали: 400 грамм хлеба и черпак баланды. И без того ослабленные люди оставались голодными. Сказать ничего было нельзя, трупы осмелившихся спорить выбрасывали за борт.

Наконец, Дудинка, дальше по узкоколейке меня привезли в Норильск — это было в августе 1942 года. Так началась моя Норильская эпопея. Отбыл я там на общих работах — обычная канитель, пока меня как грамотного человека не спасли, потому что после тюрьмы ослаблен человек — долбить вечную мерзлоту было довольно сложно. Я попал на строительство завода взрывчатых веществ под названием оксиликвиты, работал в исследовательской лаборатории, сроднился с этим делом и весь дальнейший срок пробыл заключенным в привилегированных условиях, где интересная творческая работа, но со взрывчаткой... Есть такое изречение: «взрывник ошибается только один раз». Я тоже ошибался, но, слава Богу, остался жив, а много людей погибло — моих товарищей.

Освободили меня, да ещё снизили срок на 3 месяца за хорошую работу, но выпускать из Норильска никого

не собирались, ни бытовиков, ни, тем более, политических — хоть война закончилась, но действовали военные условия.

— Сергей Львович, вы говорили, что ваша жизнь категорически изменилось после того, как вашу маму арестовали, а после этого лагеря в Норильске, как изменилось ваше мировоззрение?

— Да ничего не изменилось...Все началось в детстве, при маме. Я научился очень рано читать, и первое, что я прочитал в маминой скромной библиотечке, была Библия. Сами понимаете, насколько это интересное чтение, но наряду с Библией я читал художественную литературу, и астрономию, и «Мать» Горького, и другие книги революционного содержания — они тоже хранились у мамы с юных лет. Прочитал я все это и сопоставил библейское сотворение мира: ничего не было, только Дух летал над бездной, а астрономия говорила другое. Я эти вопросы задавал маме, она говорила: «это не твои вопросы, это надо понимать глубже, все это символично...» Символично-то — символично, но любопытство меня заедало. И я стал спрашивать обо всем этом у Павла Устинова, образованного протоиерея, с которым у меня были хорошие отношения, он меня приглашал чайку попить после обедни, потом его расстреляли вместе с моим отцом в Нижнем. Вот я его спрашиваю:

— Отец Павел, как же это надо понимать — сотворение мира. Наука совсем по-другому объясняет. Или, допустим, рассказ о том, как иудейский полководец Иисус Навин осаждал Иерихон и сказал: «Стой, Солнце, не двигайся, Луна». Как это он мог остановить Солнце и Луну?

Отец Павел закончил духовную академию, но и он мне так же сказал:

— Все нужно понимать глубже, символичнее.

Не устраивал меня этот ответ, не мог я примирить науку с религиозными догмами. Это началось и продолжается по сей день. Прошли годы, я прочитал Тол-

Сергей Львович Щеглов

стого и понял, что он тоже страдал этими вопросами. Я был комсомольцем, но для меня церковь всегда была не только памятником историческим, но и каким-то особенным местом, поэтому я очень тяжело переживал разрушение церквей, но сказать ничего не мог, потому что нужно было или выходить из комсомола, или помалкивать. Все мы были в какой-то степени конформистами, эти противоречия сказывались на нашем поведении, и совместить все это было необычайно трудно.

— А когда у вас началось осмысление того, что произошло с нашей страной после революции, и к каким выводам вы пришли?

— Вывод мой такой: попробуй, останови исторический процесс! Это все неизбежно было. Но дальше-то что? Все-таки зло это или какая-то часть добра во всем этом есть? Эти вопросы, они сейчас не исчерпаны еще.

Я пришел к тому выводу, что все, происшедшее с русским народом, с народами Российской империи, а потом народами Советского Союза, было исторически значимо и обусловлено. Такие события в мире! Японская война породила революцию пятого года, потом началась война с кайзером, быстро ставшая

непопулярной, она породила революцию 1917 года, отречение Николая. Ленин с самого начала говорил о захвате власти любыми средствами, и в этом он был на позиции Маркса с Энгельсом, которые считали, что иначе как насилием власть не взять. Все это привело к Октябрьской революции.

Россия, как говорил Ленин, была беременна революцией и восприняла обещания большевиков, можно сказать, с восторгом: землю крестьянам, фабрики и заводы рабочим, долой капиталистов, помещиков — декрет первый о мире, о прекращении осточертевшей войны... Ну и что же дальше? Гражданская война!

Эти вопросы, когда их рассматриваешь с высоты опыта 96-летнего мыслящего человека, просто мучительны.

— Всё, что большевики обещали о мире народу, о земле крестьянам, заводах рабочим — ничего не состоялось, было обманом. Но что-то произошло с сознанием людей. Недавно вышли воспоминания выдающейся женщины, Александры Алексеевны Ершовой, жены воронежского губернатора. Когда она сидела в лагере, ее потрясало, что женщины, ее соузницы, у которых был свой дом, работа, семья, а теперь над ними издеваются, их насилуют, содержат в нечеловеческих условиях, эти женщины в лагере говорят, как их до революции угнетали и эксплуатировали. Это какая-то метаморфоза сознания?

— Это мне все близко знакомо. Что могли сделать эти женщины? Я был среди этих людей, это были разные люди. Одни, так же, как и я, не отрицали, что это рабский труд, но мы считали, что делали благое дело, строя великие промышленные комплексы для развития нашей страны, для ее богатства – все, что нужно для победы над Гитлером. Другие, когда их удавалось разговорить, говорили, мы работаем на разрушивших Россию большевиков. Но тут же возникал вопрос: а что, пусть лучше нас завоюет Гитлер?

— А если бы люди не сидели в лагерях, а жили свободным трудом, мы не могли бы оказать сопротивление Гитлеру?

— Так бы и так оказали, вспомните 1812 год, Наполеона. Но ведь вы понимаете, у истории нет сослагательного наклонения, получилось так, как получилось. В войну наша страна вошла после самого страшного периода своей жизни — большого террора. После 1935 года, убийства Кирова, началось уничтожение, можно сказать, геноцид лучшей части народа. И это все продолжалось и в войну, был СМЕРШ и так далее, все то, что нам передали такие писатели, как Василь Быков, всю правду о войне. Это все было ужасно, но война и сама по себе ужасна. Все это — самое страшное, самое большое зло, которое произошло в 20-м веке с нашей страной. Но опять-таки моя точка зрения может вас не удовлетворить именно потому, что я говорю: так распорядилась история. Вопрос возникает насчет покаяния. Да, в преступлениях надо раскаиваться, да, зло надо осуждать. А дальше что? Кто будет раскаиваться? Кто виноват? Выросло за 100 лет столько поколений людей, они разве в чем-то виноваты вместе с Лениным за то, что произошло в стране? Как они могли провиниться? Стало быть, им не в чем раскаиваться-то. И что, дальше будем разжигать страсти?

— Вы сказали про большой террор — это зло. Важно, что это должно быть для всех названо злом. Дурные вещи должны быть названы дурными, хорошие — хорошими. На доме, где находится редакция «Стола», в рамках акции «Последний адрес» повесили таблички с именами тех, кто ушел отсюда в последний путь, на расстрел. Принципиально, чтобы знали, что из этого дома, где мы работаем, в котором живут люди, восемь человек были уведены на расстрел и расстреляны. Мы повесили таблички, где не просто имя и фамилия, но даты жизни и чем занимался человек. Покаяние — это не только слова, но и дела. Кто-то проводит молитву памяти о жертвах советского режима

каждый год, 30 октября. Или люди ставят, например, памятник Нюре, раскулаченной и расстрелянной крестьянке, как это сделали две ее родственницы у себя в селе, откуда она родом. Когда мы помним о них, когда мы называем добро и зло своими именами, стараемся изжить свой страх, недоверие к людям, учимся нести ответственность за тот клочок земли, на котором живем, чтобы на нем что-то созидать, в этом, наверное, и выражается наше покаяние.

— Тут мы с Вами в полной мере единомышленники. Надо прежде всего помнить о миллионах людей, которые пострадали. Вот недавно ко мне приходит соцработник, я ее встречаю, женщина лет 35.

— О! У вас столько книг!

— Я писатель, это мои книги.

— Вы осуждаете Сталина? Зачем Вы это делаете?

— За те преступления, которые он совершил.

— Да это все «Мемориал» придумал про миллионы расстрелянных.

Я не знаю, кто ее родители, может, они вертухаи, это тоже не исключено. А может она и не из вертухайской семьи. Но никому нельзя допускать такой забывчивости — мы не манкурты, я в этом уверен. Материал для этих убеждений дают мои встречи с молодыми людьми, я вижу и слышу, что люди стараются помнить, не все, но – лучшие люди. Не все шли и выполняли постановления партии и правительства. Нельзя ориентироваться на большинство. И сейчас также есть мыслящие ребята и девчата, а есть инертная масса, та самая толпа, о которой еще Пушкин говорил, что она заслуживает презрения. «Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей», — вон до чего доходил великий поэт в минуты отчаяния.

— Значит, есть у вас надежда на возрождение нашего народа и нашей страны? И если так, то в чем или в ком она полагается, на чем она основана?

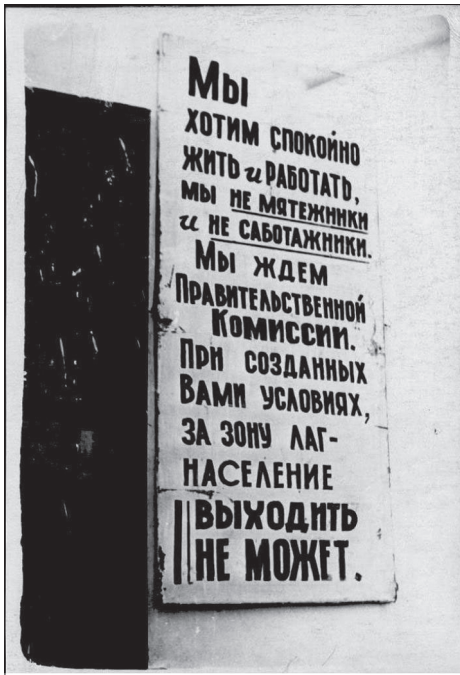
— Вот на этом она и основывается, я полностью верю в будущее России. Я готов сделать все, чтобы

помочь этому процессу, чтобы Россия оставалась Россией. Это моя родина, да если бы она и не была моей родиной, то моя родина — все человечество. Хочу вам предложить стихотворение, которое напечатал в 1979 году в московском сборнике «День поэзии» мой друг Владимир Лазарев, живший тогда в Туле.

А как отзовется двадцатый наш век,
Когда уж сама эта цифра «двадцатый»
Не будет собой завораживать всех
И соединится со словом «когда-то».
Мы верим в свой век со страстями его,
На этой загадочной малой планете,
Каким он окажется в медленном свете,
В значении истинном мира сего.

Стали ли мы другим народом? Думаю, нет. Все лучшие представители и интеллигенция, и вообще все подлинно творческие люди озабочены тем, чтобы помочь сохранить народ в рамках России, они никуда не уезжают, остаются здесь и работают в меру сил. Но то, что произошло с нами, это, повторю, исторический мировой процесс. Вот о чем надо думать сегодня! Куда идет человечество? На какой пороховой бочке оно сейчас «курит сигару» и чем это кончится? Как спасти нашу «загадочную малую планету» от гибели? Есть главные вопросы, ориентируясь на которые надо воспитывать молодежь. И в этом обязанность интеллигенции, прежде всего творческой — поэтов, писателей. В свете поставленных вопросов о покаянии безусловно нужно думать, как это все осуществлять на практике.

О. Глаголев
4 сентября 2017 года

Архив УФСБ России по Красноярскому краю, фонд №7, арх.№ П-21078, том 10, л.д. 166 А (пакет №1)

Семен Головко:

«Парадоксы истории»

Все 15 лет, что я живу в Норильске, я считаю его городом сильных людей. И прежде всего, сильных Мужчин. Потому что «родителями» практически всех детей, рожденных в Норильске, были свободные, сильные Личности, способные на поступок, имеющие достаточно смелости совершить его. Для которых собственная жизнь представляла ценность, только когда они сами строили ее из поступков — не под запретом и не по указке, а исходя из личного понимания меры Добра и Зла. Отборный, элитный человеческий букет, перевязанный колючей проволокой.

Восстание 1953 года в Горлаге

15 декабря 1944 года я, Головко Семен Георгиевич, был осужден военным трибуналом контрразведки СМЕРШ по статье 58.1. на двадцать лет каторжных работ в отдаленных северных территориях, на 5 лет поражения в правах и на 10 лет высылки в Красноярский край. Арестован в Венгрии, город Дебрецен.

Сформировав эшелон, 25 железнодорожных вагонов, нас погрузили по 60–80 человек. Мы тронулись в путь, имя которому — неизвестность.

На сутки нам давали 400 гр. хлеба и одну селедку. Но самое страшное, что, в основном, арестованы все были летом, а посему одеты по–летнему. Вагоны не отапливались. Нар в вагонах не было, вагоны были рассчитаны на 30–40 человек, мест не хватало. Вагоны для этапа заключенных были обшиты утолщенной жестью — защита от побегов. Так нас везли морозной зимой без теплой одежды. За 17 дней пути ни разу не дали даже горячей воды. Каждый день умирали, замерзали 1–2 человека.

На 17–й день мы прибыли в Красноярскую пересыльную тюрьму, в нашем вагоне умерло от холода и голода 25 человек, помножьте на 25 вагонов… Нас

загнали в барак, крытый прорезиненной пленкой, барак не отапливался, но главное, что было на чем спать, места хватало всем. Несмотря на сибирскую зиму, от тепла наших тел в бараке вода в кадушке не замерзала. Нам стали давать уже 450 гр. хлеба, в обед поллитра теплой баланды, и воды в бочке было вволю. Так мы дожили до весны.

В один из дней к нам рано утром вкинули «мишанек» (по–видимому, на жаргоне, уголовников). Они сразу начали сдирать — у кого сапоги с ног, у кого френч хороший с плеч. Их было человек 25–30, а нас в бараке человек 300, но никто, видя такое безобразие, не возразил произволу, а ведь многие из нас проползли на пузе от Москвы или Кавказа до Берлина, а тут какие–то «мишаньки» нас раздевают.

Со мной лежал полковник Саша Кузнецов. Саша встал во весь рост на край нар, он был высокого роста, и как закричит: «Фронтовики, вы что, веру в себя потеряли? Ну–ка, гуртом навались на эту гадину». Сам спрыгнул с нар, и тут понеслось, их не били, а разрывали и бросали к дверям барака. Со всех вышек начали стрелять очередями из автоматов. Мы прекратили избиения. Вдруг дверь барака раскрылась, в проеме показался офицер — дежурный по пересылке, за его спиной человек 5–6 надзирателей. Увидев кучу побитых «мишанек», закричал: «Ах вы, фашистские морды, вы что же побили советских людей? Но ничего, скоро вас в Норильске уму–разуму научат». Он ушел, а надзиратели начали за ноги вытаскивать «мишанек», ибо ни один из них не мог стоять на ногах. Так мы узнали свой путь в Норильск.

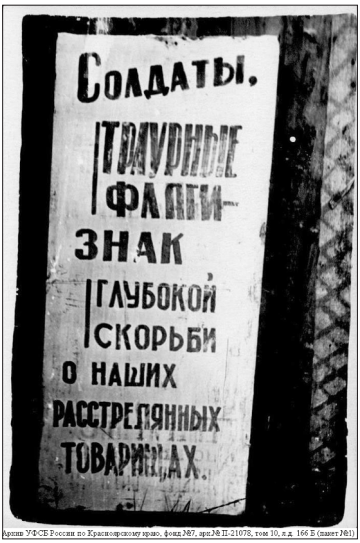
В июне нас погрузили на баржу: женщин–каторжанок на нос, нас в середину, «мишанек» на корму. И потянула нас, хлопая колесами, «Мария Ульянова». Пройдя Игарку, вдруг под утро я почувствовал под боком воду. Разбудил рядом лежащих. Мы поняли, что где–то проступает вода. Мы начали кричать конвою, и каторжанки стали голос подавать. Вода стала поступать до колен, а потом выше. Все начали

кричать: «На палубу! На палубу!». Вода все прибывает, а в ней +5 +6 градусов. Когда вода начала подбираться до груди, нас начали выпускать на палубу. Там уже ютились, прижавшись друг к другу, мокрые женщины. Нам тоже дали команду прижаться друг к другу. «Мишаньки» очень кричали, но их закрыли, и больше мы их не слышали и не видели. Со слов охраны, борт баржи вырезали для побега, но ниже ватерлинии. Льдиной выбило незаконченный пропил, и пошла вода. Нас перегрузили на другую баржу, и через день утром мы были в Дудинке. С баржи нас повезли на игрушечном паровозе по узкоколейке, довезли до лагпункта 102 (это примерно там, где хотели строить мебельную фабрику под Кайерканом). Там раньше находились расконвоированные заключенные, которые зимой чистили железную дорогу.

В лагере было тесно, но все было неплохо обустроено. Мы начали работать — строить Надеждинский аэродром. К 1947 году мы его уже заканчивали, когда нас всех перевезли в 25–й лагерь. Это около кобальтового цеха и цементного завода. Собрали нас 4700 человек, начали строить заводы цементный, кирпичный, известковый.

Как–то в воскресенье всех нас выстроили полукругом на площадке, приехал генерал–полковник Панюков и сказал: «Вы осуждены как враги народа СССР. Вам нет и не будет никакой пощады и прощения. От вас требуется каторжная работа и беспрекословная дисциплина. Если кто хочет выжить ваши 20 лет, вам в обязанность входит построить эти заводы, а кто будет саботировать, то не посмотрю, что смертная казнь отменена. Мне с вами нечего цацкаться, у вас руки по локоть в крови и ноги по колено. Вам в обязанность входит пахать и еще раз пахать, если кто хочет дожить до освобождения. Хотя я в этом очень сомневаюсь». Кто–то набрался смелости спросить: «Ну а если мы построим эти заводы, нам будет послабление или нет?»Панюков сказал: «Вот перед вами гора — второй Норильск, если снег вон в той средней ложбине растает, то может, вас и освободят». И, о боги! Во время восстания 1953 года тот снег так подтаял, сорвался со щели, и вся эта масса снесла 5 бараков «мишанек» 6–й зоны. Сколько их погибло, я не знаю, да и никто не считал, но нас всех в 1954 году освободили. Вот я с тех пор живу в Норильске 50 лет и всегда гляжу на нашу спасительницу, но больше снег ни разу не сходил со щели.

Архив УФСБ России по Красноярскому краю, фонд №7, арх.№ П-21078, том 10, л.д. 166 Б (пакет №1)

Мы работали по 12 часов в день, актировали только при температуре –41. Нам разрешали не ходить на работу на Новый год и на 1 мая. «Мишаньки» праздновали все праздники, их актировали при –35, работали по 9 часов в сутки. Мы работали днем, ночная смена спала на наших местах. До 1951 года у нас не было

матрасов, спали на голых нарах, не раздеваясь, ибо укрыться было нечем. Одеял и нижнего белья не давали до 1951 года.

«Мишаньки» все ходили в валенках, мы же ходили в унтах, голенища шиты с рукавов старых фуфаек, подшиты резиной со скатов автомашин. Портянок не давали, хорошо, что строили заводы: цементные мешки были вместо портянок. «Мишаньки» получали 675 гр. хлеба, мы 570 гр., им письма — одно в месяц, нам — одно в год, им посылки можно было получать хоть каждый месяц, нам — ни одной.

В силу этого, да еще каторжане много работали, они начали болеть. За год умерло от голода, холода и травм 500 душ. В управлении не все были варвары вроде Панюкова. Ведь каторжане на комбинате лучше всех давали нормы выработки. Тогда они нам начали давать норму питания, как «мишанькам». Тяжелее всего было прибалтийцам и всем иностранцам, они ведь выросли на белом хлебе и мягких перинах, а мы — колхозники да рабочие — уже до этого закабалились. Одно было больно — курящие, за все 15 лет никто не получил от государства ни одной папироски. Курящие втроем меняли пайку на 5 папирос махорки у вольнонаемных, две же пайки делили на троих. Каждый день они недоедали 200 гр. хлеба, а это при работе в –41 по 12 часов, вот почему так стало много умирать.

Норильский комбинат был из сук–»мишанек», это бывшие воры в законе. Став «суками», они уже могли работать бригадирами, всякими лагерными придурками, в том числе негласными осведомителями в оперчасти. Вор в законе не должен этого делать. Если приходил небольшой этап в лагерь нормальных воров, «мишаньки» их били до тех пор, пока не скажет: «я — сука», тогда он у них уже кореш, свой. Если кто до конца сопротивлялся, то его 3–4 человека насиловали, и он уже становился «петухом». Любая «сука» могла его взять под свое покровительство — «женой». Но многие после всего этого вешались или,

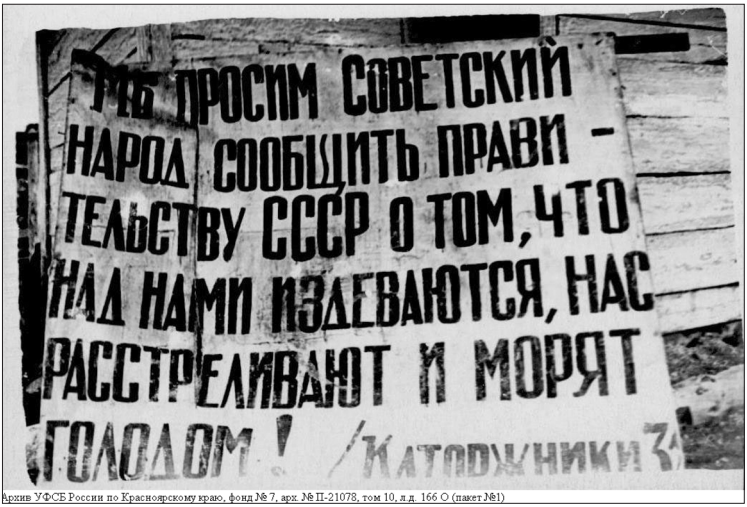
зарезав двух–трех, бросались на проволоку, а там охрана из бесконвойных его убьет. А убившему охраннику год срока снимали с приговора.

Как–то пришел этап воров в законе человек 100, они уже знали, что комбинат строят «суки», и не шли ни в один другой лагерь. Тогда начальство решило, пока они им подберут место, пригнать к нам в лагерь. Их разделили по 3–5 человек по бригадам. Они не работали, а нормы за них надо бригаде выполнять. Они начали брать с бригады на троих пайку–две хлеба. Значит, бригадиру надо уже со всех паек резать кусочки, добавлять тому, у кого нет хлеба. Ворье начало играть в карты. Если у проигравшего или у кого еще есть что–то хорошее из одежды, забирает выигравший и на работе вольнонаемному за махорку отдает. Сахар бригадникам был положен 170 гр. в месяц — весь забирают, делают из него бражку.

Но самое страшное, что они начали под угрозой ножа насиловать тех, кто им понравился, прямо на нарах, когда еще все не спят. У меня было три вора, с Ростова, я им сказал, что в нашей бригаде не шухерить. За вас мы работаем, а где вы будете это делать — не мое дело.

Бригадиры начали жаловаться на безобразия. Воров вызовут, пожурят, а потом они на работе так бригадира обработают, что его под руки бригадники приводят в зону, и он уже молчит. Как–то вечером приходят ко мне мои станичники — Кипа Павел, Костя Борисенко, Тарас Шевченко, и говорят, что их вчера побили, потому что они сахар не отдали ворам, а раздали бригадникам. Спрашивают меня: «Что, Семка, будем делать?». А я и говорю: «Хлопцы, какие ж мы казаки, если прошли Рым–Крым, а какую–то саботню не сможем урезонить? Павел, ты работаешь в мехцехе, сделай четыре мекердычи (ножа). Приносим в зону, разбираем ножи, как только в 6 утра откроют бараки (каторжан с 9 вечера до 6 утра запирали, «мишанек» нет), приходите ко мне, и мы пойдем к их «пахану». С ним живут 4–5 воров как охрана. Скажем: «Или вы прекращаете безобразия, или мы поднимем весь лагерь и вас загоним в запретную зону, пусть охранники на вас зарабатывают снятие срока, расстреливая вас как беглецов из лагеря».

Придя в барак, мы его разбудили и начали предъявлять ультиматум. Он выхватил две финки из–под подушки, дал громко команду своим опричникам–ворам: «атас», и кинулся на нас с двумя ножами. Борисенко, бывший офицер разведки, метнул финку ему в горло, он сразу завалился, еще несколько ударов финками — и он, вытянув ноги, сдох. Братва его спросонья не поняла, в чем дело, видя «пахана» с вытянутыми ногами, оказала слабое сопротивление и отдала души в другой мир. Весь барак проснулся, видя такое, начали кричать: «Ура! Ура!». Я позвал бригадиров, их было четверо, отрезал уши четверым ворам, говоря: «Вот, быстро бегите по баракам, пока надзор еще не знает, что произошло, всем показывайте ухо, говоря: «пахана» убрали в другой мир. Пусть быстро поднимают бригадников, бьют воров чем попало, гонят их на проволоку запретной зоны. Тем, кто это не сделает, придя с тюрьмы тоже ухо обрежу». Мы вчетвером пошли к дежурному по лагерю

Архив УФСБ России по Красноярскому краю, фонд № 7, арх. № П-21078, том 10, л.д. 166 О (пакет №1)

и сдали ножи. Когда нас увозили, то «законники» все стояли вдоль проволоки в запретной зоне, а те, кого они обижали и насиловали, кидали чем попало в их морды, пока их не вывели из зоны. Больше таких экспериментов начальство в нашей зоне не делало.

Нас увезли в тюрьму. Пока шло следствие, нам было объявлено, что к заключенным применяется высшая мера. Нам всем четверым дали «вышку», но в камере смертников один говорит: «Вы что молчите? Вы же преступление совершили до Указа». Мы вызвали дежурного по тюрьме, объяснили ему все, он ушел, а к вечеру нас перевели в общую камеру. Через несколько дней нас судил тот же суд, дали еще по 10 лет, но уже не по политической статье. Спустя некоторое время нас привезли в лагерь, привели к начальству, где нас начали ругать на чем свет стоит, стращая всякими наказаниями. Я не вытерпел и говорю: «Граждане начальники, вам бы нас не ругать, а втихаря благодарить, что мы с лагеря и вас сняли такую обузу».

Офицерье от неожиданности аж рты раскрыло, надзирателю сказали вывести нас в другую комнату: «Мы решим, что с ними делать дальше». Уходя, я го-

ворю: « Мы уже не те, что были, нам уже с 30–ю годами терять нечего, а посему назначьте работать туда, где мы были до преступления». Прошло минут 20, нас опять вызывают и говорят, что согласно уставу мы должны отсидеть трое суток в карцере, а потом нам объявят официально о восстановлении на должность бригадиров по месту прежней работы. В карцере мы сговорились взять зону в руки там, где безобразия и унижения заключенных бригадирами или заблатненными. И применять втихаря к ним меры, чтобы они пару недель откашливались. Словом, мы в лагере и на работе стали «в законе», если можно это к нам применить.

Кухня, хлеборезка нам малость подбрасывала еды, зная: лучше дать от греха подальше. На работе я был в хороших отношениях с начальником цеха — Шестаковым Михаилом. Как–то раз он зазвал меня в свой кабинет и говорит: «Что я скажу — только ты знай: в Воркуте и Караганде политзаключенные подняли восстание, так американское радио говорило. В Воркуте танками давили заключенных». Через день–два уже вся зона знала многие подробности от вольнонаемных.

Вдруг молниеносная новость, что в Норильском Горлаге (государственный режимный лагерь) при Норильлаге 4–я, 5–я и 6–я (женская) каторжные зоны восстали, выгнав из лагеря надзор, состав и администрацию. Требования были к прокурору края снять с нас 12–часовую работу, работать 9 часов, питание, как у «мишанек», разрешить посылки и письма. Запретить надзорсоставу издеваться, разрешить писать прошения о помиловании или реабилитации и отправлять в Москву. Чтобы в ответе был московский штамп, а не местный, норильский. Платить за труд деньгами, как у «мишанек», и чтобы магазин был. Конечно, никакой прокурор не приехал, администрация Горлага, собрав в один кулак войска МВД, подавила восстание в одном лагере. Войдя в зону, солдаты

начали избивать, стрелять сопротивляющихся. Так началась акция — успокоение волнений.

Бригадиров, нарядчиков, начальников колонн и лагерную придурню вызвал начальник лагеря капитан Тархов и говорит, что, мол, кучка крикунов подняла восстание, но знайте, в Воркуте и Караганде навели порядок и тут уже наводят. Скажите всем своим, пусть не поддаются на провокацию. Когда он кончил говорить, я попросил слова…

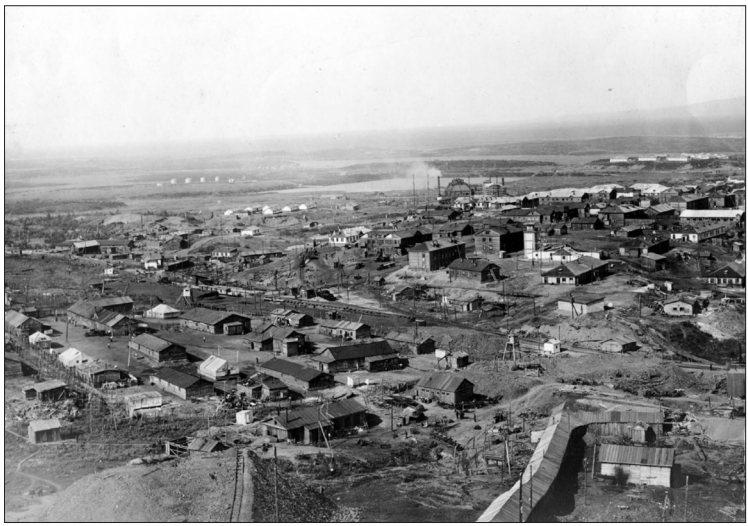
«Гражданин начальник, мы все с ними солидарны, но мы в своем лагере бузы не дадим устроить. А какие они требования выдвигают?». Хотя до нас через вольнонаемных дошли их требования. Назавтра меня с бригадой остановил у вахты начальник лагеря Тархов и говорит: «Казак (в лагере у меня была такая кличка), вот стоит конвой, он тебя с бригадой поведет до дивизиона, там лежит инструмент и вы минут 40 убираете мусор. Потом сдадите инструмент, вас через вахту бура заведут в зону, и вы сразу идете на кухню». Отработав час, я дал команду: инструмент в кучу. Сержанту говорю: «Веди в зону». Он сказал, что пойдет, доложит дивизионному.

Вышел майор, мы уже стояли строем по пять, чтобы идти в зону. «Вы почему бросили работу?» — спросил он. Все молчат. Тогда я сказал, что начальник лагеря просил поработать на уборке мусора минут 40 или около часа и идти через ворота бура на кухню. Майор дает указание взять инструмент. Никто не берет. Тогда он говорит сержанту: «Дай автомат». Снова дает указание взять инструмент, никто не берет. Он дает очередь над головами, я кричу всем лечь. Легли. А я не знаю почему, но не лег. Тогда он говорит: «Выйди сюда». Я стоял в первом ряду. Все лежат, я подумал, почему же в зоне видят и слышат, но никто не поднимает шум? Майор говорит собаководу: «Вытащи его из строя». Собаковод, спуская с поводка собаку, дает команду «Фас», та бросается на меня. Я даю ей рукав фуфайки, она хватает его зубами, подставляю правое колено ее под скулы и всей силы бью

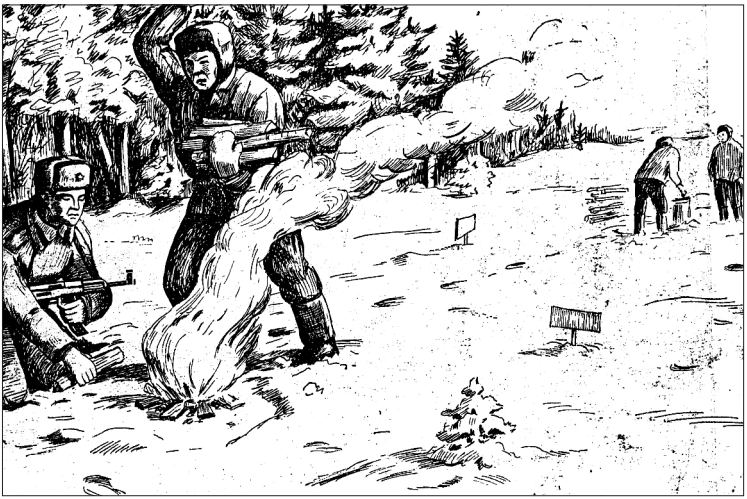
ей по голове кулаком. Она разжала пасть, заскулила и завалилась на землю. Я во весь голос даю команду: в зону! На ворота! Мы все рванули к воротам, выбили их и ворвались.

Тут мне ребята кричат: «Семка–казак, смотри, они же постреляли наших хлопцев». В этом топоте и шуме я не слышал выстрелов, а когда посмотрел — там лежали убитые заключенные. Тогда я громко сказал: «Кто смелый — за мной, если они заберут убитых, то мы ничего не докажем». Мы успели взять 8 человек, но солдаты начали стрелять очередями по земле, отсекая нас от двух убитых. Я дал команду, вся зона высыпала из бараков на улицу, все бежали к нам. Убитых мы за ноги втащили в зону. Я пошел к себе в барак, и здесь начал дрожать, аж зубы цокали. Разделся, лег на нары, укрывшись с головой. Слышу, кто–то будит меня, дергая за ногу: «Семка, вставай, пойдем на похороны».

Оказывается, я проспал ночь и еще день. Возле клуба стояли сотни людей, там были вырыты три могилы, одна еврею, другая четырем украинцам–западникам, третья — троим русским. Уже ходил ка-

толический священник — ксендз вокруг украинцев, причем ризу ему сделали из простыни. Он отпевал убиенных, несколько человек подпевали. Это было что–то невообразимое, ибо весь лагерь был оцеплен двумя кольцами солдат. Всех надзирателей, оперов и начальника лагеря выгнали за зону, они стояли у ворот лагеря, как бедные родственники. Самое обидное, я знал, что у нас в зоне было несколько православных священников, но ни один не стал отпевать убиенных. Несколько евреев, сделав наспех ермолки на голову, стоя у могилы убиенного еврея, отпевали его. Всех похоронили, поставив кресты, еврею — плиту.

Соединили два телеграфных столба, из простыни сделали флаг, он был 8 метров высоты, ветер начал колыхать флаг, хлопать полотнищем. Ксендз попросил всех встать на колени. В один миг все, больше четырех тысяч заключенных, заплакали. Это можно было сравнить с чудом, ибо над нашими головами ходили волны воздуха, у всех, в том числе и у меня, по спине бегали мурашки, пока мы не встали и не перекрестились. Человек 300 западных украинцев запели молитву, она неслась по воздуху, вверху —

как будто там где–то метров в пятидесяти от земли был репродуктор.

Я в своей жизни много видел разного, но такого как тогда там — никогда больше, по сей день не могу сам себе объяснить то состояние.

Ночью был выбран комитет восставшего лагеря, выбрали председателя, заместителя, я никакого участия не принимал и в их форуме не участвовал. Через два дня меня позвал в штаб комитета председатель Шамаев Борис Алексеевич, начал издалека:

— Семен Георгиевич, для всех нас не является секретом, что вы, четверо казаков, после разгрома воров в законе прибрали зону лагеря в свои руки. Так почему же, когда судьба лагеря находится на волоске, вы так отдалились?

— Борис Алексеевич, если бы не мое несчастье с бригадой, вы бы сейчас здесь не сидели, так ведь? Поймите меня правильно, у меня 20 лет каторги, высшую меру заменили на 10 лет ИТЛ. Если еще раз будут судить, то только Бог сможет помочь.

— Мы решили просить вас дать согласие назначить вас начальником охраны и обороны лагеря, а для того, чтобы вам не отвечать за это, мы издадим приказ по штабу комитета восставших, что вопреки вашему отказу, мы, штаб, назначаем вас начальником охраны и обороны. Тем более вы военный, вам и карты в руки. В зоне находятся 275 советских офицеров и 95 иностранных, вот и используйте их, а кто будет отказываться, тех будем выводить за зону, нам таких не надо. Штаб восстания дает вам 2 дня подготовиться и доложить комитету ваше видение организации.

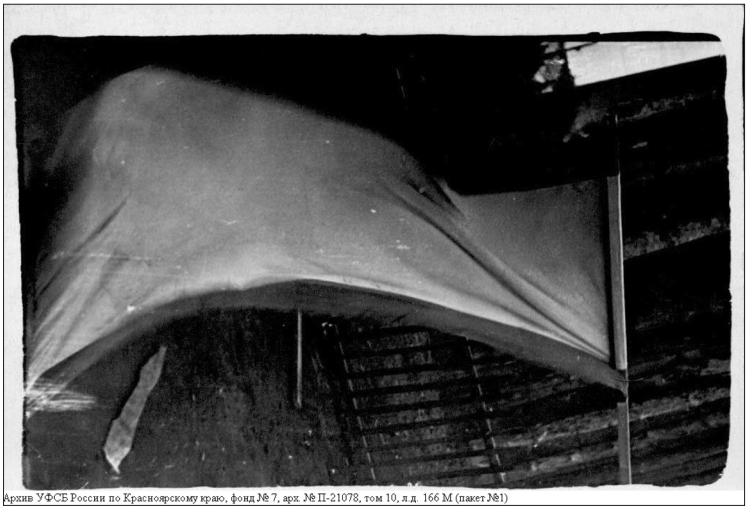
Я позвал 6 человек бывших офицеров, мы начали вырабатывать общее решение, с которым я на третий день явился в штаб. Мне дали возможность высказаться как я все понимаю. «Если, выслушав, штаб примет решение с поправками, то я согласен. Вот план».

1. Нас 4500 человек, надо создать 40 рот. Назначить официально офицера. Он с роты делает три взвода, назначает троих офицеров. Взводный делает

три отделения, назначает офицеров отделения. Все это надо официально зарегистрировать, чтобы они чувствовали, что они руководители своих подчиненных. Кто не согласен — тех за зону. 500 человек инвалидов, это будет «инвалидный» батальон, в их обязанность входит день и ночь дежурить в лагере, смотреть, что происходит за зоной, сколько солдат на вышках, какое вооружение, где располагаются окопы, словом, все, что делается за зоной. Назначить из их числа три командира, они будут докладывать мне, а я — штабу.

2. Каждая рота должна 30–40 минут заниматься маршировкой, это для устрашения администрации, демонстрировать, что мы серьезно настроены. Сделать щиты, из разобранных печей набить кирпичей, с расстояния 15–20 метров стараться попасть в щит, это делать тоже для устрашения. Снять с окон решетки, из них наделать пики, кузница у нас есть. Повесить на каждом бараке пожарные бачки для сигналов. Перекопать рвы около ворот, чтобы техника не могла проскочить в лагерь. На каждых воротах день и ночь должен дежурить взвод с кучей битого кирпича и сложенными у стен барака пиками. Машины с продуктами дежурный взвод должен пропускать, кладя двери поперек рва и сразу убирать, чтобы не ворвались стоявшие за воротами «студебеккеры».

3. Объявить, кто по каким–либо причинам боится оставаться в зоне, особенно несогласные и стукачи, завтра утром собраться у ворот бура с вещами, и пусть уходят. Послать несколько бывших матросов, чтобы они азбукой Морзе с помощью зеркала сообщали об увиденном и услышанном. Дать разрешение начальнику лагеря присутствовать в лагере, с условием не заниматься агитацией. Штаб должен выбрать надежного офицера, желательно из бывшей контрразведки, дать ему в подчинение 40–50 человек, это будет служба безопасности штаба. Ведь в лагере сотни стукачей, за ними глаз да глаз, чтобы они не занимались агитацией, не перебрасывали за зону записки операм.

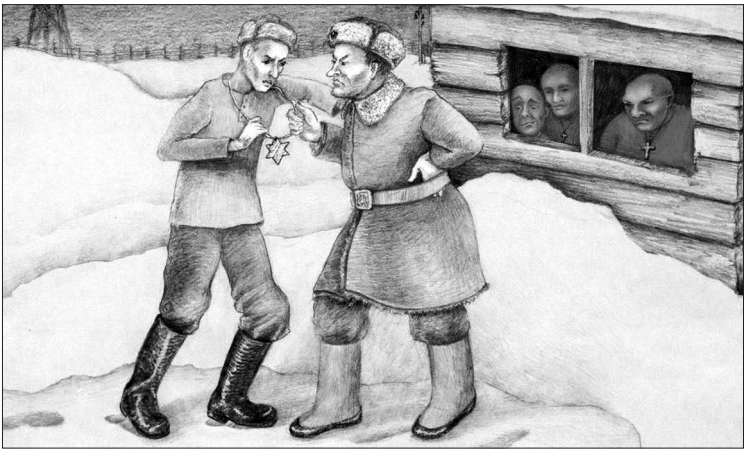
Архив УФСБ России по Красноярскому краю, фонд № 7, арх. № П-21078, том 10, л.д. 166 М (пакет №1)

Штаб меня выслушал, кое в чем поправил, и началась наша лагерная строевая жизнь. Лично я восстанием и штабом не руководил, а выполнял добросовестно указания комитета. Если бы мы все это не сделали, то не продержались 2 месяца до приезда Генерального прокурора СССР генерал–полковника Руденко.

В Горлаге 4, 5, 6 и 7–я зоны продержались 2–3 недели, их взяли штурмом. В некоторых лагерях началась междоусобица, чем воспользовалась администрация, введя войска МВД.

В конце августа на планерке в штабе председатель Шамаев дал мне задание подобрать рослых, надежных людей из числа заключенных, человек 30, всех вооружить палками от лопат. «Палки надо спрятать под рубахами, опущенными на брюки, чтобы их не было видно. Завтра в 11 часов к нам приезжает генеральный прокурор Руденко, ты должен его встретить на вахте, доложить, что в лагере порядок, что мы просим его прийти в клуб, где его ждет комитет восставших».

За ночь я подобрал 30 человек «гренадеров». Мы вскрыли склад с одеждой, одели всех и вооружили

палками. Я объяснил, что они должны идти не ближе 10–15 метров с двух сторон, особо обращать внимание, чтобы кто–нибудь из толпы не кинулся или не бросил что–нибудь в прокурора. Если бы такое произошло, то этой провокацией могла воспользоваться администрация.

Утром в 9 часов вся моя команда была наготове. Мне сказали: как только доложишь прокурору, сразу говори, что по приказу штаба в зону входят прокурор и начальник лагеря, всем остальным в зону вход воспрещен. Дай команду дежурному взводу никого не пускать.

Когда генеральному прокурору доложили все, что было приказано, там за воротами поднялся шум: «Как нас не пускать, мы ведь хозяева Норильлага». Не знаю, что им сказал прокурор, но они вдвоем с начальником лагеря зашли в зону. Сотни, тысячи стоящих у бараков построены строго по сотням, кричали «Ура!», пока мы не дошли до стола пятиметровой длины, застеленного красной тканью, где сидел штаб. Все встали, вокруг — гробовая тишина, охрана встала с двух сторон. Я доложил: «Товарищ председатель комитета! По просьбе заключенных лагеря для разбора беспорядка, учиненного над нами

лагерной администрацией, вызванного расстрелом заключенных и повлекшего за собой восстание и неповиновение, для рассмотрения жалоб в сопровождении начальника лагеря и охраны из числа заключенных прибыл генеральный прокурор».

Все сели за стол, я отошел на 15–20 метров, шаря глазами по толпе, чтобы кто–нибудь не спровоцировал срыв переговоров. Они продолжались более часа, что говорилось, я не слышал, мне была дана команда проводить прокурора. С нами пошел председатель Шамаев. Проводив прокурора до вахты, председатель дал мне команду всем командирам рот прибыть к месту переговоров. Придя к столу, ротным и всей толпе, окружившей стол, председатель сказал: «Товарищи, мы, штаб, все обстоятельно сообщили прокурору, написали жалобу в Верховный Совет СССР. Нам прокурор обещал, что по приезде в Москву сразу передаст жалобу в Верховный Совет и займется разбором нашего заявления. Позже даст ответ. Нам генеральный прокурор сказал, что завтра можно впускать в зону администрацию. Разбивайтесь по своим бригадам и послезавтра выходите на работу по своим местам. Охрана в зону входить не будет. Вас никто не тронет, пока я не разберусь в отдельности кто в чем виноват».

Ротным был дан приказ объявить по ротам услышанное. Весь лагерь, все четыре тысячи пришли в радость и ликование. До 12 часов лагерь гудел, как пчелиный рой, где–то пели, танцевали друг с другом, обнимались, прощали друг другу обиды. Идя домой в свой барак мимо инвалидов, меня позвал один молдаванский священник. Я его знал и знакомым говорил, что Циба больше на колдуна похож, чем на священника. Он подозвал меня, очень внимательно посмотрел мне в глаза и сказал: «Казак, все эти радости людей перед черной бурей, они не знают, что их ждет завтра. А тебя особенно.

Я уже стар, немощен, мне не так будет страшно завтра». И замолчал, сидя склонив голову, дал понять, что разговор окончен.

Придя в барак, я, не раздеваясь, лег на нары, перебирая в уме то, что произошло за день, я был доволен, что так гладко прошел день, но из головы не выходили слова, сказанные колдуном. Но где–то глубоко в груди закралась необъяснимая тревога, как бы я ни старался себя успокоить, тогда помолившись, прочел «Отче наш» и, не помню как, уснул одетым. Слышу, меня кто–то дергает за ногу. Проснулся, стоит вестовой Зайчик, говорит: «Пан Казак, сказали срочно явиться в штаб», — и выбежал из барака. Сразу вспомнил колдуна, сердце сильно заныло. Прибежал в штаб, все 12 человек были на месте. Мне сказали, что лагерь окружили 2500 краснопогонников, а позади сотни вольнонаемных с палками. Давай тревогу, сотням объявляй положение №1, занять оборону согласно уставу. Тебя вызывают к вахте, там все начальство комбината и лагеря.

Подойдя к вахте, увидел за воротами 8 американских грузовиков «студебеккер», в них по 15–20 солдат. За вахтой стоят: начальник комбината генерал–полковник Панюков, главный инженер комбината полковник МВД Зверев, начальник первого отдела комбината полковник КГБ Цицин, начальник комбината по режиму Золотарев. Наша лагерная администрация позади чекистов стоит: Иоффе, Рейтер, Алфименко, Коваленко, Абрухомфов, Гарфункель, Зайдель, Сапсай, позади стоят группами коммунисты и комсомольцы, все с палками березовыми для лопат, вместе со своими руководителями. Лагерь окружен тройным кольцом краснопогонников, у зоны через 50 метров стоят солдаты с большими ножницами для резки заграждений.

Назло всем руководителям комбината докладываю громко: «Гражданин начальник Тархов, по вашему вызову явился каторжанин Ш–140 Головко. Слушаю вас». Полковник Зверев, разъяренный, подскакивает к воротам: «Открой ворота!» Я отвечаю, что без приказа штаба ворота не откроются, доложу в штаб, дадут разрешение — открою.

Мне дали команду в 10 часов открыть ворота, впустить администрацию лагеря, но не солдат, генеральный прокурор сказал, что в лагерь солдаты входить не будут. Зверев кричит: «Ах ты, рожа политзаключенная, да я тебе...», выхватывает пистолет, стреляет в меня. Придя в сознание, чувствую — на мне лежат трупы. Ну вот я и в братской могиле, не ошибся колдун. Слышу еще стоны, понял, что это раненные, собрав силы, я столкнул с себя два трупа и увидел маленький лучик на стене, повернул голову и увидел, что он исходит от дверей через сучок доски. Из последних сил дополз до двери, начал каблуком стучать. Слышу голос «Чаво тя надэ?». «Открой», — говорю, — тут раненые». «Дак вас, фашистов, пасраляли, чаво ж ты гарланишь?» Я отвечаю: «Если ты сейчас не побежишь за санитарами, то когда я выйду — ухо отрежу». Стало тихо, зацокал замок. Увидел двух санитарок, они меня схватили под руки и повели в больницу. Больница была в старом поселке за ДИТРом, и нас туда свезли в морг. Пять человек из 85 пришли в сознание, врачи и сестры — заключенные сделали нам перевязки, наложили на раны швы и скобы. Нам налили по кружке чаю, дали по куску хлеба. Вдруг врывается начальник режима Золотарев с офицером, увидев меня, говорит: «Ну, казачье отродье, а мы с ног сбились, ища тебя. Видел, что упал, а куда делся, не знаем, а он вот где». Говоря это, он достает пистолет. В это время вышел из кабинета Кузнецов, бывший профессор, хирург Кремля. Он был начальником всех больниц лагерей. Расстегнул халат, стал впереди меня и говорит: «Сталинско–Бериевские времена прошли, я вам не дам его расстрелять, иначе буду свидетелем незаконного расстрела, есть суд, если виноват, пусть судят, хоть повесят, но судом».

Вложив в кобуру пистолет, Золотарев сказал офицеру, что когда перевяжут, везти всех в лагерь. Попив чаю, я поблагодарил профессора. Нас привезли на поляну, где весь лагерь лежал лицом вниз. Между хлорно–кобальтовым цехом, цементным заводом

и нашим лагерем стояли три стола с формулярами, где по очереди подходили их отмечали, а стояли стукачи (агенты), их спрашивал начальник режима лагеря Калашников. Кто вел себя активно, отводили в другую сторону и клали вниз лицом. Более лояльных сажали в другой стороне. Надзиратели Бойко и старшина Черепанов (Старик) ходили по рядам лежащих со стукачами, выбирали из лежащих командиров рот, отводили метров за 50 в кусты. Там капитан Золотарев и капитан Шахматов — к ним надзиратели приводили ротных — ставили их на колени и стреляли в затылок. Ими без суда и следствия было убито 18 человек. Через год мне рассказал заведующий стационаром Петр Георгиевич Джварднишвили и старший врач–терапевт Омельченко Николай Иванович, что убитым в санитарных картах было приказано писать: умерли от разных болезней.

Калашников, видя, что скоро меня поведут Бойко и Черепанов в кусты, подозвал и сказал: «Возьмись руками за живот, согнись и стони». После этого он подошел, взял меня под руку и повел в зону, где запер в карцер, сказав при этом, чтобы я сидел и молчал, а если кого приведут, то надо встать за стену, чтобы надзиратели не видели до тех пор, пока не пройдет проверка и в лагерь заведут заключенных. Сидя в карцере, вспомнил, что его заставило сделать такой благородный поступок.

Вот как все было. Когда нас из тюрьмы с заменненного «вышака» привезли в лагерь, то мы были такие истощенные, что врач Джварднишвили положил меня на несколько дней в стационар. Как–то раз пришла жена Калашникова, Сара, и говорит: «Петр Георгиевич, покажите мне этого героя, казака, того, что убрал «пахана» и 100 человек «мишанек» выгнал за зону». Подойдя ко мне, спросила как здоровье, при этом сказав, что она у начальника санчасти секретарь и медсестра, что когда выйду из стационара, то могу прийти в контору, и она сделает 10–15 уколов аскорбинки с глюкозой.

Выйдя из стационара и набравшись смелости, как–то пришел к ней. Она сделала укол, говорит: «Приходи и в воскресенье, но ровно в два часа». В воскресенье прихожу, открываю дверь и — о Боже, стоит Сара с закрытыми глазами со спущенными трусами до колен, держит руками у груди свитер. Ко мне спиной стоят три заблатненных заключенных: Бугров, Семенихин и Камлехин, у них спущены штаны и они смотрят на Сару…

Смотрю, стоит стул у стенки, бью Бугрова по голове, Семенихина хватаю за голову и бью об угол стены, он падает. В это время в окно, выбивая его головой, вылетает Камлехин, я выскакиваю за ним на улицу, кричу: «Ловите его!». Его схватили, я дал ему в морду пару раз, говоря, что он лез насиловать Сару. Между прочим, хоть она и была женой начальника режима, ее уважали за хорошее отношение к заключенным. Словом, Камлехин уже больше ходить не смог. Как меня Шахматов не допрашивал, я говорил, что она стояла за столом, в руках был чернильный прибор и она от них отбивалась. Ее больше в зону работать не пустили, а за это ее муж спас меня от расстрела.

В карцере я отсидел 35 дней, потом меня и двух оставшихся в живых командиров рот — Канарбаева и Мамедова, повезли в Норильск на суд, где за участие

в восстании нам дали по 10 лет ИТЛ. Но через год пришло предписание из края о том, что норильский суд был неправомочен выносить приговор. Краевым судом с нас была снята судимость. Официально в газете «Заполярная правда» в 1955 году прокурором было сообщено, что было уничтожено бандитов, поднявших восстание, 80 человек и 270 ранено. Но о 18–ти, которых расстреляли в кустах, он не сообщил. За подавление мятежа были присвоены звания. Шахматову — майора, Золотареву — майора, Тархову — майора, наградили Шахматова орденом Красного Знамени, Золотарева — тоже, начальнику дивизиона, что пострелял лично 10 заключенных, дали подполковника и орден Красного Знамени.

В начале 1955 года меня, Канарбаева и Мамедова повезли на суд. В Норильске работала краевая выездная военная коллегия суда. Нас завели в комнату, где стоял офицер, он сказал, что к нам зайдет женщина — ждите. Вскоре открывается дверь и заходит

женщина средних лет, ведя за руки двух детей 8 и 10 лет, которые очень плохо держатся на ногах, они — инвалиды с рождения. Женщина им говорит: «Дети, станьте на колени, просите дядечек, чтобы простили папу, а то кто же вас будет кормить–растить, вы же инвалиды». Мы были потрясены услышанным, тем более, мы думали нас опять судить будут. Зашел офицер, увел женщину с детьми, вскоре нас вызвали на суд, где дали расписаться, что мы будем говорить правду и только правду. Суд идет, все встали, именем Социалистической и прочее… Судья подполковник говорит: «Подсудимый Головко, расскажите суду, как было дело, когда подполковник расстрелял лично 10 заключенных». Я рассказал, как было. Потом говорю: «Прошу вас, председатель военного суда, учесть, что людей уже не вернуть, а у него двое детей–инвалидов, которых надо воспитывать. Бог Иисус говорит, надо прощать друг друга. Ни мы ему, ни он нам — ни друг, но ради детей примите во внимание нашу просьбу, пусть он больше не поступает необдуманно, дайте ему возможность воспитывать детей».

— Последнее слово вам, подполковник Полстяной.

— Я был и есть чекист, дзержинец. Находясь в белорусских лесах начальником карательного отряда МВД, я там бил их, «бульбяшников», и здесь стрелял и буду стрелять врагов Советского Союза, предателей и изменников.

Жена на него кричит: «Что ты мелешь? Ты убил невинных людей, а они тебя простили…». Суд ушел на совещание, через полчаса начал зачитывать решение. «Подполковника Полстяного разжаловать, не разрешать больше служить в войсках МВД, изъять все награды. Полстяной осуждается на 10 лет ИТЛ с исправительным сроком. Приступайте».

Я еще такого не видел и не слышал. Два офицера подходят, срывают с него погоны, потом начали снимать ордена и медали, и, о боже, он не заплакал — он

заревел, да так, что у меня мурашки по спине забегали.

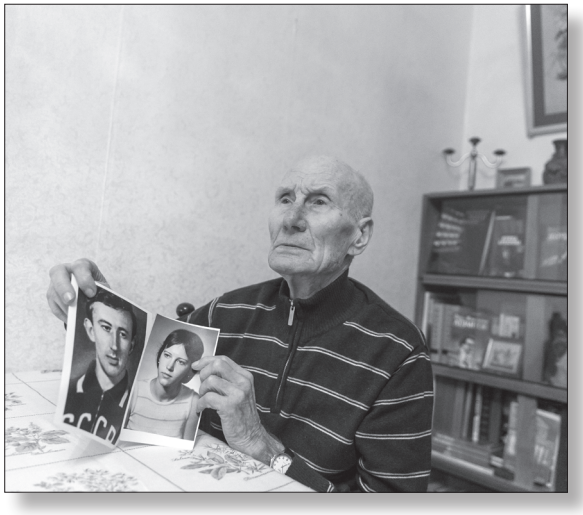
Мы сопротивлялись властям. Мы, заключенные, сопротивлялись режиму. А ведь во всех лагерях Горлага №4, 5, 6, 7 в каждой зоне было убито от 40 до 60 человек и раненых по 150 человек. Мы же благодаря стойкости и сплоченности выстояли ровно 2 месяца, дождавшись прокурора. Он прислал в начале 1954 года московскую комиссию, которая за год освободила около 4 тысяч. Большое ему от нас всех спасибо, царствие ему небесное.

С нами Бог.

Семен Георгиевич Головко,
Норильск.

«Заполярная правда»
10-11 июня 2004 года

Лев Нетто показывает фотографии близких — брата Игоря и племянницы Ирины

Лев Нетто:

«О восстании в Норильлаге. Ко Дню памяти жертв политических репрессий»

Старший брат Игоря Нетто Лев Александрович был одним из лидеров восстания в Норильлаге. Его не стало 13 сентября 2017 года в возрасте 92 лет. Остались его бесценные воспоминания.

Лев Нетто был одним из лидеров первый в СССР политической партии после КПСС. В лагере в 1949 году он стоял у истоков «Демократической партии России». Попал в ГУЛАГ он по причине плена во время войны и того, что его освобождали американские войска.

«Этот «концерт» длился около двух месяцев. Я уже готов был подписать все, что угодно. Но недели на две меня оставили в покое. Появился новый следователь — капитан Дроздов. Он доходчиво разъяснил, что выход отсюда у меня только один — тюрьма или лагерь, и предложил подписать новую легенду: будто я предал наш отряд, убил командира и тому подобное. «А не подпишешь, вызовем сюда твоих отца и мать, пусть полюбуются на изменника Родины!» — пригрозил он. Очередная встреча с капитаном закончилась тем, что я согласился поставить свою подпись под любой версией обвинения, лишь бы не трогали моих стариков. Заседание «тройки» было кратким. Присутствовавший на этом спектакле капитан Дроздов не спускал с меня глаз. Вскоре в моем деле появилась запись, что 22 мая 1948 года военный трибунал воинской части 70465 по статье 54-1 «б» УК УССР «наградил» меня 25 годами лишения свободы плюс 5 годами поражения в правах. В тюрьме г. Ровно я написал кассационную жалобу и через два месяца, как положено по закону, получил ответ. С меня сняли все обвинения, кроме одного — в лагере для военнопленных якобы я выдавал немцам своих друзей, готовившихся к побегу. Приговор оставили в силе, и никаких смягчающих обстоятельств».

Как он вступал в «Демократическую партию России». Кстати, в этой же партии состоял Андрей

Братья Лев Нетто и Игорь Нетто с внуками

Петрович Старостин, с которым Нетто познакомился как раз в Норильске.

«Незаметно начал свой бег 1949 год. В один из майских дней мы беседовали со Смирновым у барака на солнцепеке, и Федор мне открылся: в стране существует подпольная политическая организация, цель которой освобождение России от коммунистического гнета, смена власти. Только мирным путем, методами ненасилия — словом, убеждением. Ячейка организации была и у нас за колючей проволокой. Мне было предложено вступить в члены подпольной Демократической партии России (ДПР). И я с радостью согласился, как будто ждал этого давным-давно. Дни и месяцы раздумий о том, что делать, привели к однозначному выводу: надо быть в единстве с друзьями, которые рядом. Федор Смирнов на следующий день сам принял меня в члены ДПР. На небольшом листке бумаги была написана клятва, которую я тихо прочел вслух и подписал. Потом сделал на руке небольшую ранку и скрепил клятву кровью, а Смирнов этот листок у меня на глазах сжег. Он же дал мне

партийную кличку Налим, назвал и свой псевдоним — Чайка. Через него я получал впоследствии все партийные поручения. Первое — переписывать для распространения письма-листовки. В них Александр Гусев и Александр Мамонтов излагали свои взгляды на китайские события 1949 года, приход к власти Мао Цзэдуна. По каким адресам рассылались эти письма, кто и как их передавал за зону — этого я не знал. У нас было не принято задавать лишние вопросы».

Далее три главы воспоминаний Льва Нетто о восстании в Норильлаге, опубликованные Красноярским обществом «Мемориал».

«Черт умер!»

5 марта 1953 года началось необычно — с плохо скрываемой радостью мы передавали друг другу главную новость: «Черт умер!» Лица заключенных как-то просветлели. Видно было, что теперь их будоражат иные мысли, чем вчера. Мы гадали о ближайшем будущем страны и, конечно, о возможности нашего возвращения домой. У многих трагедия жизни связывалась с именем тирана, которого теперь не стало.

Конечно, открыто проявлять свою радость мало кто решался, только два грузина в нашей бригаде то и дело изображали что-то вроде лезгинки. Но радостное возбуждение, которое охватило заключенных в первые дни после смерти Сталина, скоро сменилось тревогой. Амнистия не коснулась политузников. Мы почувствовали, что нас ожидают новые испытания: МГБ проявило стремление ужесточить режим лагерей для политзаключенных. Ведь наследники Сталина мало чем от него отличались — Берия, Молотов, Каганович, Маленков тоже подписывали расстрельные списки. А весной 1953 года они санкционировали

необузданный произвол в особых лагерях. Конвоирам и охране на вышках даже давали отпуск за совершенно беспричинную жестокость: автоматные очереди то и дело уносили жизни заключенных, причем во всех лаготделениях. В Горлаге начался самый настоящий разгул террора.

Это было время провокаций, попыток поссорить национальные группы — в лагере их было много: кавказцев с казаками, русских с украинцами и так далее. Откуда-то появились сомнительные личности, которые с таинственным видом нашептывали, что от верных людей слышали и точно знают о якобы готовящихся актах неповиновения лагерной администрации. В бараках усиленного режима все чаще возникали стычки с участием уголовников. Все это создавало атмосферу крайней психологической напряженности, в которой призыв к бунту мог разжечь не искру костра, а по-настоящему большое пламя: настолько все уже были ожесточены, так наболело у всех. Провокации общими усилиями подпольных центров все же удавалось пресечь. Мы понимали: когда толпа никем не организована, она может пойти в любом направлении — самом глупом, непредсказуемом, безрассудном.

25 мая 1953 года я встретил, как обычно, за токарным станком в производственной зоне Горстроя. Работу прервали неожиданные гудки котельной. Мы уже привыкли к тому, что прерывистый гудок служил сигналом об окончании трудового дня. Но тут звучали необычные, длинные и непрерывные, гудки, к тому же совсем не вовремя: до конца рабочей смены было еще далеко. Гудок настойчиво звал куда-то, и я выбежал на улицу, чтобы через другую дверь попасть в инструменталку, где находился Смирнов. Его не было на рабочем месте. Я пробежал по территории, наконец увидел, что идет Федор и с ним целая группа заключенных. Я быстро его спросил: «Что случилось? Как действовать дальше?» Смирнов ответил, что в жилой зоне 5-го лаготделения была очередная

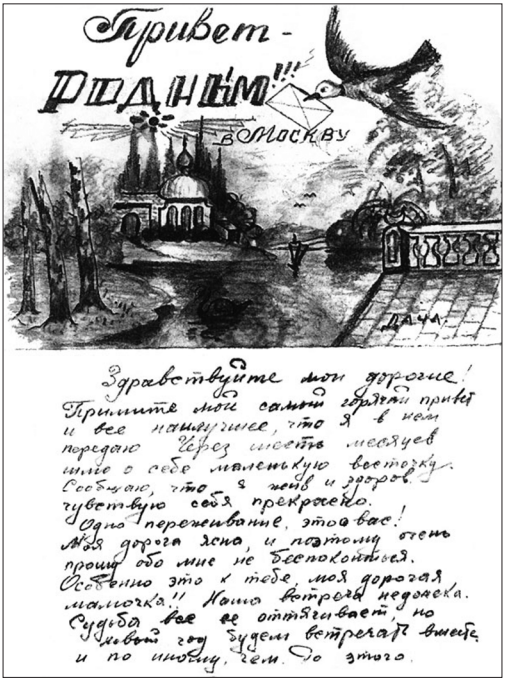

Письма из Норильлага

провокация — стрельба без причины и есть жертвы. Поэтому принято решение остановить работу.

«Необходимо всем собраться в этом недостроенном здании, ждать указаний, держать связь», — приказал Федор. Здание стояло уже под крышей, с готовыми окнами, только в эксплуатацию его еще не сдали. Видимо, такие же команды последовали и по бригадам на других объектах, потому что очень скоро в помещении сосредоточились заключенные из 4-го и 5-го лаготделений — все, кто в тот день работал в производственной зоне Горстроя. И уже тут мы узнали подробности о том, что в пятой зоне сержант-охранник очередью из автомата ранил отдыхавших после смены семерых заключенных, один из них (Петр Климчук) умер от ран. А накануне другой охранник убил заключенного при этапировании из четвертой зоны в пятую.

Не помню, кто именно выступал, но на этом собрании впервые я обратил внимание на Евгения Грицяка, украинца из карагандинского этапа: как-то сразу, с первых минут восстания, он действовал очень

Письма из Норильлага

активно ради того, чтобы все прекратили работу и собрались вместе. Он сразу показал себя отличным организатором. Пока другие, негодуя в душе, обдумывали ситуацию, он проявил инициативу, чтобы заявить протест по поводу очередного злодейства охраны, расстрела товарищей в пятой зоне: «Сколько можно терпеть, хватит, работу прекращаем!» Нет, он не организовывал восстание или забастовку, но вот эту вспыхнувшую искру протеста, которая появилась, тут же начал распространять, стал ее носителем, не давал ей погаснуть и поддерживал в душах огонь. Поэтому я про себя назвал его «факелоносцем восстания». Такие, как он, были в каждой зоне. Их призывы зажигали сердца людей, которые давно этого ждали. У них внутри тоже давно уже все кипело.

Эти ребята открыто взяли на себя ответственность за судьбу товарищей, «бросили перчатку» в лицо власти хотя бы в виде смелых просьб и мирных претензий. Не думая о том, что их ожидает, они скандировали лозунг: «Свобода или смерть!»

Так на моих глазах началась забастовка политзаключенных особого Горного лагеря в Норильске в мае 1953 года. Митинг добавил уверенности в правоте наших действий. А решение остаться в оцеплении, не возвращаться в жилую зону мы встретили прямотаки на ура. Пока мы здесь, вывести из лагеря на работу другую смену невозможно.

Восстание душ

После нескольких дней переговоров с лагерной администрацией было все же принято ее предложение о нашем возвращении в жилую зону, чтобы всем заключенным вместе встретиться с московской комиссией. В лагере тем временем жизнь организовывалась силами самих узников. В ожидании московской комиссии многие самостоятельно проявили инициативу: составляли листовки, обращения к товарищам, писали призывы в прозе и стихах. Это были самодельные листы с разъяснениями, что нам нужно держаться вместе, потому что уже хватит терпеть это насилие: многие из нас не знали, за что сидят, нас оклеветали и превратили в рабов, а в последнее время вообще стали стрелять, как какую-то дичь. Благодаря этим листовкам, картинкам нашей жизни, воззваниям люди становились явными сторонниками забастовки. Общая атмосфера в зоне в те дни была приподнятой, исчезли уныние и апатия, не было даже страха перед будущим.

Заключенные сразу же организовали собственную внутреннюю охрану по периметру зоны. Это было необходимо для ведения внешнего наблюдения

и, конечно, для пресечения попыток каких-либо бесчинств в лагере. Мы патрулировали выделенный нам участок с северной стороны. Николай Шибенков, Михаил Резников, Борис Суворов отвечали за посменное дежурство. Каждый старший смены подобрал себе надежных ребят, с кем вместе работал, дружил, кому доверял. Дежурство поручалось не только подпольщикам, но и тем, кто даже не подозревал о существовании нашей партии.

Принципиальные решения, касающиеся всех, принимались на встречах представителей подпольных русского, украинского, литовского центров с участием других национальностей. Восточные украинцы, белорусы, российские немцы объединялись и действовали через русский центр. А западные украинцы и литовцы создали свои организации, у них там народу было побольше. Все новости и принятые решения распространялись потом по цепочке. Обычно совещания проходили в помещении медсанчасти, где у нас работали верные люди — Карл Карлович Денцель, Петр Михайлович Сериков и другие. Федор Смирнов тоже нередко приходил в центр, и я его всегда сопровождал. Моя задача состояла в том, чтобы замечать, нет ли хвоста, осуществлять наблюдение за входом и выходом людей. Случалось подключаться и к стихийно возникавшим конфликтам. Как-то зашли в медсанчасть западные украинцы и, увидев в комнате за письменным столом какую-то группу (Чабуа Амирэджиби, Роман Брахтман, Макс Минц и другие писали воззвание к заключенным), отнеслись к малознакомым людям с подозрением. Мне поневоле пришлось вмешаться, несмотря на строгий приказ Смирнова никуда не лезть и не светиться. Но у меня оказались знакомые в обеих группах, и я объяснил им, что тут все свои.

Смирнов сообщил, что в зоне создан забастовочный комитет, от нас в него вошел Володя Недоростков. Я не понял тогда, от нашей партии или от русских? Комитет был интернациональным. Увидел их всех за

Лев Нетто с товарищами по лагерю

столом переговоров с московской комиссией, которая приехала к нам 6 июня. Ожидание первой встречи нашего забастовочного комитета с московской комиссией было очень напряженным.

Круглые сутки светило июньское солнце, поэтому мне трудно сказать, вечер это был или день. Хорошо помню, как метрах в пятидесяти от вахты поставили большой стол, накрыли его какой-то материей, кажется красной. К той стороне, что была ближе к вахте, подошли генералы, полковники и другие офицеры. А на другой стороне наши ребята сели, почти все мне знакомые. Грицяка я уже знал, Недоросткова тоже, Ивана Кляченко, верного ленинца из бывших партийных работников, с Григорием Климовичем, поэтом-белорусом, тоже знал. Климович подошел к столу, когда все уже расселись. Было четко слышно, как большой начальник из Москвы громко заявил заключенным, что его прислал в Норильск лично Лаврентий Павлович, чтобы разобраться, что здесь происходит. Не иначе это событие века! Забастовочный комитет предъявил насущные требования заключенных. Они были спокойно приняты. Комиссия разрешила снять с бараков решетки и замки, а с одежды — номера, раз-

решила переписку без прежних ограничений и даже свидания с родными. Заявила об упорядочении рабочего дня и предоставлении выходных, пообещала, что инвалидов вывезут на материк, а остальные наши просьбы рассмотрят в Москве.

Комиссии люди поверили и вышли опять на свои производственные участки. Но было сомнение: прочны ли все эти изменения в лагерной жизни, насколько они долговременны? Из различных источников мы знали, что кадры в лагерной администрации остались прежние, а генералов Семенова и Царева просто поменяли местами. Неужели и практика поддержания режима вернется вновь после очередного призыва к повышению бдительности? Что делать?

Старые, видавшие виды лагерники убежденно доказывали, что уже сделано очень многое. ГУЛАГ еще не знал такого примера единства, такой организованной сплоченности. Надо теперь показать власти, что наши требования действительно мирные, что мы готовы трудиться. Одним из сторонников такого подхода был Иван Кляченко. Смирнов называл его прозревшим ленинцем, ценил логичность его рассуждений, но с выводами не соглашался. Но была и другая крайность — отчаянные парни, которые не хотели мириться с выходом на работу, выдвигали идею вооруженного выступления. Лозунг забастовки «Свобода или смерть!» они восприняли по-своему: лучше смерть в борьбе, чем рабский труд. Таких было относительно немного, но их приходилось постоянно вразумлять. Тон задавали заключенные Жиленко и Касьянов.

Приходили они и к нам, в мастерскую Горстроя. Их решительные речи, рассуждения о возможных успехах «боевых действий» заключенных, безусловно, вселяли бодрость. Но дисциплина, сложившаяся не за один день, не позволяла терять разума.

В дни перемирия с администрацией холодное оружие в мастерской больше не изготовляли, но отдельные заказы выполняли. Так, Федор Смирнов попросил

Лев Нетто в гостях у Глицевича.

сделать для Володи Недоросткова небольшой кинжал. В жилую зону проносить его пришлось мне. На вахте в это время досмотр проводился чисто формально, так что сложностей не возникло.

Перемирие длилось недолго. И вновь забастовка началась в 5-м лаготделении. Поначалу отправка небольшого этапа из этой зоны в другую не вызвала беспокойства привычным явлением, так как это было в лагерных условиях. Но бдительность заключенных помогла установить, что из этапа посреди тундры выдернули группу активистов и увели в неизвестном направлении. А ведь московская комиссия заверяла, что никаких преследований за участие в забастовке не будет. Значит, договоренность нарушена? Мирное время закончилось.

В этот день опять наша смена работала на горстроевской площадке. И снова возник вопрос: что делать? Возвращаться в жилую зону или остаться в производственной? Логика подсказывала, что надо

уходить, чтобы всем быть вместе. Но наши горячие головы (Жиленко, Касьянов и др.) даже слышать об этом не хотели. Эти отчаянные ребята готовы были лезть на проволоку: «Лучше примем смерть, чем станем опять рабами, ведь ясно, что нас ожидает!» С ними велись и одиночные, и групповые беседы. Бесполезно. Смирнов принял решение вклинить в эту группу «героев» наших ребят, которые заставят их изменить свою точку зрения. Федор спросил меня: «Кого можешь выделить?» Из своей цепочки я предложил Бориса Суворова и Николая Шибенкова. Оба хорошо знали Славку Жиленко по горячим спорам в нашей мастерской.

Потом еще пять-шесть ребят было вброшено в группу, они «героям» сказали: «Или вы идете в лагерь, или одни тут останетесь и ни на какую проволоку не полезете!» После нашего общего возвращения в зону вскоре прибыла и «ударная» группа. Прежнего пыла в ее речах уже не ощущалось.

Возникшее чувство недоверия к московской комиссии слилось с тревогой ожидания: что будет дальше? Русский и украинский подпольные центры вместе разъясняли массе заключенных сложившуюся обстановку. Я присутствовал на одном из таких митингов перед клубом. Выступали члены забастовочного комитета. Вдруг раздался чей-то громкий возглас: «Стреляют!» Вся площадь инстинктивно пригнулась. Люди, стоявшие перед клубом, попадали на землю, повалились друг на друга. Но тут же стали вскакивать и оглядываться с недоумением. Хорошо было видно, что и солдаты охраны (это было рядом с запреткой) беспорядочно забегали, не понимая, что случилось. То ли крик «Стреляют!» был злой шуткой, то ли кому-то пулемет на вышке показался и вправду готовым открыть огонь. К чести ребят из комитета, они не растерялись и митинг довели до конца.

Провокации являлись обычным методом воздействия лагерной администрации на заключенных. В дни забастовки делалось все, чтобы вызвать раскол

Лев Нетто с товарищами по лагерю

в наших рядах и бегство слабонервных из зоны. При непосредственном общении офицеров с группами заключенных звучали угрозы и призывы выходить за вахту. По местной радиосети шла постоянная трансляция обращений работников администрации и выступления беглецов-заключенных из лагерной обслуги, которые кричали: «Выходите из зоны, в вас не будут стрелять!»

Хорошо, что разные люди были среди вольных, даже среди солдат охраны. Помню, еще до забастовки я как-то видел один раз: подошли к вышке трое военных, вниз спустился солдат, который стоял на вахте, и эти трое увели его, уже без оружия, как арестованного. Не знаю, что случилось, может, он заключенным записку бросил или поговорил с кем-то, а с соседней вышки это заметили. За связь с заключенными карали строго. Но я точно знаю, что у Федора Смирнова связь с волей была через офицеров, то ли непосредственная, то ли по какой-то цепочке. И это тоже доказывает, что вольнонаемные были неодно-

родной массой и многие нам старались помочь, хотя бы передать информацию.

В производственной зоне Горстроя Смирнов получил сообщение, что московская комиссия готовит силовое воздействие на заключенных, чтобы прекратить «волынку» — так МГБ называло нашу забастовку. Чего именно ждать, где и когда, было неясно. Члены забастовочного комитета чувствовали, что ответственный момент приближается. В последних числах июня стало известно, что в 5-м лаготделении попытка силового подавления забастовки с привлечением пожарных машин и офицерского корпуса была предпринята, но провалилась. Внутренняя охрана лагеря успешно отбила атаку.

Но наступило 1 июля 1953 года, и пятой зоне пришлось принять на себя новый жестокий удар — даже у нас в лагере были слышны автоматные и пулеметные очереди оттуда. Людей охватило беспокойство. Стало ясно, что силовое воздействие проявилось в самой жестокой форме, что система и не мыслила сдавать позиции, а лишь меняла методы насилия и террора.

Уже 2 июля Федор Смирнов сказал, что с одной из охранных вышек бросили в сторону ребят из нашей внутренней охраны небольшой камень с запиской: «В пятой зоне много убитых и раненых». Мы не гадали, что это: провокационный шаг или акт сочувственного предупреждения. Мы приняли это как послание друга.

Ночи, как таковой, не было: летом заполярная ночь светла, как день. Большинству из нас было не до сна. Ждали, что предстоит резкое изменение ситуации: вчера расстреливали людей из 5-го лаготделения, а что будет с нами? В такой напряженной обстановке мы невольно старались держаться ближе друг к другу. Собирались мы все вместе на втором этаже барака, в отсеке, где жили ребята из нашей мастерской, и, что удивительно, — дружно, с душой, вполголоса пели свои любимые песни. Казалось бы, с чего? Не от радости и не от воспоминаний, а в преддверии грозных

событий, возможных жизненных изменений душа хотела слиться с другими, как-то выразить себя, высказаться в песне. Тогда впервые в лагере я увидел, что русские поют. До этого в течение предыдущих лет не помню, чтобы такое было. Обычно, собираясь группами, беседовали, вспоминали что-то, спорили. Пели свои песни только украинцы и литовцы, всегда и всюду, где бы ни оказались. А тут и россиянам захотелось вспомнить песни «Ревела буря…», «Раскинулось море широко…», «Стенька Разин» и другие всем известные народные песни. Наверное, это было естественное стремление людей скрепить связавшую нас дружбу, может, протянуть общую нить сквозь поколения и времена. Мы все уже хорошо знали друг друга и понимали, что впереди нас ждут новые испытания лагерной жизнью и, конечно, новые пути-дороги. Моя записная книжка, как и у других ребят, пополнилась адресами родственников, через которых можно было бы найти друг друга.

С Федором Смирновым встречи были практически каждый час. В предыдущие несколько дней он чаще обычного выходил на связь с членами подполь-

Штрафной изолятор в Норильлаге

ного центра. Держался спокойно, уверенно, — видимо, ясно понимал, как следует дальше поступать.

И вот по нашей внутренней цепочке поступила команда быть готовыми покинуть лагерь. Забастовочный комитет активно настраивал людей на окончание забастовки: «Надежды на милость властей уже не может быть. Как только прозвучит их ультиматум, все моментально выходим из зоны». При создавшейся обстановке это был самый разумный выход.

После восстания. Мы стали иными

Когда начальство объявило ультиматум, предложив выходить с вещами на вахту, 4-е лаготделение вновь отличилось своей организованностью. Из всех бараков, собрав пожитки, заключенные дружно двинулись навстречу администрации.

На вахте отсчитывали сотни и отводили в тундру. Каждую сотню фильтровали однотипно. Начальство указывало, кому куда следует двигаться, причем быстро. Если вправо или влево, то на пути к новому конвою стояли лагерные подонки и остервенело пускали в ход палки, железные прутья и отработанные кулачные приемы. Если указывалось идти в лагерь, то можно было спокойно проходить через знакомые ворота даже без шмона. Мне был указан такой путь. Я быстро добрался до своего места на нарах, прилег, осмотрелся. Из наших ребят увидел только Сашу Анохина, Михаила Резникова, эстонца Аарну. Но уже через полчаса в барак заглянул наш нарядчик Гриша и вызвал меня:

— Нетто, ты здесь? Бери вещи, пойдем.

По пути к вахте дружелюбно спросил:

— Ты кому насолил? Почему велели тебя вывести из зоны?

— Понятия не имею, — ответил я.

Гриша, большой болельщик футбола, сочувственно посоветовал:

— Ладно. Как только перейдешь линию ворот, сразу беги к ближайшей группе под конвоем, иначе могут сильно побить. Давай!

Спасибо Грише. Меня миновала участь многих наших ребят.

На следующий день наш этап, человек около трехсот, прибыл на «Надежду». Стоял солнечный день. Для обыска приказали раздеться догола, вещи положить перед собой у ног, руки заложить за голову. К счастью, шмон был не слишком усердный. Дело в том, что я держал в кулаке программу Демократической партии России и опасался, как бы ее не обнаружили. Краткая программа ДПР была написана на тонкой бумаге и сложена гармошкой, потому она и не привлекла внимания солдата. Я готов был съесть ее, если бы меня заставили открыть ладонь. Но все обошлось.

В августе, когда я оказался уже на «Купце» и встретил здесь много знакомых ребят, в том числе Федора Смирнова, то при рукопожатии передал ему экземпляр нашей партийной программы. Федор сразу понял, что за сюрприз я вложил ему в руку, даже слегка оторопел, но тут же одобрительно произнес: «Ты настоящий Налим! Пойду к старику Дикареву и покажу».

Жизнью на «Купце» управляли сами заключенные, в том числе и выходом на работу. Примерно в двух километрах от зоны строили двухэтажные кирпичные здания. Федор мне сказал: «Будешь бригадиром». Я взмолился: «Никогда не пробовал...» «Так надо!» — коротко прозвучало в ответ. Пришлось заниматься оформлением нарядов, следить за соблюдением порядка. В бригаде было человек 60-70. Конвоиры — один впереди, двое позади колонны — позволяли идти неспешным шагом, не соблюдая строгого построения по пятеркам. В жилой зоне после работы

Лев Нетто

каждый занимался своими делами. Ясно было, что «Купец» — это промежуточное звено общей сложной фильтрации политзаключенных — участников норильского восстания, что впереди будут еще этапы.

В ноябре нашу небольшую колонну направили в незнакомую зону ИТЛ, где были отгорожены три барака и медпункт. Мы с Федором попали туда вместе и встретились с Петром Зиновьевичем Дикаревым, которого отправили на этап раньше нас. А в медпункте хозяином оказался Карл Карлович Денцель, российский немец, хирург, еще недавно работавший в медсанчасти нашего, 4-го лаготделения Горлага. Собирались вечерами у него пять-шесть человек, в этом кругу Петр Зиновьевич Дикарев вспоминал дни своей жизни, пел с большой душой: «По диким пустыням Китая, с тоской в наболевшей груди…» Рассказывал о том, как покидала Родину Белая гвардия…

Новый, 1954 год я встретил в лаготделении «Западный». Раньше там находился большой лагерь ИТЛ, а теперь собрали нас из всех мужских зон Горлага. Здесь уже подробно мы пересказывали друг другу

летние события, анализировали ход и методы подавления этой вспышки неповиновения режиму, какие свойственны обычно при вооруженном восстании. Вспоминали о жертвах расстрела в 5-м лаготделении. Сценарий подавления протеста силой должен был повториться и в 4-м, но законопослушные заключенные успели покинуть зону и начальство осталось с носом. Можно предположить, что генералы решили не допустить повторения подобного в 3-м (каторжанском) лаготделении. Там тоже пролилась кровь, автоматы и пулеметы стреляли по безоружным людям 4 августа 1953 года.

Да, это было восстание. Но не вооруженное восстание, продуманное, подготовленное, имеющее целью свержение, захват власти. И не бунт невольников, жаждущих получить хотя бы кратковременную свободу, надышаться этой волей, погулять. И неспонтанное выступление, спровоцированное как ответ на жестокое угнетение человеческой личности. В Горлаге с 25 мая по 4 августа 1953 года было восстание человеческих душ. Заполярный Норильск объединил тех, кто вобрал в себя боль и страдания предыдущих лет — от октябрьского переворота до расцвета авторитаризма на землях СССР, кто прошел горнило Великой Отечественной войны, кто осознал великую силу солидарности и понял, что единение, сплоченность — это самое мощное и надежное оружие в борьбе за свободу.

Новая зона — «Западная» — стала демократической республикой, рожденной восстанием. Здесь уже был нормальный рабочий день, вокруг зоны не устанавливались усиленные огневые точки, никто не ждал высоких комиссий для решения наших проблем.

На «Западной» столько собралось своих ребят! Трудно всех и перечислить. Начальником колонны, то есть администратором от заключенных, стал Тихон Петров. Клубом заведовал Владимир Иванович

Венгеров. Пищеблоком управлял Петр Сериков, баней — Николай Абраменко. Я тоже состоял в обслуге лагеря — доставлял в зону продукты.

Ветерок грядущей свободы сделал лица узников светлей. Ребята из Западной Украины пели свои любимые, задушевные песни, мечтая о возвращении домой. Художественная самодеятельность в клубе стала потребностью, а неподконтрольной «воспитательной работой» с обязательным присутствием лагерной администрации. Здесь ставили спектакли по своему усмотрению. Тихон Петров, в прошлом артист цирка, организовал кружок спортивной акробатики. Сам обычно был нижним и держал на себе четыре-пять человек. Я должен был подниматься на самый верх пирамиды. Но все обходилось благополучно — ни разу не падал!

Инициатором бесед о построении общества будущего, как правило, являлся Владимир Иванович Венгеров. Он рассуждал о том, что Россию ожидает третий путь развития, поскольку ни капитализм, ни социализм с переходом к коммунизму не соответствуют обществу, основой которого является народовластие.

Из верных ленинцев на «Западной» никого не оказалось. С них, как позднее выяснилось, практически началось массовое освобождение людей, отбывавших срок по 58-й статье, когда в Норильске стала работать комиссия по пересмотру дел политзаключенных. Наш мастер Петрович — бывший комбриг Василий Петрович Бархонов — в начале 1954 года, после 17 лет лагерей, вернулся в родной Ленинград. Освобождались с реабилитацией и другие старые лагерники. Их возвращению в родные края способствовали бурные события 1953 года, хотя они в них и не участвовали.

Лагерным центром подпольной Демократической партии России было принято решение изложить письменно не только устав, но и «Программу

действий», как нам конкретно реализовать теорию, как построить тактику и стратегию, каким путем идти дальше.

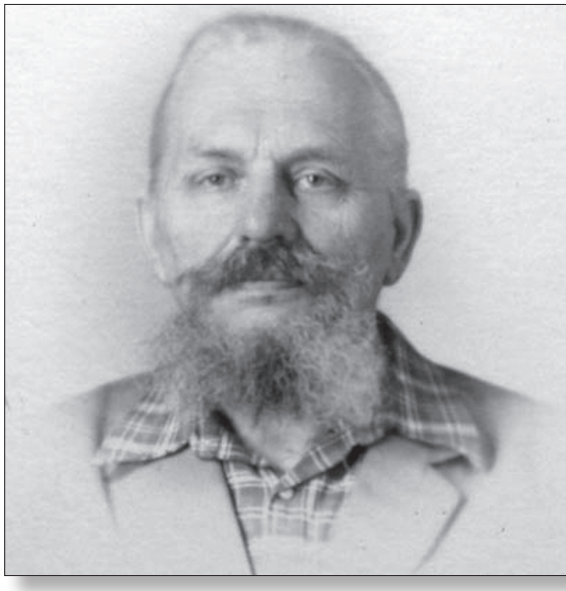
Наша ячейка не только уцелела, но и выросла. Членами ДПР в моей цепочке стали давние друзья Александр Анохин и Борис Суворов, москвич Виктор Тараскин, украинец Михаил Бережанский, белорус Глицевич, эстонец Нурк, российские немцы Герберт Филяуэр и Мартин Нойбауэр. Все они зачитывали клятву и скрепляли ее своей кровью, как предусматривал ритуал вступления. Петров и Сериков приняли в члены ДПР таких активных ребят, как литовец Нос (так его между собой звали, фамилию не могу вспомнить), латыш Ян, немцы Герман Калюза и Роот, которые образовали свои цепочки. Требования конспирации продолжали строго соблюдаться.

Мне памятна одна из общих встреч, где собрались человек пятьдесят. Это были не только члены партии, но и просто надежные ребята, хорошие знакомые: Николай Абраменко, Роман Брахтман, Ганс Утсал и др. Мы исполняли в полный голос любимые песни, декламировали стихи. Кто-то читал собственные сочинения, а кто-то Пушкина, только немного переделав на иной лад:

Во глубине норильских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье…
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья!
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках большевизма
Напишут наши имена…

Зашли к нам в гости даже два надзирателя, поинтересовались: «По какому поводу собрались?» — «Отмечаем день рождения!» Это было 1 апреля 1954 года — мой день рождения. Налили надзирателям даже по кружке браги (ее приготовили наши немцы), и те, довольные, ушли восвояси. Тоже поняли, что «республика заключенных» живет уже по иным законам.

Роберт Штильмарк:

«Наследник из Калькутты»

Биография

Роберт Александрович Штильмарк родился 3 апреля 1909 года в Москве в семье инженера Александра Александровича Штильмарка. Род их относится к немцам, точнее, к шведским немцам, причём восходящим чуть ли не к королевскому происхождению. Предки жили в Прибалтике и России, во всяком случае, с XVII века — вспоминает его сын Феликс Робертович Штильмарк, побывавший в Маклаково в 1954 году, когда его отец находился здесь в ссылке. О дворянском происхождении Штильмарков говорит и тот факт, что в начале 1990-х годов Феликсу Робертовичу прислали вырезку из местной газеты, выпускающейся в Тарту (Дерпте), где сообщалось, что ради международного конгресса была учреждена и вручалась памятная медаль Германа Штильмарка, основателя новой отрасли на стыке химии и биологии, который был учёным и канцлером немецкого генерального консульства в Москве.

В 1929 году он окончил Высший литературно-художественный институт имени В. Я. Брюсова. В том же году женился на Евгении Белаго-Плетнер. Евгения была специалистом по экономике Японии, в начале 1920-х годов работала в Японии с первым мужем, дипломатом. Вскоре у них родился сын Феликс, будущий эколог и биолог. Штильмарк работал референтом и заведующим отделом скандинавских стран во Всесоюзном обществе культурных связей с заграницей (ВОКС). Впоследствии был журналистом в газете «Известия», в ТАСС, работал редактором в журналах «Иностранная литература», «Молодая гвардия».

В конце 1930 и начале 1940 годов он читал лекции для высшего командного состава НКВД в Москве. В период войны воевал на Ленинградском фронте

помощником командира разведроты, где получил ранения и контузии, в результате чего был отправлен в Ташкент. Здесь его направили преподавать топографию в пехотное училище, хотя официального образования по топографии у него не было.

Генерал Марк Карпович Кудрявцев, работник Генеральндолгуого штаба в период войны 1941-1945 гг. в полевых условиях принимал у советских воинов экзамены, в результате сдачи которых присваивали воинские звания, с высшим пределом присвоения старшего лейтенанта. Роберт Штильмарк сдавал экзамены, когда шёл дождь, т.е. невозможно даже чётко определить отметки, пикеты. Генерал Кудрявцев, прекрасно владея предметом топосъёмок, достойно оценил работу Роберта Штильмарка, в результате чего ему, единственному из всей группы, было присвоено звание капитана. Высоко оценив опыт и знания капитана Штильмарка, его направляют на работу в Генеральный штаб и назначают начальником редакционно-издательского отдела, и главным топографом и переводчиком с шести языков.

Роберту Александровичу по долгу службы приходилось часто выезжать на действующие фронты, собирая и обрабатывая материалы для Генерального штаба. Теперь он уже очень тесно работал с генералом Кудрявцевым. К тому же Роберт Штильмарк преподавал топографию на курсах «Выстрел». Им была подготовлена и написана книга «Глубокоэшелонированный прорыв обороны противника». Безусловно, она была засекречена и увидела свет, т.е. была рассекречена только в 1960-х годах, авторами которой являлись генерал Кудрявцев и капитан Штильмарк.

Прежде чем выпустить эту книгу, оба автора были на приёме у Сталина, как Верховного главнокомандующего советских войск в период войны, и докладывали ему о сути и содержании этой книги. Получив на то добро «отца народов», книга была издана.

Негладко давалась автору вышеназванная книга. В общей сложности Роберт Штильмарк по участию на фронтах имел два тяжёлых ранения, одно лёгкое, и контузии несколько раз пережил. Награжден он был только тогда, когда ему исполнилось 60 лет: орденом Красной Звезды и орденом Отечественной войны I степени, а также юбилейными медалями.

В 1945 году заканчивается его деятельность на военном поприще совершенно неожиданно.

Ссылка

В ночь на 4 апреля его арестовывают, в результате чего «тройкой» осуждён по статье 58, пункт 10, на 10 лет. Т.е. якобы за то, что назвал какие-то из новых зданий Москвы «спичечными коробками», как тогда говорили, за болтовню.

Спустя годы он напишет в своём дневнике:

«Оставив щи нетронутые в чашке,
Уставясь тупо в щели потолка,
Не мог забыть, как звёздочку с фуражки
Срывала равнодушная рука...»

И закрутились тюремные камеры, сменяя одна другую, и по отбытию пяти лет его направляют в ссылку в Норильлаг Сибулоновской системы Красноярского края (сибирские лагеря особого назначения).

Первоначально Роберта Александровича направляют в г.Игарку, где он со многими талантливыми людьми: актёрами, художниками, артистами, разделившие такую же судьбу за своё творчество, организуют народный театр, и ставят и показывают различные спектакли и премьеры, написанные по сценариям Штильмарка.

Театр в Заполярье приобрёл такую славу, что не на шутку обеспокоило не только местные и краевые

власти, но и центральные. И тогда после просмотра определённой комиссии, в которую входили службы МВД, КГБ и партийные специалисты, достойно оценив талантливых заполярных артистов, вынесли решение — закрыть и расформировать народный театр, а актёров направить на строительство печально знаменитой стройки железной дороги под кодовым названием №503 или Салехард-Игарка-Норильск, получив название «Мёртвой дороги» (1947-1953 гг.), строительство которой остановили после смерти И.В. Сталина в 1953 году. Но на дворе стоял только 1950 год. Остановили Роберта Штильмарка в п. Ермаково. Относительно сносной жизни в лагерных условиях он был обязан своему таланту.

Ещё с детства проявляя свои способности, он легко писал стихи, рисовал, играл на рояле, отличался неуёмной выдумкой и фантазией, вёл большую литературную, журналистскую и преподавательскую работу. Окончив Высший литературно-художественный институт имени В.Я. Брюсова, он подготовил к изданию сборник своих стихов, выпустил в свет очерковую книжку «Осушения моря» в 1931 году, затем преподавательская работа, годы войны.

Первые шесть лет тюрьмы, лагерей, этапов и «шмонов» не ознаменовались какими-либо выдающимися событиями. За спиной было уже изрядное количество амплуа: инженер-проектировщик, грузчик угля, переводчик, водовоз, кострожёг, лесоруб, рабочий каменного карьера, зав. репертуарной частью театра, инженер-сметчик, прачка, зав. технической библиотекой, геодезист, рабочий кирпичного завода, бетонщик... «И дистрофик!», — дописал впоследствии Роберт Александрович.

В Ермаково на пикете №33 высадили более ста человек, которых разместили во времянках, палатках и тому подобное. Через несколько дней, а было это в начале мая, период распутицы, его вызвало местное начальство, а являлся таковым бригадир-нарядчик

среди зэков — Василий Павлович Василевский, который «миловал и казнил, его слово было первым, последним и окончательным», т.е. он был паханом, хозяином среди заключённых.

Договорившись о том, что Роберт Штильмарк напишет роман (так говорил Василевский), автором которого будет он, «хозяин» Василевский. «Вскоре Штильмарк сильно заболел. Василий Павлович хорошо о нём позаботился (иначе ему не выкрутиться). И, лёжа на одре, он и придумал нечто приключенческое, безумно сложное и занимательное... так, что Василий Павлович пришёл в восторг».

Впоследствии выяснилось, что нужен был приключенческий роман Василевскому для того, чтобы ему уменьшили срок, а то и вовсе освободили из заключения, так как ему было известно о том, что Сталин является поклонником исторических романов и он за написание романа «скинет срок». Литератора он нашёл, дело — за его написанием. 14 месяцев потребовалось Роберту Александровичу в лагерных условиях при трёх лампах в бане (пол был всегда мёрзлым), он кочегарил свою железную печурку, «бунгало», бухал туда солярку, густо одевал «ноги» и творил роман исторический и приключенческий.

Отрегулировав свои три светильника, один был без стекла (назвав эту систему освещения «зовом предков»), он брал листки почтовой бумаги и... исчезали бревенчатые закопченные стены хижины, они сменялись синими волнами океана, палубой брига «Орион», морскими сражениями, придворными балами и бизонными охотами», создавая сложный трёхтомный труд, роман, который получил название «Наследник из Калькутты»,

Ликовал Василевский. Но, получив от своих приятелей совет — «не выступать в качестве единоличного автора («Не сумеешь ты, друг, отстоять своё авторство», — сказали ему его консультанты). И вот,

на обложке «Наследника» В.П. внёс фамилию — Р. Штильмарк».

В 1953 году, по мере закрытия стройки №503, в результате смерти Сталина, Роберта Штильмарка отправляют в Енисейск. Здесь он не мог себе найти постоянное место работы, зато приобрел семью. Его женой стала преподавательница Учительского института, с которой осенью того же года они переехали вначале в Маклаково, а затем в Ново-Маклаково, где наш герой работал нормировщиком в СМУ-33. Связь преподавателя с бывшим заключённым стоило Маргарите Дмитриевне увольнением из ВУЗа и изгнанием из «пресветлого Енисейграда», с ними же выехали её мама, работавшая библиотекарем в институте и 2-х летняя дочь Маргариты Дмитриевны, Леночка. «Оба грешника знали уже о предстоящем увеличении будущего семейства».

В Маклаково Р.А. Штильмарк жил по улице Горького, дом 20, который ныне не сохранился, здесь сейчас расположен 5-тиэтажный дом, первый этаж которого занят под поликлинику, книжный и ме-

На этом месте стоял дом, в котором жил Р.А. Штильмарк (Ново-Маклаково: р-н Белинского и Привокзальной).

бельный магазин, т.е. рядом автобусная остановка Пирогова.

Занимался Роберт Александрович геодезическими работами по прокладке автотрассы Енисейск — Маклаково — Абалаково и трудился нормировщиком в СМУ-33. Тогда был объявлен конкурс на лучший вариант прокладки трассы в районе Бурмакинской горы. Наиболее удачным был признан вариант Роберта Штильмарка. Т.е. следует знать современникам, что дорога, по которой сейчас ходят автомашины через Бурмакинскую гору, проложена Робертом Штильмарком.

В начале 1954 года семья Штильмарка переезжает из Маклаково в Ново-Маклаково, в дом, расположенный по ул. Таёжной, №1. Ныне он также не существует, как и вся эта улица, но располагался этот дом там, где сейчас находится 5-тиэтажный дом с пристройкой городского театра «Поиск».

Интервью Александра Штильмарка

Писателей с простой судьбой не бывает. Особенно русских писателей. И особенно богато рассыпал трудности под ноги русским писателям XX век. Писать «в стол» было, пожалуй, самым невинным развлечением, судьба предлагала большее: войну, тюрьму, расстрел. Нельзя сказать, что у Роберта Александровича Штильмарка судьба была самой трагичной. Он прожил немало и писал плодотворно. И всё же на фоне судеб русских писателей — его ровесников, жизнь его выделяется сложностью и драматизмом, творчество — неординарностью.

Сын писателя, Александр Робертович Штильмарк, главный редактор журнала «Православный набат» рассказал корреспонденту «БАТИ» о своём отце — писателе, солдате, патриоте.

Корр. Насколько я понимаю, вы второй ребёнок у Роберта Штильмарка...

А. Штильмарк. Третий. Старшими были брат Феликс и сестра Елена. Они, к сожалению, уже умерли.

С женой и маленьким Александром Робертовичем

Корр. Когда вы родились, ваш отец был уже немолодым человеком...

А. Штильмарк. Да. Это было в ссылке под Красноярском, село Маклаково Енисейского района. Нынче село Маклаково называется город Лесосибирск. В 52-м году туда приехала моя мать. Она училась в аспирантуре, и была в тех краях в фольклорной экспедиции. И познакомилась там со ссыльным. И за связь со ссыльным её из аспирантуры выгнали. До 56-го года мы жили там, потом я очень сильно заболел, у меня был лямблиоз, очень тяжкая болезнь. И меня срочно повезли в Москву лечиться на завод «Акрихин». Уехали без всякого разрешения, ещё никакой реабилитации не было, и они очень здорово рисковали, но иначе я бы просто умер. Но в Москве

с Божией помощью всё это дело как-то постепенно разрешилось. Мы жили у старшего брата Феликса, который работал биологом, в маленькой подвальной комнатушке на Фурманом переулке. Заглядывала туда милиция насчёт отца, но как-то с Божьей помощью всё обошлось.

Потом вышла знаменитая книжка «Наследник из Калькутты», отец получил небольшой гонорар, и мы купили полдомика в Купавне, такую развалюшку.

Формально я рождён в Сибири, а так и по матери и по отцу мои предки жили в Москве очень давно. Особенно по материнской линии, вообще лет 400.

Корр. Когда ваши родители встретились в Сибири, чем в ссылке занимался ваш отец?

А. Штильмарк. Он занимался строительством. Инженерными работами. Чисто практической деятельностью.

Корр. Если я не ошибаюсь, то образование у него было филологическое.

А. Штильмарк. Да, образование у него было филологическое, но в лагере... Ведь его в лагере вообще должны были убить. Ну, во-первых, скажу, что интеллигенты, даже если они не белоручки, не выживали на общих работах. И, несмотря на то, что отец прошёл войну, почти всю блокаду Ленинграда, и никогда белоручкой он не был, на общих работах он вряд ли выжил бы. Вообще мало кто выживал, но больше выживали мужики, работяги, у которых крестьянское прошлое. А люди интеллигентского образа жизни, дворянские дочки-сыночки, они практически никогда не выживали на общих работах [4, 46].

Отец и на общих работах был какое-то время, но потом стал нормировщиком. Это была колоссальная по важности должность. Она была важной и для начальства, чтобы давать «туфту», это лагерное

слово, понятно, что обозначает. Начальству было важно, чтобы приписки были на чём-то основаны. Если просто написать 128% плана, это не пройдёт, проверят, и всё вскроется. Должна быть хоть какая-то техническая документация под эти 128%, тогда всем премия, тогда всем хорошо. И особенно это было хорошо зэкам, от этих приписок зависела их жизнь. Причём надо было умудриться включить и «блатных», которые не работали вообще, и поставить им тоже по 128, или по 110 потому, что план должен был быть выполнен, или перевыполнен. Иначе пайки были очень низкими. И вот отец это умудрялся делать. Я сначала поражался, как это вообще можно делать. Я спрашивал у отца, как можно получить 128% плана, если выполнено только 92? Ну, говорит, это совсем просто. Вот когда выполнено на 2%, тогда сделать 128% трудно, а когда на 90%

С семьей

выполнено, тут вообще проблем никаких нет, даже когда на 37 выполнено, и то что-то уже можно сделать. Ну, допустим, вот копают грунт люди столько-то кубометров, он записывает, конечно, больше «кубов», поди, там потом разбери. Глубину можно указать большую, скальный грунт записать, когда на самом деле грунт был лёгкий. Соответственно, там уже другие нормы и т. д. Понятно, что начальство знало, что это халтура, зэки уж тем более знали, что это халтура, тем более видели, что «паханы» не работают, а норма у них всегда была как следует. А иначе сделать было невозможно. Если «пахану» поставишь ноль, то тебя на следующий день убьют, даже в этот же день убьют, скорее всего. И вот отец умудрялся всё это делать.

А ещё он был очень хорошим рассказчиком. И вот он по вечерам «толкал романа». Рассказывал всякие романтические истории в стиле «Наследника из Калькутты». На самом деле заключённые, особенно уголовники, очень сентиментальны, они могут заплакать от того, что ребёнок убежал на полчаса от мамы, а потом спокойно кого-то прирезать.

То есть отец был уважаемым человеком. Поэтому его не убили, хотя должны были убить по приказу его, так называемого соавтора Василевского, который ему заказал книжку «Наследник из Калькутты». Он был из бандитских «авторитетов». Он сказал отцу: ты напиши, но у меня к тебе есть несколько условий. Первое условие, что в авторах будет моя фамилия стоять, второе, чтоб там был обязательно лев, потом чтоб это было не в России и не ближе 19-го века, чтоб подальше, чтоб цензура не придралась. И должны были в романе воровать ребёнка. Это самое для уголовников такое душещипательное. Пиши, значит, я Сталину пошлю, Сталин меня отпустит за это. Такая у него была идея, у этого Василевского [4, 47].

Отец, естественно, все эти условия выполнил, если вы помните «Наследника из Калькутты», там

Роберт Штильмарк и его жена
Маргарита Дмитриевна Савёлова

и лев промелькнул, и ребёнка, естественно, воровали у Джакомо Грели, Бернардито похитил ребёнка. Эти условия были выполнены. И Василевский решил отца убить как свидетеля. Мало ли что потом, вот у меня «роман», вот он я, вот написано «Василевский», всё в порядке. И собрал он воровской сход, но вот эти бандюги решили отца не убивать, хотя Василевский уже дал деньги убийце, и по всем воровским законам отца должны были убить. И было там что-то совершенно немыслимое на этой сходке. Было решено: деньги Василевскому не отдавать, а батю-романиста не убивать. Вот так.

Решили, что пусть он пишет, культуру делает, мы будем её «хавать», и всё будет хорошо. Вот так отец остался жив. Потом Василевскому сказали: ты что, дурак, делаешь? Тебя же вызовут, а ты же ни по-русски, никак, видно же, что ты дурак! Хотя он дураком-то не был, но был абсолютно безграмотен. Он как раз был неглупый, этот бандит. Потому что он такие аферы проделывал потом, что можно сказать,

он современный был человек, что демократическая Россия потеряла в его лице уникального кадра!

Вот таким образом в первых двух изданиях стояло две фамилии — Штильмарк, Василевский. А потом уже третье «Детгиз» издал только со Штильмарком. Издательство, не отец, само подало на Василевского в суд. И суд решил, что автор — только Штильмарк, но гонорар пополам, потому что Василевский создавал условия для написания. Логично. Потому что действительно условия создал. Так бы отец пилил деревья, а так Василевский поселил отца на второй этаж бани, там была коптилка, еду ему приносили какую-то скромненькую, можно сказать, по «зэковским» понятиям условия были потрясающие. Роман был написан, смешно сказать, за год.

Корр. Если я не ошибаюсь, ваш отец отсидел все 10 лет от звонка до звонка.

А. Штильмарк. Он в 44-м году сел в тюрьму, а вышел в конце 53-го года. А потом — ссылка. В Сибири шло большое строительство, а отец был хорошим геодезистом.

Корр. А чем Роберт Штильмарк занимался после возвращения в Москву?

А. Штильмарк. После выхода «Наследника из Калькутты» отец занимался только писательской деятельностью. В 64-м году его приняли в Союз писателей.

Корр. Какие еще книги вашего отца вы бы отметили?

А. Штильмарк. «Образы России». Это первая книга о памятниках России, о Золотом кольце, первая книга, до этого ничего не было. Это было жуткое время, это были самые дикие хрущёвские гонения на русскую культуру. Поэтому пришлось, естественно, добавить всю эту ахинею про великого сына великого народа, то есть, про Ленина. Но самое главное, что в этой книге было написано про храмы.

Это всё прошло. Кому было надо, тот всё прекрасно понял. Это было руководство для экскурсоводов, тема храмового зодчества была поднята впервые. Отец закончил «Образы России» в 64-м году. И в 66-м эта книга вышла [4, 48].

Потом была «Повесть о страннике российском». Это был такой горе-купец Барабанщиков, он попал за границу, очень тяжко путешествовал. Книга не менее интересна, чем «Наследник из Калькутты», она меньше по объёму, и основана на реальных фактах.

Потом отец писал про Островского, драматурга. Но главная его книга, это — «Горсть света». Было много чего другого, много было очерков, много было переводов, фантастику отец переводил, такую умную фантастику. С лекциями ездил много. Его очень любили приглашать через бюро пропаганды Союза писателей на заводы, в институты.

А самая его главная книга, это — «Горсть света». Это история страны в истории его самого. История семьи и параллельно история страны. Он её не закончил и он её не редактировал. И, хотя она вышла, над ней ещё нужно поработать. Но я не единственный наследник. Люди совершенно фанатично относятся к каждому папиному слову как к Евангелию, считают греховным каждое изменение запятой. Но это абсурд. Отец-то, главное, со мной бы согласился, я это знаю.

Книга очень интересна, особенно её первая часть, она отредактирована лучше. Во второй он спешил, он не успевал, не успевал. Первая книга — это классика русской литературы. Это любой скажет, что берёшь и читаешь русскую классическую литературу. Интересно и блестяще написано. А потом, как говорится, галопом помчался, не успел.

Корр. К началу войны вашему отцу 32 года...

А. Штильмарк. Да, он 1909-го года рождения. В 41-м он сразу же попадает под Москву в действую-

щую армию лейтенантом. Он не участвовал в боях под Москвой, его часть стояла под Москвой в резерве, потом её перебросили под Ленинград. Это знаменитая Гатчинская дивизия. Там он увидел, что такое война, тогда у него начало очень сильно меняться мировоззрение. В «Горсти света» отец описывает свои впечатления от боя, в котором погибло много солдат как с нашей, так и с немецкой стороны. И, видя множество трупов с арийскими лицами, он написал, что видит, что два великих народа столкнули умышленно, и пройдёт ещё какое-то время, и Европа начнёт заполняться африканцами, азиатами, и кем попало.

Итак, отец попадает на Ленинградский фронт, было у него две контузии, одна лёгкая, другая тяжёлая, после чего его отправили в тыл по Дороге Жизни. Было три ранения, одно серьёзное. Я помню, как уже при мне, при моей жизни, осколки у него выходили, их в своё время не смогли вырезать. В районе виска у него осколок был. В больших сражениях, вроде Курской битвы, отец не участвовал, но в локальных боях воевал. Описывать ему это было очень тяжело. И как самый ужасный случай, он рассказывал о том, как ему пришлось убить своего. На трамвае с прицепом отец вёз продовольствие, вёз в часть муку. Его сопровождал солдат, оба были, конечно, вооружены. И на повороте прыгнул к ним мужик, схватил мешок муки, отец в воздух выстрелил, а тот спрыгнул, побежал с мукой. Отец его убил. Это, как рассказывал отец, был самый ужасный случай. Но был жесточайший приказ, иначе тогда действовать было нельзя. Сразу на поражение стреляли в таких случаях, а отец ещё вверх стрелял. А тот всё равно… Видно, уже настолько оголодали.

Интересный случай был с отцом при отступлении Гатчинской дивизии. Дивизия отступала на несколько десятков километров ближе к Ленинграду. Дело было летом, не помню, какой год. Что я был,

Роберт Штильмарк с сыновьями Александром (старший) и Дмитрием (младший)

мальчишкой, я не интересовался ни годом, ни номером дивизии, мне было интересно, что с отцом было, как это всё происходило. Случай был такой. Отца заместитель командира дивизии послал умирать. Бери, говорит, свой взвод, (отец командовал взводом разведки), и задержи немца хоть на полчаса. Была у них сорокапятка, были мины противотанковые и автоматы. И всё. То есть их послали умереть. Отец быстренько вышел к реке, через реку в этом месте был мост. Постарались заминировать мост, но это сделать было очень трудно, мост был бетонный, они пытались что-то выдолбить, но времени не было, немецкие войска подходили. И они сделали хитро. Поддолбили так, чтобы казалось, что мост заминирован, а заминировали все берега вокруг этого моста. Ну и с автоматами залегли. Отец с замом побежали через мост смотреть, и увидели, что два немецких танка-разведчика уже идут. Проехали мимо, отец с замом спрятались, в крапиве сидели, пожгло их невыносимо, но попробуй, высунься! Отец видел, как

немец вышел перед мостом, крикнул второму «минирт!», они развернулись и уехали. Наши вышли, жутко красные, все в крапиве, перебежали на свой берег. И вскоре поехали немцы, объезжая мост, и два или три танка взорвалось. У них всё это дело остановилось, дальше никто не пошёл. И задержал их отец в итоге часов на пять, на шесть. Командир дивизии получил орден, а отцу ничего не дали.

Потом уже ему дали орден Красной Звезды. Во время ареста орден отняли, и потом, уже при мне, здесь, в военкомате вернули. Медалей у него было много. А потом его ранили в бою, контузило его сильно. Говорить он долгое время не мог, даже рот не мог открывать, его кормили через трубочку.

После ранения он был отправлен в тыл, преподавал в военном училище топографию, потом на курсах «Выстрел» преподавал, потом его взяли в Генеральный штаб на какую-то должность. Вот тут-то Берия его и «схавал».

Корр. За что?

А. Штильмарк. Ну, тогда никто таких наивных вопросов не задавал. За то, что должность в Генеральном штабе была нужна Берии, он кого-то своего туда метил. Отца посадили по личному его приказу. Должны были дать лет 5 или 8, но он там ещё себе наговорил, в итоге 10 лет ему дали. Классический срок — 10 лет. Тогда уже давали, как правило, 10 и 25, а отцу должны были дать немного по тем временам.

Корр. Штильмарки, когда появились в России?

А. Штильмарк. В 17-м веке. Одна ветвь Штильмарков приехала из Швеции в Германию, а другая в Россию. И потом, что интересно, русские Штильмарки с немецкими нашлись. То есть со времён Алексея Михайловича Штильмарки служили России верой и правдой, и русскому царю и русскому народу,

насколько могли. Это было обедневшее служилое дворянство. Род древний, отец нашёл какое-то родство с королём Улафом IV. Недаром в «Наследнике из Калькутты» где-то на втором плане промелькнул корабль «Улаф IV».

Дед мой был капитаном царской армии, и этого его капитанства в материальном плане хватало, чтоб снимать вполне приличный особняк с прислугой. Отец мне говорил: фамилию не меняй. Пусть другие меняют, а мы и так русские [4, 49].

Создание романа «Наследник из Калькутты»

«По семейным преданиям, род Штильмарка берет своё начало в Скандинавии чуть ли не от шведских королей. По крайней мере, 10 поколений предков выросли в России. Отец родился в Москве, его юность пришлась на трудные молодые годы Советского государства, он рано начал трудиться, проявляя с детства немалые способности — легко писал стихи, рисовал, играл на рояле, отличался неуёмной выдумкой и фантазией» — вспоминает его сын Феликс Штильмарк. Окончив высший литературно-художественный институт им. В.Я. Брюсова, Р. А. Штильмарк подготовил к изданию сборник своих стихов.

С первых дней Великой Отечественной войны вступил в ряды Действующей армии, воевал под осаждённым Ленинградом, был помощником командира разведроты, был награждён в боевом строю орденами Отечественной воины I степени и Красной Звезды, несколькими медалями.

За месяц до конца войны судьба его резко изменилась. Говорили, что указание на арест поступило непосредственно от Берии. Вместо суда — решение особого совещания, срок — десять лет, из которых

фактически он отбыл восемь и ещё три — поселения... Отец признал на допросах свою вину в том, что назвал какое-то из новых зданий Москвы «спичечным коробком», выражал недовольство сносом ряда старых строений (например, Сухаревой башни), в общем, получил статью, как говорят за «болтовню»... — из воспоминаний сына. В одном из лагерей Штильмарк встретился с Василевским Василием Павловичем, по заказу которого был создан роман «Наследник из Калькутты». Василевский был из числа всесильных заключённых (он оформлял наряды на работу, и от него зависели объёмы, нормы и т.п., что в условиях лагеря имело огромное значение).

В письме из Енисейска Роберт Александрович Штильмарк начинал свой «Роман о романе» с описания ликвидации весной 1950г. игарского театра, литературной частью которого он заведовал. Состав крепостного театра в Игарке был не мал, труппа в Игарке насчитывала 106 человек, из них четверо «первых», т. е. вольнонаёмных и 102 «вторых» (заключённых). Сюда входили актёры, оркестранты, балет, костюмерия, художники, рабочие сцены... Игарку, этот двадцатитысячный город, населяли большей частью люди ссыльные, вчерашние заключённые и их охранники, тоже обычно не безгрешные: ведь на работу в лагерях (на взгляд главного героя автобиографического романа «Горсть света»), за судьбой которого стоит судьба Р.А.Штильмарка, как правило, посылали лиц, списанных из армии за неблаговидные поступки, в чём-то проштрафившихся, а то и просто неспособных к несению службы армейской — по причине малограмотности, тупости, недисциплинированности. Их, стало быть, и посылали дисциплинировать лагерников, исправлять вчерашних военнопленных, любителей анекдотов, «социально чуждых», лодырей, бытовых нарушителей, вчерашних кулаков, вернувшихся русских эмигрантов, получивших приговоры за старые провинности, а то и ни в чем не виновных... Жили

в окрестностях Игарки и в самом городе также националы, репрессированные жители Прибалтики, Кавказа, Крыма, Украины [2, 2].

Нетрудно представить, как эти люди относились к театру заключенных.

Нетрудно представить людям несведущим, тем более не жившим в условиях того времени, что такой театр вообще смог существовать открыто, смог отпраздновать свое «пятилетие» (двое вольных получили заслуженных за спектакли, в коих участвовали наравне с заключенными). А что значил театр для самих заключенных — невозможно объяснить коротко! Они любили его самозабвенно и беззаветно! Хозяева и не представляли себе, что труд, вдохновение и божий талант, превосходили их физические силы. Здоровье никак не компенсировалось гулаговским пайком, а человеческое достоинство, особенно женское, унижалось на каждом шагу...

В театре, бывало, давали и по два спектакля в день: утром и вечером. Это требовало усиленных репетиций. Раньше других слабели артисты балета — сначала мужчины, потом женщины. Заболевших ставили на УДП (усиленное дополнительное питание, в переводе на реалистический язык — «умрешь днем позже»), но это было столь слабым подспорьем, что театр и зрители несли, поднимали ночью потерю за потерей. А чтобы актеры не забывались, их, точно так же как и «инженеров», частенько поднимали ночью по сигналу аврала на загрузку угля. Производилась она пудовыми лопатами с барж. После разгрузки требовалось еще и «очистить габариты», т.е. отбросить угольные холмы в сторону. В Игарке разнообразия ради поднимали театр и на разгрузку леса.

Бывали и срочные работы в лагере, когда, к примеру, после ночной пурги требовалось отвалить снежные горы от ограждения зоны. Расчистка этих снежных завалов требовала от артистов изрядного напряжения сил, хотя учитывалась по категории

самых легких работ. Когда публика, потрясенная красотой декораций к спектаклю «Раскинулось море широко», устроила ведущему художнику десятиминутную овацию, выкрикивая его имя, известное стране, а тупица из политотдела запрещал ему выйти и поклониться со сцены, чаша терпения этого мастера переполнилась, и он повесился в служебной уборной...

Вот пьесы, которые запомнились зрителям в постановке игарской труппы: «Голубая мазурка», «Цыганский барон», «Холопка», «Двенадцать месяцев», «Наталка-Полтавка», «Свадьба в Малиновке», сцены из «Лебединого озера», «Русалка», «На Сильве», доведенной до генеральной репетиции, политотдел добился закрытия театра! Примечательной была преамбула к этому постановлению, вынесенному комиссией: «Признать театр музкомедии ансамбля КВО лучшим музыкальным театром в Красноярском крае...». Постановление заканчивалось пунктом о немедленном закрытии театра, ввиду создания излишнего авторитета заключенным и т.д. Здание театра передавалось местному самодеятельному коллективу лесозавода. Артистов же разогнали в тайгу и тундру по колоннам, на общие подконвойные работы. Их, в сущности, ни в чем не обвиняли. Просто сочли недопустимым привлекать к ним внимание, симпатии и даже любовь игарских граждан... А неделей позже здание театра, внезапно охваченное огнем, начиная с чердака, сгорело дотла [2, 3].

Р.А. Штильмарк был отправлен на строительство железной дороги Игарка — Салехард. И вот мы поехали 7 мая 50г. дремучей тайгой, скорее таща на себе по двухметровому плотному снегу, пять штук тяжёлых ЗИСОв... Большинство моих коллег уже высажены на разных ближних «колышках», а мне и ещё троим ехать далеко до конца зимника. Вижу такое жильё: слегка отгороженный участок тайги, вахта: в пределах ограды — одна большая палатка, маленькое рубленое строение, уже подведенное

под крышу (строившаяся баня), уборная, навесик для котлов. За пределами ограды — несколько временных хибар, палаток, саней, загородок, печь для хлебопечения и сараюшка для инструментов. Встречал вновь прибывших какой-то майор очень обляпанного вида, ещё человек в кожанке с лейтенантскими погонами и некий плотный мужчина в авиашлеме и кожаной шубе, и лицом энергичным, важным и со стальным блеском в глазах. Я решил, что он здесь — высшее начальство, и майоришка был с ним почтителен. Оный мужчина, углядел мой «формулярчик».

За театральную должность зевлитчастью, оставил меня здесь. Хозяином здесь был он. Он решал, он миловал и казнил. Звали его Василии Павлович Василевский или просто дядя Вася. Слово этого дяди Васи было здесь первым и последним — окончательным. Он попросил меня написать роман, но с двумя условиями: пусть это будет не Россия и не ближе, чем двести лет назад. И чтобы интересно читать было, чтобы трогательно… Впоследствии выяснилось, что Василевскому кто-то объяснил, что будто Сталин читает только исторические романы. И был случай, когда за сочинение романа «скинули срок» одному автору… Василевский, человек дела, решил, что этим путём к свободе надо воспользоваться. Он искал и нашёл «романиста» — значит, будет книга с обозначением места «Ермаково» (рядом с Курейкой), которая пойдёт к Сталину и принесёт свободу. Дело за малым, чтобы книга была написана.

Штильмарк согласился, ещё больной поселился в бане, начал 17 мая. Придумал «концепцию», начал писать часов по 6 в день, потом по 12, потом доходил до 20. Из его воспоминания: «…Я вставал под утро, затоплял в своём «бунгало» железную печурку, бухал туда солярки, густо обувал ноги (пол всегда был мёрзлый), зажигал три лампы (одну со стеклом из литровой банки, одну без стекла и одну коптилку для прикуривания). Эти три светильника, я брал

лютки почтовой бумаги, и ... исчезали бревенчатые закопчённые стены хижины, они сменялись синими волнами океана, палубой брига «Орион», морскими сражениями, придворными балами и бизоньими охотами. И... всё это было странное, кошмарное время... сойти с ума было очень и очень просто...»

В этих исключительных обстоятельствах Роберт Александрович сумел в сравнительно короткий срок закрутить спираль сложнейшего сюжета, дав полную волю своей буйной фантазии и мастерству сочинителя. При этом надо было держать в уме без единого справочника тысячи имён, дат, исторических событий, географических названий. Роман уже в процессе создания нашёл благодарных слушателей ещё там, в колонии...

Конечно, условия для литературного труда были, мягко выражаясь, необычными. От солярной копоти Роберт Александрович чихал и отплевывался черными сгустками, питался, разумеется, впроголодь. Впоследствии, Василевский специально для Роберта Александровича создал должность пожарника на складе ГСМ. Саму ГСМ — вспоминал впоследствии Роберт Александрович — тоже создали специально для оправдания моей должности: поставили заборчик, в нем две бочки с соляркой и одну с автолом. Для их охраны построили избушку — ушло на нее 48 елок. Одно окно смотрело в тайгу, откуда иногда появлялись песцы, другое на охраняемые бочки. Раз в неделю приходил заправляться трактор. Писать можно было хоть круглые сутки. В романе много личного, хотя выражено это сугубо иносказательно. Роберт Александрович видел в себе человека, у которого отнято имя, ставшего жертвой произвола и насилия. За образом лихого авантюриста далеко ходить не приходилось, иезуитства, и лицемерия также хватало в жизни [2, 4].

Извечные мотивы борьбы добра и зла, благородства и подлости, верной любви и гнусной измены — все это нашло отражение на тех страницах почтовой

бумаги неведомыми путями, попавшими в таежное бунгало. Разумеется, все это было высосано из пальца, ведь у меня не было ничего. Эта работа кормила и спасала пятерых, ибо ей сочувствовало кое-какое начальство..., извлекавшее удовольствие из моего бесконтрольного сочинительства. В конечном итоге 15 июля 1951 г. т.е. через год и два месяца, трехтомный роман был готов и получил название «Наследник из Калькутты». Я хохотал до слез над этим титулом, но когда рукопись, идеально переписанная, была переплетена в три шелковых переплета, снабжена самодельной картой, виньетками, схемой морского боя, большими заставочными буквами и хорошо вычерченными титульными листами, все это приобрело довольно импозантный вид... Василий Павлович получил от своих приятелей совет — не выступать в качестве единоличного автора («не сумеешь ты, друг, отстоять свое авторство», — сказали ему консультанты). И вот на обложке «Наследника» Василий Павлович внес мою фамилию чернилами снизу, от туши начертанной фамилии Василевского. Я сперва ахнул и ужаснулся, а потом, когда книжка даже понравилась всему руководству строительства (503 стройки), я махнул рукой», — из его письма сыну.

Роберт Александрович освободился из заключения весной 1953 г. в Красноярске и получил направление в Енисейск. Там он довольно долго искал работу, наконец, познакомился с преподавателем Енисейского педагогического института Маргаритой Дмитриевной Савёловой (Маритой). Маргарита Дмитриевна должна была выбирать между преподавательской деятельностью и ссыльным. Выбор сделан! Решили уехать в Маклаково.

«Маклаково — место унылое и безрадостное». «... Имеется здесь строительное управление, занятое постройкой промышленных сооружений, и в одном из прорабских участков я устроился нормировщиком». 45дней прожили у знакомого товарища

по недавним злоключениям, а потом добился, чтобы в одном из недостроенных 4-х квартирных щитовых домиках сложили печь и заделали главные прорехи. И в октябре мы жили уже в своей двухкомнатной квартире, общей пл.21 кв.м. с плитой, чуланом и даже дырой в полу для будущего погреба. Мебели не было, но был сооружен досчатый стол. Сначала спали на полу, но вскоре соорудили топчан. Для дочери Ленки сделали мебель — кроватку, столик, стульчик. На взрослых была одна табуретка, 1 скамейка. Освещение — свечи, ибо ламп в продаже нет, о керосине слыхом не слыхали» — из воспоминаний Роберта Александровича. В Маклаково переехали 2 октября [2, 5].

25.10.53г. Штильмарк пишет своему сыну Феликсу: У нас уже есть два топчана, один стол на козлах и табуретках, кроме того мебель для дочери, бочка для воды и две полки... Затем о книге: Вот тебе благородная задача: найти рукопись и забрать. На сие посылается тебе доверенность и копия всех документов, какие только Василевский вел в ходе переписки. Что же представляют собой искомые тома? Первые три тома — это сам роман (сведения о количестве страниц имеются — как видишь, я за 14 месяцев потрудился этак на страниц 2700, названия этих томов таковы: общее «Наследник из Калькутты» (фильм без экрана), 1 том — «В добром, старом Бультоне», 2 том — «Братство капитана Бернардио», 3 том — «Солнечный остров» (уверяю тебя, что твои хлопоты будут вознаграждены чтением безумно интересной авантюрной эпопеи, но берегись этих трех томов во время срочной работы или, боже упаси, экзаменов). К этим трем томам приложен еще один том «географической схемы». И наконец, в 5 переплете было нанесено мною от лица Василия Павловича и моего, письмо к Сталину с ходатайством дать нам возможность написать книгу «Магистраль» о советском севере и за это все — освободить. Василий Павлович пишет, что впоследствии письмо было направ-

лено Ворошилову... Найди концы, добейся выдачи тебе этих материалов и оправь их мне. Ты пойми, что это за героические тома! Ты пойми, что они родились в глухой тайге, за двойной проволокой, при полном отсутствии материалов. Там есть кое-какие графические украшения. Так вот акварель была доставлена нам за 120км пешком. Кисть изготовлена из хвоста убитой белки, тушь изготовлена из угля по секрету самого миниатюриста. На переплет пошел шелк лучшей рубашки, изо всех, но самих на колонне. Папки для переплета — нахально вырезаны в спецотделе. Писатели, переписывали, обрезали, переплетали, украшали руки, руки, руки... Конечно, Василевский В.П., при всей его литературной несостоятельности, придумавший весь этот модус создания такого рода книги, справедливо должен считаться творцом ее, хотя ни одного словечка, ни единой мысли не вложил он в это предприятие, но «сотворил» его как организатор и инициатор...

...Ценность этого сочинения, несмотря на всю явную наивность этого литературного труда, несоизмерима с его литературными достоинствами, т.е. ценность выше, чем указанные достоинства, ибо это — своеобразный музейный памятник интереснейшего периода, интереснейших, условий в интереснейшую эпоху» — из письма Роберта Александровича Штильмарк своему сыну.

А вот как он описывает село Маклаково 23.XI.53 г. «... если издали км за 100 посмотреть на Маклаково, то днем увидишь черную трубу, длинные корпуса, горы бревен, четыре столба пара и дыма и нечто неопределенно нагроможденное: жилой поселок. А ночью электрическое зарево значительно более эффективное, чем енисейское. Поселок растет еженедельно на 1-2, а то и 3-4 дома, стандартных, щитовых, частных, казенных и т.д. В ноябре только сдали 32 новых дома. А, напротив, на том берегу, нехоженая тайга. Здесь есть магазины, вероятно штук 8-9, столько же ларьков, ресторан, столовая,

порядочный клуб, где картины идут первым экраном по краю, одновременно с Красноярском. Пристань точно такая, как в Енисейске есть лесопильный завод, строительное управление. Будет строиться с полдюжины на лесоперерабатывающих, гидролизных, фанерных и пр. предприятий, вероятно, весь берег от нас до Енисейска превратится в большой завод. Неподалеку будет строиться енисейская гидростанция. Рано или поздно пройдет железная дорога, а наша шоссейная спешно усовершенствуется. В районе удивительная охота, рыболовство и т.д.» [2, 6].

Маргарита Дмитриевна Савёлова. Родственники в Москве. Прибыла в Енисейск в 1950 г. По разнарядке Министерства народного образования читать языковедческие дисциплины в Енисейском Учительском Институте, что и делала до встречи с Робертом Александровичем. Отец ее — выдающийся историк, погиб в 1937 г. Первый ее муж, дирижер военного оркестра, умер, пока Елена еще не родилась. Сразу после студенчества и аспирантуры Маргариту Дмитриевну послали в Енисейск, но работа в институте не дала ей удовлетворения. Она от души возненавидела и язык, и литературу и методику — слишком убого, казенно, бездарно и «шорко» все это преподносилось. А студенты ее любили. Кроме того она читала много лекций в городе, в Доме культуры и т.д. Ее охотно слушали енисейцы («публика вроде меня — сугубо требовательная» из письма)... Все «предельно просто». Марите объявили, что ей предоставляется выбор между ее поприщем и избранником. Она без колебаний выбрала второе (В Енисейске Роберт Александрович Штильмарк жил по улице Персона 85).

Штильмарк продолжает описывать здешние места в письмах своему сыну Феликсу после села Каргино, где много экспедиций имеют свою базу, следует Усть-Тунгуска... высоченная Бурмакина гора, съезжая с которой иные шоферы крестятся

(ох, и далась мне летом нивелировка этой горы) и Маклаково. От Абалаково до Маклаково км 23 и, по-моему, немного в Сибири таких мест. Дорога идет берегом, над обрывом, между аллеей вековых сосен. Все это скоро пройдет прахом, притом безо всякой нужды, просто по бескультурью в строительстве и по отсутствию любви. За Маклаково еще 40 км. очень красивой дороги — Енисейск на 347км... Лицо города создают 2 уцелевшие белые церкви и десятка два старых, красивых, каменных домов. Все остальное — деревянная куча, абсолютно неинтересная, в возрасте менее 40 лет и, убогая в возрасте 10 лет, любопытная в возрасте 60-70 лет. Была еще довольно стройная кирпичная мечеть, малоинтересная по архитектуре. Её снесли весной 1953г.

«Теперь сядем в Енисейске, недалеко от базарной площади (и напротив бывшего Маритиного дома) в автобус и за 16 целковых совершим 40км поездку в Маклаково. Даже из-под снега торчат пикеты, колышки, вешки, намеченные моим почерком — все это остатки моей летней работы... Наш дом построили на сваях, над ямой. Раньше здесь был карьер для добычи глины, довольно глубокий... В 30 шагах от крыльца проходит шоссе. Наше крыльцо обращено к Красноярску, т.е. на юг, окна смотрят на запад (дверь на юго-восток) — воспоминания Роберта Александровича в письме сыну Феликсу.

О «наследнике» он пишет: «...труд тебе посвященный! Ведь я всё время надеялся, что наступит день, когда я буду читать тебе эти смешные главы, с ужасами, издевательством над «здравым смыслом», с любовями, смертями, местами, с аббатами и индейцами, виконтами и пиратами, героями и злодеями, чудными красавицами и бешеными бизонами» [2, 7].

I.12.53 г. в письме Б. сообщает о том, что специальным указанием МВД от 17.12.53 г. он освобождён от спецпереселения, т.к. длительная проверка подтвердила, что он действительно русский и значится

таковым по всем прежним документам. Освобождён с 10.12.53 г. Р.К. вручили пятигодичный паспорт с обычными ограничениями, при этом было выписано направление для следования в гор. «Москва, Московскую область» в соответствии с изъявленным желанием. Но Роберт Александрович решает остаться пока в Маклаково. «Мы решили, наберём денег, приедем рожать в Москву, а если не наберём, то приедем позднее», — из письма. Штильмарки ждали ребёнка».

Феликс Робертович, проживающий в Москве, принимается за «Наследника». Инициатива привлечь его к поискам принадлежала Василевскому, который после освобождения по амнистии, продолжал интересоваться судьбой романа, сданного им в политотдел 503 стройки.

Отрывок из письма Роберта Александровича: «Мой совет, поручите, Роберт Александрович, вашему сыну с целью защиты наших интересов получить право и побывать на приёме в президиуме у К.Е. Ворошилова, обсказать ему всю подробность той трудности, которая была испытана нами, с просьбой отозвать, наш труд по литературному назначению… «Феликсу Робертовичу пришлось идти по всем известным тогда приемным. Пришлось обращаться в КВО (культурно-воспитательный отдел Гулага). В конечном итоге, эти поиски привели в большее здание на Садовом кольце, где вежливые люди в военной форме по доверенности Василевского и отца выдали Феликсу Робертовичу все три искомых заветные тома в синих переплётах с приложением более крупной по формату географической карты с чертежами морских сражений. Листая предисловие, товарищ майор прочитал вслух строки посвящения вождю всех времен и народов («книга создавалась там, где силы тьмы пытались погасить солнце разума планеты..») и заметил, что в свете недавно опубликованной в «Правде» статьи о роли личности в истории, эту часть придётся, вероятно, переделать… В заключе-

нии он посоветовал отнестись к рукописи бережно и передал привет авторам.

Эти синие тома были сшиты из множества общих тетрадей, тщательно исписанных одним и тем же каллиграфическим почерком. На форзаце был, написанный карандашом портрет того самого волевого человека «со стальным блеском в глазах» — Василия Павловича Василевского. Под его крупно написанной тушью фамилией снизу чернилами было приписано — Р.А. Штильмарк.

Прочитав «Наследника», Феликс Робертович показал роман своему давнему покровителю, доценту МГУ Александру Николаевичу Дружинину. Выслушав всю историю, он позвонил Ивану Антоновичу Ефремову, с которым был хорошо знаком по научной работе. Не без радости вручив Ефремову первый том, Феликс спросил, когда приносить следующие. «Как, это не всё? — ужаснулся Иван Антонович, — ну, позвоните в … конце месяца. «Но не прошло и недели, как позвонил Дружинин и сообщил, что Феликса Робертовича разыскивает Ефремов, требуя продолжение. Ефремов И.А. был первым рецензентом «Наследника», он же предложил его Детгизу. И когда летом 1955г. справедливость восторжествовала, реабилитированный, восстановленный во всех правах и званиях, Роберт Александрович приехал в Москву, перепечатанная рукопись его романа лежала на редакторском столе. Благожелательные рецензии были получены также от писателя В. Д. Иванова и критика В.С. Фраермана [2, 8].

Работа над рукописью продолжалась в новых условиях. «Я засел за книгу и опять работаю по 16 часов», — писал Роберт Александрович в Маклаково, где ещё оставалась его семья. Но вопрос об издании решался трудно. Одни были «за», другие — «против». Предлагали договор на любую другую книгу. Люди менялись, которые брались за это дело, проводились совещания, на которых голоса делились

в отношении пять «за», один «против», но этот голос принадлежал ответственному лицу. Например, зам. зав. руководителя издательства, некая В.А. Морозова говорила так: «Книга талантливая, яркая, интересная и литературно мастерски сделана, и этим она ... вредна, ибо не ведёт нашу литературу вперёд, а отбрасывает её назад, в прошлое. «Вечером 4 января 1956 г. приехал Валентин Дмитриевич Иванов (известный своими романами «Русь изначальная», «Русь великая») и привёз радостную весть: редакционное совещание Детгиза постановило заключить договор на издание «Наследника» в объёме 40 листов.

Пришлось выкинуть почти половину иллюстрации. Итак, «Наследник из Калькутты» вышел в свет в 1958 г. почти без купюр и сокращении, хотя Роберт Александрович считал, что роман сыроват, и с ним надо работать.

Приключения удивительной книги на этом не кончились, ибо на сцене вновь возник В.П.Василевский с прежним «стальным блеском в глазах», но уже с оттенком алчности. Роберт Александрович неоднократно говорил, что Василевский не раз оговаривал свою полную незаинтересованность в авторском гонораре. Впрочем, когда книга сочинялась, об этом думали меньше всего. Теперь же ситуация изменилась. Фамилия Василевского фигурировала на обложке книги, и это давало «соавтору» определённые права. Василевский дождался, пока теленок выкормится и теперь решил, что пора резать: требует 50% гонорара... Конечно, занятно, что роман о романе продолжается... «Резонно задать вопрос: стоило ли Роберту Александровичу, оставлять Василевского как соавтора? Разумеется, фактически он им не был, однако Роберт Александрович принял во внимание всю необычность возникновения рукописи, он хотел, таким образом, все-таки отблагодарить Василевского за создание возможностей творчества. Кроме того, как писал Роберт Александрович позднее, он не хотел

осложнять судьбу романа раскрытием подлинного лица своего мнимого соавтора. Ведь его фамилия стояла на титульном листе первоначальной рукописи. Роберт Александрович испытывал в то время большие трудности с жильём и на основную часть гонорара купил домик в Подмосковье. Претензии Василевского грозили ему большими житейскими проблемами, поэтому осенью 1958г. Детгиз обратился в суд, который 9 февраля 1959г. рассмотрел это необычное дело.

К тому времени выявились обстоятельства, доказывающие, что Василевский после окончания работы отца над созданием «Наследника» намечал избавиться от подлинного автора. Суд состоялся и был, по словам Роберта Александровича «потрясающим». Василевский доказывал своё право тем, что спас жизнь подлинному автору, избавив его от тяжелой физической работы в «дальних краях», и Роберт Александрович это не отрицал. Было заключено соглашение, по которому Василевский получил денежную сумму, но от претензии на соавторство отказывался. Все последующие издания согласно решению суда должны были выходить под фамилией единственного автора — Р. А. Штильмарк. Правда, в Иркутске как-то стремительно и неожиданно вышло переиздание детгизовской книги под двумя фамилиями. Тогда же зашел разговор о переиздании большим тиражом книги в Алма-Ате, Роберт Александрович переделал для него предисловие и сделал небольшое изменение в тексте. Тогда-то и появились слова о «напористом бухгалтере» В.П.Василевском, «заболевшим этой книгой» на далекой северной стройке. На этом издании (1959г.) указывалась одна фамилия. Больше «Наследник из Калькутты» в нашей стране не издавался ни разу, хотя за рубежом был опубликован неоднократно (4 раза в Болгарии, 2 в Польше, а также в Чехословакии и Китае). В 1989г. книга была издана Красноярским книжным издательством, тиражом 100 000 экземпляров [2, 10].

Роберт Александрович уже не сворачивал с писательской тропы, он стал профессионалом и в 1965г, был принят в члены Союза писателей СССР. Его новые книги — «Повесть о страннике Российском» (1962 г.), «Обзоры России» (1967г.), «Пассажир последнего рейса» (1974 г.), «Звонкий колокол России» (1976г.) и «ЗА Москвой — рекой» (1983г) благожелательно были встречены читателями, получили одобрение критики. Роберт Александрович постоянно и очень много ездил по стране, делал фотоиллюстрации для некоторых своих изданий, часто выступал перед читателями, ратовал за чистоту родного языка, за сохранение архитектурных и природных памятников — вообще в нем очень сильна была гражданственная жилка.

Много сил было отдано работе над автобиографическим романом «Горсть света», который охватывает период с 1914 по 1984 годы.

На рабочем столе Роберта Александровича после его скоропостижной кончины в сентябре 1985г. (разрыв аорты случился, когда он ехал на выступление в Переделкино) остался незавершённый роман «Драгоценный камень фероньеры», который Роберт Александрович, считал «русским вариантом» своей таёжной эпопеи.

В конце семидесятых годов группа друзей написала обращение в очень высокие инстанции о целесообразности переиздания «Наследника», но Детгиз и Госкомиздат ответили верительным отказом.

«Главным моим самым заветным желанием является — служить моим молодым товарищам по трудным новостройкам, быть им полезным и интересным, отвлекать их от «Козла» и бутылки, увлекать сюжетной остротою и идейной глубиной, романтикой образов, перекликающихся с самой жизнью», — так писал Роберт Александрович в своём, едва ли не единственном официальном обращении о переиздании «Наследника» [2, 11].

Переписка Р.А. Штильмарка в ссылке

3.11.1953 г.
Ф.Р. Штильмарку из Маклаково

Сейчас я, до некоторой степени, имею возможность написать тебе спокойно, без спешки, но эта возможность относительная, т.к. пишу в постели в довольно жалком состоянии: у меня теперь каждую зиму «выходит из строя» спина, раненная, точнее, сильно ушибленная при ранении в 41-м, подорванная в 43-м при переносе машины в НИИВТС и окончательно свихнутая на Красноярском причале в 1952 работал там на стройке речного причала, порой в ледяной воде — Ф.Ш. Выражается это заболевание в том, что при малейшем охлаждении + физическое усилие (например, простая колка дров) спина, в том самом месте, где она еще не успевает утратить своего названия, будто бы разваливается и перестает обеспечивать вертикальную позицию всему корпусу. Сгибаешься, ходишь «крюком», испытываешь нарастающую глухую боль, которую день-два переносишь на ногах, а затем сваливаешься и глотаешь всякие пирамидоны. Вот в такой жалкой позитуре я и пишу, На сей раз болезнь протекает быстрее, ибо Марита меня лечит всякими лекарствами и процедурами, какие придуманы для подобных случаев: я ухо неоднократно натру скипидарами, камфорными маслами, напоен алло- и гомеопатическими снадобьями, накормлен атофаном и пирамидоном, обвязан маритиным головным платочком, обложен грелкой и готов ещё принять 6 штук банок — таковые уже доставлены и ждут своей очереди... Конечно, «распускаться» мне нельзя, и злоупотреблять таким вниманием тоже нельзя, но эта нонешняя болезнь для меня вроде праздника, по сравнению с разными событиями за последние 8-10 лет... [13]

8.XI. Письмо оборвалось из-за банок. Потом стало темно, а на другой день я пополз на работу, и вот уже после праздников кое-как улучил минутку, чтобы кое-как закончить письмо... Выполни еще несколько важ¬ных для меня дел: 1) Надо добыть на польском языке сочинения Генриха Сенкевича (можно все, можно хоть любое) можно прислать его же и в русском переводе, желательно, в приличной обложке. Это окажет мне неоценимую услугу, ибо нужнейший мне человек, мой шеф, просил об этом.

2) Надо прислать счетную (логарифмическую) линейку, нормальную, не маленькую. Я гибну от цифири как в морской пучине. Бедную Мариту уморил той же цифирью, с утра до ночи. Она мне геройски помогает, но справляется с трудом...

3) Сунуть в бандероль или посылку какую-нибудь голубенькую или шелковую ленту на бант для Ленки. Здесь ничего этого нет.

4) Здесь невозможно достать перчатки. Если сможешь — пошли мне пару эдаких трикотажных, плотных. Я пока ношу Маритины, а она, бедненькая, ходит в моих рукавицах...[13]

25.01.1954 г.
из Маклаково Феликсу Робертовичу Штильмарку
в Москву.

... Из финансовых осложнении мы выбираемся с трудом, систематически сводя бюджет с дефицитом, покрываемом разного рода счастливыми случайностями: то Маритина тётка пришлет перевод (хоть и совестно принимать таковые от старухи 73-х лет, но за наше бытие маклаковское она уже дважды делала такие переводы), то просто пересидим на картохе, то подвернётся что-нибудь вовсе случайное, вроде выигрыша или отдачи чьего-либо старого долга. Дефицит в бюджете вызывается, помимо дороговизны и переплаты за необходимые продукты, постельным обзаведением,

пусть наискромнейшей, но всё же мебелью, покупками деталей туалета, вроде валенок, хозяйственными усовершенствованиями дома и двора, каковые строятся нами почти «ав оуо» («с начала» — Ф.Ш.).

Есть ещё одна статья расхода — пьянство с товарищами. Я думаю, ты сообразишь, что необходимость этой статьи — не меньшая, чем хлеб и чай (водка тогда, кажется, стоила порядка 20-22 р. пол-литра — Ф.Ш.). Пьём много, но это — общая черта во времяпрепровождении всех людей, живущих к северу от 60-й (впрочем, и к югу от неё — тоже!). Я сейчас не помню, на какой мы (вернее всего, что градуса на 2 южнее), но порядок здесь — вполне северный.

И есть у меня ещё одна крайне досадная статья дефицита. Очень она меня злит, но трудно мне от неё избавиться. Дело в том, что в нашем Управлении зарплата рабочим выплачивается, так сказать аппаратом прорабских «штабов». Я работаю в самом мощном прорабстве (деревянные конструкции), где сумма зарплаты в получку — порядка 60 тысяч. И вот эти 60 тыс. я, вроде эрзацкассира, 2 раза в месяц выдаю своим рабочим. Не могу понять, в чём дело, но еще, ни разу оное дело не обошлось без дефицита. Как зарплата — так приходится доплачивать из своих минимум по 20 рублей, досадно, а возможностей запутаться много, ибо надают кучу ведомостей с всякими удержаниями (за фатеры, за свет, за валенки и т.д.), притом, похабно оформляемые, а то и в виде разных птичек и галочек на полях грязнейшей ведомости, а за каждой галочкой — полторы сотни прячутся! Вот вчера опять на 25р... Просчитался, правда, глупо?...[13]

21.11.1953 г.
Ф.Р. Штильмарку из Маклаково

... Я работаю со скрипом, хуже, чем мог бы. Начальство замечательное, которое цацкается со мной до удивления. Прямое начальство делает до ½ моей

работы (ее до черта, от нее зависят реальные люди, чего я смерть не люблю). С 16 ноября и Марита пошла работать — у нас очень не хватает денег (я — 690, она — 360). Иногда мы вспоминаем ее столь недавние тысячи и констатируем, что без оных мы все-таки счастливее, чем при оных под вечным дамокловым мечом. Когда ты получишь письмо, будущему твоему брату (или сестре) пойдет 5-й «утробный» месяц, так что Марита тяжелеет. За неделю ее уже успели полюбить. Маме я напишу о ней отдельно. Фото пришлю. Она — Маргарита Дмитриевна Савелова. Предок — Андрей Савелли — с 12 века в России. Родственники — в Москве. Сами прибыли сюда три года назад по разнарядке Министерства Народного образования читать языковедческие дисциплины в Енисейском учительском институте, что и делала до соединения с твоим батьком...

Уже месяц живем, черт знает как, ибо перманентно ремонтируемся. Нам сейчас очень трудно. При нас клалась ночь, заделывалась крыша, обивалась дранка, «ляпалась» штукатурка. Сейчас сушим мокрую штукатурку собственными легкими. Только сегодня кончалась затирка. Еще через несколько дней будет 1-я побелка, потом — вторая. Вещей (мебель) — Ленкин столик, стулик и пара книжных полок. Сколотил я два топчана и один грубый стол. Света нет. Керосина тоже, лампы тоже, хлопочу, чтобы провели свет — через недели две обещают. За все, что мало-мальски вне очереди, надо много платить. Не хватает самого необходимого. Очень ворчит и постоянно впадает в отчаянье теща — старуха 63 года, Марита с ней воюет, требует терпения. День очень короткий все темное время сидим при огарках. Ленка, как бедная птичка, сидит в кроватке целый день, бабка боится ее выпускать без присмотра, а пока штукатурят — ее вывозить нельзя. У нас нет: валенок для Лены, теплого платка у Мариты, т.к. за 2 года она ничего не приобрела. Марита очень неумелая хозяйка...,

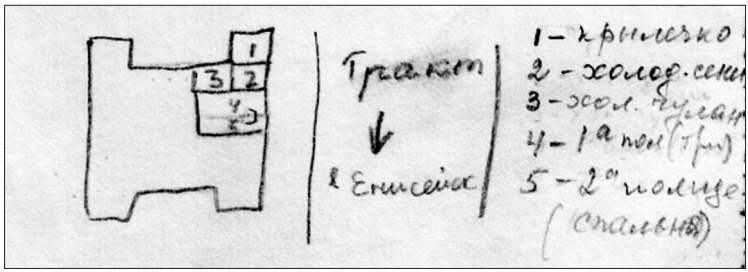
получала она 1,5тыс., жила на всем готовом и очень много отложенных денег тратила на меня (пальто, белье и т.д.). Отец ее, выдающийся историк, погиб в 37-м, наподобие моего. Первый Маритин муж, дирижер военного оркестра, умер, пока Ленка еще не родилась. Сразу после студенчества и аспирантуры Мариту послали в Енисейск, но работа в Интернате не дала ей удовлетворения. Она от души возненавидела и язык, и литературу, и методику — слишком убого, казенно, бездарно и «шорко» все это преподносилось. Чувство неудовлетворения своим поприщем не мог перебороть в ней даже я – она с наслаждением помогала мне с моей геодезией и с отвращением шла читать очередную лекцию. А студенты ее любили. Кроме того, она читала много лекций в городе, в Доме Культуры и т.д. и ее охотно слушали енисейцы (публика вроде меня — сугубо требовательная...) теперь все это кончилось. Марита встречает своих студенток, те кидаются к ней со всех ног и ахают...

В целом ее поступок вызвал массу разговоров и оценен как правильный и «героический». Мы получили много поздравлений, писем и хороших пожеланий. За Мариту была поднята уйма бокалов в совершенно чужих нам домах...[13]

25.10.1953 г.
Ф.Р. Штильмарку из Маклаково

Второго октября мы переехали в Маклаково. Третьего октября я устроился работать в строительно-монтажном управлении. Седьмого октября получил «фатеру», сиречь, коробку 2-х комнатной квартиры с печью: все остальное, включая уборную, отсутствует. Завтра начнем штукатуриться — это тяжкая штука. Живем так: в первой комнате (с печью) — моя теща, Татьяна Вениаминовна Савёлова, во второй комнате — Марита, Ленка и я. У нас еще

нет мебели, но я пишу все-таки из-под своей крыши. Марита веселая, но Ленка переболела корью и после кори очень страдает от каких-то кожных осложнений, вероятно ухудшенных из-за наших переездных мытарств. Нам очень многого не хватает... Хочешь, перечислю без всякого порядка первые попавшиеся нужды: глухой утюг (невозможно здесь найти), настольную электрическую лампочку (у нас когда-нибудь будет свет), хочется иметь настольную лампу, хоть самую скромную, но домашнюю и от тебя, шерстяной платок для Мариты, маленькие валенки для Ленки, ну и т.д. можно исписать так пять страниц и все такое, без чего, действительно, нельзя! Эх, если бы ты мог взглянуть на всех нас! Представь себе желтый, пахнущий сосной домик из 4-х квартир расположение его такое:

Площадь квартиры 22 м2, не считая сеней, чулана и крылечка, также погреба под домом, которого нет, но будет. У нас уже есть два топчана, один стол на козлах и табуретка. Кроме того есть Ленкин столик и стульчик, ее кроватка, бочка для воды и две полки. Завтра начнется штукатурение — это тяжкое испытание, ибо уже десять градусов мороза и снег. Потом затирка, проводка света, радио и нужно еще устроить сарай и уборную...

Далее — после утерянной страницы — о «Наследнике из Калькутты»

... на Восток, куда увез и наше детище. Тем, в результате переписки с ГУЛАГом, прокуратурой

и Союзом Современных писателей, В.П. Василевский получил указание передать книгу по адресу, т.е. первоначально Сталину (со ссылкой на то, что вещь писалась около Курейки), а затем — К.Е. Ворошилову (весь этот этап уже готовился без меня — я только сделал книгу и написал первоначальный текст письма Сталину, сперва от имени В.П., а затем, когда он убедился в полной невозможности выступить единственным автором, спросил меня поставить и моё имя на титуле, от имени обоих авторов (надеюсь, ты понимаешь, мог ли автор приложенных писем сочинить хоть одну грамотную литературную строчку). Итак, книга была послана в Москву, в ГУЛАГ и там — застряла [13].

12.10.1953 г.
Ф.Р. Штильмарку из Маклаково

...Расскажу, какие события развернулись за последние 10 дней. Последнее мое письмо к тебе было из енисейской Маритиной квартиры: все было уже снято с привычных мест, мы сидели на узлах и чемоданах в ожидании грузовика. На улице шел слякотный дождик, наше настроение было не очень радужное: неизвестность полная, погода плохая, дела неясные... В окне мне была видна заправочная — там я надеялся углядеть грузовик. Потом пришли бывшие коллеги Мариты — с озабоченными лицами и деланной веселостью. Я ушел за машиной, нашел шофера, подогнал грузовик к дому... Коллеги Мариты помогли нам погрузиться. Простились очень мило, обещали навещать нас, когда будет адрес. Жаль мне было Т.В. (тещу — Ф.Ш): плакала бедная старуха, расставаясь со всем привычным — домом, обеспеченной жизнью, почетом в городе. Марита, как всегда в трудную минуту — молодец-молодцом: спокойная, почти веселая, гордая и с высоко поднятой

головой. Когда уже все сидели в машине, нагруженной почти цыганским скарбом, мы с Маритой одни остались в пустых комнатах. Я держал ее руки, мы присели перед отъездом; очень ясно я понимал, какую ответственность принял на свои плечи. Ехали 40км почти благополучно, почти все время берегом Енисея, под дождиком; наша серая кощенка Мусика, взятая в корзине, по дороге вылезла откуда-то из-под вещей, и обалдело взирала на проносящийся лес. Еле-еле я водрузил ее под собственное пальто, приспособленное в качестве ветрозащитного устройства для Ленки.

Свалили мы наши пожитки перед домом моего знакомого и товарища по недавним злоключениям. Он только что более или менее «осел» в Маклаково с женой и дочерью лет 5. Оборудовали себе 2-х комнатную фатерку, в щитовом домике. Вот к ним и нагрянули вчетвером, да еще с кошкой. Люди очень добрые, терпеливые и чужое горе отлично понимают. Уступили они нам одну (большую) комнату и настаивали, чтобы мы так у них и жили, до полного устройства наших дел.

В результате всяческих хлопот и поисков я изыскал себе должность довольно серьезную по здешним масштабам (по коим докторская ученая степень отменно уживается с ассенизаторскими обязанностями, а доцентов — плотников наберешь дюжину), сулящую в перспективе 940р. (после испытательного срока в 790) но, к сожалению, не слишком увязанную с моим профилем...

Короче говоря, имеется здесь строительное управление, занятое постройкой промышленных сооружений, и в одном из прорабских участков я устроился нормировщиком. Устроился, т.е. принят, но т.к. понимаю в этом «яко монах в красе дочерей Евиных», то ...самочувствие мое неважное. Десять дней занижался всяческими делами, а завтра

предстоит сдать 76 нарядов, неся за них полную ответственность.

Как я это сделаю — один Бог знает, но чувство, точно такое же, какое у меня бывало в школе, когда знаешь, что завтра — письменная по алгебре и что никакими молитвами, но вымолить себе знания всего того, о чём ты, грешный, не имеешь даже приблизительного понятия, но что завтра будет предметом этой контрольной работы. Просидев на Лёниной (имя моего товарища, оказавшего приют) фатере суток пять, я добился, что в одном из недостроенных 4-х кварт, щитовых домиков сложили печь и заделали главные прорехи. Это со скрипом было сделано, и вот, II октября, в воскресенье вечеров, я сяду на Ленкином стульчике перед Ленкиным столиком (он как раз вровень с моими коленями) в своём собственном «дому», т.е. в квартире из 2-х комнаток, общей пл. 21 кв.м, с плитой, чуланом и даже дырой в полу для будущего погреба. Мебели у нас нет, но нынче уже соорудил досчатый стол. Спим пока все на полу, скоро будут топчаны. Одна Ленка имеет собственную мебель — кровать, столик и стулик. На нас же, 3-х взрослых имеется 1 табуретка и 1 скамейка. Понаделали всяких полок и понемногу устраиваемся. На беду заболела Ленка: бедный звереныш дышит жаром 40; оказалась корь, привезенная из Енисейска. Ребенок плачет, мать не спит целыми ночами. Я же так дико занят на работе, что систематически ухожу затемно и прихожу в темноте; нет времени для домашнего устройства. Фатера наша выходит окнами на шоссе. Она не штукатурена и не побелена, еще совсем «сырая», т.е. пахнет смолистым деревом. Остеклена ординарно, по-летнему. Пока на дворе тепло, в квартире 23, но когда снаружи 50, то... неизвестно, что получится в щитовом нетопленном домике!

Освещение пока — свечи, ибо ламп в продаже нет, о керосине здесь и в помине не слыхано, а коп-

тилки с соляркой еще не устроили. Думаем за свой счет провести электрический свет от ближайшей линии, но т.к. провода нигде здесь нет, то это обойдется очень дорого. Марита никакого служебного занятия себе пока не подыскала, но в связи с Ленкиной болезнью это было бы невозможно. И вообще, после всего перенесенного ей хорошо даже в этом неблагоустроенном, но все, же своем гнезде. И нам уже нет нужды прятаться и таиться — мы теперь вместе, самое тяжелое позади, есть кров над головой, есть добрая воля построить хорошую семью... Настроение у Мариты хорошее, только болезнь Ленки подтачивает силы обоих — ребенок очень мучается (и больше всего от кашля), мать вскакивает каждые десять минут, чувствует себя, поэтому тоже больной и разбитой, да и простудилась она во всех этих перипетиях.

Самое серьезное опасение — это шаткость служебной позиции. Насколько я был «на месте» в экспедиции/ работал геодезистом на строительстве шоссейной дороги Красноярск-Енисейск — Ф.Ш., / на «своем деле» (хоть и с плохой оплатой), настолько здешнее положение непривычное. Очень приятны сами обязанности, еще неприятнее чувство беспомощности перед стихией операций по 18-ти строительным специальностям, требующим моей авторитетной и, главное, обоснованной расценки. Вот такие дела. А еще через 6 месяцев предстоит великое событие — рождение нового человека, первого Штильмарка-сибиряка. Марита спокойно и радостно ждет это событие, я – в тревоге, волнении и, конечно, тоже в радости...[13]

23.11.1953 г.
Ф.Р. Штильмарку из Маклаково

...В последнем твоём письме ты помянул о полученных тобой сведениях насчет Маклаково. Сведения эти почерпнуты, очевидно, от старожилов

и очевидцев (их специальность ничего не помнить и ничего правильно не видеть). Правильно то, что в начале НЭПа англичане построили здесь концессионный лесопильный заводик. На оной кости и наросло прочее мясо. Сейчас это лишь маленький элемент весьма основательного предприятия. Лес, навезенным за навигацию на зимнюю переработку, громоздится на берегу в виде примерно отрогов Уральского хребта. Продукция запишет километры и выглядит привлекательно: я люблю чистые доски как чистую бумагу, как отливки чистого металла и т.д. Никакого судостроительного предприятия здесь отродясь не было: маленькая судоверфь есть в Енисейске и похожая — в Подтёсово. Это всё, правда, не очень далеко, Енисейск — в 40, Подтёсово, предельно, в 55 км. Что село было поганое-препоганое — сие весьма вероятно, судя по его остаткам. Эти остатки, причем перенесённые на другой участок, определяют местность и пейзаж примерно так же, как село Карачарово определяет пейзаж завода Нефтегаз. Симпатично ли сие или нет — это вопрос вкуса, но если издали, км за 10 поглядеть на Маклаково, то днем увидишь черные трубы, длинные корпуса, горы бревен, четыре столба пара и дыма и нечто неопределённо нагромождённое: жилок поселок. А ночью — электрическое зарево, значительно более эффектное, чем енисейское. Поселок растет еженедельно на 1-2, а то и 3-4 дома, стандартных, щитовых, частных, казенных и т.д. В ноябре только мы сдали 32 новых дома, А в селе-то было всего два десятка закопченных изб, давно ушедших на дрова. А напротив, на том берегу — почти что нехоженая тайга. Здесь есть магазины, вероятно, штук 8-10, столько же ларьков, ресторан, столовая, порядочный клуб, где картины идут первым экраном по краю одновременно с Красноярском.

Пристань — точно такая же, как в Енисейске. Имеется строительное управление, строящее боль-

шое предприятие — «завод заводов». Будет строиться еще с полдюжины лесоперерабатывающих, гидролизных, фанерных и пр. предприятий, вероятно, весь берег от нас до Енисейска превратится в сплошной завод. Неподалёку будет строиться енисейская гидростанция. Рано ли, поздно ли, пройдет железная дорога, а наша, шоссейная, спешно усовершенствуется.

Жизнь здесь можно построить. При наличии энергии, хоз. опыта, желания, и некоторой поддержки (в любом виде — т.е. со стороны государства в виде ссуд, или со стороны профсоюза, или со стороны родных, друзей и т.д.) можно построить дом без фантастических затрат. Можно постепенно обзавестись отличной казенной квартирой. Можно создать себе такое хозяйство и иметь столько подсобных видов заработка, что только интеллигентской безрукостью основного контингента населения можно объ¬яснить картины прозябания и убожества, довольно распространённые. В районе (и окрестных) удивительная охота, рыболовство и т.д. Вообще, любой специалист найдёт здесь себе применение, любой. Возможность приработка велика во всех хозяйственных и ничтожна во всех гуманитарных областях.

С чего начали мы с Маритой? По прибытии, когда я нашел должность, мы стояли перед дилеммой: снимать частное жильё (100р. в месяц) или делать своё. Оба мы решили второе. С жильем положение острое, поэтому можно было «захватить» лишь недостроенную квартиру и доделы¬вать её, так сказать, на «своей спине». Мы въехали в дом недостроенный; нам сложили кирпичную печь, постепенно «одранивали» наши две комнатушки, оштукатурили квартиру сложным цементным раствором (пришлось всё это доставать). Вчера вечером кончилась штукатурка. Завтра должна начаться побелка. Ползаем с нашим скарбом из ОДНОЙ квартиры в другую до бесконечности. Совсем замучилась теща. И Ленка

бедная будет в жизни бояться слова ремонт как огня. Штукатуриться глиной было бы дешевле, но сушить собственными задами мокрую глину хуже, чем сохнущий цемент…[13]

Р.А. Штильмарк за работой.

Р.А Штильмарк и М.Д. Савелова

М.Д. Савелова

Москва (Купавна). Леонид Иосифович Черняк и Роберт Александрович Штильмарк (лето 1970г).

60-летие Р.А. Штильмарка. Солдата нашла награда (Орден Красного Знамени, получил в 1969г, вместо 1945). Москва 1969 год.

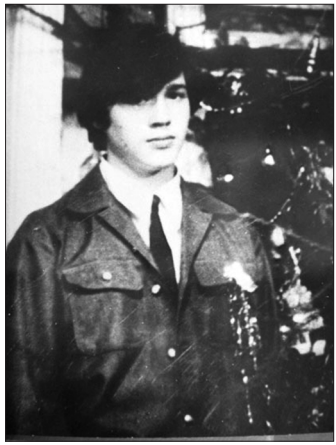
Сентябрь 1990г. В кабинете директора Лесосибирского музея. На фотографии: директор музея А.А. Шайдт, М.Д. Савелова — жена писателя Р.А. Штильмарка, двоюродная сестра М.Д.Савеловой прибыли из Москвы по приглашению музея.

Р.А. Штильмарк в военные годы

1975 г. Савелова М.Д. и Штильмарк Р.А.

Дмитрий Робертович Штильмарк 15 лет, Купавна 1974 год.

Александр Робертович Штильмарк Купавна, лето 1985 года.

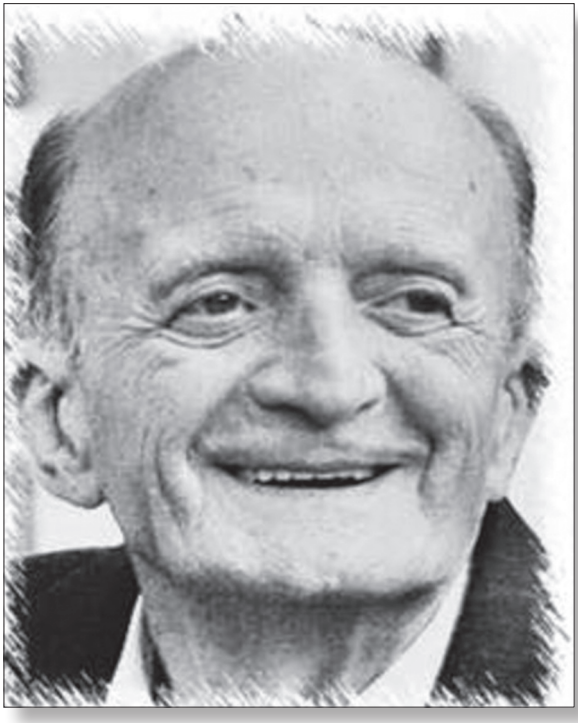
Штильмарк Р.А, довоенные годы (1930).

По материалам Ткаченко Татьяны Сергеевны
Муниципальное бюджетное учреждение культуры
Центральная детская библиотека (МБУК ЦДБ)
г. Лесосибирск

Список использованных источников:

1. *Верещагин, Н. Памяти Ф.Р. Штильмарка / Н. Верещагин // Охота. — 2006. — №9. — С. 11.*
2. *Зырянова, Т.А. «Роман о романе» (история создания книги «Наследник из Калькутты») / Т.А. Зырянова/ Лекция. — Лесосибирск. — 1991.*
3. *Король, М. История одной книги / М. Король // Наука и жизнь. — 1998. — №10, С.31.*
4. *Лебедев, А. Штильмарки — династия русских патриотов / А. Лебедев// Журнал для настоящих пап «Батя». — 2008. — №6. — С. 46- 49.*
5. *Полынский, А.В. Наследник из Купавны: [о Р.А. Штильмарке] / А.В. Полынский // Русский дом. — 2005. — №10. — С. 48-50.*
6. *Шайдт, А. Люди и события: [Р.А. Штильмарк] / А. Шайдт // Вовремя. — 2000. — №15. — С.7.*
7. *Штильмарк, Р.А. Наследник из Калькутты / Р.А. Штильмарк/ — Красноярск: Кн. изд., 1989. — 778с.*
8. *Штильмарк, Ф.Р. Конверты со штампом ГУЛАГ / Публикация писем Р.А. Штильмарка из Енисейска // Красноярский рабочий. — 1989, 2 апреля. — С.2.*
9. *Штильмарк, Ф.Р. «Вообще говоря, это — чудо...» / Ф.Р. Штильмарк // Енисей. — Красноярск. — 1988. — №6. — С.67-73.*
10. *Штильмарк, Ф.Р. Небольшой детектив о большом романе / Ф.Р. Штильмарк // В мире книг. — 1987. — №4.*
11. *Штильмарк, Ф.Р. Загадка «Наследника из Калькутты»: О романе и его авторе / Ф.Р. Штильмарк // Звезда Востока. — Ташкент. — 1996. — №5. — С. 115-127.*
12. *Штильмарк, Ф.Р. Очарованный странник уходящего века / Ф.Р. Штильмарк // Собр. соч: в 4-х т. // Р.А. Штильмарк. — М., 2001. — Т.1. — С 5-30.*
13. *Штильмарк, Р.А. Фонды Лесосибирского музея (воспоминания жены Роберта Александровича Штильмарка Маргариты Дмитриевны Савёловой; письма сыну Феликсу; рукописи книги «Наследник из Калькутты»; воспоминания старожилов; фотографии и др).*

Евгений Грицяк:

«Норильское восстание»

Доведенные до отчаяния нечеловеческими условиями жизни, изнуряющим трудом, садистскими издевательствами и смертельными расправами лагерного начальства, заключенные ГОРЛАГА, Норильского специального лагеря для «особо опасных преступников», восстали и потребовали не только смягчения лагерного режима, но и выдвинули политические требования относительно демократизации советского режима в целом. Восстание, разумеется, было подавлено, но отвага, самопожертвование его рядовых участников и организаторов (автор был в числе последних), показало, что человеческое достоинство победить невозможно. Оно сильнее пыток и самой смерти.

Об авторе

Евгений Грицяк — член украинской молодежной националистической организации в Снятине (город в Ивано-Франковской области, Украина) — красноармеец — политзаключенный — организатор Норильского восстания — последователь индусской философии — украинский йог — постоянная жертва произвола КГБ. Такова в одном предложении жизнь этого неординарного человека. Он родился в 1926 году в селе Стецево близ Снятина. До Второй Мировой войны учился в снятинской гимназии, в период нацистской оккупации — в средней торговой школе. Именно в эти годы он начал сотрудничать с молодежной националистической организацией, готовившей молодежь к борьбе с оккупантами. С приходом советской армии был мобилизован, воевал на 4-м Украинском фронте, был несколько раз ранен, награжден боевыми медалями. Но в 1949 году «разоблачила» его прошлое (сотрудничество с молодежной националистической организацией), он был арестован, приговорен

к смертной казни, замененной 25-ю годами лишения свободы. Товарищи по тюрьмам и лагерям характеризуют его как «бескорыстного, честного, разумного и выдержанного человека», увлекавшегося йогой, рисованием, языками, овладевшего в заключении иглотерапией и лечившего ею соузников (Д.Шумук); очень тепло о нем отзывается Абрам Шифрин в своей книге «Четвертое измерение». За свою руководящую роль в Норильском восстании он поплатился годами пребывания в самых страшных тюрьмах и лагерях ГУЛАГа. Освобождение ему принес только XX съезд КПСС. Но его испытания на этом не кончились. В 1959 году Президиум Верховного Совета СССР отменяет решение своей Комиссии, освободившей Грицяка в 1956 году, мотивируя эту отмену «тяжестью его преступления» и восстановив тем самым в силе его 25-летний приговор 1949 года. Что имелось в виду под «тяжестью преступления» выяснилось только через 5 лет, когда, выступая на заседании Военной Коллегии Верховного Суда СССР, прокурор сообщил: Грицяк «был обвинен в том, что после освобождения он нигде не работал, не прекратил антисоветской деятельности и создал в Винницкой области организацию украинских националистов... После надлежащей проверки выяснилось, что он добросовестно трудился, никакой антисоветской деятельностью не занимался, никакой организации не создавал, никаких свидетельств каких-либо его высказываний против советской власти не зафиксировано. Отмечено лишь его недовольство тем, что ему не разрешают жить в родном селе». Он был снова освобожден, но тут же подвергся разнузданной газетной травле.

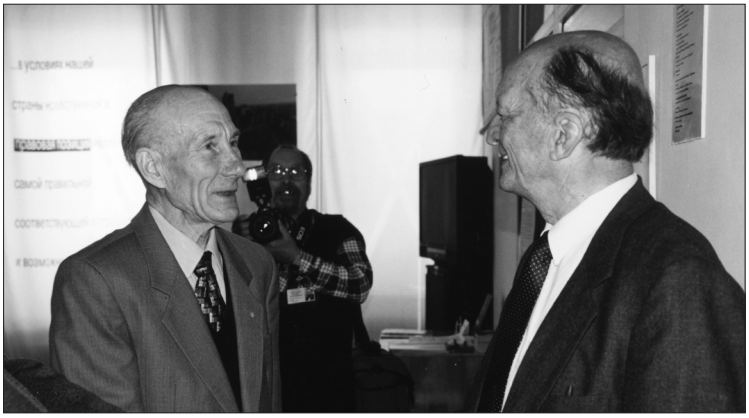
Подлинной причиной этих и других преследований были не мнимые «преступления» Грицяка, а его независимый нрав, поведение — без оглядки на принятые, хотя и никаким законом не установленные правила и запреты. Ну как мог реагировать КГБ на такой его поступок, как поездка в 1977 г. в Москву для встречи с корреспондентом «Чикаго Трибюн»

и интервью, в котором он рассказал о Норильском восстании 1953 года и продолжающихся преследованиях? Только новыми преследованиями! Но сломить Евгения Степановича не удалось. Поскольку, по словам Д. Шумука, этот человек «способен восставать из пепла и снова быть готовым ко всему».

Л.С. Трус.
Новосибирский «Мемориал»

Слева направо: И. Сметонене, А. Пихлак, Л. Нетто, Е. Грицяк, Н. Формозов

Л. Нетто, Е. Грицяк

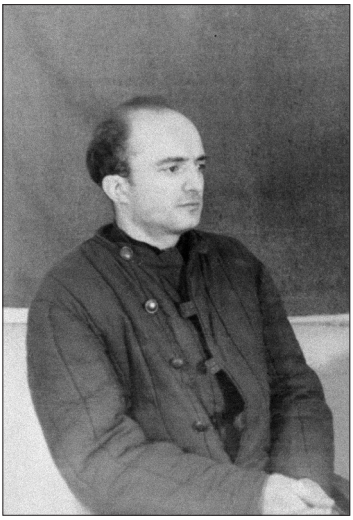
Этап Караганда — Норильск

Август 1952 года. 8-е лаготделение Песчаного лагеря МВД СССР, город Караганда.

«Внимание, заключенные! Идти — не растягиваться, назад не оглядываться, в строю не разговаривать, не курить, из ряда в ряд не переходить! Шаг влево, шаг вправо считается побег — конвой применяет оружие без предупреждения! Взять всем руки назад! Вперед марш!»

Четыреста измученных и изголодавшихся политзаключенных тяжело зашаркали своими кирзовыми ботинками по твердой, испеченной жарким солнцем, казахской земле. Долгий и изнурительный рабочий день на строительстве карагандинского пивзавода закончился, и нас повели домой, то есть в лагерь. Все шли как обычно и, как требовал конвой, — молча. Каждый замкнулся в себя и думал про свое.

Меня всего охватила идея организации всегулаговской политической забастовки, которую за несколько недель перед этим мне подал Степан Венгрин. Но, несмотря на все мое увлечение идеей, я отклонил ее как неисполнимую, а вместо этого предложил провести такую забастовку в одной только нашей зоне. Со временем это движение могло бы распространиться цепной реакцией по всему ГУЛАГу.

Евгений Грицяк

И теперь, идя с работы, я (который уже раз!) обдумывал свою позицию. На мой взгляд, идея общегулаговскогой забастовки была утопична прежде все-

го из-за нашей непреодолимой изоляции. Ведь у нас не было и не могло быть надлежащей связи не только с отдаленными от нас лагерями, но с отдельными зонами своего лагеря. К сколь-нибуль скоординированным действиям мы были просто неспособны. К тому же нам еще следовало преодолеть наши субъективные преграды — всепроникающий страх, которым были охвачены — и не без оснований — все заключенные, инертность и нескончаемые внутренние раздоры.

Все эти препятствия были столь тяжки и отвратны, что у нас не хватало ни сил, ни умений, чтобы их преодолеть хотя бы в каком-нибудь одном месте. Возбудить и подтолкнуть нас мог только соответствующий внешний стимул — инцидент, который затронул бы за живое каждого.

Такой инцидент однажды был у нас, но мы им не воспользовались, так как не были еще к нему готовы.

А было это так: однажды с работы вели бригаду заключенных. Дорогой конвой обходился с людьми так нагло и жестоко, что люди не стерпели, остановились, сели на землю и заявили свой протест. Конвоиры выпустили над головой заключенных несколько автоматных очередей. Но никто не встал. Тогда конвоиры пустили собак... Люди пришли в зону обкусанные и окровавленные...

Этот инцидент послужил нам хорошим уроком, и теперь мы уже были готовы к тому, чтобы в будущем не пропустить такого удобного случая.

Мы подошли к вахте, и все мои размышления внезапно оборвались. Меня отделили от общей группы заключенных и без всякого формального обвинения посадили в БУР (барак усиленного режима). В тот же самый день в БУР посадили еще свыше двадцати заключенных — преимущественно украинцев.

Затем события развивались уже быстро.

На следующий день в нашу камеру втолкнули еще одного украинца — Василия Дерпака, который объяснил нам, что он нарочно повел себя так, чтобы

его посадили к нам, поскольку необходимо было передать нам важное поручение. «Заключенные в зоне, — сообщил он, — хотят, чтобы вы завтра утром объявили голодовку, а они, в знак солидарности, начнут забастовку».

Утром мы объявили голодовку, однако, к нашему разочарованию, забастовка не началась. Мы подождали еще один день — тихо. Окончательно потеряв надежду, мы прекратили голодовку.

На следующий день нас всех буровцев вывезли в 5-е лаготделение (поселок Майкодук), который служил пересыльным пунктом. Кроме нас, сюда свезли заключенных, главным образом украинцев и литовцев, со всего Песчаного лагеря. Мы поняли, что нас вывозят прочь из Караганды, однако никто не мог сказать, куда нас повезут и что нас ожидает.

А тем временем первая неожиданность была уготована нам уже в Майкодуке. Нас 250 человек, украинцев и литовцев, разместили во 2-м бараке. Кроме того, в одной из секций 1-го барака разместили приблизительно еще 40 человек, частью украинцев, частью — представителей других национальностей. Через некоторое время туда добавили еще 18 человек. Это была известная на весь Песчаный лагерь банда Николая Воробьева, постоянно терроризировавшая украинцев.

На пересылку воробьевцы пришли с ножами и сразу стали угрожать тем немногим украинцам, что были вместе с ними в 1-м бараке.

Из окна 1-го барака кто-то отчаянно крикнул нам: « Ребята, суки хотят нас порезать!»

Мы кинулись во все стороны искать выход из запертого барака. Одни напрасно старались сломать оконные переплеты, другие — выломать двери.

В коридоре стояла бочка с питьевою водой. Я вылил воду на пол и вместе с Богданом Самотием стал таранить ею двери. Но двери никак не поддавались. Единственной нашей надеждой был тот тяжелый

стук, который напоминал собой отдаленную пушечную стрельбу.

А тем временем выход был найден. Под одним из окон первой секции удалось вынуть из стены глину и сделать в ней небольшую пробоину, через которую мы все, один за другим, выбрались наружу.

Тут, собравшись вместе, мы наскоро составили план штурма 1-го барака. С воробьевцами у нас были давние счеты, и теперь мы горели желанием расквитаться с ними. Только бы до них добраться!

Мы сообща кинулись к дверям, так как считали, что нам как-то удастся вытащить скобы или выкрутить замок. Поскольку сделать это голыми руками мы не могли, а признать себя бессильными не хотели, то не нашли другого выхода, как и далее беспорядочно и безнадежно напирать на крепкие и неподдающиеся двери.

В отличие от всех других бараков, двери этого барака выходили почему-то не на середину лагеря, а на колючку запретной зоны. Неподалеку высилась сторожевая вышка, на которой стоял уже не один, а двое часовых. Затем на вышке появился офицер. Я слежу за каждым его движением: вот он вынимает пистолет и медленно направляет его на нас. Прозвучал выстрел, прозвучал второй, третий... На наши головы посыпалась штукатурка, так как офицер стрелял поверх наших голов в стену. Мы не отступали. Наконец затрещали автоматы. На землю со стоном упал тяжелораненый Василий Щирба. Мы убежали; раненого Щирбу отнесли в больницу.

Лагерная «больница» помещалась в том же 1-м бараке. Секция, где были воробьёвцы, была отделена от больницы дощатой перегородкой. Узнав об этом, мы вошли в соседнюю комнату и велели больным уйти.

Потом поломали железную кровать и, вооружившись её обломками, стали ломать перегородку. За считанные минуты в стене образовался пролом в рост человека в высоту и приблизительно на полто-

ра метра в ширину. Мы встретились с воробьёвцами с глазу на глаз.

Но воробьёвцы защищались отчаянно. Двое из них, прячась за стену, стали по обе стороны пролома и готовы были проткнуть ножом каждого, кто осмелился бы просунуть в пролом свою голову. А другие, завалив печку, которая стояла посреди секции, швыряли в нас глиною, а когда не хватало глины, то — кусками рафинада.

Но наиболее опасными для нас были все-таки те двое, охранявшие пролом. Мы всячески старались схватить их или хотя бы отогнать от пролома, но это никак не удавалось сделать. Увидев на стене два огнетушителя, мы схватили их и стали обливать охраняющих отверстие пеной из огнетушителя. Одному из них пена попала в глаза. Он заревел от боли и, схватившись руками за глаза, побежал в глубину секции. Но на его место встал другой.

Тут я понял, что таким способом мы их не возьмем, и поэтому предложил выбраться на чердак, проломить там кровлю и ударить на низ сверху. Все покинули комнату и бросились искать люк на чердак. Но выйдя из барака, мы остолбенели: от ворот вахты прямо на нас бегут вооруженные автоматами солдаты. Командовал ими начальник управления Песчаным лагерем генерал-лейтенант Сергиенко. Вот и всё!

Приблизившись к нам, Сергиенко потребовал, что мы все вошли в свой барак и дали себя запереть. Когда мы отказались, Сергиенко пригрозил применить оружие. На наше заявление, что он не имеет права стрелять в нас, он ответил: «Имеем право! Мы знаем, с кем имеем дело!»

Мы еще долго препирались и дискутировали с ним и, наконец, пошли на такой компромисс: мы входим в свой барак, а он забирает от нас воробьёвцев.

Нас заперли; воробьевцев куда-то вывезли. Наступил вечер, и мы все, кто где, легли спать.

На следующий день под вечер из Караганды на север двинулся этапный эшелон. В его товарных,

специально оборудованных, вагонах — 1200 карагандинских политзаключенных. В Петропавловске поезд повернул на восток и после нескольких суток езды остановился в Красноярске. Там он простоял целую ночь, а утром, медленно переехав мост над Енисеем, снова остановился. Похоже, мы уже приехали!

Да, приехали. Нас выпустили из вагонов и повели в пересылку, которая, как нам было известно, поставляла заключенных в лагеря Норильска.

Перед вахтой нам скомандовали сесть на землю, так как пересылка еще не готова была нас принять.

По ту сторону дощатого забора запретной зоны мы услышали перекличку между блатными БУРа:

— Прокурор! Прокурор! Ты?

— Я!

— Что нового?

— А, ничего, э-э, косяк прибыл.

— Откуда?

— Из Караганды.

— А богатый?

— Да нет, Индия.

Мы еще вошли в пересылку, никто нас там еще не видел, а запертые в БУРе блатные уже знали, что прибыл «косяк» (этап) из Караганды и что это «Индия», что на их жаргоне означало — голыши, беднота, с которой ничего не сдерешь.

Такая информированность блатных нас не удивила: мы очень хорошо знали, что их проинформировали о нас надзиратели, которые всегда и всюду действовали против нас заодно с блатными.

Наконец мы вошли в зону, расположенную на площадке, имевшей некоторый склон. Слева, в продольном ряду бараков, помещались блатные, а поперечный ряд был предназначен для нас. Оба ряда бараков разделены между собой колючей проволокой с проходной будкой, в которой постоянно дежурил надзиратель.

Не успели мы еще разместиться в бараках, как узнали, что блатные готовятся напасть на нас. По-

скольку мы знали, что без благословения администрации лагеря они этого не сделают, то вступили в переговоры с начальником пересылки и заявили ему, что в случае нападения на нас со стороны блатных мы разнесем ему всю пересылку. Переговоры закончились тем, что начальник пригрозил применить против нас оружие. На наше замечание, что он не имеет права в таких случаях стрелять, он ответил: «Имеем право, мы знаем, кого мы приняли!»

Окончательно разместившись в бараках, мы стали высыпать из них и собираться в небольшие группы. В одной группе кто-то запел:

Взяла девушка ведра
И пошла по воду,
Там ведь хлопцы-рыболовцы
Еще-й казацкого рода.

Песню сейчас же подхватили другие; группа поющих стала быстро увеличиваться. Желающих петь становилось все больше, и вскоре, опять спонтанно, образовалась еще одна хоровая группа. Над Енисеем, вопреки всем запретам, звучала украинская песня. Когда кто-нибудь из поющих уставал, на его место вставал другой. И таким образом песня не стихала до позднего вечера. Литовские заключенные тоже не устояли перед песенным соблазном и образовали свою хоровую группу. Хотя мы не понимали их языка, но поняли, что они, как и мы, сначала исполняли свои народные песни, а потом переходили на песни национально-патриотические.

Я отошел в сторону и стал прислушиваться. Мне тогда показалось, что поет какое-то одно гигантское горло, на которое никто не осмелится напасть.

И никто не напал. Надзиратели даже не пытались нас разгонять, блатные не пробовали нападать на нас тоже. Четыре дня никто нас не трогал.

На пятый день нас, как селедку в бочку, напихали в трюмы деревянной баржи и повезли вниз Енисею.

Исходя из того, кто был отобран в наш этап и как с нами разговаривал генерал Сергиенко в Караганде

и начальник пересылки в Красноярске, мы легко пришли к выводу, что это не обычный, вызванный определенными хозяйственными потребностями этап, а — этап смертников. Нас вывезли из Караганды для усмирения и уничтожения. Кто мог тогда сказать, какая встреча нам будет уготована на месте, если мы еще счастливо до него доедем, а не ухнем где-нибудь вместе с баржой на дно глубокого и холодного Енисея? Предположения делались разные, но точно никто ничего не знал. 8-го сентября 1952 года мы все-таки счастливо доплыли до Дудинки. В тот же самый день вагонами узкой колеи доехали до Норильска. Здесь нас разделили на две группы: первую — 500 человек — повели в 1-е лаготделение Горного лагеря (Горлага), на «Медвежку» (рудник «Медвежий ручей» — ред.), другую же — 700 человек — в 5-е лаготделение, которое находилась в непосредственной близости к городу.

Так закончился этап Караганда — Норильск, которому суждено было изменить «климат» в лагерях этого холодного заполярного города.

Приучение к климату

Горлаг уже был готов нас принять. Предназначенные для нас бараки были отгорожены от основной зоны колючей проволокой. Всем сукам лагеря были розданы «для самообороны» финские ножи, потому что, как им объясняли, в Норильск идет большой этап бандеровских головорезов, которые намереваются перерезать прочь всех активистов лагеря.

Нас оформляли на протяжении четырех дней. Прежде всего, нас тщательно обыскали и пронумеровали. Номерные знаки состояли здесь из двух элементов: одной буквы русской азбуки и трехзначного числа. Нам дали номера только с буквами «У» или

«Ф», что затем давало возможность легко выделить нас в толпе других заключенных.

Когда все уже было сделано, нас разбили на бригады и приставили к нам своих доверенных бригадиров. Каждый бригадир носил на рукаве левой руки повязку с надписью «Бригадир».

На пятый день нас вывели на работу. К нашему великому удивлению, мы не услышали здесь традиционного: «Внимание, заключенные!» Конвоиры не сопровождали нас, а стояли около дороги, образуя собою живой охранный коридор. Мы шли эти коридором побригадно. Бригадиры, как командиры в армии, — сбоку своих бригад.

Через какие-то 150-200 метров мы остановились перед вахтой производственной зоны, которая называлась «Горстрой». Это была огромная, окруженная колючей проволокой и обставленная сторожевыми вышками территория тундры, на которой велось строительство. Заключенные Горлага строили город Норильск. Все работы, от составления проекта до сдачи строительства в эксплуатацию, выполняли сами заключенные.

Мы попали на это большое строительство как раз тогда, когда строилась центральная площадь города. Мы выравнивали ее, перевозя тачками грунт с одного места на другое.

Во время часового перерыва на обед мы разбежались в поисках земляков и новых знакомств. Ведь здесь, в отличие от жилой зоны, мы не были отгорожены от остальных заключенных колючей проволокой. Кроме того, здесь работали заключенные не только 5-го, а и 4-го лаготделения, а рядом, уже отгороженные от нас узкой полосою запретки, работали женщины из 6-го лаготделения, которые сквозь призму колючей проволоки казались нам удивительно красивыми и привлекательными.

Но, прежде всего, нас интересовало поведение наших земляков, которые боялись подходить к на-

шему забору в жилой зоне. Только некоторые из них откликались издалека и то на русском языке.

Украинский язык там никто не запрещал, но все же разговаривать на нем было весьма опасно. Своим языком мы выдавали себя как украинцев, или, как нас всюду презрительно называли, бандеров, и вызывали на себя шквал разных дополнительных притеснений и угнетения. В Караганде мы уже добились, было, права на наше национальное достоинство, а тут, в Норильске за это право нам еще нужно было бороться.

Наши земляки, которых мы здесь встретили, просили нас, чтобы мы немного притихли и постепенно замаскировались, так как иначе нас всех здесь уничтожат. «Вы еще не знаете, что такое Норильск!» — уверяли они.

Первый день нашей работы на Горстрое закончился. На вахте жилой зоны нас тщательно обыскали и отправили в бараки. А наши бригадиры подались в «штаб», чтобы доложить начальству о нашем поведении и получить новые инструкции.

Второй день работы ничем особенным не отличался от первого.

На третий день, в обеденный час, мы снова рассыпались по всему Горстрою в поисках новых знакомств и контактов. Я шел куда-то один и вдруг увидел, что прямо на меня решительно и агрессивно шагает помощник нарядчика. Я отступил в сторону, а он, преграждая мне дорогу, грозно спросил:

— Ты, падлюка, чего тут ходишь? Где твоя бригада?

— Мы работаем на выравнивании площади, — ответил я, — но теперь обеденный перерыв и я имею право быть, где хочу.

— Я тебе, гадина, дам право! Вы бандеры! Героев из себя строите? Мы еще не таких видели и всех за пояс позатыкали, а из вас, гадов, мы еще шашлыки на ножах жарить будем!

Я ничего ему не ответил, только пошел дальше своей дорогой.

Отлучка от бригады и блуждание по зоне, хотя и во время перерыва на обед, считались здесь нарушением дисциплины и проявлением неподчинения. Помощник нарядчика и пришел сюда, на Горстрой, для того, чтобы положить конец такому бесчинству.

Я вместе со своим близким земляком из Коломии Дмитрием Мельником возил тачкой грунт. И как-то пополудни к нам подходит бригадир с претензией, что мы не выполняем норму.

— Ты только посмотри на нас, — ответил я ему, — мы едва на ногах стоим. Какой нормы ты от нас хочешь? Потерпи немного, не суетись так. Мы отойдем от этапа, наберемся сил, а тогда уже и требуй от нас нормы. А кроме того, — продолжал я, — разве ты не такой же заключенный, как и мы? Разве ты добровольно сюда приехал, а не под таким же самым конвоем, как и мы? Так зачем ты нас подгоняешь?

Бригадир молча отошел от нас.

Рабочий день закончился. На вахте жилой зоны от нас отделяют восемь человек, сковывают им наручниками руки и отводят в БУР. Там их, скованных, бьют, поднимают вверх и ударяют всем телом об пол, пинают и топчут ногами и, наконец, запирают в отдельной камере. Это там называлось «пропустить через молотобойку».

На следующий день, перед выходом на работу, наш бригадир вынул из кармана какую-то бумагу и зачитал: Грицяк Евгений и Мельник Дмитрий остаются в зоне.

Мы остались и после ответного сигнала вышли на проверку.

— А это еще что? — увидев нас, заворчал мой знакомый по Горстрою, помощник нарядчика. — Отказники?

— Нет, — уверенно отвечаю я, — нас оставил в зоне бригадир.

— Врешь, сволочь! Нарядная не давала бригадиру такого распоряжения.

— Проверьте.

К нам добавили еще одного нашего земляка с Тернопольщины и заперли в коридоре БУРа. В камеру нас не бросили, ибо мы еще не прошли через молотобойку, а молотобойцы, должно быть, были заняты где-то в другом месте.

Через два-три часа наружные двери внезапно открылись, и к нам в сопровождении надзирателя подошел начальник 1-го отдела управления Горлага подполковник Сарычев.

— Что, гады, — закричал он на манер блатных, — климат здешний вам не понравился? А? Ну, ничего! Мы приучим вас к климату... половину вас, мерзавцев, мы перережем к чертовой матери!..

Мы смотрели ему прямо в глаза и молчали.

— Открывай камеру! — гаркнул на надзирателя Сарычев.

Надзиратель отпер первые, обитые цинком деревянные двери, потом массивные решетчатые, и мы все вошли в камеру, которая была переполнена всевозможными блатняками и несколькими простыми заключенными.

— Кто у вас староста? — спросил подполковник.

— У нас нет старосты: запрещено, — ответил кто-то с нар.

— Но, но! Запрещено! Я вам людей привел, так кто же их примет, если нет старосты?

(На тюремном жаргоне слово принять означает: избить до потери сознания и затолкать под нары.)

— Мы принимаем только русских, а нерусских не принимаем, — бросил уже кто-то другой. — А это — украинцы.

— Украина — также Россия, — невпопад буркнул третий.

Вероятно, хозяева камеры не имели ни малейшего желания нас принимать. Сарычев почувствовал это и стал нервничать.

— Милованов, ты староста?- обратился он к одному рослому заключенному, который стоял посреди камеры.

— Нет.

— А вот этот, — указал на меня рукой Сарычев, — сказал, что когда ты выйдешь из БУРа — зарежет тебя.

— Это неправда, — ответил Милованов. — Он не знает меня, а я — его, так за что он стал бы меня резать?

Сарычев рассердился и пошел к выходу. Некоторые стали спрашивать его, сколько им еще тут сидеть.

Сарычев отвечал уже на ходу, что это будет зависеть от их поведения, а уже за решетчатыми дверями помахал угрожающе кулаком и процедил сквозь зубы:

— Ну, я надеюсь, что вы примете их по всем правилам!

Сарычев явно торопился. Свою угрозу перерезать нас он не откладывал на неопределенное время, а собирался выполнить это в тот же день.

Когда закончился рабочий день и заключенные нашего этапа подошли к воротам жилой зоны, Сарычев уже был во всеоружии и готов начать кровавую бойню. Охрана вахты была усилена несколькими десятками вооруженных пулеметами и автоматами конвоиров. Около ворот стояли шесть сук с ножами и железными палками в руках.

Начался запуск в зону. Надзиратели тщательно обыскивают первую пятерку заключенных. За воротами суки сбивают их с ног, бьют железными палками, пинают ногами, угрожают ножами и так гонят их болотом по-пластунски к баракам, где их сразу же запирают. Потом таким же образом поступают с другой пятеркой, третьей и так до конца.

Тут Сарычев рассчитывал, что «бунтующие бандеры» не выдержат такого надругательства над собой и обязательно учинят бучу, а он, под предлогом усмирения, откроет огонь и таким образом исполнит свою угрозу — половину нас перерезать.

Но получилось не так, как планировал Сарычев. Вопреки его надеждам мятежные бандеры терпеливо, хотя и болезненно, выдержали его надругательство и тем лишили его предлога выполнить запланированную им расправу.

А в БУРе эта ночь прошла относительно спокойно.

Утром следующего дня в нашу камеру не входит, а влетает помощник начальника БУРа — заключенный Иван Горожанкин. Из кармана его штанов свисает нарочно так выставленное блестящее кольцо наручника, а из закатанного голенища кирзового сапога торчит ручка финского ножа.

— Ты! Ты! Ты! — выкрикивает Горожанкин, указывая на отдельных заключенных пальцем, — на работу! На работу!

А подойдя к нам, он весь задрожал от злости и сварливо начал:

— Ах вы, бандеры подлые, грязный ваш рот! Вы как сухими сюда вошли? Ну, хорошо! Сейчас я вами натешусь! А ну марш на работу! Ну! Вылетай! Живо!

Из другой камеры выводят семерых заключенных из тех, которые были посажены сюда за два дня до нас. Их лица опухли, в синяках. Один из них остался в камере, так как был так избит, что не мог подняться с нар.

Горожанкин скомплектовал из нас, карагандинцев, две пятерки, сковал одного с другим наручниками в первую пятерку, потом — другую и скомандовал сесть. Мы сели в болото. За нами стояли пятерками еще другие заключенные из норильчан: их Горожанки не сковывал.

Мы выжидающе сидим. Горожанкин отходит в сторону, долго молча разглядывает нас, затем резко вынимает из-за голенища нож, лезвие которого было обернуто липкой бумагой, захватывает лезвия обеими руками, подходит к нам ближе и бьет колодкой своего ножа кого попало.

Несколько утихомиренный Горожанкин отправил нас к вахте. Но вдруг он снова сатанеет и командует нам встать. Мы остановились и все одновременно сели в болото, так как если кто не сядет — будет битый!

Горожанкину легче было бить нас, когда мы сидели на земле. Он еще раз угостил нас всех колодкой своего ножа и скомандовал идти дальше. Я шел первым с правой стороны; Горожанкин оставался несколько сзади, и я не мог его видеть. Вдруг какой-то резкий ток ударил меня от затылка до глаз, а оттуда по всему телу до пят. В глазах потемнело. И мне стало казаться, что я теряю сознание. А это Горожанкин еще и на ходу так щедро угостил меня по затылку колодкою ножа.

От ворот вахты мы шли в сопровождении конвоя; Горожанкин уже никого не бил. На месте назначения Горожанкин снял с нас наручники, раздал нам ломы и лопаты и приказал копать ямы под столбы электролинии. Ямы должны были иметь размер метр на метр в сечении и метр глубины. Норма — десять ям на одного.

Я прокопал один слой талого грунта, а дальше — мерзлота. Горожанкин стоит рядом с конвоирами и подгоняет:

— Копайте, копайте, гады! Грызите мерзлоту! И чтобы мне был метр на метр, иначе я вас..!

В одном углу метрового квадрата я выдолбил небольшую яму, в которую сейчас же набежала вода. Ко мне подходит Горожанкин и интересуется, сколько я уже накопал.

— Так, так, — говорит он как будто вежливо и приветливо, — еще немного покопай и хватит; туда дальше копать не нужно; зачем даром мучиться. — А отойдя на безопасное расстояние, снова пригрозил: — Ну, гадина, смотри ж у меня! Чтоб был метр на метр!

В полдень Горожанкин неожиданно сказал нам становиться по пять, надел на нас наручники и отправил назад в зону. Дорогой стал издеваться:

— Ну что, духарики (ироничное: отважные, сильные духом), оказывается, что вы даже очень жиденькие. А как вас, было, разрисовали! Теперь вы уже показали, кто вы есть. Вчера мы вшестером гнали всю вашу свору по-пластунски от вахты до бараков и ни одна сволочь головы не подняла. С таким духом вам только под нарами сидеть!

А теперь, мужики, я скажу вам, почему вас так скоро сняли с работы. Вас разделят на две половины: 350 человек отправят в 4-е лаготделение, а других 350 оставят здесь. Как здесь, так и там вас раскидают по два-три человека во все бригады. Тогда вы уже никуда не денетесь; поодиночке мы вас всех в бараний рог скрутим!

В тот же самый вечер нас 350 человек отправили тундрой в 4-е лаготделение, а утром следующего дня все мы, каждый в своей новой бригаде, вышли на работу. Так мы вышли из внутренней изоляции и очутились в гуще заключенных 4-й и 5-й зон.

А где-то через две недели наши зоны молнией облетела весть: Горожанкину отрубили голову!

Смена климата

Грянула полярная зима. Работаем в две смены и без выходных дней. Сменяемся на рабочем месте, так что каждая смена продолжается двенадцать часов. Два часа тратим на дорогу туда и назад. По меньшей мере два, а сплошь и рядом и четыре-пять часов стоим перед вахтой в очереди, ожидая обыска. Тут холод пронизывает уже до костей и больно их сжимает. Стоим молча: никто не промолвит и единого слова, поскольку дорога каждая частичка энергии. Коротать время нам иногда помогает на удивление таинственное и захватывающее мерцание северного сияния. Мы так напряжённо следим за этой загадочной небесной игрой цветов, что нам кажется, что мы уже и слышим

её, не только видим. Мне показалось тогда, что впечатление, которое производит на человека северное сияние, можно в какой-то степени передать с помощью музыки. Другие искусства тут просто бессильны.

Наконец мы подходим к вахте и, оторвавши глаза от неба, опускаем их на землю, падаем на колени и так подвигаемся всё ближе к обыскивающим надзирателям. Того, кто не упал на колени, а только присел или наклонился, бьют шваброй по голове. Иногда, если им вздумается, надзиратели бьют швабрами всех и каждого. Для этого специально подбирали надзирателей. Более всего среди них выделялся старшина Михник.

Перед надзирателями еле распахиваем одежду своими задубевшими руками и становимся уже на ноги. Нас тщательно обыскивают. Особенно придирчиво обыскивают тех заключённых, у кого номерной знак начинается на букву «У» или «Ф». Часто случалось, что нас задерживали на холоде до часу ночи, а в шесть утра надо уже вставать и снова идти на работу, ибо «труд облагораживает человека!»

Кое-кого, однако, не допускали к труду, а для профилактики и острастки сажали в тюрьму. Горлаговская тюрьма находилась при нашей зоне. Тут, как и во всех других тюрьмах Норильска, была глубоко укоренившаяся традиция: каждый, кто попадает в тюрьму, должен пройти через молотобойку, то есть через камеру, где сидят откормленные суки, единственная задача которых — избить каждого, кого к ним бросят.

Молотобойка была своеобразным приютом для тех сук, которые убегали из зоны, чтобы избегнуть мести со стороны разгневанных заключённых. Так что не удивительно, что они с такой неудержимой злобой набрасывались на каждого, кто попадал им в руки.

Однажды, когда в молотобойке обрабатывали свежую жертву, заключённые, сидевшие в соседней камере, подняли безудержный шум. Они кричали, свистели и били твёрдыми предметами в двери. Им немедленно ответили автоматной очередью. В наи-

большей опасности — даже удивительно, как уцелел — был там мой односельчанин Степан Филипчук. Не погиб никто, однако все притихли.

Суки всеми силами поддерживали лагерный режим и сотрудничали с администрацией потому, что привольно жить в лагере они могли только в условиях самого сурового режима и насилия. Опять же администрация всегда поддерживала сук и оказывала им протекцию, потому что без их помощи она не могла бы удерживать режим на уровне поставленных перед нею задач.

И всё же молотобойцы не могли вечно сидеть в своих камерах — как бы там ни было, а это всё же тюрьма — и, когда считали, что опасность для них миновала, выходили в зону.

Так как-то вышел из тюрьмы молотобоец Сикорский. Он сразу возглавил бригаду и вывел её на работу. Но не успела ещё бригада приступить к работе, как бригадира не стало. Он лежал на снегу мёртвый, без каких-либо следов ранения.

У молотобойцев опустились руки.

Но самой большой грозой для заключённых нашей зоны был не Сикорский, а Бухтуев. Этот здоровяк никогда не искал укрытия в молотобойке. Он не боялся никого; его боялись все. Все перед ним широко расступались и далеко его обходили. Но в конце концов нашлись такие, что не уступили ему дороги, а пошли на него... И хоть Бухтуев не погиб, а только был тяжело ранен, в его психике произошли радикальные изменения: он сам стал бояться — поголовно всех!

Но начальство не оставило его на произвол судьбы (мог ещё понадобиться), а спрятало в БУРе одного из лаготделений Норильлага. (Норильлаг — лагерь для уголовных преступников. Это не совсем так: в Норильлаге было немалое число «политических»; Горлаг же был предназначен для «особо опасных» государственных преступников. Но по каким критериям администрация определяла «особую опасность заключенных персонально, не знала, возможно, она

сама. — Ред.) Таким образом Бухтуев оказался, как любили зло шутить заключённые, «на даче». Он оказался лёгким на руку: число «дачников» стало быстро расти и достигло приблизительно тридцати человек.

Управление Горлага не могло примириться с таким положением. Конкретных виновников смерти Горожанкина, Сикорского и ранения Бухтуева установить не удалось. Заработала следственная тюрьма. Заподозренных пропускают через молотобойку и тащат на допросы. На вопросы следователей заключённые не отвечают, а требуют упразднения молотобоек.

И произошло невероятное: молотобойки упразднены!

Никто больше не боится бригадира, никто не таится разговаривать на своём языке. Климат в Норильских лагерях явно изменился, но подполковнику Сарычеву и тем, кто с ним, он пришёлся явно не по вкусу. Да, теперь этот климат не нравился им.

Восстание

Мы понимали, что ГУЛАГ не потерпит такого положения и примет против нас решительные меры. Но мы были готовы ко всему, только не к сдаче занятых позиций. Русские предложили, чтобы мы совместно с ними подготовили к побегу трёх заключённых, которые могли бы перейти границу и проинформировать мировую общественность о нашем положении.

Но подготовка группы, которой с нашей стороны занимался автор этих строк, а с русской — бывший старший офицер русской армии Пётр Дикарев, проходила очень вяло; за всю зиму мы практически не сделали ничего. Причиной тому было то, что между нами и русскими не было к тому времени необходимого в таких случаях доверия.

Внезапно умирает Сталин. Заключённые надеются на амнистию. Но впустую. Как настоящие большевики, наследники Сталина не имели ни малейшего намерения склоняться в сторону гнилых либеральных реформ. Советская власть и дальше будет твёрдой, непоколебимой и беспощадной.

В такой ситуации те заключённые, что не полагались на милость Москвы, оживили подпольную деятельность, которая велась в Норильске на протяжении уже нескольких лет.

Русские заключённые тоже сумели оценить сложившуюся ситуацию и потому хотели объединить все подпольные группы в один кулак. Идея была неплохая, но в тогдашних условиях она оказалась нежизненной из-за наших расхождений с русскими. Проиллюстрирую это на собственном опыте.

Как-то на Горстрое ко мне подходит один из очень активных, умных и рассудительных русских заключённых — Владимир Заонегин — и говорит:

— Знаешь, Евгений, мы, русские, решили собраться в узком кругу с тем, чтобы наметить дальнейшие пути борьбы против большевизма. Мы хотим, чтобы среди нас был и ваш представитель. Мы можем принять тебя или поговори там со своими, и кого вы пришлёте, того мы примем. Больше одного принять не сможем, поскольку ты сам понимаешь, что это должен быть очень узкий и хорошо законспирированный круг.

— Хорошо,— отвечаю я,— этот замысел я одобряю, но прежде, чем дать вам ответ, мы хотели бы знать ваши мысли относительно отделения Украины от России.

— О нет! Нет! — категорически возразил Заонегин.— Про это и речи не может быть!

— В таком случае,— ответил я,— хотя я ещё ни с кем не говорил, но могу уже дать вам наш ответ. А ответ такой: ни я, ни кто-либо другой из нас на ваше сборище не придёт. Мы не хотим класть свои головы

только за то, чтобы сменить цвет нашего хомута; мы хотим сбросить его с нашей шеи!

На этом и кончилось. Заонегин насупился, молча отвернулся от меня и пошёл прочь. Больше я его никогда не видел.

Тем не менее, невзирая на все наши разногласия, обстоятельства вынудили нас, хотя бы на некоторое время, собраться в один кулак. У нас начали стрелять без предупреждения. Так, на Горстрое конвоир, без каких-либо на то оснований, застрелил заключённого, подносившего к своему рабочему месту доску. Через некоторое время из тюрьмы берут одного заключённого, выводят в тундру и там «при попытке к бегству» расстреливают.

Но это было только испытание нервов или разведка боем. Генеральное наступление началось лишь тогда, когда генерал Семенов, начальник управления Горлага, вернулся из своей очередной поездки в Москву.

Начало было такое: в 5м лаготделении спешно отгородили несколько бараков под штрафной лагпункт и так же спешно начали свозить туда всех подозрительных и непокорных заключённых. Одновременно в нескольких зонах провели серию расстрелов. Так, в 1м лаготделении расстреляли двоих человек (стрелял ст. лейтенант Ширяев), в 4й — одного. Это был Эмиль Софронюк (из украинских немцев).

25 мая 1953 года мы выходим на работу. Все угнетены; к работе не приступаем. Вдруг возле 5й зоны, находившейся неподалёку от Горстроя, затрещал автомат. Мы почему-то были уверены, что и на этот раз без жертв не обошлось. Наконец узнаём, что один убит, а шестеро ранено.

Некоторые заключённые, которые приступили было к работе, опустили руки. Вся работа на Горстрое стихийно остановилась. Люди беспорядочно забегали, засуетились. Наиболее активные заключённые начали выкрикивать: «Нас убивают! Не будем работать! Вызовем из Москвы комиссию!»

Но по мере того, как первоначальный порыв возмущения ослабевал, разбушевавшаяся стихия стала успокаиваться. Особо боязливые и осторожные возобновили работу. По всему Горстрою то тут, то там начали тарахтеть, вгрызаясь в вечную мерзлоту, вездесущие перфораторы, словно извещая о возобновлении работы.

Нам, сторонникам забастовки, нужно было во что бы то ни стало остановить работу, ведь теперь у нас был именно тот инцидент, который задел за живое каждого и которого мы ждали ещё в Караганде. Упустить такой подходящий случай было бы для нас непростительным грехом.

Поэтому мы небольшими группами разбрелись по всей стройплощадке, чтобы уговорить тех, кто возобновил работу. Люди слушали нас, соглашались с нами, но, вслушиваясь в тарахтение перфораторов, которые не могли смолкнуть враз, снова приступали к работе. Все наши усилия были тщетны. Наконец мне пришла мысль пойти на компрессорную станцию, которая давала сжатый воздух для всего Горстроя, и остановить её. Все перфораторы замолчали. Вслед за ними остановилась и вся остальная работа. И на этот раз уже окончательно!

Так наше стихийное возмущение превратилось в организованное выступление.

(На импровизированном митинге было решено бастовать, не покидая производственную зону Горстроя, до тех пор, пока сюда не прибудет специальная комиссия из Москвы — местному руководству доверять нельзя — для расследования творящихся беззаконий. — *Ред.*)

Руководство Горлага притихло. В нас уже никто не стреляет, более того — даже не угрожает. Но нас решили взять голодом. На Горстрой не привозят еду — один день, другой, третий.

Утром на третий день к нам в сопровождении подполковника Сарычева и ещё нескольких старших офицеров подошёл генерал-майор Панюков, кото-

рый специально прилетел сюда из Красноярска. Он властно и самоуверенно потребовал, чтобы мы вышли на работу, а он, мол, расследует все нарушения законности, которые тут случились.

Мы не согласились с ним и заявили, что приступим к работе только тогда, когда из Москвы в Норильск прибудет правительственная комиссия.

— Вы срываете государственный план! — начал угрожать Сарычев, — Горстрой уже три дня простаивает! Это уже саботаж! Не хотите работать, так чёрт с вами, не работайте! Отправляйтесь в свои зоны и там дожидайтесь комиссии, а мы приведём сюда других работников. Люди у нас есть.

— Грицяк, — обратился он ко мне, чем дал мне понять, что за всё это я понесу ответственность,- выводите людей из Горстроя!

— Тут никакого срыва плана нет, — ответил я. — Прикинем: с конца войны (войну в расчёт не берём) прошло семь лет. За всё это время заключённые Норильска не имели ни одного выходного дня. Выходит, что мы опередили график работ больше, чем на четыреста дней. Так про какой срыв плана вы говорите?

Сарычев помолчал какое-то время, а потом обратился уже ко всем:

— Отправляйтесь в лагерь, — уговаривал он. — Тут вы голодные, а там вас ждёт ваша пайка. Вот и идите.

Мы не шли ни на какой компромисс. Но, тем не менее, много заключённых начало всё-таки склоняться к тому, чтоб возвращаться в лагерь. Голод, как говорят, не тётка. К тому же у курильщиков исчерпались все запасы махорки, что ещё больше донимало их, чем голод.

Для того, чтобы как-то помочь этой беде, на одном из домов, которые мы строили, установили надпись: «Нас убивают и морят голодом!»

Надпись сделала своё дело: в тот же день нам привезли ужин, но к нему уже никто не притронулся. Большинство заключённых всё настойчивее настаи-

вало на немедленном возвращении в лагерь. (Что ж — надо возвращаться. Но прежде, чем вернуться в жилую зону), договорились с заключёнными 5-го лаготделения, что будем продолжать нашу борьбу в лагере.

В своей 4й зоне мы застали такую картину: в знак солидарности с нами все заключённые, которые были в зоне, объявили голодовку и уже три дня голодали. Теперь мы договорились, что голодовку прекращаем, но утром на работу не выходим.

Мы делали своё, а администрация лагеря — своё. Утром, словно ничего и не было, по всем баракам затрещали электрозвонки, оповещая, когда какой колонне подходить к вахте. Наша зона делилась на четыре колонны. Первой подходила к вахте 1я колонна, за ней вторая, третья, четвёртая. Я был в четвёртой колонне, которая всегда подходила к вахте последней. В нашем бараке, как и было условлено, никто на работу не готовился, и мы полагали, что так всюду. Но ко мне прибегает один заключённый и говорит, что первая колонна уже выходит на работу. Это был явный провал. Я побежал к вахте.

Увидев, что за открытыми воротами уже стоит группа заключённых первой колонны, а другие готовы к выходу, я подхожу к старшему надзирателю, командовавшему разводом на работу, и неожиданно для всех придираюсь к нему:

— А это что такое? — спрашиваю. — Кто дал вам право выпускать людей на работу? Что это за самоуправство? А ну закрывайте ворота!

— А вы, бараны, куда? — обратился я к заключённым. — На зарез? А ну марш все по баракам, чтоб ни одной ноги тут не осталось!

Все разбежались по баракам; те, что уже были за воротами, вернулись в зону. Ворота закрылись; развод на работу был сорван.

Электрозвонки на протяжении многих лет вызывали заключённых 4-го лаготделения на работу и были заменителями команды; вылетай без послед-

него! Прозвучал звонок и — все на работу! Так называемых отказчиков от работы в Норильске не признавали. Все индивидуальные протесты подавлялись немедленно и крайне жестоко.

Как-то один заключённый 4й зоны решил не выйти на работу. А чтобы его не выпихнули из барака силой, он лёг на нары раздетый. На дворе трескучий мороз. По окончании развода надзиратели стянули его с нар, выволокли на улицу, затолкали в деревянный бушлат — ящик для вывоза трупов,— бросили туда его одежду и, вывезя на санях за вахту, выворотили его на снег. Бедняге не оставалось ничего иного, как второпях одеться и пойти в сопровождении спецконвоя на работу.

Шесть других заключённых, которых привезли под конвоем в баню 5й зоны, отказались одеваться и выходить из зоны, пока не увидят прокурора. Но вместо прокурора они увидели старшего сержанта, который стал перед ними с автоматом в руках.

— Вот вам прокурор! — сказал старший сержант и расстрелял всех шестерых на месте.

Таким способом в Норильске — и не только в Норильске — подавляли любую идею протеста в самом её зародыше; все попытки протеста имели только негативные последствия.

Потому-то и не удивительно, что заключённые 4й зоны, хотя и помимо своей воли, а всё-таки выходили из бараков, как только прозвучал зловещий сигнал — вылетай!

На шестой день я подозвал Васыля Дерпака и сказал ему, чтобы он хорошенько осмотрел сеть сигнальных электропроводов и повредил её. Через 10–15 минут довольный собой Дерпак вернулся и доложил, что все электропровода оборваны.

Электрозвонки замолкли, и теперь уже никто и не думал собираться на работу.

Руководство лагеря усилило внешнюю охрану, но к каким-либо решительным действиям не прибегало. Только в 5м лаготделении администрация

попробовала напустить на заключённых конвоиров, вооружённых дубинками. Но все попытки взять заключённых «голыми руками» не дали никакого результата. Внутренний надзор администрации мы полностью парализовали и распоряжались собой сами.

Используя такое бесконтрольное положение, мы поставили на сцене лагерного клуба пьесу Тараса Шевченко «Назар Стодоля». Эта пьеса была подготовлена ещё до начала забастовки, но, увидев подготовленную к 1му действию сцену, начальник культурно-воспитательной части запретил ставить её из-за того, что там, как он выразился, слишком много украинского патриотизма. А теперь эта пьеса имела такой бешеный успех у заключённых, что её пришлось ставить шесть раз!

Так начиналась и разворачивалась наша борьба. А теперь предоставлю слово секретным документам того времени, которые дают нам представление о взгляде на нашу борьбу и реакцию на неё со стороны тюремного управления. Эти документы были опубликованы в московском журнале узников тоталитарных систем «ВОЛЯ», № 1 за 1993 год (публикации А.Дугина)

По состоянию на 6 часов утра 30 мая с. г. в 4, 5, 6 лаготделениях обстановка остаётся без изменений. Заключённые из трёх лаготделений по-прежнему никаких активных действий не проявляют, питание не принимают

М. Кузнецов

30 мая с. г. тт. Звереву, Семенову и Коваленко дано указание: заключённым, отказывающимся принимать пищу, питание не выдавать, что приведёт к ослаблению их сопротивляемости и ускорит ликвидацию неповиновения. К отказчикам от работы физического воздействия не применять.

Перевод агентуры в лагерные отделения 4, 5 и 6 из других лагерных отделений для разложенческой работы не следует, используя для этих

целей проверенную агентуру из числа заключённых 4, 5 и 6 лаготделений….

Начальник Тюремного управления МВД СССР,
полковник Кузнецов

Агентура в политических лагерях была довольно-таки многочисленной. В нашей 4й зоне были выявлены списки всех агентов оперчекистского отдела. Там насчитывалось 620 агентов, т.е. завербован был каждый пятый заключённый. Это та самая норма, что была введена среди всего населения великого Советского Союза, где так «вольно» дышал человек!

И нет ничего удивительного в то, что оперчекистский отдел был уверен, что без его ведома никакое организованное выступление заключённых невозможно. А когда это невозможное стало возможным и даже совершившимся фактом, чекисты схватились за головы и до конца существования Советского Союза спрашивали нас: «Как вам удалось это организовать?»

«Проверенная агентура» не оправдала надежд оперчекистского отдела, по-видимому оттого, что все агенты поступали на свою «службу» принудительно. Их вербовали с помощью таких испытанных методов, как обещания, угрозы, пытки. Один из них, врач С., рассказал, что его подвесили к перекладине вверх ногами и не опустили, пока он не дал своего согласия.

Такие люди, как пишет Алла Макарова в уже упоминавшемся журнале «ВОЛЯ», «несли двойное бремя заключения». Поэтому одни только числились в списках, другие работали как попало, а те, что и хотели бы прислужиться, не могли ничего знать. Потому-то агентура и не сработала; она тоже хотела свободы.

В такой непривычной для себя ситуации администрация лагеря оказалась беспомощной, что и привело к вызову комиссии из Москвы. Про этот факт красноречиво свидетельствует следующий документ.

Документ № 9.

…Учитывая, что все ранее предпринимавшиеся нами меры результатов не дали, а местные условия не дают возможности предпринять какие-либо другие меры, которые бы обеспечили успешную ликвидацию сопротивления и наведение порядка в лагере, прошу направить комиссию из центра.

Заместитель начальника Тюремного управления МВД, полковникКлеймёнов

И вот 6-го июня в нашу зону вошла группа высокопоставленных лиц. Один из них, в чине полковника, выступил вперёд и сказал:

«Москве стало известно про беспорядки, которые творятся в Норильске, в том числе и в вашем 4м лаготделении. Для того, чтобы выяснить положение на месте, Москва откомандировала сюда Правительственную Комиссию. Председателем комиссии назначен я — полковник Кузнецов, начальник Тюремного управления МВД СССР, личный референт Лаврентия Павловича Берии. Члены комиссии: начальник конвойных войск МВД СССР генерал-лейтенант Сироткин и представитель ЦК партии товарищ Киселёв. Поскольку мы с вами всеми переговорить не сможем, то предлагаем выделить из своей среды пятерых представителей, которые изложили бы нам все ваши претензии. Гарантируем, что никто из ваших парламентёров не будет репрессирован».

Комиссия не застала нас врасплох. Мы требовали её вызова, надеялись, что она прибудет, поэтому заранее были готовы к разговору с нею. Было разработано два варианта нашего поведения с нею. Какой из них выбрать — должно было зависеть от нашего ощущения настроения и намерений самой Комиссии: если мы увидим или как-то почувствуем, что Комиссия пришла с явно агрессивными намерениями, то мы должны были ограничиться только жалобами на наше нестерпимое положение. А если

комиссия отнесётся к нам лояльно и будет готова выслушать нас, то мы, помимо всех наших жалоб, должны были выдвинуть и ряд требований политического характера.

Группа представителей укомплектовалась очень быстро. Украинцев представлял я, русских — Владимир Недоростков, белорусов — Грыгор Климович. Фамилии ещё двух представителей не были мне известны. Через некоторое время к нам присоединились ещё двое заключённых. Один из них был тоже украинец Мирослав Мелень.

Тем временем возле вахты и, для большей безопасности, недалеко от сторожевой вышки уже стоял накрытый красной скатертью стол, за который сели члены Московской комиссии вместе со своим секретарём.

Вот и мы медленно, руки назад, подходим к столу. Один из членов комиссии, которого Кузнецов назвал товарищем Киселёвым, указывает на меня пальцем и спрашивает: «Фамилия? Фамилия?» Я молча смотрю на свой номерной знак. Кузнецов понял намёк и говорит: «Зачем тебе его фамилия? Не видишь — номер У777? Вот это и есть вся его фамилия». А повернувшись лицом ко мне, добавил: «Ну, ничего. Мы снимем с вас эти номера; они не нужны ни вам, ни нам. Садитесь и рассказывайте. И, кстати, вы сами сюда пришли или вас народ прислал?»

Я показал рукой на заключённых, стоявших на расстоянии тридцати-сорока метров сплошной стеной, и сказал: «Спросите!»

— Ну, хорошо, хорошо, верим,— сказал Кузнецов, признавая нас полноправными представителями.— Говорите, мы слушаем.

Тут к столу подошёл начальник Управления Горлага генерал Семенов. Я заявил, что в его присутствии мы говорить не будем.

— Семенов! — гаркнул на него Кузнецов,— а ты чего тут стал? А ну убирайся отсюда!

Вот как эта встреча отражена в документах МВД:

Совершенно секретно

Справка

6-го июня 1953 года бригадой работников МВД СССР была проведена беседа с представителями, выделенными заключёнными 4-го лаготделения Горного лагеря. В качестве представителей от заключённых выступали: Гальчинский, Недоростков, Грицяк, Генк, Климович, Мелень, Дзерис.

Беседа длилась в течение 3х часов. В начале беседы заключённые заявили о том, чтобы местное лагерное руководство не присутствовало, а затем спросили, с кем они будут говорить, на что получили ответ, что говорить они будут с комиссией, назначенной Л. П. Берия.

Зам. нач. 5 отдела УМВД
Красноярского края — капитан г/б
/Сигов/

(Примечание: этот документ взят не из упомянутого журнала «ВОЛЯ», а получен автором лично.)

Семенов «убирается», а я начинаю рассказ с вопиющих фактов нарушения законности в Горлаге ещё в 1946 году. Побагровевший от ярости Кузнецов перебивает меня:

— Про что вы нам рассказываете? Вы сами-то когда сюда приехали?

— Ещё и года нет,— отвечаю.— Но я говорю вам то, на что меня уполномочили люди, вон там стоящие перед вами. Это все они вам говорят.

Кузнецов больше не перебивал меня, а я, высказав ему все жалобы, продиктовал наши требования, которые звучали приблизительно так:

1. Прекратить расстрелы и все другие проявления беззакония в лагерях.
2. Заменить всё руководство Горлага.
3. Сократить рабочий день в лагерях ГУЛАГа до 8ми часов.
4. Гарантировать заключённым выходные дни.
5. Улучшить питание заключённых.

6. Разрешить переписку и свидания с родными.

7. Вывезти из Норильска на материк всех инвалидов.

8. Снять с бараков замки и решётки, а с людей — номерные знаки.

9. Отменить решения так называемого Особого совещания как неконституционного органа.

10. Прекратить пытки на допросах и практику закрытых судебных процессов.

11. Организовать пересмотр «дел» всех политзаключённых.

В заключение этих переговоров Кузнецов заявил, что он доведёт до ведома правительства все наши требования и, заверив, что стрелять в нас больше не будут, предложил нам выйти на работу. Мы согласились.

Позднее Кузнецов провёл подобные переговоры с представителями 5-го, 6-го и 1го лаготделений Горлага. Заключённые 3го (каторжного) лаготделения полномочий Московской комиссии не признали.

Особенно стойкими в этой неравной борьбе оказались женщины 6-го лаготделения, которых насчитывалось там свыше шести тысяч. В дополнение к забастовке они объявили голодовку и голодали до прихода комиссии целых шесть дней. 9 июня все лаготделения, за исключением 3го, приступили к работе. В тот же день Кузнецов известил нас, что правительство рассмотрело наши заявления и постановило:

1. Заменить руководство Горлага.

2. Сократить рабочий день до 8ми часов.

3. Гарантировать выходные дни.

4. Разрешить заключённым отсылать по два письма в месяц и иметь свидания с родными.

5. Снять с бараков замки и решётки, а с одежды заключённых — номерные знаки.

6. Вывезти из Норильска всех инвалидов.

— Кроме того,— добавил Кузнецов,— советское правительство заверило, что со временем будут пересмотрены все дела осуждённых.

Так закончился первый этап нашей борьбы, которая по своему размаху и значению вышла далеко за рамки обычной забастовки.

Возобновление борьбы

Мы высоко подняли головы, а наши каратели понурились. Как-никак, а данное нам обещание заменить всю администрацию лагеря не предвещало для них ничего хорошего. И впрямь, скоро нас известили, что генерал-майор Семенов снят с должности начальника Управления и назначен его заместителем. Новым начальником назначен генерал-майор Царёв. Кроме этого, нам сказали, что ст. лейтенант Ширяев и старшина Бейнер, которых мы обвиняли во многих убийствах заключённых, сидят уже в тюрьме.

Но всё это делалось так, для вида. Семенова не заменили, только понизили в должности, про Ширяева и Бейнера мы знали только то, что нам было сказано. А на самом деле? Поэтому мы не могли успокоиться. Мы хорошо знали, какой будет наша судьба после того, как комиссия вернётся назад в Москву, а мы снова окажемся с глазу на глаз со старой администрацией.

Комиссия, однако, не торопилась покидать Норильск. Каторжники 3-го лаготделения всё ещё сопротивлялись. Разгневанный Кузнецов пробует морить людей голодом. В зону перестали завозить продукты, перекрыли воду. Каторжники решили известить об этом население города. Среди них нашёлся специалист по типографскому делу Петро Мыколайчук из Умани, который мастерски выдолбил на камне разные тексты для листовок. Люди принесли все свои запасы бумаги, и начался массовый выпуск листовок. Некоторые листовки писались просто от руки. Первая серия этих листовок сообщала населению города про то, что заключённых морят голодом, не дают воды.

Листовки разбрасывались по городу оригинальным способом. Семь бумажных змеев, поднимаясь вверх, несли с собой до 300 листовок каждый. Листовки подвязывались под змеем скрученными в трубку и перевязанными ниткой. Из-под нитки свисал подожжённый ватный фитиль. К тому времени: когда змей поднимался достаточно высоко, фитиль догорал и пережигал нитку; листовки рассыпались во все стороны. А дальше ветер разносил их по всему городу и даже далеко за его пределы. Некоторые из них долетали даже до Игарки.

Конвоиры пробовали стрелять по змеям. Случалось, и попадали, но это не прерывало их полет. Так на Норильск было выпущено около сорока тысяч листовок. В городе были созданы специальные комсомольские бригады, которые эти листовки собирали.

Однако уже первая серия листовок сделала своё дело: в зону завезли продукты, пустили воду.

Ободрённые своим успехом заключённые 3го лаготделелния ежедневно извещали население города о состоянии своих дел и о своих требованиях к правительству. Для ознакомления приведу некоторые образчики этих листовок.

Нас расстреливают и морят голодом
Мы добиваемся вызова Правительственной Комиссии. Мы просим Советских граждан оказать нам помощь — сообщить правительству СССР о произволе над заключенными в Норильске

Каторжане 3го отд.

Солдаты войск МВД!
Не допускайте пролития братской крови
Да здравствует мир, демократия и дружба народов.

Каторжане Горлага

В ночь на 29 июня пьяные офицеры — Полостяной, Калашников, Никифоров и другие — ворвались с оружием в лагерь и приказали солдатам открыть огонь по беззащитным.

Советские граждане! Сообщите правительству! Предотвратите очередной Рюминский произвол.

Каторжане Горлага.

Граждане цементного, кирпичного, известкового завода, не верьте отщепенцам, которые бросили своих братьев по заключению и по приказу капитана Шахматова наговаривают на них напраслину, якобы мы хотим вырваться за зону и Вас всех побить и изнасиловать. Мы с вами работали на заводах, разве мы вольнонаемных хоть одного оскорбили или обидели? Позор предателям, убежавшим из зоны: Силецкому, Аржанову, Яковлеву, Спасебе, Махутину.

Каторжане Горлага

Примечание: образцы этих листовок получены автором в музее города Норильска в 1993 году во время презентации музея. Среди многочисленных экспонатов, которые освещают события 1953 года, там, над головами посетителей, гордо возвышается один из тех легендарных змеев, что в своё время поднимали высоко в воздух свёртки листовок каторжан.

Однако Кузнецов не мог сосредоточить всё своё внимание на одном 3-м лаготделении, потому что, наверное, побаивался, что другие лаготделения могут снова восстать; на этот раз уже в знак солидарности с каторжанами. Поэтому он сперва решил учинить расправу над инициаторами и активистами сопротивления в тех лаготделениях, где борьба уже была прекращена.

А тем временем из Москвы в Норильск прибыл помощник Генерального Прокурора государственный советник II ранга Вавилов.

Расправа над нами началась таким образом: 22 июня из 5-го лаготделелния в 4-е переводят «по хозяйственным соображениям» семьсот заключённых. Этапный список был составлен так, что в него, кроме обычных, ни в чём не замеченных заключённых, входили все те, кто подлежал немедленной изоляции. Вели их под конвоем, но не всех сразу, а отдельными группами, по сто человек в каждой. И провели их напрямик через тундру. Посреди тундры, в ложбине, так, чтобы ниоткуда не было видно, первую группу встречает полковник Кузнецов с членами своей комиссии и группой офицеров и надзирателей Горлага. От группы отделяют пятерых заключённых и под спецконвоем отводят в неизвестном направлении. Остальных приводят в нашу 4-е лаготделение. Через такую процедуру отсева прошли все семь групп заключённых, переведенных к нам из 5-го лаготделения.

Таким образом, расправа, которую мы ожидали лишь после того, как Московская комиссия покинет Норильск, началась не только в присутствии Комиссии, но под её непосредственным руководством. Мы поняли, что это было только начало, что такой отсев неминуемо произойдёт во всех лаготделениях, и почему-то верили, что расправа над нами будет «мокрой».

— Их всех перестреляют! — обратился я к заключённым, которые прибыли из 5-го лаготделения.— Мы должны их спасать! Сделаем так: вы подходите к вахте и требуете, чтоб вам вернули их всех назад. Если их не вернут, вы не выходите на работу, а мы, в знак солидарности с вами, тоже не выйдем. Надо дать им ощутить, что с нами нельзя делать всё, что им вздумается.

Но заключённые 5-го лаготделения моё предложение отклонили. Возможно, их отношение к этой проблеме обусловливалось, в первую очередь, инстинктом самосохранения. Теперь, когда над их

головами буря уже пронеслась и их не задела, они предпочитали притихнуть, чтобы, чего доброго, не накликать на себя новую беду. Никто уже не хотел рисковать своей жизнью.

Мы волей-неволей приготовились к выходу на работу, но ещё ожидали прихода с работы нашей первой смены. Вдруг по всем баракам затрещали электрозвонки, забегали надзиратели, торопливо подгоняя людей к вахте.

Я пошёл к вахте, а несколько заключённых вскарабкались на крышу самого высокого барака, чтобы проследить, что делается на Горстрое, где работала наша первая смена.

Ворота вахты уже открыты; возле них стоит начальник лаготделения ст. лейтенант Власов.

— Что это такое, Власов? — спрашиваю его.

— Как это что? Обычный выход на работу,— отвечает он.

— А почему вы его раньше времени начинаете?

— Это не раньше времени. Вам уже пора выходить.

— А вы знаете, что после того, как у нас введен восьмичасовый рабочий день, мы выходим на работу только тогда, когда с работы придёт наша первая смена?

— Первая смена уже идёт. Вы с нею встретитесь.

Тем временем наблюдатели с крыши сообщили, что с Горстроя ещё никто не вышел.

— Неправда,— возразил я Власову.— С Горстроя ещё никто не вышел. Так что знайте, что пока в зону не войдёт наша первая смена, мы на работу не выходим!

Власов пошёл к телефону, а я остался караулить возле вахты. С крыши сообщили: с Горстроя вышла группа заключённых, около ста человек, и направилась в тундру.

Ко мне подходит Власов и говорит:

— А теперь ваши уже идут. Выходите и убедитесь, что это правда.

— С Горстроя вышло сто человек, и их повели не в лагерь, а в тундру,— говорю я Власову.— Я ещё раз заявляю вам, что мы не выйдем на работу до тех пор, пока не увидим их всех вот здесь и не убедимся, что ни с кем ничего плохого не случилось.

Увидев, что первую группу людей конвой повёл в тундру, а не в лагерь, остальные заключённые нашей первой смены отказались выходить с Горстроя.

Таким образом, план отсева заключённых смены 4й зоны не только провалился, а и вызвал новую волну организованного протеста.

Вскоре та группа заключённых, которую с Горстроя повели было в тундру, подошла к вахте. Это была последняя попытка администрации лагеря выправить положение.

— Ну вот, Грицяк,— говорит Власов.— Люди пришли; выходите на работу!

— Пришло сто человек,— отвечаю ему,— а на работе свыше двух тысяч. Где остальные?

— Нас не сто,— услышав мой разговор с Власовым, отозвались из-за вахты заключённые,— семерых от нас в тундре забрали!

— В таком случае,— заявил я Власову, наш разговор закончен. На работу мы не выйдем до тех пор, пока вы не вернёте нам тех семерых, которых так по-бандитски у нас выкрали.

Обернувшись к заключённым, толпившимся неподалёку, я пояснил им всю сложившуюся ситуацию и посоветовал отойти от вахты и не выходить на работу.

Все разошлись. 93 человека из первой смены вошли в зону. Начался второй этап нашей борьбы за право жить.

К той группе заключённых 4-го лаготделения, что осталась на Горстрое, прибыла ещё одна комиссия во главе с ближайшим помощником Берии — генералом Гоглидзе. Гоглидзе потребовал, чтобы все заключённые покинули Горстрой и вернулись в свое лаготделение. В ответ заключённые выдвинули требования

освободить из лагерей и реабилитировать тех заключённых, которые были участниками или жертвами Отечественной войны, отменить 25летние сроки заключения, освободить осуждённых за происхождение (дворян, детей кулаков и т. п.), а также всех тех, кто до 1939 года не имел советского гражданства, тех, что осуждены за намерения, а не конкретные действия, по подозрению и т. п.

Генерал Гоглидзе, разумеется, решить эти вопросы сам не мог. Поэтому все торги с генералом закончились тем, что заключённые согласились вернуться в свою зону, но с условием, что их не будут разбивать на группы, а отправят всех сразу.

Заключённые 5-го и 6-го лаготделений были солидарны с нами и также возобновили свою борьбу.

Мы как-то интуитивно чувствовали, что борьбу обязательно нужно продолжать, что наши достижения нестабильны, что уступки, на которые так легко пошла Москва, были только маневром для оттягивания времени, а за ним неминуемо наступит расправа над нами и новое ужесточение режима.

Для этих опасений у нас были весомые основания. Мы хорошо знали, что любая попытка организованного или индивидуального протеста в лагерях заканчивалась для протестовавших трагически. До нас доходили слухи о том, что в одном из лагерей близ Салехарда за попытку организованного протеста было расстреляно четыреста человек.

А мой близкий земляк, Борис Горбулевич, рассказал нам, что в 1947 году в одной из зон так называемого Ивдельлага случилась такая история:

Бывший полковник красной армии, заключённый Вишняков, как-то высказал своё возмущение по поводу произвола и издевательства над заключёнными со стороны лагерной администрации. За это его немедленно посадили под следствие. Вместе с ним под следствием оказалось ещё 29 бывших армейских офицеров и двое заключённых, никогда не имевших отношения к армии. Одним из них был и Борис Гор-

булевич. Вся эта группа, руководителем которой считался полковник Вишняков, обвинялась в том, что она поддерживала связь с иностранной разведкой и имела задание свергнуть советскую власть. План свержения был крайне прост: группа Вишнякова организует нападение на охрану своей зоны, разоружает её и раздаёт оружие остальным заключённым. Вооружённые заключённые нападают на соседние зоны, снова разоружают охрану, вооружают освобождённых заключённых и тогда уже объединёнными силами захватывают город Свердловск. В Свердловске Вишняков провозглашает временное правительство, организует поход на Москву и — точка!

Про «план» Вишнякова немедленно известили Москву. Перед следствием поставлено задание как можно быстрее добиться признания от всей группы. Следствие было проведено мастерски: все 32 заключённых не только признали свою вину, но и указали, где, когда и от кого получали задания.

Поскольку выстоять перед напором следствия никто не мог, то все решили «сознаться» и нарочно плели такую бессмыслицу, чтобы потом, во время судебного рассмотрения, легко было всё отрицать и поставить следствие в дурацкое положение.

Так, полковник Вишняков припомнил эпизод из одного детективного романа и использовал его для своего «признания». Он назвал ресторан в городе Гданьске и фамилию агента, который дал ему там задание. Название ресторана и имя агента он взял из романа.

Другой заключённый, бывший курьер Коминтерна Трибрат, назвал фамилию и венский адрес реального лица, то есть генерального секретаря австрийской компартии, которому он, Трибрат, доставлял в своё время коминтерновскую почту. Таким образом глава австрийских коммунистов превратился в агента американской разведки.

По завершении следствия из Москвы в Ивдель приехала специальная комиссия, чтобы собственными глазами увидеть таких опасных бунтарей.

Наконец начался суд. Но, к великому удивлению присутствующих суд признал все их предварительные показания достоверными и принял их за основу. Все получили по 25 лет лишения свободы (расстрелы тогда были временно отменены).

А что будет с нами теперь, когда мы, действительно, всколыхнули весь Норильск и бросили вызов самой Москве?

Но что бы там нам ни грозило, мы решили бороться, сколько хватит у нас сил. Первым шагом было объявление траура по всем тем, кого забрали от нас на расправу. В ознаменование этого события выставили два чёрных знамени на самых высоких бараках нашего лаготделения. На бараках 5-го лаготделения тоже появились такие же чёрные знамёна.

Эти знамёна раздражали администрацию больше, чем сам факт нашего невыхода на работу. А ко мне подходило множество заключённых с вопросом, что означает чёрное знамя. Я объяснял, что это знак траура по тем, кого от нас забрали, и одновременно это символ нашей печальной жизни.

Мне возражали:

— Чёрное знамя — это знамя анархистов. Вы что, провозглашаете анархию?! Траурное знамя — красное с чёрной каймой!

— У анархистов на их знамёнах изображение черепа со скрещёнными костями,— отбивался я.— А красное с чёрной каймой — большевистское. Мы под таким знаменем стоять не будем. Наше знамя — чёрное, как чёрная наша жизнь.

Так и не придя к согласию, мы разделились на две группы: первая — за чёрное знамя, а вторая — против него. Но это были только внешние признаки наших внутренних разногласий; корни их были намного глубже. В группу, которая выступала против чёрного знамени, входили те, кто противились продолжению

борьбы, потому что считали, что этим мы только усилим гнев Москвы и навлечём на себя ещё большую беду.

Группу эту возглавил Иван Кляченко-Божко. Это был пожилой человек, бывший коммунист, который на тот момент отбыл уже 21 год заключения (такие уникумы случались тогда ещё очень редко). Его широко знали и уважали все заключённые нашего лагеря. За 21 год своего заключения Кляченко-Божко много чего перевидал, а потому имел все основания не верить в успех какой бы то ни было борьбы. Но поскольку эта группа был незначительной, она ограничилась статусом оппозиции.

Как-то между мною и Кляченко состоялся такой разговор:

— Для чего ты всё это делаешь? — спрашивает меня Кляченко.

— Для того, чтобы помешать им прикончить тех, кого от нас уже забрали, и чтобы предостеречь их от дальнейших репрессий против нас. Мы должны убедить их, что при любой попытке дополнительного давления на нас мы снова восстанем.

— Они перестреляют нас всех и тогда уже будут уверены, что никакого восстания больше не будет!

— Не перестреляют! — в сердцах отрубил я.

— А что, постыдятся? Разве ты не слышал, что случилось в Восточном Берлине? Да там передавили танками немецких рабочих на глазах у всей Европы, а тут, на безлюдном Таймыре, они постыдятся стрелять в своих собственных политических заключённых? Ты думаешь, что говоришь?

— Не постыдятся и не побоятся, — отвечаю,— мы знаем, на что они способны. Но я ещё раз говорю, что мы потому и восстали, чтобы прекратить расстрелы, а не вызвать их. Я никого силком под пули не поведу и до того, чтобы в нас стреляли, не допущу. Да пока что у нас и нет никаких оснований бояться и капитулировать.

Кляченко остался не доволен нашим разговором, и мы холодно разошлись.

Меня позвали к вахте. Я пошёл вместе с Владимиром Недоростковым. В зону вошли Кузнецов с Вавиловым в сопровождении членов Московской Комиссии и старших офицеров Управления Горлага.

— Вы что! — гневно бросил Кузнецов. — Так меня встречаете? Я добился больших облегчений для вас, я добился, чтобы советское правительство пообещало пересмотреть все ваши личные дела! И как вы отблагодарили меня? В какое положение вы меня поставили?

После этого вступления он обратился к нам с Недоростковым:

— Чего вы хотите?

— Мы хотим, чтобы к нам вернули всех, кого забрали, так как мы имеем полное основание бояться, что вы их увели на расстрел.

— С чего бы это? — вмешался Вавилов. Скажите правду, вы слышали хотя бы один выстрел с момента приезда Московской комиссии?

— Нет, не слышали. Но объясните нам, почему вы нападаете на людей в тундре и увозите их неизвестно куда?

— Их отправили по этапу, — пояснил Кузнецов. — Администрация лагеря всегда имела право это делать.

— Мы здесь не новички и знаем, как формируются этапы. На этап людей берут из зоны, а не нападают на них в тундре.

— Мы утверждаем, что с ними ничего плохого не случилось. Выходите на работу!

— Верните к нам всех, тогда и выйдем.

— Мы еще раз уверяем вас, — сказал Кузнецов, — они в полной безопасности. Вот перед вами помощник Генерального Прокурора. Он приехал сюда, чтобы проследить за тем, чтобы в Норильске не было случаев нарушения социалистической законности. А кого нам нужно, того мы возьмем, имеем на это полное право!

— В таком случае, — говорю я, — мы согласны на компромисс. Давайте сделаем так: мы посылаем с вами комиссию, которая поедет с вами и посмотрит, где находятся эти люди, и в каком они положении. Когда делегаты вернутся назад и скажут нам, что там все нормально, а вы пообещаете больше так не делать, тогда мы организованно выйдем на работу.

Кузнецов не принял мое предложение и ушел из зоны.

Наконец он решил оставить нас без воды, которая поступала в зону через насосную станцию из тундры. На станции постоянно дежурил один заключенный, которого охраняли два конвоира. И вот, во время дежурства заключенного, у которого была величественная кличка Лев, на станцию приходит офицер с приказом перекрыть воду. Лев категорически отказался это сделать. Офицер начал угрожать. Тогда Лев говорит офицеру: «А вы подумали, что может быть, если мы перекроем воду? В зоне немедленно возникнет пожар. Заключенные сожгут все бараки. Кто тогда ответить за это? Если вы берете на себя ответственность за последствия, то напишите об этом в журнале, тогда я выполню ваш приказ».

Офицер вернулся ни с чем.

На первый взгляд может показаться, что Лев поступил совершенно логично и ничего необычного в его поступке нет. На самом деле это был героический поступок, так как Лев знал, в каких руках он находится, и что за такое неуважение к конвойному офицеру он мог быть расстрелян на месте.

Я был немного знаком с ним и знаю, что это был поляк родом из Житомира, учился в Киевском госуниверситете им. Т.Г. Шевченка. Вот и все сведения о нем. О других героях нашей борьбы я и этого не знаю. Разве не героями были заключенные, пикетировавшие проходную, чтобы не допустить в зону надзирателей, конвоиров или офицеров? Они постоянно стояли там, на расстоянии 15-20 метров от направленного на них

ствола пулемета, могущего ежеминутно заплевать их смертоносным свинцом. Но они стояли!

Более «осмотрительные» заключенные встречали меня на каждом шагу и спрашивали, почему у нас черные флаги и стоит ли эта борьба того, чтобы нас всех перестреляли.

Стоит! — отвечал я. — Ми восстали для того, чтобы в нас больше не стреляли. Кто может ответить, сколько тысяч нашего брата уже легло под Шмидтихой ни за что, ни про что? Так или иначе, смерть ежедневно караулит нас. Почему же вы, не боясь умирать поодиночке, боитесь умереть вместе? В конце концов, никто не заставляет вас умирать. Если я увижу, что наступил критический момент, мы приостановим борьбу, и расстрелов не будет.

Я снова пошел к проходной, так как один из связных меня предупредил, что меня вызывает Власов.

Власов стоял на пороге открытых дверей проходной, специально ожидая там, чтобы я как можно ближе подошел к нему. Но я остановился на безопасном расстоянии — по бокам два телохранителя — и спросил, что ему нужно.

— Пойдем со мной в штаб, — махнув головой в сторону выхода, сказал он, — с тобой хочет говорить Вавилов.

— Пусть придет сюда.

— Он сюда прийти не может, так как занемог.

— Жаль, — говорю я, — но ничего страшного нет. Как только ему станет лучше, пусть приходит, а я до этого подожду.

Тем временем конвоиры, охранявшие Льва на водонасосной станции, сказали ему: «Ну, скоро этому будет конец. Ваш руководитель уже арестован. Его позвали в штаб будто бы на переговоры, а он, дурак, думал, что с ним и вправду кто-то хочет говорить, и пошел. Но только он переступил порог проходной, как тут же его взяли, надели наручники и — в машину... Теперь вам уже и двух дней не продержаться».

Такой слух Кузнецов пустил среди солдат, наверное, потому, что был уверен в том, что его план удастся. А измученным и встревоженным солдатам необходимо было подать хотя бы какую-то надежду для поддержания их духа.

Но и мы со своей стороны не оставляли солдат без внимания и перебрасывали им записки, в которых разъясняли им, кто мы и чего требуем, и призывали не стрелять в нас.

На таких «обработанных» солдат командование уже не могло целиком положиться, и они были заменены другими.

Эта замена насторожила нас. Новые солдаты, которые не знали нас, были для нас угрожающей силой.

В результате этой замены значительно активизировалась и оппозиция. Мне доложили, что литовцы, белорусы и даже часть наших украинцев, которая пошла за Кляченком, угрожают организованно выйти на работу. Печально, но — факт!

Я нашел Кляченка, который лежал в своем бараке на нарах. Увидев меня вблизи, он спросил:

— Ты зачем пришел?

— Хочу поговорить с вами.

— А нам не о чем говорить, да и не хочу я с тобой говорить.

К литовцам я уже не пошел…

Так мы окончательно разделились на два противоположных лагеря: сторонников и противников продолжения борьбы. Но сторонников по-прежнему было больше.

Теперь мы уже ожидали, что солдаты могут ворваться в зону и схватиться с нами врукопашную, как это уже произошло в 5–м лаготделении, и приготовились к обороне.

Перед лицом нависшей угрозы у людей очень обострилось чувство кровного единства, поэтому все начали сплачиваться в национальные группы. Но это не означало, что мы разобщились.

Как-то раз ко мне подходят три эстонца и говорят:

— Мы — эстонцы. В это небезопасное время мы хотим быть вместе со всеми. Поэтому мы хотим получать от вас детальную информацию о всех ваших переговорах с Кузнецовым и о нашем положении в целом. Нас немного, но почти все — бывшие эстонские офицеры. Уверяем вас, что в случае необходимости, вы смело можете на нас положиться — мы сделаем все, что от нас потребуется. Просим не забывать нас. Вот наш представитель, через которого мы будем поддерживать с вами постоянный контакт.

Так же поступили латыши, поляки и немцы. С другими национальностями я был в личном контакте с самого начала.

После этого ко мне подошла еще одна делегация для установления контакта.

— Мы — немцы, — представились они.

Я удивленно посмотрел на них и пояснил, что видимо это, какое-то недоразумение, так как немцы у меня уже были и я с ними в хорошем контакте.

— Кто же у вас мог быть? — спросили удивленные немцы.

Когда я пояснил им, они рассмеялись:

— Ну, какие же это немцы? Это германцы. Настоящие немцы — это мы, российские немцы.

Таким образом, каждая национальная группа проявляла свою волю совместно продолжать борьбу.

Но одновременно консолидировались и оппозиционные группы. Они все более активно требовали прекращения борьбы. Появились листовки с призывом к сдаче. Ко всему этому администрации удалось распространить среди узников вымысел, что «беспорядки» в Норильске организовали украинцы для того, чтобы оторвать от России Советское Заполярье и присоединить его к Украине. Безумно? Да. Но чем безумнее выдумка, тем труднее ее опровергнуть.

Между тем украинцам намекнули, что они могут смыть свою вину, если ликвидируют своего руководителя.

Мы догадывались, что распространять эти слухи среди заключенных администрации могла через врачей, которым мы не только не запрещали входить в больницу, но и гарантировали полную безопасность.

Кузнецов снова пришел в зону и пригласил меня. Я снова пошел вместе с Недоростковым.

— Кто дал вам полномочия? — издеваясь, спросил Кузнецов. — Разве вы можете быть представителями трудового народа? А ну-ка покажите свои руки, какие на них мозоли?

Я своих рук ему не показал, а Недоростков как-то машинально вытянул свои руки вперед. Недоростков был инвалидом — имел больное сердце — и на работу не ходил; руки у него были мягкие и полные.

Кузнецов посмотрел на них и начал снова издеваться:

— Ну, какие же вы работники? На ваших руках даже мозолей нет. Теперь мне все стало понятно: народ хочет работать, а Грицяк удерживает его на ножах. Мы еще поговорим с народом и без Грицяка.

— Я поднял полы своего френча и сказал:

— Смотрите, где у меня ножи? А если желаете говорить с народом, то, пожалуйста, идите ближе к нему и говорите. Если народ пожелает выйти на работу, то пусть идет. Удерживать его никто не будет.

Кузнецов не изъявил ни малейшего желания приблизится к заключенным, которые стояли толпой на расстоянии в 30-40 метрах от нас. Ст. лейтенант Власов посмотрел на Кузнецова, потом перевел взгляд на меня и сказал:

— Давай пойдем! Я поговорю!

Приблизившись к заключенным, Власов спросил слабым и несколько дрожащим голосом:

— Ну, что, хлопцы, пойдем на работу?

— Пока в Норильск не приедет генеральный прокурор, никто на работу не выйдет, — заявил ему, как я узнал по голосу, Степан Венгрин.

— Вот видишь, Грицяк, как оно выходит? — уже смелее заговорил Власов, — кому-то одному нужен

генеральный прокурор, а пять тысяч людей не выходят на работу. Пускай их, пусть идут; люди хотят работать.

— Работать? — уже хором отозвались заключенные. — Сами работайте! Мы уже достаточно на вас наработались. Вам мозолей наших надо? А каких еще вам мозолей надо? Кровавых? Кровососы!

Кузнецов со своей свитой мгновенно выбрался за проходную, а Власов сначала боязливо попятился, а потом развернулся и рванул за проходную.

Мы чувствовали, что у Кузнецова приходит конец терпению, да и Москва, наверное, не гладила его по головке за то, что так долго возился с нами. Мы знали, что конец наш близок, но сдаваться не желали. Нам льстило, что мы заставили Москву обратить внимание на нас.

Внешне мы выглядели монолитно, но внутри между нами ни на минуту не стихало обсуждение: продолжать борьбу или нет?

Некоторые заключенные спрашивали меня:

— Что, уже выходим на работу?

— На какую работу? Кто вам такое сказал?

— Кляченко. Мы Кляченка знаем давно, а вас недавно. Кляченко говорит идти на работу, а вы — нет. Так кого нам слушать?

— Слушайте, кого хотите, — отвечал я, так как видел, что они и спрашивают потому, что охотнее послушались бы Кляченка.

И такие разговоры становились все чаще. Некоторые заключенные начали относиться ко мне очень агрессивно, но некоторые просто спрашивали:

— Ну, хорошо. Сначала мы восстали против расстрелов и требовали приезда Московской комиссии. Комиссия приехала, рассмотрела наши дела, дала значительные послабления… Так что же мы еще можем требовать?

Тем временем группа более образованных заключенных написала обращение заключенных 4 –го лаг-

отделения Горного лагеря к Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров и ЦК КПСС.

Обращение начиналось критическим анализом общественно-политической системы, в условиях которой создались наиболее благоприятные условия для подавления прав и свобод человека. Далее показывалось положение заключенных в тюрьмах и лагерях ГУЛАГа и, наконец, были повторно приведены наши расширенные требования, которые мы ставили перед Комиссией устно. В этом обращении были четко сформулированы требования прекратить по всей стране практику закрытых судебных разбирательств и применения пыток во время следствия, отмены всех решений так называемого ОСО (Особое совещание при Министре Госбезопасности. — Ред.), как неконституционного органа, прекратить преступные расстрелы в тюрьмах и лагерях и, наконец, пересмотреть дела всех политических заключенных.

Но, несмотря на такую открытую критику существующего строя и протесты против притеснений, которым мы постоянно подвергались, мы не относились совершенно враждебно к центральному правительству, так как надеялись, что после смерти Сталина вновь образованное правительство само попробует вывести страну на новый путь. Поэтому мы и заявили: «Наша цель — свобода!..» и «Мы хотим, чтобы с нами вели диалог не языком пулеметов, а языком отца и сына». Заканчивалось обращение предупреждением правительству: «Если наши требования не будут удовлетворены, то мы продолжим нашу сегодняшнюю тактику, где бы мы ни были!».

Теперь нужно было зачитать это обращение перед всеми заключенными и добиться их одобрения. Но собрать митинг я не рискнул, так как боялся, что мои противники могут его сорвать. Однако на все есть свой метод. Я сказал Василию Дерпакову, чтобы он с кем-то из молодых ребят вынес из помещения клуба стол и переносную трибуну и поставил все это на деревянном возвышении перед дверью библиотеки. Стол

накрыть скатертью, поставить стакан с водой. Свой план я открыл только Владимиру Недоросткову.

После завершения сооружения этой импровизированной трибуны я закрылся в помещении клуба и через окошко следил за поведением заключенных. Люди быстро собрались, словно их тянуло сюда сила магнитом. Все понимали, что должно произойти что-то важное: кто-то будет выступать! Неизвестно только кто: может и сам Кузнецов?

В то время в нашей зоне числилось 5221 заключенный. И, наверное, не было такого, который бы не пришел сюда, чтобы самому услышать, о чем здесь будет идти речь.

Когда все собрались, я вышел с клуба вместе с Недоростковым, который ожидал меня, поднялся на возвышение. Недоростков открыл митинг и предоставил мне слово.

— Дорогие друзья! — начал я. — Все, что происходит в Норильске, это не отдельный изолированный случай, а частица великой борьбы всего советского народа за свое достоинство и человеческие права…

Люди словно бы замерли. Они стояли молча и напряженно, словно превратились в камень. Выступать было очень легко. Видно было, что все внимательно слушают. Эта мертвая тишина и напряжение были вызваны двумя причинами: во-первых, каждый хотел услышать что-то новое и, во-вторых, каждый побаивался, что конвой не выдержит такого скопления людей и откроет по толпе огонь.

И надо было так случиться, что во время наивысшего напряжения кто-то из заключенных, которые стояли вблизи меня, неожиданно и почти шепотом предупредил:

— Прячьтесь, стреляют!

Случилось непоправимое: в одну секунду все заключенные упали ничком на землю. Паника передалась даже солдатам, которые стояли кучками за колючей оградой, и они бросились в рассыпную.

Да я и сам растерялся и не знал, как поступить: прятаться или как-то выправить положение?

У меня были большие надежды в отношении митинга, я почему-то был уверен, что он поможет нашему единению, что именно на митинге мы преодолеем все наши разногласия. Поэтому я так осторожно организовывал это митинг, чтобы его никто не смог сорвать. А теперь? Все пропало!

Чтобы как-то выправить создавшееся положение, я спрыгнул с деревянного настила и попробовал поднять на ноги одного-двух заключенных, чтобы другие, увидев их, и сами поднялись. Но мне это не удалось — люди, словно примерзли к земле. Я возвратился на свое место и стал ожидать, что из этого всего выйдет.

Наконец некоторые заключенные, которые были в последних рядах, начали друг за другом вставать и удирать в бараки. Но другие, которые также успели встать, начали их удерживать:

— Трусы, вы куда? Возвращайтесь назад!

Все успокоились довольно быстро, и напряженное внимание возобновилось снова. Я продолжил свое выступление и благополучно завершил его.

Когда я окончил читать обращение, заключенные с воодушевлением закричали «ура» и начали подбрасывать шапки вверх. Всех охватило радостное настроение, словно мы уже достигли своей цели.

Когда я спускался ступеньками с возвышения, подошел связной и передал какое-то письменное донесение. Я читаю его и краем глаза вижу, что человек лет 50 , на вид азиат, пристально смотрит на меня и потихоньку пробирается в мою сторону. Когда я положил записку в карман, человек снял с седой головы шапку, подал мне руку и сказал:

— Ну, дорогой брат, позволь поблагодарить тебя за все, что ты для нас сделал! — и, крепко пожав мне руку, добавил: — я — китаец!

— Я — украинец! — также крепко сжав его руку, ответил я.

Примеру этого китайца последовали многие другие заключенные:

— Я — эстонец!

— Я — поляк!

— Я — немец!

— Я — белорус!..

Мои близкие знакомые и друзья приветствовали меня молча. Последним подошел ко мне Иван Кляченко-Божко. Он также пожал мне руку и сказал:

— Поздравляю тебя! И хочу сказать, что этот строй я знаю с момента его рождения, а поэтому должен смело утверждать, что с момента его установления такого свободного митинга в России не было. Поздравляю!

Наша вражда закончилась. Однако этот митинг имел и некоторые отрицательные последствия: некоторые из моих знакомых начали бояться меня, другие — старались не попадаться мне на глаза, чтобы избежать возможных последствий. Один мой земляк, Степан, вызвал меня поговорить по секрету. Мне кажется, я до сих пор помню каждое его слово.

— Что ты делаешь? — сокрушенно спросил он. — Ты знаешь, что тебя за все это расстреляют?

— Знаю.

— Так почему же ты себя не бережешь? Ты что, не знаешь, сколько нас уже уничтожено? Ни одна нация не постраждала так, как мы. Пусть теперь другие иногда пожертвуют собой.

— Я никого жертвовать собой не заставляю, — отвечаю я. — А сам собой я имею право жертвовать. К тому же, что значит моя жизнь на фоне тех жертв, которые мы понесли? Если ты увидишь, что я ошибаюсь, — скажи, и я тебя послушаю.

— Нет, ничего плохого в твоих поступках я не вижу, все даже очень здорово, но я боюсь за тебя.

— Теперь мне нечего бояться. Для того, чтобы меня расстрелять им хватит и того, что за мной числится на Горстрое, а сейчас я ничего не боюсь, разве

что бездеятельности. Чем больше я их достану, тем легче будет умирать.

В другой раз похожий разговор сложился у меня с двумя латышами:

— Мы видим, что с вами часто встречается один наш светловолосый молодой парень. Мы очень просим вас, чтобы вы не подпускали его близко к себе, гоните его прочь! Вы не знаете, что это за парень! Он — наша национальная гордость и надежда! Мы не можем позволить ему так рисковать собой, а за то, что он часто встречается с вами, его могут расстрелять.

Я разъяснил им, что их молодой земляк дает мне много полезных советов, что он очень помогает мне, и что я не имею никаких оснований отворачиваться от него. Вместе с тем, я успокоил их обещанием, что в дальнейшем буду избегать его.

На следующий день, как мне кажется, это было 29 июня, ко мне прибежал связной от пикетчиков у проходной и сказал, что в зону вошло начальство и идет прямо на людей. Пикетчики не знают, что делать.

— Стоять стеной и не пускать! — наказал я, и сам направился туда. Неожиданно раздались выстрелы. Я побежал. По дороге к проходной встречаю заключенного с окровавленным лицом. Он бежит и кричит: «Братья, не бойтесь, они стреляют холостыми! Стрельба, впрочем, быстро прекратилась. Паники не было: все стояли на местах.

Этот инцидент возник так: когда Кузнецов со своей свитой начал приближаться к заключенным, пикетчики попытались остановить его криками «Стой!». Но он не обратил на предупреждения никакого внимания и подошел еще ближе. Тогда один из пикетчиков, по фамилии Ткаченко, сгоряча схватил камень и бросил им в голову полковника Михайлова. Михайлов схватился за голову и тоже сгоряча скомандовал «Конвой, огонь!». Солдаты открыли огонь и ранили двадцать человек. Убитых не было.

Кузнецов отступил со своей свитой к проходной, откуда молча смотрел на нас. Мы, в свою очередь, также молча смотрели на него. Наступила мертвая тишина. Наконец генерал Сиротин не выдержал тишины и, сложив рупором ладони, закричал:

— Советская молодежь! Бросайте все и переходите к нам!

Толпа заключенных взорвалась смехом; посыпались реплики — удачные и не очень. Когда все утихомирились, я обратился к Сироткину:

— А почему вы издали разговариваете с молодежью? Подходите сюда, и поговорим вблизи. Кто знает, может, советской молодежи, действительно, надоело быть здесь, и она пожелает уйти с вами?

— Так я подойду? — дрожащим голосом ответил Сироткин, — Вон полковнику голову разбили, а меня и убить могут.

Снова вспыхнул смех.

Комиссия вышла из зоны, мы разошлись. Я пошел к хирургу Омельчуку, чтобы узнать о состоянии тяжело раненых. Один из них уже лежал на операционном столе. Хирург готовился к операции.

Выходя с больницы, я встретился с молодым немцем, которого сопровождали двое заключенных лет пятидесяти, также немцы. Так как они не знали хорошо русского языка, а я — немецкого, то мы разговаривали на русско-немецком суржике. Вот почти дословная передача нашего разговора:

— О, как хорошо, что я вас встретил! — говорит молодой немец.

— Чем могу вам служить?

— Я слышал, что здесь есть тяжело раненые, это правда?

— Да.

— Я хочу дать им свою кровь. Не отказывайте мне. Я молодой, здоровый, а ничем больше помочь вам не могу. Поэтому я очень прошу, примите мою кровь, чтобы я хотя бы в такой форме был причастен к вашей борьбе.

— В таком случае идите к врачу, — посоветовал я ему.

Немец явно обрадовался и исчез в темном коридоре больницы. Больше я его не видел, даже фамилии не знаю.

Люди словно заново на свет родились, воспрянули духом. Примеры самопожертвования были на каждом шагу. Одни были заметны, другие остались незамеченными. Но характерной особенностью почти всех было высокое чувство долга и личной ответственности. Каждый думал, что именно на его плечах лежит вся тяжесть борьбы. И это была чистая правда. Без такого глубокого понимания дела каждым заключенным мы не продержались бы и дня.

Здесь хотелось бы привести один характерный пример самопожертвования, который имел место в 3-м лаготделении.

У одному заключенного, бывшего капитана румынской армии, срок заключения кончился именно в разгар нашей борьбы. Его вызвали для оформления документов. Но, подойдя к проходной, он заявил:

Так как мой срок заключения закончился, я не принимаю участия в этой борьбе. Но до ее окончания я не могу выйти из зоны, так как не хочу нарушить установленного моими друзьями принципа неповиновения и не хочу вызывать зависть у тех, кто остается за колючей проволокой... (За свое благородство румынский офицер заплатил жизнью...).

Были также случаи возвращения блудных сынов.

В нашей зоне отбывал наказание заключенный Попов, который занимал пост начальника стройконторы. Он очень грубо вел себя с заключенными, и поэтому все они ненавидели его. Так же ненавидели и его «шестерку», нашего земляка Павлюка, который служил Попову верой и правдой, как знаменитый Санчо Панса отважному Дон Кихоту.

Мы встречали смену заключенных, задержавшихся на Горстрое. Увидев Попова и Павлюка,

которые стояли перед проходной впереди колоны, некоторые заключенные закричали:

— Попов, не вздумай заходить в зону — убьем! Оставайся там со своим любимым начальством!

Попов с удовольствием отступил в сторону.

— А ты, Павлюк, чего стоишь? А ну марш со своим паном и дальше ему прислуживай!

Павлюк презрительно посмотрев на Попова и, махнув рукой, решительно направился в сторону проходной.

— Павлюк, вернись! Павлюк! Убьем! Вернись!

Павлюк не останавливается. Когда он уже перешел линию ворот, заключенные расступились перед ним, чтобы дать возможность ему подальше отойти от вахты. Я пошел за ним вслед, чтобы не допустить самосуда.

— Ты, падла, зачем сюда пришел? Где твое место? — накинулись на него разгневанные заключенные.

— Мое место здесь, с вами, — убежденно ответил Павлюк и сел на землю. — Если не принимаете меня живого, то убейте меня на этом самом месте, пусть и мертвый, но я буду с вами!..

После инцидента 29 июня наступило полное затишье. Кузнецов куда то уехал и больше не появлялся. 30 июня отметили, что в зоне не видно ни одного офицера. Что это могло бы означать? Наверное, проводят какое то совещание… Это затишье еще больше насторожило нас.

А утром, 1 июля 1953 года, по заключенным 5-го лаготделения был открыт пулеметный и автоматный огонь. В результате — 27 человек убитых и неизвестно сколько раненых. С нами начали разговаривать языком пулеметов!

(Все-таки был прав мой добрый знакомый Иван Кляченко-Божко!).

С крыш наших бараков мы могли видеть только крыши бараков 5-го лаготделения. Все, что происходило ниже, было закрыто для нас. Мы слышали

только пулеметную стрельбу и гневно-безысходные крики мужчин и женщин.

5-е мужское и 6-е женское лаготделения были расположены рядом. Когда начали расстреливать узников 5-го лаготделения, женщины подошли к вплотную к проволоке запретной зоны и, умоляюще вытянув руки (у многих на руках младенцы), кричали:

— Не стреляйте в них, стреляйте в нас!

Наконец все стихло… Флагов на бараках не стало.

— Снова пролилась кровь наших братьев, — обратился я к заключенным нашей зоны. — Давайте отметим это событие на нашем флаге!

Через полчаса на высокой трубе нашей пекарни уже развевался огромный черный флаг с красной полосой посредине.

Появился и гимн заключенных Норильска на русском языке, который оканчивался такими словами:

И черный флаг с кровавой полосой
Укажет путь нам в праведной борьбе!
(Слова Грыгора Климовича)

2-го июля ко мне подошел «молодой белявый» латыш и сказал, что на солдатских казармах установлены два громкоговорителя и направлены на нашу зону.

— Это очень еще более опасная затея, — пояснил он. — Пулеметами они только теснее сплотят нас, а вот словами могут нас разложить. Но я уже придумал, как этому помешать: электроэнергия к ним поступает с нашего трансформатора. Нужно только выключить энергию.

Я нашел электрика. Тот начал упрашивать меня не вмешивать его в это дело, так как ему осталось всего шесть месяцев до окончания срока и поэтому он боится. Однако он охотно отдал мне ключи от трансформаторной будки, а я заверил его, что когда меня спросят про это, то я скажу, что забрал их силой.

Люди начали спонтанно собираться у громкоговорителей, как и перед этим к моей импровизированной трибуне.

Появился Кузнецов. Началось радиовещание.

— Внимание! Внимание! — раздался его властный голос, — слушайте важное сообщение администрации Горлага! Повторяю!..

На слове «повторяю» я резко вырубил рубильник и отключил электроэнергию. Передача прервалась, и заключенные стали насмехаться:

— Ну, давай, давай, повтори! Чего остановился?

Подождав еще немного и убедившись, что передача не возобновляется, люди потихоньку разошлись.

А еще через два часа наблюдатели сообщили, что солдаты прокладывают через тундру кабель.

Я вошел в будку и включил электроэнергию. Когда там увидели, что питание возобновилось, то, наверное, подумали, — на что я и рассчитывал, — что из любопытства послушать, что нам будут говорить, мы решили не мешать им больше.

Солдаты прекратили прокладку кабеля. Радист сделал настройку, и радиовещание возобновилось.

— Внимание! Внимание!.. Повторяю…

Далее все та же картина. Заключенные залились безудержным смехом. Но бедному радисту, наверно, было не до смеха. Откуда он мог знать, что все время я сидел в трансформаторной будке и поле каждого «повторяю» резко выключал фидер и, что бы сбить их с толку, немедленно включал его.

Только после пятой попытки наладить радиовещание Кузнецов понял, что его обвели вокруг пальца, сел в машину и уехал.

Солдаты возобновили прокладку кабеля и на этот раз проложили его до конца.

Утром третьего июля Кузнецов снова приехал. Началось радиовещание:

— Внимание! Внимание! Слушайте список лиц, подлежащих отправке этапом.

Прочитав весь список (тысяча имен), Кузнецов — мы узнали его голос — добавил:

— Всем назначенным на этап немедленно явиться со личными вещами к воротам проходной!

Не пошел никто. Тогда Кузнецов начал выступать против меня и призывать заключенных не бояться и не слушаться меня.

Потом был зачитан список семисот инвалидов, которых должны были, как будто вывезти на материк.

Инвалиды зашебуршились и начались собираться. На мое предупреждение, что это возможно провокация и что в это время ни одного этапа не может быть, инвалиды возражали, что администрация хочет вывезти их, а я не пускаю.

Я больше не мешал им, и они быстро собрались и направились к проходной. Открылись ворота; в зону со списком вошел инспектор спецчасти. Я подошел к нему, чтобы договориться о порядке выхода из зоны инвалидов. В это время ко мне подбежали связной с сообщением о том, что с тыльной стороны солдаты прорубили колючую проволоку и сделали в запретке широкий проход.

— А это что такое? — спрашиваю инспектора. — Вы что, придумали этот этап для того, чтобы именно в то время, когда мы будем заняты проводами инвалидов, ударить нам с тыла?

— Ну что там они делают? Я в таких условиях работать не могу! — оскорбился инспектор и вышел из зоны.

— А теперь вы поняли, на какой материк вас собирались вывезти? — обратился я к инвалидам. — Мы поставили условия перед Москвой, чтобы вас вывезти отсюда, и дальше мы будем на этом настаивать. Но вы должны понять, что в это сложное время вы никуда не поедете. Если не хотите вести борьбу с нами, то идите в бараки, ложитесь спокойно на нары, не создавайте нам лишних хлопот!

Явно недовольные инвалиды разошлись. Ворота уже не закрывались; проход в запретной зоне также остался открытым. Наша оборона стала уязвимой с двух сторон.

Тем временем Кузнецов еще настойчивее стал нападать на меня и моих друзей.

— Мы знаем, — раз за разом повторял он, — что честные люди не виноваты в сложившейся ситуации, что их заманивает и запугивает небольшая кучка авантюристов, таких как: Евгений Грицяк, Иван Кляченко-Божко, Иван Гальчинский, Владимир Недоростков и Иван Стригин. Заключенные 4-го лаготделения, не бойтесь их и слушайте! Ломайте окна, двери и переходите к нам через проходную или через проходы в запретной зоне. Мы с радостью встретим вас!

— Слышишь, какую туфту они на тебя гонят? — обратился ко мне мой добрый знакомый грузин по фамилии Чубук.

— Слышу.

— И что ты думаешь делать дальше?

— То же, что и раньше.

— А я думаю, что тебе лучше было бы пойти на проходную и заявить: «Вы убеждаете, что это все я натворил. Вот он я перед вами, забирайте меня и тогда увидите, что в зоне ничего не изменится...» Таким способом ты можешь облегчить свою участь.

— Нет! Этого я сделаю никогда!

Кузнецов не прекращал повторять свою гипнотизирующую формулу:

— Ломайте двери, окна, переходите к нам!

Усиленный двумя громкоговорителями голос Кузнецова падал на головы заключенных, словно тяжелые удары молота. Казалось, что от каждого удара заключенные корчились и пригибались к земле, чтобы стать меньше и незаметнее.

Вдруг — крик и свист возле ворот проходной. Что случилось?

Какой то заключенный откликнулся на призыв Кузнецова и удрал в проходную. Через некоторое время возник шум возле проходов в запретке: снова кто-то удрал.

Наконец в запретной зоне прорубили еще три прохода и открыли ворота в хоздвор. Наша оборона стала уязвимой почти со всех сторон. Каждый проход охранялся снаружи усиленным нарядом конвоиров, а изнутри — нами. Мы вынуждены были охранять проходы как от солдат, так и от возможных беглецов.

Солдаты, впрочем, в зону не входили, а беглецов задерживать не удавалось, ибо каждый, кто решился удрать, шел на передний край и, выбрав момент, резко отрывался от остальных заключенных и во весь дух мчался к проходу, где его уже ждали солдаты.

Тут мне доложили, что одного беглеца удалось поймать, и что его бьют в другом бараке. Я побежал туда.

— Стойте!

Все расступились. На полу сидел перепуганный заключенный.

— Что случилось? — спрашиваю его. — Почему ты убегал? Может, увидел, что мы что-то делаем не так?

— Да, нет! — ответил он. — Наоборот, все мне нравится, но, поверьте мне, что я никогда не был в таком подвешенном состоянии неопределенности, и мои нервы могут этого не выдержать.

Я наказал заключенным не трогать его, а ему, чтобы он не боялся, ибо, что будет со всеми, то будет и с ним.

Бывшим «активистам» лагеря мы дали хорошую возможность реабилитироваться. Мы не напоминали им их прошлого и не отталкивали их, если они вставали рядом с нами. Многим из них удалось найти в себе силы и встать на нашу сторону. Но некоторые остались верными прислужниками режима.

Они убегали с ножами в руках, чтобы никто не смог их задержать. Как- то после очередного побега еще двух «активистов» Кузнецов заявил:

— Нам стало известно, что между вами есть много таких, которые хотели бы перейти к нам, но вы боитесь мести со стороны зачинщиков. Не бойтесь этого! Переходите! Мы гарантируем вам, что ни один из этих бандитов уже никогда с вами вместе не будет. Ломайте окна, двери!..

Кузнецов раз за разом призывал ломать окна и двери только для того, чтобы вызвать среди нас разлад. Никто, кто хотел или не хотел убегать, не был заперт в бараке. Наоборот, все бараки были пустыми, нигде ни души. Исключением был первый барак. В этом бараке жили наши инженерно-технические работники, или, как их называли заключенные, «придурки».

Эти люди имели привилегированную работу. Они работали в проектном бюро или бригадирами и мастерами непосредственно на строительстве. Большинство из них боялись потерять свои теплые места, а поэтому не хотели держаться вместе со всеми. Они не убегали, но вылеживались на нарах и спокойно читали книжки.

Но и между ними были такие, которые активно включились в борьбу и рисковали своей жизнью, как и остальные заключенные. Одним из них был эстонский инженер Скейрес. И именно в тот момент, когда наши дела стали плохими, он схватил какую-то палку, влетел в свой барак и стал бить ею каждого, кто попадался ему по руку.

— Ах вы, шкуры продажные! — обзывал их Скейрес. — Сейчас, когда решается наша судьба, когда все люди стали грудью против пулеметов, вы отлеживаетесь и книжечки почитываете? Давай, марш все с барака!

Беглецов было мало. Как-то ко мне подходит один заключенный и говорит, что возле другого бара-

ка собралась кучка поляков, поведение которых вызывает подозрение. Они как будто что-то замышляют.

— У нас с ними хороший контакт, — отвечаю я. — Но сейчас я найду их представителя и все выясню. Я с ним часто встречаюсь. Правда, последнее время он исчез из моего поля зрения, что-то перестал показываться мне на глаза. Но вот и он!

Именно в это время мимо нас проходил польский представитель Юра, которого так звали на русский лад. Он бросил в мою сторону не очень приветливый взгляд и пошел дальше.

— Юра, погоди! Что случилось? Как люди?

— Да так себе, — уклончиво отвечает Юра, — стоят все возле второго барака, а что каждый думает — не знаю. Каждому в душу не заглянешь.

Мы холодно разошлись. Внезапно возле второго барака возник шум, гам, свист, гиканье. Я побежал туда и узнал, что пятьдесят два поляка, которых возглавлял доктор Матошко, быстрым рывком выскочили из зоны и таким образом открыто перешли на сторону наших мучителей.

Очень прискорбно это вспоминать, но, к сожалению, так это и было.

Совсем иначе вели себя японцы и китайцы. Они все время вели себя спокойно, с большим достоинством и выстояли с нами до конца. Теперь мне хотелось бы поклониться низко перед каждым из них!

Все люди были изможденны ожиданием и не могли выдерживать такого высокого нервного напряжения. Ведь после того, как расстреляли заключенных 5-го лаготделения, никто из нас ни на миг не уснул, никто не заходил в бараки; все время были на ногах и ждали, когда и в нас начнут стрелять. Больше мы не могли ни на что надеяться…

Впрочем, побеги из зоны стали все более редкими. Кузнецов понял, что таким методом нас не возьмет, и, сменив тактику, перешел от уговаривания к ультиматуму.

— Всем заключенным собрать свои вещи и приготовиться к выходу из зоны! — прозвучал из громкоговорителя его грозный голос.

После этого громкоговорители замолчали.

Мы поняли, что это было последнее требование Кузнецова, и что больше он с нами разговаривать не будет.

Я подозвал Недоросткова и пошел вместе с ним к проходной, где заявил, что хочу поговорить с Кузнецовым. Вслед за мной, почти наступая мне на пятки, пришло несколько десятков заключенных в телогрейках. Кузнецов подошел к нам и сердито спросил:

— О чем мы с вами будем еще говорить? Вы слышали мое распоряжение — выйти всем из зоны?

— Слышали, — отвечаю я. — Завтра мы соберемся и выйдем.

— Никаких завтра! — Гневно ответил Кузнецов. — Сегодня или никогда!

Тем временем слева от меня протиснулся кокой-то заключенный и с испугом в голосе пролепетал:

— Гражданин начальник! Гражданин начальник! (официальная форма обращения заключенного к любому начальнику). — Разрешите обратиться, разрешите обратиться!..

— Ну, обращайтесь, — презрительно бросил Кузнецов.

Но тот не сказал ни слова больше, только шмыгнул мимо Кузнецова в проходную.

С правой стороны пустился бежать еще один заключенный, а за ним еще один.

Наши возможности были исчерпаны. Поэтому я обратился к заключенным, которые стояли сзади меня, и сказал:

— Почему вы так делаете? Разве нет на все своего порядка? Возвращайтесь в свои бараки, берите свои вещи и тихо и спокойно переходите в распоряжение администрации!

Кузнецов опешил, ведь у него был разработан совсем другой вариант: через два часа тридцать минут нас должны были расстреливать!

Теперь, когда все заключенные разбежались по баракам, я задумался, что мне делать: или сдаться им в руки, или и тоже пойти за вещами, которые, а в этом я был уверен, мне уже не понадобятся?

— Ну, нет, парень, — сказал мысленно я себе, — иди за вещами, ведь ты должен выйти из зоны последним! — И я медленно пошел в направлении своего барака.

Навстречу мне уже шли и шли заключенные со своими узелками. Шли быстро, словно боялись опоздать, и молча. Но тут меня останавливает мой земляк и встревожено спрашивает:

-Что ты наделал?

— А что я мог сделать? Другого выхода нет!

— Выход есть: стоят на смерть!

— Но люди не хотят умирать, удирают.

— Но сколько их там убежало? Ну, пусть полторы сотни, ну, пусть две. А сколько осталось? Пять тысяч! Пусть из этих пяти тысяч еще четыре убежит, но тысяча нас наберется таких, которых не сдвинуть с места, пока все не погибнем! Наберется, — ответил он сам себе, — и мы покажем им, как мы умеем умирать!

— Нет, — ответил я ему, — я никого на смерть не поведу. Вам еще нужно жить. Прощай!

Поравнявшись со своим бараком и увидев, что из него еще выходят люди, я пошел в больницу, чтобы попрощаться со своим добрым приятелем Василием Рыковым. От него я пошел в свой барак, где застал еще двух заключенных, которые укладывали свои вещи. И я забрал свои вещи и пошел вместе с ними к проходной. В зоне стало тихо, пустынно.

Идя к проходной, я увидел надзирателя, который лез вверх по скобам трубы пекарни. Я остановился, чтобы увидеть, как он сбросит наш флаг. Но к моему великому удивлению надзиратель не сбросил его

сверху вниз, а взял под мышку и осторожно спустился с ним на землю.

В проходной я застал небольшую группу заключенных и вместе с ними переступил линию ворот.

Все уже было позади.

Снова этап

6-го сентября нам неожиданно велели готовиться к этапу и начали нас перегруппировывать. Меня перевели в какую-то большую камеру, где было уже много назначенных в этап заключенных. Набрав таким образом 34 человека, нас вывели во двор и проверили по списку. Закончив проверку, офицер объявил:

— Вы будете ехать в третьем вагоне. Старшим вагона назначается заключенный Грицяк.

Обычно старшими в вагонах назначали тех, кто имел минимальные сроки заключения и хотя бы в какой-то степени пользовался доверием администрации. Обязанности старшего по вагону унижали заключенного в общем мнении, хотя практически никакой роли в охране этапируемых заключенных он не играл.

У меня был максимальный срок наказания 25 лет. К тому же своим поведением в лагере я никак не заслуживал ни малейшего доверия администрации. И все-таки вопреки здравому смыслу и установленному порядку меня назначили старшим.

Наверное, они хотят меня унизить в глазах других заключенных и вызвать у них какое-то подозрение ко мне, — подумал я про себя и не придал этому факту особого значения.

На этот этап было приготовлено семь таких групп. Каждую группу сопровождал к вагону отдельный конвой. Перейти из одной группы в другую никто не мог.

Мы разместились уже в своем вагоне, кто где, и начали гадать, куда нас вывозят. Конвоиры тем

временем заполняли людьми другие вагоны. Нам не терпится побыстрей оставить Норильск.

Тут ко мне подходит один пожилой заключенный и говорит:

— Ты, старший, ты считал, сколько нас в вагоне?

— А с чего бы это я должен считать? — нахально отрезал я. — Я в помощники начальника конвоя не записывался. Пусть сами и считают, если им это нужно.

— Но, но! Ты не горячись, — продолжил старик, — а лучше подумай, чем это все может для тебя закончиться. Дело в том, что нас должно было быть тридцать четыре, а имеется тридцать три. Я слышал, что со всеми зачитали Дидуха, а почему же его с нами нет? Куда он мог деваться? Давай, подумаем! Все мы хорошо знаем, что он не убежал и никуда сам не мог отлучиться. Его могли отвести куда-то в другой вагон. А когда в тундре поезд остановится и конвой сделает проверку, то окажется, что у нас одного не хватает, а ты, старший вагона, об этом не доложил. Тебя тогда вытащат из вагона и расстреляют, либо так тебе всыплют, что ты даже до Дудинки живым не доедешь.

Так вон оно что! Норильск таки не хочет выпустить меня живым, а я наивно думал, что он только унизить меня хочет!

Я встал и пересчитал всех. Одного и вправду нет. Обращаюсь к конвоирам, чтобы позвали начальника конвоя. Начальник не идет. Я еще раз вызываю его — не идет. Только на четвертый раз он пришел и сердито спросил:

— Что случилось?

— У нас нет одного человека. Проверьте!

— Хорошо, — равнодушно бросил он и пошел прочь.

Я снова настойчиво зову его и требую сделать проверку. Дидуха вправду нет. Начальник в сердцах хлопнул дверью и вскоре привел к нам Дидуха, которого он же сам отделил от нас и затолкал было в другой вагон.

Опасность обошла меня.

В Дудинке мы просидели в вагонах еще полтора суток, снова размышляя о том, что нас ждет. Если нас запхнут в какую-то ветхую баржонку, наши шансы на жизнь будут мизерными.

8 сентября 1953 года, ровно через год с того времени, когда мы приехали сюда, нас разместили в трюмах пассажирского парохода «Мария Ульянова»

С сердца свалился тяжкий камень. Нас не перестреляли в Норильске, не потопят и Енисее. Мы будем жить!

Нас уже ждала Владимирская тюрьма...

Вместо послесловия

В 1978 году, то есть в 25-ю годовщину Норильского восстания, мой хороший знакомый, давний (тогда еще нелегальный) священник о. Зиновий Карась побудил меня написать воспоминания о том восстании. Я кратко описал течение тех событий под названием «Краткая запись воспоминаний» (для самого себя). Вскоре мне удалось передать рукопись на Запад, в чем мне очень помог широко известный деятель искусства и украинский политзаключенный Панас Залываха.

И вот в 1980 году мои воспоминания вышли из печати в издательстве «Смолоскып (Факел)» США.

Иваново-Франковские чекисты отреагировали на появление этой книги немедленно и весьма нервозно.

От меня потребовали:

1. Назвать канал передачи рукописи на Запад.

2. Отречься от своей работы и запретить ее распространение.

3. Сдать в КГБ копию рукописи.

Само собой разумеется, требования КГБ не были удовлетворены. Тогда мне пригрозили новым арестом и дали понять, что этот арест будет для меня уже последним.

В ответ на эту угрозу я написал открытое письмо Брежневу, которое также было опубликовано на Западе. Копию этого письма прилагаю к этому изданию.

И в этот раз те давние заключенные, что имели возможность прочесть мои воспоминания, были недовольны тем, что я привел там очень мало имен активных участников восстания. Это, должен признать, очень существенное замечание. Однако к тому времени я не мог поступить иначе, так как не хотел, чтобы на этих людей было обращено лишнее внимание со стороны КГБ.

Как это обычно делалось, поясню таким примером: после повторного ареста в январе 1959 года меня содержали несколько дней в Карагандинском изоляторе КГБ. Допрашивал меня «специалист по делам бандеровцев» капитан Шишигин, который среди прочего спросил:

— Вы в своем 4-м лаготделении были руководителем всего процесса. Так не могли бы вы нам сказать, кто там у вас подделывал ключи к тюремным дверям, чтобы с ними напасть на тюрьму и освободить из нее всех тех, кого там содержали?

— Меня удивляет, — отвечаю ему, — почему этот вопрос до сих пор Вас интересует? Во-первых, та тюрьма и даже та зона уже давно не существует. Если бы у кого-то и сохранились бы такие ключи, что с того? А во-вторых, если бы та тюрьма еще до сих пор существовала, а вы узнали о подготовке нападения на нее, то вы немедленно заменили замки, усилили охрану и никакого нападения на тюрьму не получилось бв. Я не понимаю, почему Вы до сих пор интересуетесь теми ключами?

— Мы интересуемся не ключами, — отвечает Шишигин, — а людьми! Нас интересует, кто на что способен!

Вот почему, дорогие друзья мои, я не мог объявить на страницах моих воспоминаний, кто из вас на что способен.

На сей день в памяти как моей, так и моих близких друзей сохранились такие имена:

Украинцев: **Евген Горешко, Василь Николишин, Михайло Марушко, Кость Король, Степан Семенюк, Мелетий Семенюк, Роман Загоруйко, Данило Шумук, Мирослав Мелень, Игорь Петращук, Василь Друпак, Степан Венгрин, Степан Киндрацкий, Иван Гальчинский, Иван Кляченко-Божко, Павло-Кушта, Богдан Самотий, Степан Пополчак, Мыкола Малиновский, Тарас Супрунюк, Васыль Корбут, Мария Ныч, Мария Чорна, Стефания Коваль, Ганна Мазепа, Леся Зелинская, Лина Петращук, Уляна Стасюк.**

Русских: **Владимир Недоростков, Иван Стрыгин, Федор Смирнов, Петр Дикарев, Владимир Русинов, Павел Фильнев, Владимир Трофимов, Михаил Измайлов, Иван Касилов, Борис Шамаев.**

Белорусов: **Григор Климов, Семен Крот, Александр Шовейко, Виктор Ермолович, Лев Коваленко.**

Литовцев: **Иозас Лукшис, Ионас Леникас, Витас Петрушайтис, Иозас Козлаускас.**

Латышей: **Александр Валюмас, Лидия Дауге.**

Эстонок: **Атра Тофри.**

Евреев: **Семен Бомштейн, Григорий Санников, Ефим Гофман.**

Чеченца: **Ахмед Гуков.**

Австрийца: **Пауль Френкель.**

Без какого-либо преувеличения могу уверенно сказать, что все эти бывшие узники Горного лагеря были инициаторами и руководителями той великой и тяжелой борьбы, что вошла в историю под названием Норильское Восстание.

Хотя Норильское восстание было первым и наибольшим восстанием в системе спецлагерей ГУЛАГа, оно не было единственным в своем роде. В том же 1953 году так же восстали узники Воркуты, в следующем, 1954 году, — заключенные Кенгира.

Все эти восстания имели столь большое политическое и историческое значение, что теперь ими заинтересовались многие исследователи — Алла Макарова из Норильска, Николай Формозов из Москвы и Марта Кравери из Рима.

Прежде всего, перед исследователями этих событий возник такой вопрос: а что там происходило на самом деле? Восстание, забастовка или просто массовое неповиновение? Алла Макарова настаивает на названии «восстание» и аргументирует свою позицию так: «...хотя термин «восстание» также предлагали работники МВД (во время следствия и суда над руководителями комитета возникла идея квалификации их действий как «антисоветского контрреволюционного вооруженного восстание») мы остановимся все же на нем, имея в виду не вооруженное выступление заключенных, а его противоположность — «восстание духа» — как высшее проявление ненасильственного сопротивления бесчеловечной системе ГУЛАГа»

Однако перед исследователями этого движения возникает еще один вопрос: Как это произошло? Была ли это хорошо организованная и заранее спланированная акция, или это был стихийный порыв заключенных в ответ на систематические провокации со стороны администрации лагеря?

Теперь мы уверенно можем сказать, что это была общая и хорошо организованная реакция заключенных на бесчисленные провокации со стороны администрации лагеря.

Здесь следует отметить, что кроме известной всем серии расстрелов, администрация старалась вызвать среди нас массовые беспорядки и иным способом, о чем красноречиво свидетельствует выписка из жалобы заключенного 1-го лаготделения И.С. Касилова, которую цитирует в журнале «Воля» Алла Макарова: «... примерно 9 мая 1953 года з/к Вольяно был посажен в ШИЗО. Находясь в изоляторе, Вольяно каким-то образом узнал о том, что в этом изоляторе находится группа заключенных, завербованных работниками оперативного отдела для производства так называемой «волынки». Эта группа получила инструктаж от работников оперативного отдела и администрации лагеря, как и когда начинать «массовые беспорядки». 22 мая з/к Вольяно был выпущен из ШИЗО, отсидев срок.

Надо заметить, что в это время, т.е. между 20 и 25 мая, из всех штрафных изоляторов и БУРов Горного лагеря были выпущены ранее содержавшиеся в них, чтобы эта озлобленная и завербованная масса смогла начать беспорядки. Так как с Вольяно я был очень хорошо знаком по двухгодичному пребыванию в одной бригаде, то при встрече на руднике «Медвежий ручей» Вольяно сказал мне: «Иван, готовится ужасное дело. Люди, которым все верят (кому это все верят и кто те, кто верят, я еще не знал) завербованы оперотделом, чтобы подвести массу заключенных под расстрел». Я был чрезвычайно поражен этим, так как до этого не подозревал, что в лагере что-то готовится. Услышав об этом, я посоветовал Вольяно, чтобы оповестил всех заключенных... Вольяно страшно перепугался и начал упрашивать меня, чтобы я никому не рассказывал об услышанном, т.к. в противном случае нас немедленно убьют... Уже 26 — 27 мая в жилую зону 1-го лаготделения были занесены 200 ломов и топоров, чтобы устроить настоящую резню. Но благодаря тому, что некоторые лагерники поняли провокацию, резни не произошло. Причем весьма интересно отметить, что вокруг зоны была срочно выставлена

дополнительная охрана (солдаты стояли на расстоянии 10 метров друг от друга), чтобы во время резни заключенные не могли выскочить за зону.

1-го июня в производственной зоне рудники «Медвежий ручей» группой в шесть человек, одетых в бушлаты с номерами, была предпринята попытка взорвать главный трансформатор на ГПП, питающей электроэнергией рудник «Медвежий ручей» и рудник 3/6. Когда же заключенные, заметившие диверсантов, хотели их поймать, эта группа пустилась наутек и была пропущена сквозь колючую проволоку. Часовой, стоявший на вышке, огня не открыл...» (От себя добавлю, что в это же время один из моих знакомых предложил мне приобрести пистолет ТТ).

Все тогдашние события и доступные нам теперешние документы дают основание утверждать, что наиглавнейшим фактором, подвигнувшим нас на решительные действия, были систематические провокации против нас.

После выхода из печати моего первого варианта воспоминаний о Норильском восстании (США, 1980 г.) мне очень часто приходилось беседовать на эту тему в высокими чинами КГБ. Один из них, полковник Павленко, как-то спросил меня:

— Как вам удалось все это организовать?

— Мы ничего не организовали, — ответил я — нас на это спровоцировали.

— Да, подтвердил Павленко, — вас провоцировали, но они не ожидали таких масштабов...

— А какие именно масштабы были им нужны?

Наверное, они ожидали таких масштабов, какие бы дали им возможность, как в свое время сказал подполковник Сарычев, половину из нас перерезать. Но случилось непредвиденное!

Здесь напрашивается еще один вопрос: стреляли ли солдаты в нас по приказу или, может быть, действовали по собственной инициативе, как того требовали обстоятельства и соответствующая инструкция?

На этот вопрос могут пролить свет обстоятельства убийства Эмиля Софронюка.

Вот как это произошло.

25 мая 1953 года из штрафного изолятора 4-го лаготделения конвой этапировал 16 заключенных в 5-е лаготделение. Тогда уже таял снег, в тундре было много воды.

Конвой вел заключенных прямо на яму с водой (потом следствием было установлено, что яма имела размеры 8х12 метров). Заключенные отказались идти в воду и сели перед ямой на землю. От вахты к месту события прибыл конвойный сержант Цыганков. Он спросил у конвоиров, кто здесь зачинщик. Конвоиры указали на Эмиля Сафронюка, который сидел в передней пятерке средним. Сержант Цыганков убил Софронюка прямым выстрелом в голову.

В своем письме от 2 августа 1954 года Цыганков так оправдывал свои действия: «Нас информировали, что заключенные 4-го лаготделения готовят план разоружения нашего батальона. По их плану предполагалось: вечером, в час, когда одна часть батальона будет на службе, вторая выйдет на смену первой, третья будет конвоировать заключенных к месту работы и обратно с работы, сделать «рывок» при выводе на работу вечерней смены и, ворвавшись в воинскую часть, завладеть запасным оружием и боеприпасами... развивать свои действия на захват Норильска и Дудинки в свои руки, после чего связаться с США...

Нас постоянно предупреждали, что готовится к побегу большая группа заключенных. Когда и где произойдет побег, сказать нам не могли. Но нас информировали, что к побегу уже все готово и только ожидают случая. Лучшего момента, чем 25 мая 1953 года, им и не надо было, потому что у нас был хозяйственный день и в подразделениях никого не было, все были в бане. Офицерский состав выехал на автомашинах на обед и если бы заключенные 70-го квартала сделали рывок на воссоединение с теми заключенными, что были за зоной (16 человек), то их никто бы

не остановил, потому что конвой применить оружие не мог, на помощь не было кому придти. Неужели я был обязан ждать этого момента? Хотя бы и не было заключенных в 70 квартале, неужели я должен был ждать, когда заключенные бросятся на конвой?»

А вот как расценивает события тех дней начальник тюремного управления полковник Кузнецов.

Справка

25 мая этого года при этапировании заключенных 1-го лаготделения в 5-е охраной было применено оружие, в результате был убит заключенный Шигайлов и ранен заключенный Дзюбук.

Того же 25 мая при этапировании заключенных 4-го лаготделения в количестве 16 человек в 5-е отделение за неповиновениение охраной было применено оружие, в результате был убит заключенный Сафронюк Эмиль Петрович.

26 мая младший сержант Дятлов, 1931 года рождения, призыва 1951 года, беспартийный, разводящий караул в производственную зону кирпичного завода, без всякого основания открыл автоматную стрельбу по заключенным, находившимся в жилой зоне 5-го лаготделения, в результатае ранил 7 заключенных — Климчука, Медведева, Коржева, Надейко, Уварова, Юркевича и Кузнецова.

Эти факты озлобили заключенных 4-го, 5-го лаготделений в количестве 7000 человек, последние отказались выйти на работу, ведут себя крайне возбужденно, отказались выполнять распоряжения администрации лагеря, выставили категорическое требование о приезде московской комиссии…

27 мая 1953 года.
Начальник тюремного Управления МВД СССР,
полковник М. Кузнецов

Дополнение

Генеральному секретарю ЦК КПСС
Председателю Президиума Верховного Совета СССР
Леониду Ильичу Брежневу,
товарищу по фронту, по перу,
по единому советскому гражданству.

Открытое письмо по поводу нашего равноправия.

Уважаемый товарищ, Леонид Ильич Брежнев!

«Это что за товарищ у меня объявился?» — мимоходом спросите Вы, прочитав мое к Вам обращение. И это совершенно естественно, ведь и я же сам скорее назвал бы себя Вашим антиподом, нежели товарищем: ибо по своей сути себя наше товарищество чисто формальное, а не настоящее.

А началось оно еще тогда, когда Вы возглавляли Политуправление 4-го Украинского фронта, а я в составе 265-й отдельной штрафной роты, того самого фронта, «искупал свою первую вину перед Отечеством».

Как видите, наши жизненные пути уже тогда не сходились, а после войны и службы в армии они разошлись еще больше. Вы пошли по линии служения родине на наивысших и наиответственнейших партийно-государственных постах, а я — по линии дальнейшего «искупления вины перед родиной» в так называемых «исправительно трудовых лагерях». Вас родина отмечала золотыми медалями и высочайшими полномочиями, меня — лагерным номерным знаком и лишением всех прав. Ваш путь широкий и светлый, мой — узкий и сумрачный.

Однако каждому человеку перед окончанием его пути (каким бы он ни был), хочется оглянуться на-

зад, вспомнить главнейшие этапы и, если есть такая возможность, зафиксировать их на бумаге. И мы оба это сделали: Вы написали всемирно известную трилогию воспоминаний, в которой зафиксировали важнейшие этапы Вашего светлого пути, а я сделал мало кому известную «Краткую запись воспоминаний», в которой отметил только один, но, по-моему, важнейший этап моего сумрачного пути.

И хотя мы писали свои воспоминания, исходя из противоположных позиций и на разном уровне, нас все таки объединяет то, что мы оба писали чистую правду об одном и том же, то есть, о советской действительности. Иными словами, мы описали две различные стороны одной и той же медали. И поскольку мы писали в одинаковом жанре, я осмелился назвать Вас товарищем по перу.

Третье, и в юридическом смысле важнейшее, наше товарищество состоит в едином советском гражданстве.

Но тут следует отметить, что я родился не в Советском Союзе и советское гражданство получил вопреки моему желанию. Вот поэтому, да и не только поэтому, я уже дважды подавал официальное заявление в соответствующие органы советской власти с просьбой разрешить мне и моей семье выехать из СССР. Однако получил категорический отказ и остаюсь советским гражданином по настоящее время.

Но, несмотря на все это, мне все же приятно отметить, что все граждане Советского Союза перед законом равны, хотя в то же время горько сознавать, что советская власть не всегда этому закону подчиняется. А там, где есть возможность не подчиниться закону, либо обойти его, там его нет!

Возьмем для примера нас с Вами. Оба мы равноправные граждане Советского союза и как я уже отмечал, оба написали свои воспоминания. Вы описали свой

путь, я — свой. И оба мы писали о том, что видели, сами пережили, и что глубоко запало в нашу память. Вы опубликовали свои воспоминания в Советском Союзе и за рубежом, я — только за рубежом. Но Вас не вызывают, как меня, в КГБ, и не спрашивают, каким путем Вы передали за рубеж Ваши воспоминания, от Вас не требуют отречения от Вашего труда, Вам не грозят судом, на Вас не расставляют провокационные силки. Наоборот, Вас восхваляют и вами восхищаются.

Теперь я хочу спросить Вас, почему получается так, что два одинаковых действия двух равноправных граждан так неодинаково оцениваются? Почему Вы, товарищ Брежнев, подписав заключительный акт Хельсинкских соглашений, в которых, среди прочего, говорится, что граждане всех стран — участниц Соглашений имеют право получать и распространять информацию независимо от государственных границ, сами пользуетесь этим правом, а мне, через органы госбезопасности, угрожаете судом?

Вот пример: как-то ко мне домой в с. Устя пришел работник оперативного отдела Ивано-Франковского УКГБ майор Петренко и говорит: «Ну что, Евгений Степанович, вы, наверное, полагаете, что органы притихли и вам все так сойдет. Нет, ошибаетесь, так вам не пройдет. Мы уже имеем все необходимые доказательства: вашу книжку, что вышла в США, мы уже имеем. Стилистическая экспертиза установила, что стиль ваш. И напрасно вы не хотели отдать нам копию вашей рукописи, побоявшись, что она может быть использована против вас, как вещественное доказательство. Вашу рукопись мы уже имеем, ну а вы имеете машинку, сопоставить не трудно. Вот и все. А может, — продолжает он, — вы рассчитываете, что на Западе поднимут вопли из-за вас и потому мы вас не тронем? И тут вы ошибаетесь. Мы теперь имеем

две головные боли: это Афганистан и Польша, а на такие мелочи, как вы, мы уже не обращаем внимание».

Я никак не отрекался от своих воспоминаний, наоборот, я всегда говорил: «Да, я написал их и сам передал в печать. Они изданы с моего ведома и разрешения».

Поэтому все доказательства, что привел майор Петренко, я считаю совершенно излишними, и они меня нисколько не интересуют. Интересует меня совсем другое: почему меня собираются судить? Ведь вас никто не судит?!

10 октября 1981 года Грицяк Евгений Степанович
с. Устье Снятинского района
Ивано-Франковской области
Украинской ССР.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Аарну	269
Абдуладзе Т.	43
Абраменко Николай	273, 274
Абрухомфов	245
Аграновская Фаня Абрамовна	131
Аграновский Абрам Давидович	114-137
Аксенова Огдо	11
Алексеева М.	193
Алексеенко И.М.	51
Алкацев Дебола	50, 51
Алфименко	245
Амирэджиби Чабуа	261
Анохин Александр	269, 274
Антонов Семен Анатольевич	144
Антонов-Овсиенко В.А.	193
Астахов	146
Ахматова А.	161, 164

Б

Бабушкин А.П.	40
Баев А.	41, 47, 48, 51
Байсис Витаутас	113
Балуева Нина Ивановна	185, 189
Баранов Василий Васильевич	47
Бариев Юрий	9,11
Бах	160
Бедный Демьян	135
Бейнер	96
Белаго-Плетнер Евгения	278
Бенюс	107
Бережанский Михаил	274
Берия	49, 150, 208, 256, 294, 295, 360, 369, 370
Бернардито	289

Боде Барбара	160
Бойко	247
Бомштейн Семен	402
Борисенко Константин	231
Борисов	143, 145, 149
Боярская Маргарита	4-29
Бразженис	76
Брахтман Роман	261, 274
Бредбери Р.	193
Бреде	150
Брежнев Л.И.	408
Бродский Ю.	32, 41, 43, 50
Бружайте Ванда	99
Брюсов В.Я.	278, 279, 295
Бугров	248
Буденый Семен	50, 51
Булгаков М.	161
Бухарин	32, 135, 165
Бухтуев	350, 351
Быков Василь	223
Бястряков Виктор	12, 14

В

Вавилов	373
Валюмас Александр	402
Василевский Василий Павлович	279, 288-290, 296, 299, 308, 309, 316
Вачаева Валентина	54, 55, 172
Венгеров Владимир Иванович	272
Венгрин Степан	379, 402
Веруте	99, 100
Вешняков	370
Виноградский Леонид	7, 169
Винцас Вилькялис	113
Винчинскас Викторас	113
Владимиров	47
Власов	368, 369
Волохов Николай Васильевич	50
Волунгявичюс Антонас	88
Вольмар Николай Филипович	142

Вольяно	404
Воробьв Иван	82, 96
Ворошилов	303
Вышинский	200

Г

Гайдар Аркадий	202
Гайдук Николай	15
Гайжутис Альгирдас	70
Гальчинский Иван	362, 402
Гарри Алексей Николаевич	165
Гарфункель	245
Гегель	53
Гедгаудас Ч.	109
Генк	362
Герцулин А.	40
Гитлер	195, 204, 222, 223
Глаголев О.	225
Гоглидзе	369
Голинскас Альгимантас	140
Головко Семен	227-251
Гольчинскас Раймондас	140
Горбулидзе Борис	370
Горешко Евген	402
Горький	134
Гофман Ефим	402
Граткаускайте Рите	140
Грели Джакомо	289
Григорайте Ядвига	99
Грицяк Евгений	3, 88, 258, 262, 328-411
Гуков Ахмед	402
Гумилев Лев Николаевич	164, 172
Гумилев Николай Степанович	164
Гуревич Л.Я.	193
Гусев Александр	256

Д

Давиденко Виктор	167
Даниленко Ирина	184, 190
Даниэль	160
Дапкус Антанас	140, 150
Дауге Алида	77, 80, 93, 402
Даугшис Петрас	140
Денцель Карл Карлович	261, 271
Дерпак Василий	334, 357
Дехнич Николай	150
Джварднишвили Петр Георгиевич	247
Дзерис	362
Дзюбенко Нина	3, 30-32, 53
Дзюбук	407
Дидух	399
Дикарев Петр Зиновьевич	270, 271, 351, 381, 402
Домбровский Юрий	34
Дроздов	254
Дружинин Александр Николаевич	307
Друпак Василь	402
Дугин А.	358
Дунин Федор	101
Дьяков	74
Дятлов	407

Е

Егармин Иван Федорович	3
Ежов	197
Еремеев	146
Ермолович Виктор	402
Ершова Александра Алексеевна	222
Ефремов	66, 307
Ештохин	124

Ж

Жидс	150
Жиленко	263, 265

З

Забельскене Виолетта	58
Завенягин П.П.	48, 50, 52, 117, 141, 162, 166, 204
Загоруйко Роман	402
Зайдель	245
Зайчик	245
Заонегин Владимир	352
Зверев И.	194, 245, 246, 358
Здовбель Л.	192
Зелинская Леся	77, 80, 89, 92, 402
Зельдович Яков	167
Златкус Бронюс	1116 112
Зодюк Ольга	77, 79, 93, 166, 245
Золотарев	246, 247, 249

И

Иванов А.Д.	192
Иванов В.Д.	308
Измайлов Михаил	402
Иомертс	153, 154
Иоффе	245

К

Кабаков И.Д.	193
Каваляускас Чесловас	86
Каганович	256
Казлаускас Юозас	82
Казюленис Витаутас	112
Каклиныд	150
Калашников	247, 366
Калинин	134
Калюза Герман	274
Калюсский Григорий Соломонович	154
Каминский Г.Н.	193
Камлехин	248
Канарбаев	248, 249

Кант И.	161
Карабанов Алексей Семенович	144, 146, 149, 150
Каралюте Филомена	79, 93, 106
Карась о. Зиновий	400
Каратаева Александра Ивановна	189
Касилов Иван	402, 403
Касперавичус Юргис	88
Касьянов	263, 265
Каулавичюте Генуте	99
Каулер	151, 152
Каюк Валентина	115, 120
Киндрацкий Степан	402
Кипа Павел	231
Киров	223
Кисилев	360, 361
Кисилев А.	79
Клеменов	360
Климов Григор	402
Климов Евгений Арсентьевич	22
Климович Григорий	262, 361, 362, 389
Климчук Петр	258, 407
Клопов	47
Клявченко-Божко Иван	262, 263, 373, 377, 379, 384, 388, 402
Коваленко	245, 358
Коваленко Лев	402
Коваль Стефания	402
Коган Ревекка Борисовна	24
Козерюк Александр Иосифович	158
Козлаускас Иозас	402
Козырев Николай	172, 187, 188
Коляда В.Н.	47
Корбут Васыль	402
Коржев	407
Король Кость	402
Косыгин Алексей Николаевич	165
Котовский	165
Котульский	164
Кочкина Мария	124
Кравери Марта	403
Красовский Виктор Петрович	165
Красюк	76

Крот Семен	402
Кублицкий Г.	194
Кугультинов Д.	193
Кудрявцев Марк Карпович	279
Кузнецов	131, 246, 358-360, 362, 363, 366, 374, 377-382,390-396,407
Кузнецов Александр	229
Кузнецов Анатолий	193, 194
Кузнецов Константин	124
Кузнецов М.	79, 80, 358, 361
Кузнецов М.В.	193
Кузьмин А.В.	52
Кумятите Антуте	91
Курбатов В.Я.	14
Куриленко	36
Кушто Павло	402

Л

Лавинскас	97
Лаврик Александр	193
Лазарев	128
Лазарев Владимир	192, 193, 194, 225
Лаугалис Витаустас	111
Лаукайтите Юрга	140
Леникас Ионас	402
Ленин (Ульянов) Владимир	68, 222, 223, 290
Летинский Александр	150
Липлевский Стас	200
Литарскис Людас	58
Лиходеев Л.	193
Логинов	166, 167
Лой Николай	60
Лузан Сергей	4-29
Лукашевич Ольга Николаевна	163
Лукшис Юозас	109, 402
Луначарский	135

М

Мазепа Ханна	93, 402
Мазуров И.П.	143
Майронис	72, 76
Макарова Алла	115, 126, 359, 403, 404
Максута Иван	129, 130
Маленков	256
Малиенис Антанас	140, 141
Малиновский Мыкола	402
Малышкин И.Г.	47
Мамедов	248, 249
Мамонтов Александр	256
Мамулов	160
Мангольдс Херберт	60
Маркес Г.	161
Маркинцявичус Юст.	71
Марков Борис	115, 116
Маркс	200, 202, 222
Мартинкуте Ирена	77, 93
Марушко Михайло	402
Матвеев В.З.	48, 116
Матулис	150
Махновецкий Иосиф Михайлович	42, 47
Медведев	407
Мелень Мирослав	361, 362, 402
Мельник А.	53
Мельник Дмитрий	343
Меркулов	208
Миколайтис-Путинас Винцас	73
Милованов	345
Минутко Игорь	193
Минц Макс	261
Михник	349
Мишкинис Антонас	69
Молотов	256
Молчанов Иван	145, 147
Моор	164
Морозова В.А.	308
Мурейко Юозас	66
Мыколайчук Петро	364

Н

Нагорнова Елизавета Александровна	189
Надейко	407
Назарьев Михаил Павлович	117
Настуте	75
Натрошвили	52
Недоростков Владимир	261, 264, 361, 374, 379, 382, 396, 402
Нерис	76
Нетто Игорь	254
Нетто Лев	3, 252-276
Никифоров	366
Никишин П.Е.	51
Николишин Василь	402
Никонов Михаил	50, 124
Нич Мария	93, 402
Ногтев А.	53
Нойбауэр Мартин	274
Норильский С.	137
Нурк	150, 274

О

Озеров Александр Семенович	148
Окуджава Б.	161
Оликер Б.	43, 44
Омельченко Николай Иванович	247
Онуте К.	99
Орджоникидзе С.	45

П

Павленко	405
Павлов Д.Г.	56
Павлюк	387, 388
Панюков	117, 166, 231, 354
Парыгина Наталья	193
Пастернак	160
Паукштите Веруте	99

Пеникис	150
Перунова Тамара	66
Перцхалашвили	150
Петращук Игорь	402
Петращук Лина	402
Петренко	410
Петров	124
Петров Тихон	272
Петрушайтис	402
Пикуль В.С.	39, 161
Пинкявичуте Марите	80
Погодин	38
Полстяной	250, 366
Полюшкин	76, 78, 79
Попов	387
Пополчак Степан	402
Потапов М.П.	46
Прохоров Михаил	196
Пушкин	195, 197, 224, 274
Пясецкий Евгений Борисович	24

Р

Разин Стенька	268
Райвичер А.М.	52
Ревин Александр	6
Резников Михаил	261, 269
Рейтер	245
Рейхман Евгений Сигизмундович	165
Решетникова Вера Матвеевна	126
Ринкович	150
Розанов Владимир	193
Розенблюм З.И.	52, 130, 132
Рознатовский Николай Николаевич	130
Ромашкин Василий Феоктистович	51
Роот	274
Роотс	150
Росси Жак	35
Росте Харольд	147
Рубеко М.П.	40, 45, 47, 50, 51
Рубшис Лионас	140

Руденко	242
Русинов Владимир	402
Рыбаков А.	193
Рыков	32

С

Савелова Маргарита Дмитриевна	301, 304, 314, 315
Савкин	128
Сагайдак Д.	47, 52
Самотий Богдан	335, 402
Санд Ж.	161
Санников Григорий	402
Сапсай	245
Сарычев	344, 354, 355, 405
Сафранович Юля	77
Сахаров Андрей	167
Свердлов	209
Свидинскас Ромуальдос	110
Семенихин	248
Семенов	263, 358, 361, 364
Семенов Г.	193
Семенюк Мелетий	402
Семенюк Степан	402
Сенкевич Генрих	312
Сергеенко	337
Сериков Петр Михайлович	261, 273
Сигов	362
Сидабрас Антанас	97
Сидзикаузкас	150
Сидорас Саулюс	66, 71
Сидоров Иван Терентьевич	58, 61,139-155
Сикорский	350
Сименон Ж.	161
Симонов Константин	172
Синявский	160
Сироткин	360, 386
Сироткин А.	79
Скейрес	394
Склерюс Альфонсас	140
Сметонене Дрогис	113

Смирнов	153, 257, 261, 263, 267
Смирнов Владимир	145
Смирнов Сергей Михайлович	130
Смирнов Сергей Сергеевич	166
Смирнов Федор	255, 263, 267, 268, 270, 402
Снегов С.И.	50, 51, 52, 156-181
Софронюк Эмиль	353, 406, 407
Спок Б.	161
Сталин	396 121, 124, 159, 196, 197, 203, 211, 213, 219, 256, 279, 288, 299, 302
Старовойтова А.Е.	51
Старостин	255
Стасюк Ульяна	402
Степанов С.	192
Столярова Н.	193
Стрыгин Иван	402
Субачус Вацловас	88
Суворов Борис	261, 265, 274
Супрунюк Тарас	402

Т

Тамм	150
Тараскин Виктор	274
Тарвидас Августинас	60
Тархов	237, 245, 249
Твардовский Александр Трифонович	166, 172
Тендряков Владимир	126
Терехов	143
Тижанин В.	192
Тимошенко С.К.	56
Толстой Лев Николаевич	190, 197
Тофри Аста	77, 80, 93, 402
Тремэн	160
Третьяков Владимир	115, 120
Трофимов Владимир	402
Троцкий Лев	68
Трус Л.С.	332

Трушиньш Яков 60
Тууль Рудольф 149

У

Уваров 407
Улинаускайте-Мурейкене Иоанна 3, 62-113
Унтанас Альгирдас 113
Урбентис Пятрас 104, 105
Урбетене Даунуте 103, 104
Урванцев 164, 196
Успенский Глеб 192
Утсал Ганс 274

Ф

Федоровский 164, 186
Филипов Юрий 59
Филипчук 350
Фильнев Павел 402
Филяэер Герберт 274
Флеров Георгий 167
Формозов Николай 403
Френкель Н. 37, 53
Френкель Пауль 402

Х

Харитонов Юрий 167
Хаскин 147, 150
Хеменгуэй Э. 193
Хохлов Григорий Захарович 144

Ц

Царев 263
Цзедун Мао 256
Циба 244
Цыганков 406

Ч

Чахвадзе Симон Эрастович	32, 45, 51
Чепонис Йонас	113
Черепанов	247
Черная Мария	93
Чорна Мария	402
Чубук	392
Чупин	146

Ш

Шайбулатова Татьяна	16
Шамаев Борис Алексеевич	240, 242, 244, 402
Шамис И.А.	129, 130
Шапокас А.	109
Шарламов Варлам	65, 172
Шахматов	247, 248, 249
Швидко	128
Шебалков Андрей	121-123
Шевченко	163
Шевченко Т.Г.	375
Шевченко Тарас	231, 358
Шестаков Михаил	236
Шибенков Николай	261, 265
Шивцик Розалия	124
Ширяев	96, 353, 364
Шифрин Абрам	331
Шишигин	401
Шовейко Александр	402
Штейн (Снегов) С.И.	47, 158, 163
Штеренглуз Давид Наумович	142
Штильмарк Александр Александрович	278
Штильмарк Герман	278
Штильмарк Роберт Александрович	276-327
Штильмарк Феликс Робертович	278, 295
Шуленберг	211
Шумук Данило	331, 332, 402

Щ

Щеглов Дмитрий Сергеевич	190
Щеглов Лев Евграфович	213
Щеглов Лев Львович	213
Щеглов Сергей	3, 115, 182-225
Щедровский	40
Щербаков	124
Щирба Василий	336

Э

Энгельс	222

Ю

Юркевич	407

Я

Ян	274
Янсас Эвальдас	140
Яценко (братья) 145	

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 4

Памяти норильских друзей Маргариты Боярской
и Сергея Лузана. 5

Нина Дзюбенко
Соловки – Alma mater ГУЛАГа. 30

Валентина Вачаева
Без лозунгов и деклараций 54

Иоанна Улинаускайте-Мурейкене
Испытания судьбы 62

**Эти трое мужчин и не думали, не гадали, что вопреки
своему желанию станут надолго норильчанами…
Или: за что отправляли в Норильлаг...** 114

Борис Марков
Сошел не на своей остановке... 116

Владимир Третьяков
Мы строили медный 120

Сергей Норильский
Под горой, в бараке №14...
Как писатель и врач А.Д. Аграновский помогал
заключенным выжить 126

Сидоров Иван Терентьевич
Боль озера Лама 138

Снегов Сергей Александрович
Жизнь и судьба 156

Сергей Щеглов-Норильский
С 1942 года все знают журналиста Сергея Щеглова только под фамилией Норильский 182

Головко Семен Григорьевич
Парадоксы истории. Восстание в 1953 году в Горлаге 226

Лев Нетто
О восстании в Норильлаге в 1953 году 252

Роберт Штильмарк
Наследник из Калькутты 276

Евгений Грицяк
Норильское восстание 328

Именной указатель 412

Для заметок

Для заметок

Литературно-художественное издание

О ВРЕМЕНИ, О НОРИЛЬСКЕ, О СЕБЕ...

Редактор-составитель
Г. И. Касабова

Корректор
Г. И. Касабова

Издание частных книжных проектов
с «Первой Образцовой типографией»

Сервис самостоятельного издания
PRIME Publish ждет ваши книги:
творческие проекты, семейные истории,
литературные опыты, стихотворения,
научные сборники, фотоальбомы и многое другое.

Помощь в подготовке, низкие цены и максимальные
возможности печати в крупнейшей типографии страны!

www.primepublish.ru

тел. 8(495)984-97-49
115054, г. Москва, ул. Валовая, д. 28

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
Подписано в печать 08.05.2019 Заказ № _____

142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1